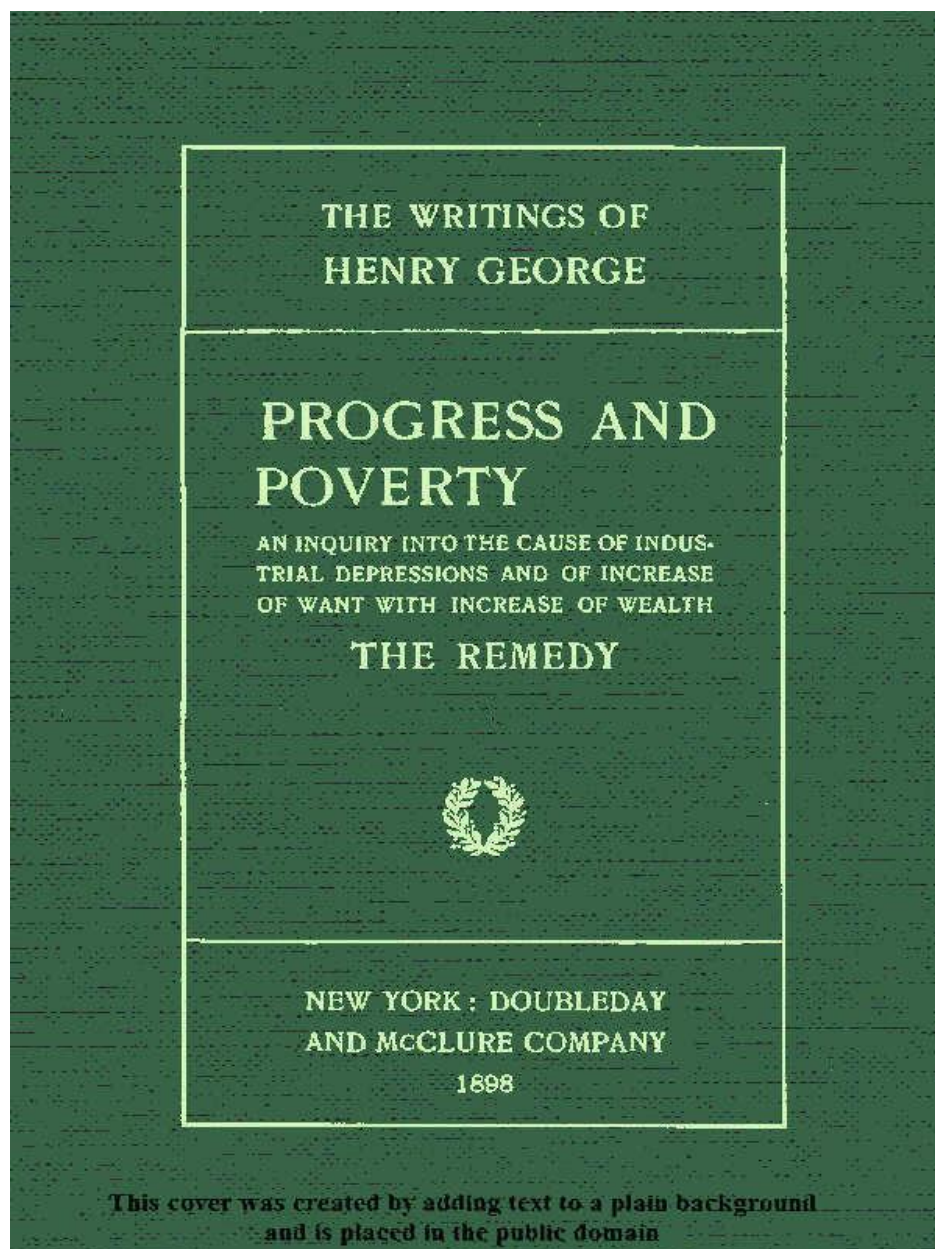

Прогресс и бедность, тома I и II. Исследование причин промышленных депрессий и увеличения нужды с увеличением богатства

Генри Джордж

Электронная книга проекта "Гутенберг" о прогрессе и бедности, Тома I и II

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Прогресс и бедность, Тома I и II

Автор: Генри Джордж

Дата выхода: 8 августа 2017 г. [Электронная книга № 55308]

Последнее обновление: 23 октября 2024 г.

Язык: Английский

Авторы: Карло Траверсо, Лес Галлоуэй и команда онлайн-корректоров

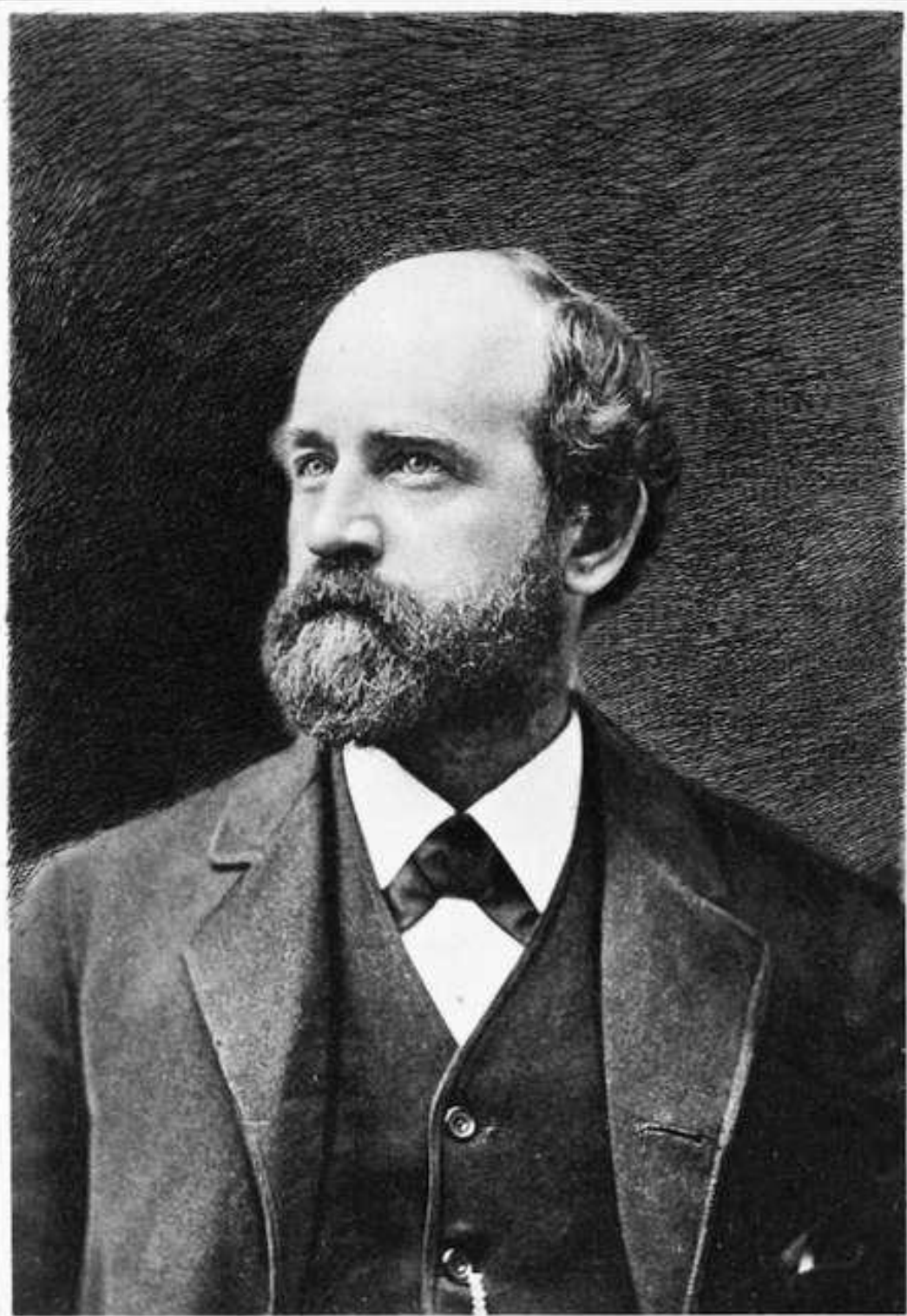
*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ПРОГРЕСС И БЕДНОСТЬ", ТОМА I И II

Это памятное издание сочинений Генри Джорджа выпущено ограниченным тиражом в тысячу пронумерованных экземпляров, из которых этот - № 4

МЕМОРИАЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ ТРУДОВ ГЕНРИ ДЖОРДЖА

Том I.

Составь для себя определение или описание вещи, которая тебе представлена, чтобы отчетливо увидеть, что это за вещь по своей сути, в своей наготе, во всей своей полноте, и назови себе ее собственное имя, а также названия вещей, из которых она составлена и в которые она будет разложена. Ибо ничто так не способствует возвышению ума, как способность методично и верно исследовать каждый объект, который представляется тебе в жизни, и всегда смотреть на вещи так, чтобы видеть в одно и то же время, что это за вселенная, и какое применение все в ней выполняет, и какую ценность все имеет по отношению к целому, и что по отношению к человеку, который является гражданином высочайшего города, из которого все остальные города подобны семьям; что представляет собой каждая вещь, и из чего она состоит, и как долго это может продолжаться.—*Маркус Аврелий Антонин.*

Henry George
when writing "Progress and Poverty."
San Francisco, 1879.

Генри Джордж при написании книги "Прогресс и бедность", Сан-Франциско, 1879 г.

**THE WRITINGS OF
HENRY GEORGE**

**PROGRESS AND
POVERTY**

**AN INQUIRY INTO THE CAUSE OF INDUS-
TRIAL DEPRESSIONS AND OF INCREASE
OF WANT WITH INCREASE OF WEALTH**

THE REMEDY

I

**NEW YORK : DOUBLEDAY
AND MCCLURE COMPANY**

1898

ТРУДЫ ГЕНРИ ДЖОРДЖА

ПРОГРЕСС И БЕДНОСТЬ

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРИЧИН ПРОМЫШЛЕННЫХ ДЕПРЕССИЙ И УВЕЛИЧЕНИЯ НУЖДЫ С
УВЕЛИЧЕНИЕМ БОГАТСТВА

СРЕДСТВО ОТ
Я

НЬЮ-ЙОРК: DOUBLEDAY
И MCCLURE COMPANY
1898

Авторское право, 1891,
Генри Джордж

Издательство "Де Винне Пресс".

ТЕМ, КТО, ВИДЯ ПОРОК И НИЩЕТУ, ПРОИСТЕКАЮЩИЕ ИЗ НЕРАВНОГО РАСПРЕДЕЛЕНИЯ
БОГАТСТВА И ПРИВИЛЕГИЙ, ЧУВСТВУЕТ ВОЗМОЖНОСТЬ БОЛЕЕ ВЫСОКОГО СОЦИАЛЬНОГО
СОСТОЯНИЯ И БУДЕТ СТРЕМИТЬСЯ К ЕГО ДОСТИЖЕНИЮ

Сан-Франциско, март 1879 года.

Должно быть убежище! Мужчины

Погибали от зимних ветров , пока кто - нибудь не ударил в огонь

Из кремневых камней, холодно скрывающих то, что они держали в себе,

Красная искра, бережно хранимая от разгорающегося солнца;

Они пожирали плоть, как волки, пока кто-нибудь не посеял кукурузу,

Который вырос сорняком, но составляет жизнь человека;

Они мычали и лепетали, пока какой-нибудь язык не обрел дар речи,

И терпеливые пальцы вывели буквенный звук.

Какой хороший подарок есть у моих братьев, но он пришел

От поиска, борьбы и любовной жертвы?

Эдвин Арнольд.

Еще никогда

Доля Правды была установлена тщетно

На обширных залежах в мире;

После того, как руки посеют семя,

После рук, от холма и медовухи,

Собирай желтый урожай.

Уиттиер.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ЧЕТВЕРТОМУ ИЗДАНИЮ.

Изложенные здесь взгляды были в основном кратко изложены в брошюре, озаглавленной “Наша земля и земельная политика”, опубликованной в Сан-Франциско в 1871 году. Затем я намеревался, как только смогу, представить их более полно, но такой возможности долгое время не представлялось. Тем временем я еще более твердо убедился в их истинности и увидел более полно и ясно их взаимосвязь; и я также увидел, сколько ложных идей и ошибочных привычек мышления стояло на пути к их признанию, и как необходимо было изучить всю почву под ногами.

Это я здесь постарался сделать настолько тщательно, насколько позволяло пространство. Мне было необходимо расчиститься, прежде чем я смог нарастить, и сразу написать для тех, кто ранее не изучал подобные предметы, и для тех, кто знаком с экономическими рассуждениями; и масштаб аргументации настолько велик, что многие из поднятых вопросов было невозможно рассмотреть с той полнотой, которой они заслуживают. Что я больше всего старался сделать, так это установить общие принципы, доверяя моим читателям развивать свои приложения там, где это необходимо.

В некоторых отношениях эта книга будет лучше всего оценена теми, кто немного знаком с экономической литературой; но для понимания аргументации или вынесения суждения о ее выводах предварительное чтение не требуется. Факты, на которые я опирался, не являются фактами, которые можно проверить только путем поиска в библиотеках. Это общеизвестные факты, которые каждый читатель может проверить сам, точно так же, как он может решить, верны ли рассуждения, основанные на них, или нет.

Начиная с краткого изложения фактов, которые наводят на мысль об этом исследовании, я перехожу к рассмотрению объяснения, данного в настоящее время от имени политической экономии, причины, по которой, несмотря на рост производительной силы, заработная плата стремится к минимуму, необходимому для жизни. Это исследование показывает, что нынешняя

доктрина заработной платы основана на ошибочном представлении; что, по правде говоря, заработная плата производится трудом, за который она оплачивается, и должна, при прочих равных условиях, увеличиваться с увеличением числа работников. Здесь исследование наталкивается на доктрину, которая является основой и центром большинства важных экономических теорий и которая оказала сильное влияние на мышление во всех направлениях, — мальтузианскую доктрину о том, что население имеет тенденцию увеличиваться быстрее, чем средства к существованию. Изучение, однако, показывает, что эта доктрина не имеет реальной поддержки ни на самом деле, ни по аналогии, и что при решающей проверке она полностью опровергается.

На данный момент результаты расследования, хотя и чрезвычайно важны, в основном отрицательны. Они показывают, что современные теории не дают удовлетворительного объяснения связи бедности с материальным прогрессом, но не проливают света на саму проблему, за исключением того, что ее решение следует искать в законах, управляющих распределением богатства. Поэтому становится необходимым провести исследование в этой области. Предварительный обзор показывает, что три закона распределения обязательно должны коррелировать друг с другом, чего, согласно современной политической экономии, они не могут сделать, а изучение используемой терминологии выявляет путаницу мыслей, из-за которой это несоответствие было замалчиваемо. Приступая затем к разработке законов распределения, я сначала рассматриваю закон ренты. Это, как легко видеть, правильно понимается современной политической экономией. Но также видно, что полный охват этого закона не был оценен по достоинству и что он включает в себя в качестве следствий законы заработной платы и процента — причину, которая определяет, какая часть продукта должна достаться землевладельцу, обязательно определяющую, какая часть должна быть оставлена для труда и капитала. Не останавливаясь здесь, я перехожу к независимому выводу законов процента и заработной платы. Я остановился на том, чтобы определить реальную причину и оправдание процента и указать на источник многих неправильных представлений — смешение того, что на самом деле является прибылью монополии, с законным доходом от капитала. Затем, возвращаясь к основному вопросу, исследование показывает, что процент должен расти и падать вместе с заработной платой и зависит в конечном счете от того же, что и рента, — от предела обработки или точки в производстве, где начинается рента. Аналогичное, но независимое исследование закона заработной платы дает аналогичные гармоничные результаты. Таким образом, три закона распределения приводятся к взаимной поддержке и гармонии, и тот факт, что с материальным прогрессом рента повсюду возрастает, как видно, объясняет тот факт, что заработная плата и процент не растут.

Что вызывает это повышение ренты - вот следующий вопрос, который возникает, и он требует изучения влияния материального прогресса на распределение богатства. Разделяя факторы материального прогресса на увеличение населения и усовершенствования в искусстве, сначала становится очевидным, что рост населения постоянно имеет тенденцию, не просто за счет сокращения пределов возделывания, но за счет локализации экономики и держав, которые приходят с увеличением населения, увеличивать долю совокупного продукта, получаемого в виде ренты, и уменьшать ту долю, которая поступает в виде заработной платы и процента. Тогда, исключая увеличение численности населения, видно, что совершенствование методов и производственных сил имеет тенденцию в том же направлении, и, поскольку земля находится в частной собственности, она произвела бы в стационарном населении все эффекты, приписываемые мальтузианской доктриной давлению населения. И затем рассмотрение

последствий непрерывного увеличения стоимости земли, которое, таким образом, проистекает из материального прогресса, обнаруживает в спекулятивном росте, неизбежно возникающем, когда земля становится частной собственностью, производную, но наиболее мощную причину увеличения ренты и снижения заработной платы. Дедукция показывает, что эта причина обязательно должна вызывать периодические промышленные спады, а индукция подтверждает вывод; в то время как из проведенного таким образом анализа видно, что необходимым результатом материального прогресса, поскольку земля является частной собственностью, является, независимо от увеличения населения, принуждение рабочих к заработной плате, которая дает лишь средства к существованию.

Такое определение причины, связывающей бедность с прогрессом, указывает на средство правовой защиты, но это средство настолько радикальное, что я счел необходимым поинтересоваться, существует ли какое-либо другое средство правовой защиты. Начиная расследование снова с другой отправной точки, я рассмотрел меры и тенденции, которые в настоящее время пропагандируются или в которые верят для улучшения положения трудящихся масс. Результатом этого исследования является подтверждение предыдущего, поскольку оно показывает, что ничто, кроме превращения земли в общую собственность, не может надолго уменьшить бедность и сдержать тенденцию роста заработной платы до предела.

Теперь естественным образом возникает вопрос о справедливости, и исследование переходит в область этики. Исследование природы и основы собственности показывает, что существует фундаментальное и непримиримое различие между собственностью на вещи, являющиеся продуктом труда, и собственностью на землю; что у первого есть естественная основа и санкция, в то время как у другого их нет, и что признание исключительной собственности на землю обязательно является отрицанием права собственности на продукты труда. Дальнейшее исследование показывает, что частная собственность на землю всегда вела и всегда должна, по мере развития, приводить к порабощению рабочего класса; что землевладельцы не могут справедливо требовать компенсации, если общество решит восстановить свое право; что частная собственность на землю пока не соответствует естественному восприятию людей, верно как раз обратное, и что в Соединенных Штатах мы уже начинаем ощущать последствия признания этого ошибочного и разрушительного принципа.

Затем исследование переходит в область практической государственной политики. Видно, что частная собственность на землю, вместо того чтобы быть необходимой для ее улучшения и использования, стоит на пути улучшения и использования и влечет за собой огромную трату производительных сил; что признание общего права на землю не влечет за собой потрясений или лишения собственности, но должно быть достигнуто простым и непринужденным методом отмены всех налогов, за исключением налога на стоимость земли. И это исследование принципов налогообложения показывает, что оно является, во всех отношениях, лучшим объектом налогообложения.

Рассмотрение последствий предлагаемых изменений показывает, что они привели бы к огромному увеличению производства; обеспечили бы справедливость в распределении; принесли бы пользу всем классам; и сделали бы возможным продвижение к более высокой и благородной цивилизации.

Теперь расследование выходит на более широкую сферу и возобновляется с другой отправной точки. Ибо не только возникшие надежды вступают в противоречие с широко

распространенной идеей о том, что социальный прогресс возможен только путем медленного совершенствования расы, но и выводы, к которым мы пришли, утверждают определенные законы, которые, если они действительно являются законами природы, должны проявляться во всеобщей истории. Поэтому в качестве окончательной проверки становится необходимым разработать закон человеческого прогресса, поскольку некоторые важные факты, которые привлекают наше внимание, как только мы начинаем рассматривать этот предмет, кажутся совершенно несовместимыми с тем, что сейчас является общепринятой теорией. Это исследование показывает, что различия в цивилизации обусловлены не различиями в личностях, а скорее различиями в социальной организации; что прогресс, всегда разжигаемый ассоциациями, всегда переходит в регресс по мере развития неравенства; и что даже сейчас, в современной цивилизации, начинают проявляться причины, уничтожившие все предыдущие цивилизации, и что простая политическая демократия движется своим курсом к анархии и деспотизму. Но он также отождествляет закон социальной жизни с великим моральным законом справедливости, и, подтверждая предыдущие выводы, показывает, как можно предотвратить регресс и начать более масштабный прогресс. На этом исследование заканчивается. В последней главе будет дано объяснение.

Огромная важность этого исследования будет очевидна. Если она была тщательно и логично исследована, ее выводы полностью меняют характер политической экономии, придают ей связность и определенность истинной науки и приводят ее в полное соответствие с чаяниями человеческих масс, от которых она долгое время была отчуждена. Что я сделал в этой книге, если я правильно решил великую проблему, которую я стремился исследовать, так это объединил истину, постигнутую школами Смита и Рикардо, с истиной, постигнутой школами Прудона и Лассаля; показать, что *невмешательство* (в его полном истинном значении) открывает путь к реализации благородных мечтаний о социализме; отождествить социальный закон с моральным законом и опровергнуть идеи, которые в умах многих затуманивают грандиозные и возвышающие представления.

Эта работа была написана между августом 1877 и мартом 1879 года, а "листы" были закончены к сентябрю того же года. С тех пор были приведены новые иллюстрации правильности выдвинутых здесь взглядов, и ход событий — и особенно то большое движение, которое началось в Великобритании в ирландской земельной агитации, — еще яснее показывает насущный характер проблемы, которую я пытался решить. Но в полученной ими критике не было ничего, что могло бы побудить к изменению этих взглядов — фактически, я еще не видел ни одного возражения, на которое заранее не был бы дан ответ в самой книге. И за исключением того, что были исправлены некоторые словесные ошибки и добавлено предисловие, это издание такое же, как и предыдущие.

Генри Джордж.

Нью-Йорк, *ноябрь* 1880 года.

Содержание.

Вводная.

СТРАНИЦА

задачи

3

Книга I.—Заработная плата и капитал.

Глава	I.—Нынешняя доктрина заработной платы — ее недостаточность	17
	II.—Значение терминов	30
	III.—Заработная плата, получаемая не из капитала, а произведенная трудом	49
	IV.—Содержание работников, не получаемых из капитала	70
	V.—Реальные функции капитала	79

Книга II.—Население и средства к существованию.

Глава	I.—Мальтузианская теория, ее происхождение и обоснование	91
	II.—Выводы из фактов	103
	III.—Выводы по аналогии	129
	IV.—Опровержение мальтузианской теории	140

Книга III.—Законы распределения.

Глава	I.—Исследование сузилось до законов распределения—необходимая взаимосвязь этих законов	153
	II.—Рента и закон ренты	165
	III.—Процент и причина процента	173
	IV.—О поддельном капитале и прибыли, которые часто принимают за процент	189
	V.—Закон процента	195
	VI.—Заработная плата и закон о заработной плате	204
	VII.—Соотношение и координация этих законов	217
	VIII.—Статика проблемы, объясненная таким образом	219

Книга IV.—Эффект материального прогресса в распределении богатства.

Глава	I.—Динамика проблемы, которую еще предстоит исследовать	225
	II.—Влияние увеличения численности населения на распределение богатства	228
	III.—Влияние достижений в искусстве на распределение богатства	242
	IV.—Влияние ожиданий, вызванных материальным прогрессом	253

Книга V.—Проблема решена.

Глава	I.—Основная причина повторяющихся пароксизмов промышленной депрессии	261
-------	--	-----

II.—Сохранение бедности на фоне растущего богатства	280
---	-----

Книга VI. — Средство правовой защиты.

Глава I.—Недостаточность средств правовой защиты, рекомендуемых в настоящее время	297
II.—Истинное средство правовой защиты	326

Книга VII. —Справедливость средства правовой защиты.

Глава I.—Несправедливость частной собственности на землю	331
II.—Порабощение рабочих как конечный результат частной собственности на землю	345
III.—Требование землевладельцев о компенсации	356
IV.—Собственность на землю, исторически рассматриваемая	366
V.—Собственность на землю в Соединенных Штатах	383

Книга VIII. Применение лекарственного средства.

Глава I.—Частная собственность на землю, несовместимая с наилучшим использованием земли	395
II.—Как могут быть заявлены и обеспечены равные права на землю	401
III.—Предложение, проверенное канонами налогообложения	406
IV.—Утверждения и возражения	420

Книга IX.—Последствия средства правовой защиты.

Глава I.—О влиянии на производство богатства	431
II.—О влиянии на распределение и, следовательно, на производство	438
III.—О влиянии на индивидов и классы	445
IV.—Об изменениях, которые произойдут в социальной организации и общественной жизни	452

Книга X. Закон человеческого прогресса.

Глава I.—Современная теория человеческого прогресса — ее недостаточность	473
II.—Различия в цивилизации —с чем связано	487
III.—Закон человеческого прогресса	503
IV.—Как современная цивилизация может прийти в упадок	524
V.—Центральная истина	541

ВСТУПИТЕЛЬНОЕСЛОВО.

В ЧЕМ ПРОБЛЕМА.

Вы строите! вы строите! но вы не входите внутрь,
Подобно племенам, которых пустыня поглотила в их грехе;
Из земли обетованной вы увядаете и умираете,
Прежде чем его зелень блеснет в твоих усталых глазах.
—*Миссис Сигурни.*

ВСТУПИТЕЛЬНОЕСЛОВО.

В ЧЕМ ПРОБЛЕМА.

Нынешнее столетие было отмечено колоссальным ростом власти, производящей богатство. Использование пара и электричества, внедрение усовершенствованных процессов и трудосберегающих машин, более крупное деление и масштаб производства, замечательное упрощение обмена чрезвычайно повысили эффективность труда.

В начале этой чудесной эры было естественно ожидать, и так и ожидалось, что трудосберегающие изобретения облегчат труд и улучшат положение работника; что огромное увеличение способности производить богатство сделает настоящую бедность делом прошлого. Может ли человек из прошлого века—Франклин или Пристли—видел в видении будущего, пароход с парусным судном, на поезде вагона, воспользоваться машиной, косой, обмолот машина цеп; он мог бы услышать биение двигателей, повинуюсь человеческой воле, а ради удовлетворения человеческого желания, приложить силу, большую, чем у всех мужчин и всех выючных животных Земли вместе взятых; он мог увидеть лес, дерево превращается в готового бруса—в двери, створки, жалюзи, ящики или бочки, с трудом прикосновения человеческой руки; большие мастерские, где сапожки и ботинки, оказалось, случай с меньшими затратами труда, чем по-старинке сапожник мог бы положить на подошву; заводы, где, под глазом девушку, хлопок ткань будет быстрее, чем сотни дюжих ткачи мог бы превратить его из своих ручных ткацких станках; он мог увидеть паровые молоты обработка мамонта валы и могучие

якоря, и деликатным, делая машинное оборудование крошечные часы, алмазного сверления в сердце скал, и уголь нефть щадя кита; он понял огромная экономия труда в результате повышения удобства обмена и общения—овец погибли в Австралии употребляют в пищу в свежем и в Англии, и орден дали лондонским банкиром в день казнен в Сан-Франциско утром того же дня; он мог представить себе сто тысяч улучшений, которые эти предположить только, что бы он выведен как социальное положение человечества?

Это не было бы похоже на умозаключение; дальше видения ему показалось бы, что он видит; и его сердце подпрыгнуло бы, а нервы затрепетали бы, как у человека, который с высоты видит прямо перед изнывающим от жажды караваном живой отблеск шелестящих лесов и отблеск смеющихся вод. Ясно, что в поле зрения воображения он увидел бы эти новые силы, поднимающие общество с самых его основ, поднимающие самых бедных над возможностью нужды, освобождающие самых низших от беспокойства о материальных потребностях жизни; он увидел бы этих рабов светильника знания, принимающих на себя традиционное проклятие, эти железные мускулы и стальные жилы, превращающие жизнь самого бедного рабочего в праздник, в котором каждое высокое качество и благородный импульс могут иметь простор для роста.

И из этих щедрых материальных условий, как необходимую последовательность, он увидел бы возникающие моральные условия, реализующие золотой век, о котором всегда мечтало человечество. Юность больше не чахнет и не морила голодом; возраст больше не преследуется алчностью; ребенок играет с тигром; мужчина с граблями для уборки мусора упивается великолепием звезд! Мерзкие твари улетучились, свирепые укротились; раздор превратился в гармонию! Ибо как могла возникнуть жадность там, где всем было вдоволь? Как могли порок, преступление, невежество, жестокость, проистекающие из бедности и страха перед бедностью, существовать там, где бедность исчезла? Кто должен приседать там, где все были свободными; кто угнетает там, где все были равными?

Более или менее расплывчатыми или ясными были надежды, мечты, рожденные усовершенствованиями, которые придают этому замечательному веку его превосходство. Они настолько глубоко проникли в общественное сознание, что радикально изменили течения мысли, переделали верования и вытеснили самые фундаментальные концепции. Навязчивые видения высших возможностей не просто приобрели великолепие и яркость, но и их направление изменилось — вместо того, чтобы скрываться за слабыми отблесками угасающего заката, все великолепие рассвета раньше украшало небеса.

Это правда, что разочарование следовало за разочарованием, и что открытие за открытием, и изобретение за изобретением не уменьшили тяжкий труд тех, кто больше всего нуждается в передышке, и не принесли изобилия бедным. Но было так много вещей, на которые, казалось, можно было списать эту неудачу, что вплоть до нашего времени новая вера почти не ослабла. Мы лучше оценили трудности, которые предстоит преодолеть, но не менее верили в то, что тенденция времени заключалась в их преодолении.

Однако теперь мы сталкиваемся с фактами, в которых не может быть ошибки. Со всех концов цивилизованного мира поступают жалобы на промышленную депрессию; на труд, обреченный на вынужденное безделье; на скопление и растрату капитала; на денежные затруднения среди бизнесменов; на нужду, страдания и беспокойство среди рабочих классов. Вся тупая, омертвляющая боль, вся острая, сводящая с ума тоска, которые для огромных масс людей

связаны со словами “трудные времена”, терзают мир сегодня. Такое положение вещей, характерное для сообществ, столь сильно различающихся по положению, политическим институтам, фискальным и финансовым системам, плотности населения и социальной организации, вряд ли может быть объяснено местными причинами. Есть бедственное положение там, где содержатся большие постоянные армии, но есть также бедственное положение там, где постоянные армии номинальны; есть бедственное положение там, где защитные тарифы глупо и расточительно препятствуют торговле, но есть также бедственное положение там, где торговля почти свободна; есть бедственное положение там, где автократическое правительство все еще преобладает, но есть также бедственное положение там, где политическая власть полностью находится в руках народа; в странах, где бумажные деньги, и в странах, где золото и серебро являются единственной валютой. Очевидно, что за всеми подобными вещами мы должны скрывать общую причину.

То, что существует общая причина и что это либо то, что мы называем материальным прогрессом, либо нечто, тесно связанное с материальным прогрессом, становится чем-то большим, чем просто умозаключение, когда отмечается, что явления, которые мы объединяем и называем промышленной депрессией, являются всего лишь усилением явлений, которые всегда сопровождают материальный прогресс и которые проявляются все яснее и сильнее по мере продвижения материального прогресса. Там, где условия, к которым повсюду стремится материальный прогресс, реализуются наиболее полно, то есть там, где население наиболее густое, богатство наибольшее, а механизмы производства и обмена наиболее развиты, мы обнаруживаем глубочайшую бедность, острейшую борьбу за существование и наибольшее количество вынужденного безделья.

Именно в новые страны, то есть в страны, где материальный прогресс находится еще на ранних стадиях, рабочие эмигрируют в поисках более высокой заработной платы, а капитал перетекает в поисках более высоких процентов. Именно в старых странах, то есть в странах, где материальный прогресс достиг более поздних стадий, среди наибольшего изобилия наблюдается повсеместное разорение. Пойдите в одно из новых сообществ, где англосаксонская энергия только начинает гонку прогресса; где механизм производства и обмена еще груб и неэффективен; где прирост богатства еще недостаточно велик, чтобы позволить какому-либо классу жить в легкости и роскоши; где лучший дом - это всего лишь бревенчатая хижина или лачуга из ткани и бумаги, а самый богатый человек вынужден ежедневно работать — и хотя вы обнаружите отсутствие богатства и всех сопутствующих ему факторов, вы не найдете нищих. Здесь нет роскоши, но и нет нужды. Никто не живет легко и не очень хорошо; но каждый *может* зарабатывать на жизнь, и никто, способный и желающий работать, не угнетен страхом нужды.

Но точно так же, как такое сообщество осознает условия, к которым стремятся все цивилизованные сообщества, и продвигается в масштабах материального прогресса — точно так же, как более тесное заселение и более тесная связь с остальным миром и более широкое использование трудосберегающих машин делают возможной большую экономию в производстве и обмене, и, как следствие, богатство увеличивается не просто в совокупности, но пропорционально численности населения, - так и бедность приобретает более мрачный аспект. Некоторым живется бесконечно лучше и легче, но другим вообще трудно зарабатывать на жизнь. “Бродяга” приходит вместе с локомотивом, а богадельни и тюрьмы являются такими же несомненными признаками “материального прогресса”, как дорогие жилища, богатые склады и

великолепные церкви. На улицах, освещенных газом и патрулируемых полицейскими в форме, нищие поджидают прохожего, а в тени колледжа, библиотеки и музея собираются еще более отвратительные гунны и свирепые вандалы, о которых пророчествовал Маколей.

Этот факт — важный факт, что бедность и все сопутствующие ей явления проявляются в сообществах по мере того, как они развиваются в условия, к которым стремится материальный прогресс, — доказывает, что социальные трудности, существующие везде, где достигнута определенная стадия прогресса, возникают не из местных условий, а так или иначе порождены самим прогрессом.

И, как ни неприятно это признавать, наконец-то становится очевидным, что огромный рост производительной силы, которым ознаменовалось нынешнее столетие и который все еще продолжается с ускоряющимся темпом, не имеет тенденции искоренить бедность или облегчить бремя тех, кто вынужден тяжело трудиться. Это просто расширяет пропасть между Дайвсом и Лазарусом и делает борьбу за существование более напряженной. Прогресс изобретений наделил человечество способностями, о которых столетие назад не могло мечтать самое смелое воображение. Но на фабриках, где трудосберегающее оборудование достигло своего самого замечательного развития, работают маленькие дети; везде, где новые силы используются хоть сколько-нибудь полно, широкие слои населения живут за счет благотворительности или находятся на грани обращения к ней; среди величайшего накопления богатства люди умирают от голода, а тщедушные младенцы сосут сухую грудь; в то время как повсюду жажда наживы, преклонение перед богатством показывает силу страха нужды. Земля обетованная пролетает перед нами, как мираж. Плоды с дерева познания превращаются, когда мы берем их в руки, в содомские яблоки, которые рассыпаются при прикосновении.

Это правда, что богатство значительно возросло и что средний уровень комфорта, досуга и утонченности повысился; но эти достижения не являются общими. В них не участвуют представители низшего класса.^[1] Я не имею в виду, что условия жизни низшего класса нигде и ни в чем не были улучшены; но что нигде нет никаких улучшений, которые можно было бы отнести на счет увеличения производительной силы. Я имею в виду, что тенденция того, что мы называем материальным прогрессом, никоим образом не направлена на улучшение положения низшего класса в том, что касается основных условий здоровой, счастливой человеческой жизни. Более того, это еще больше удручает положение низшего класса. Новые силы, какими бы возвышающими они ни были по своей природе, воздействуют на социальную структуру не снизу, как долгое время надеялись и верили, а воздействуют на нее в точке, промежуточной между верхом и низом. Это как если бы вбивался огромный клин не под обществом, а сквозь общество. Те, кто выше точки разделения, возвышаются, но те, кто ниже, раздавлены.

Этот угнетающий эффект обычно не осознается, поскольку он не очевиден там, где долгое время существовал класс, просто способный жить. Там, где низший класс едва живет, как это было в течение длительного времени во многих частях Европы, для него невозможно опуститься еще ниже, поскольку следующая низшая ступень уже не существует, и никакая тенденция к дальнейшей депрессии не может легко проявиться. Но по мере приспособления новых поселений к условиям старых общин можно ясно видеть, что материальный прогресс не просто не в состоянии уменьшить бедность — он фактически порождает ее. В Соединенных Штатах ясно, что убожество и нищета, а также проистекающие из них пороки и преступления повсюду возрастают по мере того, как деревня разрастается в город, и поступательное развитие

приносит преимущества усовершенствованных методов производства и обмена. Именно в более старых и богатых частях Союза пауперизм и бедствие среди рабочих классов становятся наиболее болезненно очевидными. Если в Сан-Франциско меньше глубокой бедности, чем в Нью-Йорке, не потому ли, что Сан-Франциско все еще отстает от Нью-Йорка во всем, к чему стремятся оба города? Когда Сан-Франциско достигнет того уровня, на котором сейчас находится Нью-Йорк, кто может сомневаться, что на его улицах тоже будут оборванные и босоногие дети?

Эта связь бедности с прогрессом является великой загадкой нашего времени. Это центральный факт, из которого проистекают промышленные, социальные и политические трудности, ставящие мир в тупик, и с которыми напрасно борются государственная мудрость, филантропия и образование. Из-за этого сгущаются тучи, которые нависают над будущим самых прогрессивных и уверенных в себе наций. Это загадка, которую Сфинкс Судьбы ставит перед нашей цивилизацией, и если мы не ответим на нее, то будем уничтожены. До тех пор, пока все увеличивающееся богатство, которое приносит современный прогресс, идет лишь на создание огромных состояний, увеличение роскоши и усиление контраста между Домом Обладания и Домом Нужды, прогресс нереален и не может быть постоянным. Реакция должна наступить. Башня отклоняется от своего фундамента, и каждая новая история лишь приближает окончательную катастрофу. Воспитывать людей, которые должны быть обречены на бедность, - значит лишь делать их беспокойными; основывать на состоянии самого вопиющего социального неравенства политические институты, при которых люди теоретически равны, - значит возводить пирамиду на ее вершине.

Каким бы важным ни был этот вопрос, мучительно требующий внимания со всех сторон, он еще не получил решения, учитывающего все факты и указывающего на какое-либо ясное и простое средство. Об этом свидетельствуют самые разные попытки объяснить преобладающую депрессию. Они демонстрируют не просто расхождение между вульгарными представлениями и научными теориями, но также показывают, что согласие, которое должно существовать между теми, кто признает одни и те же общие теории, распадается в практических вопросах на анархию мнений. Авторитетные экономические источники сообщили нам, что преобладающая депрессия вызвана чрезмерным потреблением; столь же авторитетные источники утверждают, что она вызвана перепроизводством; в то время как известные писатели отдельно указывают в качестве причины военные потери, расширение железных дорог, попытки рабочих сохранить заработную плату, демонетизация серебра, выпуск бумажных денег, увеличение количества трудосберегающих машин, открытие более коротких путей для торговли и т.д.

И хотя профессора таким образом расходятся во мнениях, идеи о том, что существует неизбежный конфликт между капиталом и трудом, что машины - это зло, что конкуренция должна быть ограничена, а проценты упразднены, что богатство может быть создано эмиссией денег, что долг правительства - предоставлять капитал или работу, быстро распространяются среди огромной массы людей, которые остро чувствуют обиду и остро осознают несправедливость. Такие идеи, которые приводят огромные массы людей, хранилища высшей политической власти, под руководство шарлатанов и демагогов, таят в себе опасность; но с ними нельзя успешно бороться до тех пор, пока политическая экономия не даст какой-либо ответ на великий вопрос, который будет соответствовать всем ее учениям и который будет достоин восприятия огромных масс людей.

Дать такой ответ должно быть в компетенции политической экономии. Ибо политическая экономия - это не набор догм. Это объяснение определенного набора фактов. Это наука, которая в последовательности определенных явлений стремится проследить взаимные связи и выявить причину и следствие, точно так же, как физические науки стремятся сделать это в других наборах явлений. Она закладывает свои основы на твердой почве. Предпосылки, из которых он делает свои выводы, — это истины, имеющие высшую санкцию; аксиомы, которые мы все признаем; на которых мы надежно основываем рассуждения и действия повседневной жизни и которые могут быть сведены к метафизическому выражению физического закона, согласно которому движение стремится к линии наименьшего сопротивления, а именно, что люди стремятся удовлетворить свои желания с наименьшими усилиями. Исходя из гарантированной таким образом основы, ее процессы, которые состоят просто в идентификации и разделении, обладают такой же определенностью. В этом смысле это такая же точная наука, как геометрия, которая из сходных истин относительно пространства приходит к своим выводам сходными средствами, и ее выводы, когда они верны, должны быть столь же самоочевидными. И хотя в области политической экономии мы не можем проверять наши теории с помощью искусственно созданных комбинаций или условий, как это может быть сделано в некоторых других науках, все же мы можем применять не менее убедительные тесты, сравнивая общества, в которых существуют различные условия, или воображая разделение, комбинирование, добавление или устранение сил или факторов известного направления.

Я предлагаю на следующих страницах попытаться решить методами политической экономии великую проблему, которую я обрисовал. Я предлагаю найти закон, который связывает бедность с прогрессом и усиливает нужду с ростом богатства; и я верю, что в объяснении этого парадокса мы найдем объяснение тем повторяющимся периодам промышленного и коммерческого паралича, которые, рассматриваемые независимо от их связи с более общими явлениями, кажутся такими необъяснимыми. Должным образом начатое и тщательно проводимое такое расследование должно привести к заключению, которое выдержит все проверки и, как истина, будет соотноситься со всей другой истиной. Ибо в последовательности явлений нет случайности. У каждого следствия есть причина, и каждый факт подразумевает предшествующий факт.

Что политическая экономия в том виде, в каком она преподается в настоящее время, не объясняет сохранение бедности на фоне растущего богатства способом, который согласуется с глубоко укоренившимся восприятием людей; что неоспоримые истины, которым она учит, не связаны между собой и разрозненны; что ей не удалось добиться прогресса в общественном мышлении, которого должна добиться истина, даже если она неприятна; что, напротив, после столетия культивирования, в течение которого она привлекала внимание некоторых из самых тонких и могущественных интеллектов, она должна быть отвергнута государственным деятелем, отвергнутая массами и низведенная, по мнению многих образованных и мыслящих людей, в ранг псевдонауки, в которой ничего не зафиксировано и не может быть зафиксировано, - это, как мне кажется, должно быть связано не с какой-либо неспособностью науки при правильном применении, а с каким-то ложным шагом в ее предпосылках или упущенным фактором в ее оценках. И поскольку такие ошибки обычно скрываются уважением к авторитету, я предлагаю в этом исследовании ничего не принимать на веру, но подвергнуть даже общепринятые теории проверке на первичность принципов, а если они не выдержат проверки, заново исследовать факты в попытке обнаружить их закономерность.

Я предлагаю не задавать вопросов, не уклоняться ни от каких выводов, но следовать истине, куда бы она ни привела. На нас лежит ответственность за соблюдение закона, ибо в самом сердце нашей цивилизации сегодня женщины падают в обморок, а маленькие дети стонут. Но каким может оказаться этот закон, не наше дело. Если выводы, к которым мы приходим, противоречат нашим предрассудкам, давайте не дрогнем; если они бросают вызов институтам, которые долгое время считались мудрыми и естественными, давайте не будем поворачивать назад.

КНИГА I. ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА И КАПИТАЛ.

ГЛАВА I.—ДЕЙСТВУЮЩАЯ ДОКТРИНА —ЕЕ НЕДОСТАТОЧНОСТЬ.

ГЛАВА II.ЗНАЧЕНИЕ ТЕРМИНОВ.

ГЛАВА III. ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА, ИЗВЛЕКАЕМАЯ НЕ ИЗ КАПИТАЛА, А ПРОИЗВОДИМАЯ ТРУДОМ.

ГЛАВА IV. СОДЕРЖАНИЕ РАБОЧИХ, ПРИВЛЕЧЕННЫХ НЕ ИЗ КАПИТАЛА.

ГЛАВА V. РЕАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ КАПИТАЛА.

Тот, кто следует философии, должен быть свободным человеком в душе.

—*Птолемей.*

ГЛАВА I. СУЩЕСТВУЮЩАЯ ДОКТРИНА ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ —ЕЕ НЕДОСТАТОЧНОСТЬ.

Сводя проблему, которую мы намеревались исследовать, к ее наиболее сжатой форме, давайте рассмотрим шаг за шагом объяснение, которое дает ей политическая экономия в том виде, в каком она сейчас признана лучшим авторитетом.

Причина, порождающая бедность среди растущего богатства, - это, очевидно, причина, проявляющаяся в повсеместно признанной тенденции к снижению заработной платы до минимума. Поэтому давайте облекем наш запрос в такую компактную форму:

Почему, несмотря на рост производительной силы, заработная плата стремится к минимуму, который позволяет едва прокормиться?

Ответ современной политической экономии заключается в том, что заработная плата устанавливается соотношением между числом рабочих и суммой капитала, затрачиваемого на использование рабочей силы, и постоянно стремится к минимальной сумме, на которую рабочие согласятся жить и воспроизводиться, потому что увеличение числа рабочих естественным образом имеет тенденцию следовать за любым увеличением капитала и обгонять его. Поскольку увеличение делителя, таким образом, сдерживается только возможностями частного, дивиденд может быть увеличен до бесконечности без большего результата.

В современном мышлении эта доктрина имеет практически бесспорное влияние. Она пользуется поддержкой самых высокопоставленных представителей политической экономии, и, хотя на нее нападали, они в целом скорее формальны, чем реальны.² Это предполагается Баклом в качестве основы его обобщений всеобщей истории. Этому учат во всех или почти во всех крупных английских и американских университетах, и оно изложено в учебниках, цель которых - научить массы правильно рассуждать о практических делах, при этом оно, по-видимому, согласуется с новой философией, которая, за несколько лет почти покорив научный мир, теперь быстро проникает в умы людей.

Таким образом, укоренившись в высших слоях мышления, оно в более грубой форме еще более прочно укоренилось в том, что можно назвать низшим. Что придает ошибочности защиты такую цепкую хватку, несмотря на их очевидную непоследовательность и абсурдность, так это идея о том, что сумма, подлежащая распределению в виде заработной платы, является в каждом сообществе фиксированной, которую конкуренция "иностранной рабочей силы" должна еще больше разделить. Та же идея лежит в основе большинства теорий, направленных на отмену процента и ограничение конкуренции как средств, с помощью которых можно увеличить долю работника в общем богатстве; и она проявляется повсюду среди тех, кто недостаточно вдумчив, чтобы иметь какие-либо теории, как это можно видеть в колонках газет и дебатах законодательных органов.

И все же, какой бы широко распространенной и глубоко укоренившейся она ни была, мне кажется, что эта теория не соответствует очевидным фактам. Ибо, если заработная плата зависит от соотношения между количеством рабочей силы, ищущей работу, и количеством капитала, затраченного на ее использование, относительная редкость или изобилие одного фактора должна означать относительное изобилие или скудость другого. Таким образом, капитал должен быть относительно большим там, где заработная плата высока, и относительно дефицитным там, где заработная плата низкая. Теперь, поскольку капитал, используемый для выплаты заработной платы, должен в значительной степени состоять из капитала, постоянно ищущего инвестиций, текущая норма процента должна быть мерой его относительного изобилия или нехватки. Итак, если верно, что заработная плата зависит от соотношения между количеством рабочей силы, ищущей работу, и капиталом, затраченным на ее использование, то высокая заработная плата, признак относительной нехватки рабочей силы, должна сопровождаться низким процентом, признаком относительного изобилия капитала, и, наоборот, низкая заработная плата должна сопровождаться высоким процентом.

Это не факт, а наоборот. Исключая из процента элемент страхования и рассматривая только собственно процент, или доходность за использование капитала, разве не является общей истиной то, что процент высок там, где и когда высока заработная плата, и низок там, где и когда

заработная плата низка? И заработная плата, и проценты были выше в Соединенных Штатах, чем в Англии, в Тихоокеанских штатах, чем в Атлантических. Разве не общеизвестный факт, что там, где рабочая сила получает более высокую заработную плату, капитал также получает более высокие проценты? Разве это не правда, что везде, где наблюдался общий рост или падение заработной платы, в то же время наблюдался такой же рост или падение процента? В Калифорнии, например, когда заработная плата была выше, чем где-либо еще в мире, были выше и проценты. Заработная плата и проценты в Калифорнии снизились одновременно. Когда обычная заработная плата составляла 5 долларов в день, обычная банковская процентная ставка составляла двадцать четыре процента. *per annum*. Теперь, когда обычная заработная плата составляет 2 доллара или 2,50 доллара в день, обычная банковская ставка составляет от десяти до двенадцати процентов.

Этот общий факт, что заработная плата выше в новых странах, где капитала относительно мало, чем в старых странах, где капитала относительно много, слишком очевиден, чтобы его игнорировать. И хотя это очень слабо затронуто, это замечено толкователями современной политической экономии. То, как это замечено, доказывает то, что я говорю, а именно, что это совершенно несовместимо с общепринятой теорией заработной платы. Ибо, объясняя это, такие авторы, как Милль, Фосетт и Прайс, фактически отказываются от теории заработной платы, на которой они формально настаивают в тех же трактатах. Хотя они заявляют, что заработная плата определяется соотношением между капиталом и рабочими, они объясняют более высокую заработную плату и интересы новых стран большим относительным производством богатства. Ниже я покажу, что это не факт, а то, что, напротив, производство богатства относительно больше в старых и густонаселенных странах, чем в новых и малонаселенных. Но сейчас я просто хочу указать на это несоответствие. Ибо сказать, что более высокая заработная плата в новых странах обусловлена большей пропорциональностью производства, - это, очевидно, сделать определяющим фактором заработной платы соотношение с производством, а не с капиталом.

Хотя эта непоследовательность, по-видимому, не была замечена группой авторов, к которым я обращаюсь, она была замечена одним из наиболее логичных толкователей современной политической экономии. Профессор Кэрнс³ пытается очень оригинальным способом согласовать факт с теорией, предполагая, что в новых странах, где промышленность обычно направлена на производство продуктов питания и того, что в мануфактурах называется сырьем, гораздо большая доля капитала, используемого в производстве, направляется на выплату заработной платы, чем в старых странах, где большая часть должна быть израсходована на оборудование и материалы, и, таким образом, в новой стране, хотя капитала меньше, а проценты выше, сумма, определенная для выплаты заработной платы, действительно больше, а заработная плата также выше. Например, из 100 000 долларов, выделяемых в старой стране на производство, 80 000 долларов, вероятно, были бы израсходованы на здания, оборудование и покупку материалов, оставив только 20 000 долларов на выплату заработной платы; тогда как в новой стране из 30 000 долларов, выделяемых на сельское хозяйство и т.д., потребовалось бы не более 5000 долларов на инструменты и т.д., оставив 25 000 долларов на распределение заработной платы. Таким образом, объясняется, что фонд заработной платы может быть сравнительно большим там, где капитала сравнительно мало, а высокая заработная плата и высокие проценты сопутствуют друг другу.

Я думаю, что в дальнейшем я смогу показать, что это объяснение основано на полном неправильном понимании отношений труда к капиталу — фундаментальной ошибке относительно фонда, из которого берется заработная плата; но в настоящее время необходимо только указать, что связь в колебаниях заработной платы и процента в одних и тех же странах и в одних и тех же отраслях промышленности не может быть объяснена таким образом. В те периоды, которые известны как “хорошие времена” и “трудные времена”, оживленный спрос на рабочую силу и хорошую заработную плату всегда сопровождается оживленным спросом на капитал и жесткими процентными ставками. В то время как, когда рабочие не могут найти работу и заработная плата падает, всегда происходит накопление капитала, требующего инвестиций по низким ставкам.⁴ Нынешняя депрессия была в не меньшей степени отмечена нехваткой работы и бедствиями среди рабочих классов, чем накоплением незанятого капитала во всех крупных центрах и номинальными ставками процента при несомненной гарантии. Таким образом, в условиях, которые не допускают объяснения, согласующегося с современной теорией, мы обнаруживаем, что высокий процент совпадает с высокой заработной платой, а низкий процент — с низкой заработной платой - капитал кажется дефицитным, когда рабочей силы мало, и избыточным, когда рабочей силы в избытке.

Все эти хорошо известные факты, которые совпадают друг с другом, указывают на отношение между заработной платой и процентом, но это отношение соединения, а не противоположности. Очевидно, что они совершенно несовместимы с теорией, согласно которой заработная плата определяется соотношением между трудом и капиталом или любой частью капитала.

Как же тогда, спросят, могла возникнуть такая теория? Как получилось, что она была принята целой чередой экономистов, со времен Адама Смита до наших дней?

Если мы рассмотрим рассуждения, которыми в современных трактатах поддерживается эта теория заработной платы, мы сразу увидим, что это не индукция из наблюдаемых фактов, а дедукция из ранее принятой теории, а именно, что заработная плата извлекается из капитала. Поскольку предполагается, что капитал является источником заработной платы, из этого с необходимостью следует, что валовая сумма заработной платы должна быть ограничена суммой капитала, затрачиваемого на использование рабочей силы, и, следовательно, сумма, которую могут получать отдельные работники, должна определяться соотношением между их числом и суммой капитала, существующего для их вознаграждения.⁵ Это рассуждение справедливо, но вывод, как мы видели, не соответствует фактам. Следовательно, неисправность должна быть в помещении. Давайте разберемся.

Я осознаю, что теорема о том, что заработная плата извлекается из капитала, является одной из наиболее фундаментальных и, по-видимому, наиболее обоснованных в современной политической экономии, и что она была принята как аксиома всеми великими мыслителями, посвятившими свои силы разъяснению этой науки. Тем не менее, я думаю, что это можно продемонстрировать как фундаментальную ошибку — плодотворную причину длинной серии ошибок, которые сводят на нет самые важные практические выводы. Эту демонстрацию я собираюсь попытаться продемонстрировать. Необходимо, чтобы это было ясно и убедительно, поскольку доктрину, на которой основано столько важных рассуждений, которая поддерживается таким авторитетом, которая сама по себе настолько правдоподобна и которая так склонна повторяться в различных формах, нельзя смело отбросить в одном параграфе.

Утверждение, которое я попытаюсь доказать, таково:

*Что заработная плата, вместо того чтобы извлекаться из капитала, в действительности извлекается из продукта труда, за который она оплачивается.*⁶

Теперь, поскольку современная теория о том, что заработная плата извлекается из капитала, также утверждает, что капитал возмещается из производства, это на первый взгляд может показаться различием без различия — простой сменой терминологии, обсуждать которую значило бы лишь усугублять те бесполезные споры, которые делают так много написанного на политико-экономические темы таким же бесплодным и бесполезным, как споры различных ученых обществ об истинном прочтении надписи на камне, найденном мистером Пиквиком. Но то, что это гораздо больше, чем формальное различие, станет очевидным, если учесть, что на различии между двумя положениями построены все современные теории относительно отношений капитала и труда; что из этого выводятся доктрины, которые сами по себе считаются аксиоматическими, связанными, прямыми и управляют наиболее способными умами при обсуждении наиболее важных вопросов. Ибо на предположении, что заработная плата извлекается непосредственно из капитала, а не из продукта труда, основано не только учение о том, что заработная плата зависит от соотношения между капиталом и трудом, но и учение о том, что промышленность ограничена капиталом — что капитал должен быть накоплен до того, как будет применен труд, а труд не может быть применен иначе, как по мере накопления капитала; учение о том, что каждое увеличение капитала дает или способно дать дополнительную занятость промышленности; учение о том, что превращение оборотного капитала в основной капитал уменьшает фонд, необходимый для содержания рабочей силы; учение о том, что при низкой заработной плате может быть занято больше рабочих, чем при высокой. ; доктрина о том, что капитал, применяемый к сельскому хозяйству, будет содержать больше рабочих, чем если бы он применялся к обрабатывающей промышленности; доктрина о том, что прибыли высоки или низки в зависимости от того, низка или высока заработная плата, или что они зависят от стоимости средств к существованию рабочих; вместе с такими парадоксами, как то, что спрос на товары не является спросом на рабочую силу, или что определенные товары могут удорожаться за счет снижения заработной платы или удешевляться за счет повышения заработной платы.

Короче говоря, все учения современной политической экономии в наиболее широкой и важной части своей области более или менее непосредственно основаны на предположении, что труд сохраняется и оплачивается за счет существующего капитала до того, как будет получен продукт, составляющий конечную цель. Если будет показано, что это ошибка и что, напротив, содержание и оплата труда даже временно не возлагаются на капитал, а непосредственно извлекаются из продукта труда, то вся эта обширная надстройка останется без опоры и должна рухнуть. И точно так же должны пасть вульгарные теории, которые также основаны на вере в то, что сумма, подлежащая распределению в виде заработной платы, является фиксированной, индивидуальные доли в которой обязательно должны уменьшаться при увеличении числа рабочих.

Разница между нынешней теорией и той, которую я выдвигаю, фактически аналогична разнице между торговой теорией международных обменов и той, которой ее заменил Адам Смит. Между теорией, согласно которой торговля представляет собой обмен товаров на деньги, и теорией, согласно которой это обмен товаров на товары, может показаться, что нет реальной разницы,

если вспомнить, что приверженцы торговой теории не предполагали, что деньги имеют какое-либо иное применение, кроме того, что их можно обменять на товары. Однако при практическом применении этих двух теорий возникает вся разница между жесткой государственной защитой и свободной торговлей.

Если я сказал достаточно, чтобы показать читателю исключительную важность рассуждений, с помощью которых я собираюсь попросить его следовать за мной, то нет необходимости заранее извиняться ни за простоту, ни за пространность. Выдвигая против доктрины такой важности — доктрины, поддерживаемой таким авторитетом, - необходимо быть одновременно ясным и основательным.

Если бы не это, у меня возникло бы искушение отвергнуть предложением предположение, что заработная плата извлекается из капитала. Ибо вся обширная надстройка, которую современная политическая экономия возводит над этой доктриной, на самом деле основана на фундаменте, который просто считался само собой разумеющимся, без малейшей попытки отличить кажущееся от реального. Поскольку заработная плата обычно выплачивается деньгами и во многих производственных операциях выплачивается до того, как продукт полностью завершен или может быть использован, делается вывод, что заработная плата извлекается из уже существующего капитала и, следовательно, что промышленность ограничена капиталом, то есть рабочая сила не может быть использована до тех пор, пока не будет накоплен капитал, и может быть использована только в той мере, в какой был накоплен капитал.

Однако в тех самых трактатах, в которых безоговорочно утверждается ограничение промышленности капиталом и делается основой для наиболее важных рассуждений и сложных теорий, нам говорится, что капитал - это накопленный труд - “та часть богатства, которая сберегается для содействия будущему производству”. Если мы заменим слово “капитал” этим определением слова, то утверждение несет в себе собственное опровержение, поскольку утверждение о том, что труд не может быть использован до тех пор, пока результаты труда не будут сохранены, становится слишком абсурдным для обсуждения.

Однако, если мы попытаемся этим *доведением до абсурда* завершить спор, мы, вероятно, столкнемся с объяснением не того, что Провидение снабдило первых рабочих капиталом, необходимым для того, чтобы заставить их работать, а того, что это утверждение просто относится к состоянию общества, при котором производство превратилось в сложную операцию.

Но фундаментальная истина, которую необходимо твердо усвоить во всех экономических рассуждениях и никогда не отпускать, заключается в том, что общество в его наиболее высокоразвитой форме является всего лишь развитием общества в его самых грубых зачатках, и что принципы, очевидные в более простых отношениях людей, просто замаскированы, а не отменены или обращены вспять более сложными отношениями, которые являются результатом разделения труда и использования сложных инструментов и методов. Паровая мукомольная мельница с ее сложным механизмом, демонстрирующим все разнообразие движений, — это просто то, чем в свое время была грубая каменная ступа, выкопанная из русла древней реки, - инструмент для измельчения кукурузы. И каждый человек, занятый этим, подбрасывает ли дрова в печь, запускает двигатель, обтесывает камни, печатает мешки или ведет бухгалтерию,

на самом деле посвящает свой труд той же цели, что и доисторический дикарь, когда пользовался ступкой, - приготовлению зерна для человеческой пищи.

Итак, если мы сократим до минимума все сложные операции современного производства, мы увидим, что каждый индивид, принимающий участие в этой бесконечно разветвленной и запутанной сети производства и обмена, на самом деле делает то, что делал первобытный человек, когда он взбирался на деревья в поисках фруктов или следовал за отливом в поисках моллюсков, — пытается получить от природы напряжением своих сил удовлетворение своих желаний. Если мы твердо помним об этом, если мы смотрим на производство в целом — как на сотрудничество всех, объединенных в любую из его больших групп, для удовлетворения различных желаний каждого, мы ясно видим, что награда, которую каждый получает за свои усилия, исходит так же истинно и непосредственно от природы как результат этих усилий, как и вознаграждение первого человека.

Для иллюстрации: в самом простом состоянии, которое мы можем себе представить, каждый человек заглатывает свою собственную наживку и ловит свою собственную рыбу. Преимущества разделения труда вскоре становятся очевидными, и один выкапывает наживку, пока другие ловят рыбу. Тем не менее, очевидно, что тот, кто заглатывает наживку, на самом деле делает для поимки рыбы столько же, сколько и любой из тех, кто действительно ловит рыбу. Итак, когда обнаруживаются преимущества каноэ, и вместо того, чтобы всем отправляться на рыбалку, кто-то остается и мастерит и ремонтирует каноэ, то гребец на самом деле посвящает своему труду ловле рыбы столько же, сколько и настоящие рыбаки, и рыба, которую он ест ночью, когда рыбаки возвращаются домой, является таким же истинным продуктом его труда, как и их. И, таким образом, когда разделение труда справедливо введено, и вместо того, чтобы каждый пытался удовлетворить все свои потребности, непосредственно обращаясь к природе, один ловит рыбу, другой охотится, третий собирает ягоды, четвертый фрукты, пятый изготавливает орудия труда, шестой строит хижины, а седьмой шьет одежду — каждый в той мере, в какой он обменивает прямой продукт своего собственного труда на прямой продукт труда других, действительно применяя свой собственный труд для производства вещей, которыми он пользуется, — фактически удовлетворяет свои особые желания путем приложения своих особых сил; то есть то, что он получает, он в действительности производит. Если он выкапывает коренья и обменивает их на оленину, то фактически он является таким же истинным добытчиком оленины, как если бы он отправился в погоню за оленем и предоставил охотнику самому копать свои корни. Распространенное выражение “Я сделал то-то и то-то”, означающее “я заработал то-то и то-то” или “Я заработал деньги, на которые купил то-то и то-то”, с экономической точки зрения верно не метафорически, а буквально. Зарабатывать - значит делать.

Теперь, если мы проследим за этими принципами, достаточно очевидными в более простом состоянии общества, сквозь сложности государства, которое мы называем цивилизованным, мы ясно увидим, что во всех случаях, когда труд обменивается на товары, производство действительно предшествует наслаждению; что заработная плата — это заработок, то есть задатки труда, а не авансы капитала, и что рабочий, который получает свою заработную плату в деньгах (может быть, чеканных или напечатанных до начала его работы), действительно получает в обмен на прибавку, которую его труд внес в общий запас богатства, чек на этот общий запас, чек на оплату труда, которые он может использовать в какой—либо конкретной форме богатства, которая наилучшим образом удовлетворит его желания; и что ни деньги,

которые являются всего лишь чеком, ни особая форма богатства, для получения которой он их использует, не представляют собой авансированный капитал для его содержания, а, напротив, представляют богатство или часть богатства, которое его труд уже добавил к общему запасу.

Принимая во внимание эти принципы, мы видим, что чертежник, который, запершись в какой-нибудь темной конторе на берегу Темзы, рисует чертежи огромной судовой машины, на самом деле посвящает свой труд производству хлеба и мяса так же добросовестно, как если бы он собирал зерно в Калифорнии или размахивал арканом в пампе Ла-Плата; что он так же добросовестно шьет себе одежду, как если бы он стриг овец в Австралии или ткал ткань в Пейсли, и так же эффективно производит кларет, который пьет за обедом, как если бы он собирал зерно в Калифорнии или размахивал арканом в пампе Ла-Плата. Он собирал виноград на берегах Гаронны. Шахтер, который на глубине двух тысяч футов в самом сердце Комстока добывает серебряную руду, фактически благодаря тысяче обменов собирает урожай в долинах, расположенных на пять тысяч футов ближе к центру земли; гоняется за китом по арктическим ледяным полям; срывает табачные листья в Вирджинии; собирает кофейные ягоды в Гондурасе; срезает сахарный тростник на Гавайских островах; собирает хлопок в Джорджии или тклет его в Манчестере или Лоуэлле; мастерит причудливые деревянные игрушки для своих детей в горах Гарц; или срывает среди зелени и золота садов Лос-Анджелеса апельсины, выращенные в саду, который, когда его смена закончится, он заберет домой к своей больной жене. Заработная плата, которую он получает субботним вечером у устья шахты, что это, как не свидетельство всему миру о том, что он сделал эти вещи, — первичный обмен в длинной серии, который превращает его труд в то, ради чего он действительно трудился?

Все это становится ясным, если взглянуть на это с такой точки зрения; но чтобы встретить эту логическую ошибку во всех ее оплотах и скрытых местах, мы должны изменить наше исследование с дедуктивной на индуктивную форму. Давайте теперь посмотрим, придем ли мы, начиная с фактов и прослеживая их взаимосвязи, к тем же выводам, которые столь очевидны, когда, начиная с первых принципов, мы прослеживаем их воплощение в сложных фактах.

ГЛАВА II. ЗНАЧЕНИЕ ТЕРМИНОВ.

Прежде чем продолжить наше исследование, давайте убедимся в значении наших терминов, поскольку нечеткость в их употреблении неизбежно приводит к двусмысленности и неопределенности в рассуждениях. Мало того, что в экономических рассуждениях требуется придавать таким словам, как “богатство”, “капитал”, “рента”, “заработная плата” и им подобным, гораздо более определенный смысл, чем они имеют в обычном дискурсе, но, к сожалению, даже в политической экономии некоторым из этих терминов не придается определенного значения по общему согласию, разные авторы придают одному и тому же

термину разные значения, и одни и те же авторы часто используют термин в разных смыслах. Ничто не может усилить убедительность того, что было сказано столь многими выдающимися авторами, как важность ясных и точных определений, за исключением нередкого примера, когда те же самые авторы впадают в серьезные ошибки по той самой причине, о которой они предупреждали. И ничто так не демонстрирует важность языка в мышлении, как зрелище, когда даже проницательные мыслители основывают важные выводы на использовании одного и того же слова в различных значениях. Я постараюсь избежать этих опасностей. На протяжении всего процесса, когда любой термин приобретает значение, я буду прилагать усилия к тому, чтобы четко сформулировать, что я под ним подразумеваю, и использовать его именно в этом смысле, и ни в каком другом. Позвольте мне попросить читателя обратить внимание и запомнить приведенные таким образом определения, поскольку в противном случае я не могу надеяться на то, что меня правильно поймут. Я не буду пытаться придавать произвольное значение словам или денежным терминам, даже когда это было бы удобно делать, но буду максимально точно соответствовать употреблению, стараясь лишь так зафиксировать значение слов, чтобы они могли ясно выражать мысль.

Что у нас сейчас под рукой, так это выяснить, действительно ли заработная плата извлекается из капитала. В качестве предварительного объяснения давайте выясним, что мы подразумеваем под заработной платой и что мы подразумеваем под капиталом. Первому слову авторы-экономисты придавали достаточно определенное значение, но двусмысленность, связанная с использованием последнего в политической экономии, потребует детального изучения.

В общепринятом значении “заработная плата” означает вознаграждение, выплачиваемое наемному работнику за его услуги; и мы говорим об одном человеке, “работающем за заработную плату”, в отличие от другого, который “работает на себя”. Использование этого термина еще больше сужается из-за привычки применять его исключительно к компенсации, выплачиваемой за ручной труд. Мы говорим не о заработной плате профессионалов, менеджеров или клерков, а об их гонорарах, комиссиях или заработной плате. Таким образом, общее значение слова заработная плата - это компенсация, выплачиваемая наемному лицу за ручной труд. Но в политической экономии слово “заработная плата” имеет гораздо более широкое значение и включает в себя всю отдачу от труда. Ибо, как объясняют политэкономисты, тремя агентами или факторами производства являются земля, труд и капитал, и та часть продукта, которая идет на второй из этих факторов, называется ими заработной платой.

Таким образом, термин “труд” включает в себя все усилия человека по производству богатства, а заработная плата, являясь той частью продукта, которая идет на оплату труда, включает в себя все вознаграждение за такие усилия. Следовательно, в политико-экономическом смысле термина “заработная плата” нет различия ни в виде труда, ни в том, получено ли вознаграждение за него через работодателя или нет, но заработная плата означает отдачу, полученную за проявление труда, в отличие от отдачи, полученной за использование капитала, и отдачи, полученной землевладельцем за использование земли. Человек, который обрабатывает землю для себя, получает заработную плату в виде ее продуктов, точно так же, как если он использует свой собственный капитал и владеет своей землей, он также может получать проценты и ренту; заработная плата охотника - это дичь, которую он убивает; заработная плата рыбака - это рыба, которую он добывает. Золото, добытое самозанятым золотоискателем, составляет его заработную плату в такой же степени, как и деньги,

выплачиваемые наемному шахтеру покупателем его труда,⁷ и, как показывает Адам Смит, высокие прибыли владельцев розничных магазинов в значительной степени являются заработной платой, являясь вознаграждением за их труд, а не за их капитал. Короче говоря, все, что мы получаем в результате или в награду за наши усилия, является “заработной платой”.

Это все, что сейчас необходимо отметить относительно “заработной платы”, но важно иметь это в виду. Ибо в стандартных экономических работах этот смысл термина “заработная плата” признается с большей или меньшей ясностью только для того, чтобы впоследствии быть проигнорированным.

Но гораздо труднее устранить из идеи капитала двусмысленности, которые ее окружают, и зафиксировать научное использование этого термина. В общем дискурсе о всевозможных вещах, которые имеют ценность или принесут доход, расплывчато говорится как о капитале, в то время как авторы экономических статей настолько широко варьируют этот термин, что вряд ли можно сказать, что он имеет фиксированное значение. Давайте сравним друг с другом определения нескольких представительных авторов:

“Эта часть человеческого склада”, - говорит Адам Смит (Книга II, глава II). I), “который, как он ожидает, принесет ему доход, называется его капиталом”, а капитал страны или общества, продолжает он, состоит из (1) машин и орудий труда, которые облегчают и сокращают труд; (2) зданий, не просто жилищ, но которые могут считаться орудиями торговли, таких как магазины, фермерские дома и т.д.; (3) улучшений земли, которые лучше подходят для обработки или возделывания культуры.; (4) приобретенные и полезные способности всех жителей; (5) деньги; (6) провизия в руках производителей и дилеров, от продажи которой они ожидают получить прибыль; (7) материал или частично законченные изделия, все еще находящиеся в руках производителей или дилеров; (8) готовые изделия, все еще находящиеся в руках производителей или дилеров. Первые четыре из них он называет основным капиталом, а последние четыре - оборотным капиталом, различие между которыми для нашей цели нет необходимости отмечать.

Определение Рикардо таково:

“Капитал — это та часть богатства страны, которая используется в производстве и состоит из продуктов питания, одежды, инструментов, сырья, машин и т.д., необходимых для осуществления труда”. -*Принципы политической экономии, глава V.*

Это определение, как будет видно, сильно отличается от определения Адама Смита, поскольку оно исключает многие вещи, которые он включает — как приобретенные таланты, предметы простого вкуса или роскоши, находящиеся во владении производителей или торговцев; и включает некоторые вещи, которые он исключает, такие как еда, одежда и т.д., Находящиеся во владении потребителя.

Определение Маккалоха таково:

“Капитал нации в действительности включает все те существующие в ней промышленные продукты, которые *могут быть* непосредственно использованы либо для поддержания человеческого существования, либо для облегчения производства”. —*Заметки о богатстве наций, Книга II, глава I.*

Это определение следует линии Рикардо, но шире. Хотя он исключает все, что не способно помочь производству, он включает все, что способно на это, без ссылки на фактическое использование или необходимость в использовании — лошадь, запряженная прогулочным экипажем, является, по мнению Маккалоха, как он прямо заявляет, таким же капиталом, как лошадь, запряженная плугом, потому что ее можно, при необходимости, использовать для запрягания плуга.

Джон Стюарт Милль, следуя той же генеральной линии, что Рикардо и Мак-Каллох, считает критерием капитала не использование и не способность использования, а решимость использовать. Он говорит:

“Все, что предназначено для обеспечения производительного труда жильем, защитой, инструментами и материалами, необходимыми для выполнения работы, а также для питания и иного содержания работника в процессе работы, является капиталом”. — *Принципы политической экономии, книга I, глава IV.*

Эти цитаты в достаточной степени иллюстрируют расхождение мастеров. Среди второстепенных авторов расхождение еще больше, как достаточно показать на нескольких примерах.

Профессор Уэйленд, чьи “Элементы политической экономии” долгое время были любимым учебником в американских учебных заведениях, где хотя бы делали вид, что преподают политическую экономию, дает такое четкое определение:

“Слово "капитал" используется в двух смыслах. По отношению к продукту оно означает любое вещество, к которому необходимо приложить усилия. По отношению к промышленности - материал, которому промышленность собирается придать ценность, то, чему она уже придала ценность; инструменты, которые используются для придания ценности, а также средства существования, с помощью которых существо поддерживается, пока оно занято выполнением операции”. *Элементы политической экономии, Книга I, глава I.*

Генри К. Кэри, американский апостол протекционизма, определяет капитал как “инструмент, с помощью которого человек обретает власть над природой, включая в нее физические и умственные силы самого человека”. Профессор Перри, свободный торговец из Массачусетса, вполне обоснованно возражает против этого, утверждая, что это безнадежно путает границы между капиталом и трудом, а затем и он сам безнадежно путает границы между капиталом и землей, определяя капитал как “любую ценную вещь вне самого человека, использование которой приводит к денежному увеличению или прибыли”. Английский экономист высокого ранга, г-н У. М. Торнтон начинает подробное исследование отношений труда и капитала (“О труде”) с заявления, что он включит землю в состав капитала, что очень похоже на то, как если бы тот, кто предложил преподавать алгебру, начал с заявления, что он будет рассматривать знаки плюс и минус как означающие одно и то же и имеющие одинаковую ценность. Американский писатель, также занимающий видное положение, профессор Фрэнсис А. Уокер, делает такое же заявление в своей тщательно разработанной книге “Вопрос заработной платы”. Другой английский писатель, Н. А. Николсон (“Наука об обменах”, Лондон, 1873), кажется, завершает кульминацию абсурда, заявляя в одном абзаце (стр. 26), что “капитал, конечно, должен накапливаться путем сбережений”, а в самом следующем абзаце заявляя, что

“земля, которая дает урожай, плуг, который вспахивает почву, труд, который обеспечивает получение продукта, и сам продукт, если от его применения хотят получить материальную прибыль, - все это в равной степени капитал”. Но как можно накопить землю и труд, экономя их, он нигде не снисходит до объяснения. Точно так же известный американский писатель, профессор Амаса Уокер (стр. 66, “Наука о богатстве”), сначала заявляет, что капитал возникает из чистых сбережений труда, а затем сразу после этого заявляет, что земля является капиталом.

Я мог бы растянуться на несколько страниц, цитируя противоречивые определения. Но это только утомило бы читателя. Нет необходимости множить цитаты. Того, что уже было приведено, достаточно, чтобы показать, насколько велика разница в понимании термина "капитал". Любой, кто хочет получить дополнительную иллюстрацию “путаницы, еще более запутанной”, существующей по этому вопросу среди профессоров политической экономии, может найти ее в любой библиотеке, где труды этих профессоров расположены рядом.

Теперь не имеет большого значения, какое название мы даем вещам, если, используя это название, мы всегда имеем в виду одни и те же вещи и никаких других. Но трудность, возникающая в экономических рассуждениях из-за этих расплывчатых и варьирующихся определений капитала, заключается в том, что только в предпосылках рассуждений этот термин используется в особом смысле, придаваемом определению, в то время как в практических выводах, к которым приходят, он всегда используется или, по крайней мере, всегда понимается в одном общем и определенном смысле. Когда, например, говорится, что заработная плата извлекается из капитала, слово "капитал" понимается в том же смысле, что и когда мы говорим о дефиците или изобилии, увеличении или уменьшении, уничтожении или приращении капитала — в общепринятом и определенном смысле, который отделяет капитал от других факторов производства, земли и труда, а также от подобных вещей, используемых просто для удовлетворения потребностей. Фактически, большинство людей достаточно хорошо понимают, что такое капитал, пока не начнут давать ему определение, и я думаю, что их работы покажут, что авторы экономических статей, которые так сильно различаются в своих определениях, используют термин в этом общепринятом смысле во всех случаях, за исключением своих определений и рассуждений, основанных на них.

Этот общий смысл термина заключается в богатстве, направленном на приобретение большего богатства. Доктор Адам Смит правильно выражает эту общую идею, когда говорит: “Та часть запасов человека, которая, как он ожидает, принесет ему доход, называется его капиталом”. И капитал сообщества, очевидно, представляет собой сумму таких индивидуальных запасов или ту часть совокупного запаса, которая, как ожидается, обеспечит большее богатство. Это также производный смысл этого термина. Слово "капитал", как его прослеживают филологи, дошло до нас из тех времен, когда богатство оценивалось в крупном рогатом скоте, а доход человека зависел от количества голов, которые он мог сохранить для их увеличения.

Трудности, с которыми сталкивается использование слова "капитал" в качестве точного термина и которые еще более ярко проявляются в текущих политических и социальных дискуссиях, чем в определениях авторов—экономистов, возникают из двух фактов: во-первых, определенные классы вещей, обладание которыми для отдельного человека в точности эквивалентно владению капиталом, не являются частью капитала общества; и, во-вторых, вещи того же рода могут быть капиталом, а могут и не быть, в зависимости от цели, которой они предназначены.

При небольшом внимании к этим моментам не должно возникнуть трудностей с получением достаточно ясного и фиксированного представления о том, что включает в себя термин "капитал" в том виде, в каком он обычно используется должным образом; такого представления, которое позволит нам сказать, какие вещи являются капиталом, а какие нет, и использовать это слово без двусмысленности или промахов.

Земля, труд и капитал - это три фактора производства. Если мы вспомним, что капитал, таким образом, является термином, используемым в отличие от земли и труда, мы сразу увидим, что ничто, должным образом включенное ни в один из этих терминов, не может быть должным образом классифицировано как капитал. Термин "суша" обязательно включает в себя не только поверхность земли в отличие от воды и воздуха, но и всю материальную вселенную за пределами самого человека, поскольку только имея доступ к земле, из которой взято само его тело, человек может соприкоснуться с природой или использовать ее. Короче говоря, термин "земля" охватывает все природные материалы, силы и возможности, и, следовательно, ничто из того, что свободно предоставляется природой, не может быть должным образом классифицировано как капитал. Плодородное поле, богатая рудная жила, падающий ручей, обеспечивающий электроэнергию, могут дать владельцу преимущества, эквивалентные владению капиталом, но классифицировать такие вещи как капитал означало бы положить конец различию между землей и капиталом и, поскольку они соотносятся друг с другом, сделать эти два термина бессмысленными. Термин "труд" аналогичным образом включает в себя все человеческие усилия, и, следовательно, человеческие силы, будь то естественные или приобретенные, никогда не могут быть должным образом классифицированы как капитал. В обиходе мы часто говорим о знаниях человека, навыках или трудолюбии как о составляющих его капитал; но это, очевидно, метафорическое использование языка, которого следует избегать в рассуждениях, нацеленных на точность. Превосходство в таких качествах может увеличить доход индивида точно так же, как это сделал бы капитал, и увеличение знаний, навыков или трудолюбия сообщества может иметь тот же эффект в увеличении его производства, что и увеличение капитала; но этот эффект обусловлен увеличением мощности труда, а не капитала. Увеличение скорости может привести к удару пушечного ядра с тем же эффектом, что и увеличение веса, но, тем не менее, вес - это одно, а скорость - другое.

Таким образом, мы должны исключить из категории капитала все, что может быть включено либо в качестве земли, либо в качестве рабочей силы. При этом остаются только вещи, которые не являются ни землей, ни трудом, но которые возникли в результате объединения этих двух первоначальных факторов производства. Ничто не может быть должным капиталом, которое не состоит из них, то есть ничто не может быть капиталом, которое не является богатством.

Но именно из двусмысленности использования этого всеобъемлющего термина "богатство" вытекают многие неясности, присущие термину "капитал".

Обычно используемое слово "богатство" применяется ко всему, что имеет меновую стоимость. Но когда он используется как термин политической экономии, он должен быть ограничен гораздо более определенным значением, потому что о многих вещах обычно говорят как о богатстве, которое при учете коллективного или всеобщего богатства вообще не может рассматриваться как богатство. Такие вещи имеют меновую стоимость, и о них обычно говорят как о богатстве, поскольку они представляют собой, как между отдельными лицами, или между группами индивидов, возможность получения богатства; но они не являются истинным

богатством, поскольку их увеличение или уменьшение не влияет на сумму богатства. Таковы облигации, ипотечные кредиты, простые векселя, банковские векселя или другие условия передачи богатства. Таковы рабы, стоимость которых представляет собой всего лишь способность одного класса присваивать заработки другого класса. Таковы земли или другие природные возможности, ценность которых является всего лишь результатом признания в пользу определенных лиц исключительного права на их использование и которые представляют собой всего лишь предоставленную таким образом владельцам власть требовать долю богатства, произведенного теми, кто их использует. Увеличение количества облигаций, ипотечных кредитов, банкнот или банковских векселей не может увеличить богатство сообщества, которое включает в себя как тех, кто обещает заплатить, так и тех, кто имеет право получать. Порабощение части их числа не могло увеличить богатство народа, ибо то, что приобретали порабощители, теряли порабощенные. Увеличение стоимости земли не означает увеличения общего богатства, поскольку то, что землевладельцы выигрывают от повышения цен, теряют арендаторы или покупатели, которые должны их платить. И все это относительное богатство, которое в обычных мыслях и речах, в законодательстве и законах неотличимо от реального богатства, могло бы быть полностью уничтожено без уничтожения или потребления чего-либо большего, чем несколько капель чернил и лист бумаги. С установлением суверенной политической власти долги могли быть аннулированы, рабы освобождены, а земля вновь стала общей собственностью всего народа, без уменьшения совокупного богатства на величину щепотки нюхательного табака, ибо то, что одни потеряют, другие приобретут. Разрушения богатства было бы не больше, чем его создания, когда Елизавета Тюдор обогатила своих любимых придворных за счет предоставления монополий или когда Борис Годунов сделал русских крестьян коммерческой собственностью.

Следовательно, все вещи, имеющие меновую стоимость, не являются богатством в единственном смысле, в котором этот термин может использоваться в политической экономии. Богатством могут быть только такие вещи, производство которых увеличивается, а разрушение которых уменьшает совокупность богатств. Если мы рассмотрим, что это за вещи и какова их природа, у нас не возникнет трудностей с определением богатства.

Когда мы говорим об обществе, увеличивающемся в богатстве — например, когда мы говорим, что богатство Англии увеличилось после восшествия на престол Виктории, или что Калифорния стала более богатой страной, чем когда она была мексиканской территорией, — мы не имеем в виду, что стало больше земли, или что природные силы земли стали больше, или что стало больше людей, ибо, когда мы хотим выразить эту идею, мы говорим об увеличении населения; или что долги или взносы, причитающиеся некоторыми из этих людей другим из их числа, увеличились; но мы имеем в виду, что происходит увеличение определенных материальных благ, имеющих фактическую, а не просто относительную ценность, такая как здания, крупный рогатый скот, инструменты, машины, сельскохозяйственные и минеральные продукты, промышленные товары, корабли, фургоны, мебель и тому подобное. Увеличение таких вещей представляет собой увеличение богатства; их уменьшение — это уменьшение богатства; и сообщество, которое пропорционально своей численности имеет больше всего таких вещей, является самым богатым сообществом. Общим для этих вещей является то, что они состоят из природных веществ или продуктов, которые были приспособлены человеческим трудом для использования или удовлетворения человеком, их стоимость зависит от количества труда, которое в среднем потребовалось бы для производства вещей подобного рода.

Таким образом, богатство, поскольку только этот термин может использоваться в политической экономии, состоит из природных продуктов, которые были добыты, перемещены, объединены, разделены или другими способами изменены человеческими усилиями, чтобы приспособить их для удовлетворения человеческих желаний. Другими словами, это труд, запечатленный в материи таким образом, чтобы накапливать, подобно тому как солнечное тепло накапливается в угле, силу человеческого труда для удовлетворения человеческих желаний. Богатство — не единственный объект труда, поскольку труд также затрачивается на непосредственное удовлетворение желаний; но это объект и результат того, что мы называем производительным трудом, то есть труда, который придает ценность материальным вещам. Ничто из того, что природа дает человеку без его труда, не является богатством, и все же затраты труда не приводят к богатству, если нет материального продукта, который обладает и сохраняет способность удовлетворять желания.

Итак, поскольку капитал - это богатство, направленное на определенную цель, ничто не может быть капиталом, что не подпадает под это определение богатства. Признавая и помня об этом, мы избавляемся от неправильных представлений, которые сводят на нет все рассуждения, в которых они допускаются, которые затуманивают популярное мышление и заводят в лабиринты противоречий даже проницательных мыслителей.

Но хотя весь капитал является богатством, все богатство не является капиталом. Капитал — это только часть богатства, а именно та часть, которая направляется на помощь производству. Именно при проведении этой границы между богатством, которое есть, и богатством, которое не является капиталом, вероятно, возникает второй класс неправильных представлений.

Ошибки, на которые я указывал и которые состоят в смешении с богатством и капиталом вещей, существенно отличных друг от друга или имеющих лишь относительное существование, теперь являются просто вульгарными ошибками. Они широко распространены, это правда, и имеют глубокие корни, их придерживаются не только менее образованные классы, но, по-видимому, и подавляющее большинство тех, кто в таких развитых странах, как Англия и Соединенные Штаты, формирует общественное мнение и направляет его, принимает законы в парламентах, Конгрессах и законодательных органах и применяет их в судах. Более того, они проявляются в рассуждениях многих из тех дряблых писателей, которые обременяли прессу и затемняли советы многочисленными томами, получившими название политической экономии и считающимися учебниками для невежд и авторитетом для тех, кто не мыслит самостоятельно. Тем не менее, это всего лишь вульгарные ошибки, поскольку они не находят одобрения у лучших авторов по политической экономии. Одним из тех упущений, которые искажают его великую работу и поразительно демонстрируют несовершенства высочайшего таланта, Адам Смит считает капиталом определенные личные качества, что не согласуется с его первоначальным определением капитала как запаса, от которого ожидается доход. Но этой ошибки избежали его самые выдающиеся преемники, и в ранее данных определениях Рикардо, Маккалоха и Милля она не фигурирует. Ни в их определениях, ни в определении Смита нет той вульгарной ошибки, которая путает в качестве реального капитала вещи, являющиеся капиталом лишь относительно, такие как свидетельства долга, стоимость земли и т.д. Но что касается вещей, которые действительно являются богатством, то их определения сильно отличаются друг от друга и от определения Смита относительно того, что следует рассматривать как капитал, а что нет. Акции ювелира, например, были бы включены в качестве капитала по определению Смита, а еда или одежда, находящиеся во владении рабочего, были бы

исключены. Но определения Рикардо и Мак-Каллоха исключали бы профессию ювелира, как и профессию Милля, если понимать их так, как большинство людей понимают процитированные мной слова. Но, как он объяснил, не природа и не назначение самих вещей определяют, являются ли они капиталом или нет, а намерение владельца направить либо вещи, либо стоимость, полученную от их продажи, на обеспечение производительного труда инструментами, материалами и техническое обслуживание. Все эти определения, однако, согласуются в том, что включают в качестве капитала провизию и одежду рабочего, которые Смит исключает.

Давайте рассмотрим эти три определения, которые представляют собой лучшие учения современной политической экономии:

Против определения капитала Мак-Каллохом как “всех тех частей промышленной продукции, которые могут быть непосредственно использованы либо для поддержания человеческого существования, либо для облегчения производства” есть очевидные возражения. Можно пройти по любой главной улице в процветающем городе и увидеть магазины, заполненные всевозможными ценными вещами, которые, хотя и не могут быть использованы ни для поддержания человеческого существования, ни для облегчения производства, несомненно, составляют часть капитала владельцев магазинов и часть капитала сообщества. И он также может видеть, как продукты промышленности, способные поддерживать существование человека или облегчать производство, потребляются в показной или бесполезной роскоши. Несомненно, они, хотя и могли бы быть, *не* составляют часть капитала.

Определение Рикардо избегает включения в качестве капитала вещей, которые могли бы быть, но не используются в производстве, охватывая только те, которые используются. Но это остается открытым для первого возражения, выдвинутого против Маккалоха. Если капиталом является только богатство, которое может быть, или которое есть, или которому суждено быть использовано для поддержки производителей или содействия производству, то запасы ювелиров, торговцев игрушками, табачниками, кондитерами, торговцами картинами и т.д. — фактически, все запасы, которые состоят из предметов роскоши, и все запасы, поскольку они состоят из предметов роскоши, не являются капиталом.

Если Милль, перенося различие на разум капиталиста, избегает этой трудности (которая мне не кажется ясной), то лишь делая различие настолько расплывчатым, что никакая сила, кроме всеведения, не могла бы сказать в любой данной стране в любой данный момент времени, что было капиталом, а что нет.

Но главный недостаток, который объединяет эти определения, заключается в том, что они включают то, что явно не может быть учтено капиталом, если проводить какое-либо различие между рабочим и капиталистом. Ибо они переводят в категорию капитала пищу, одежду и т. д., находящиеся во владении поденщика, которые он будет потреблять независимо от того, работает он или нет, а также акции в руках капиталиста, которыми он предполагает заплатить рабочему за его работу.

Однако, очевидно, что это не тот смысл, в котором термин “капитал” используется этими авторами, когда они говорят о труде и капитале как о отдельных частях в производственном процессе и отдельных долях в распределении выручки от него; когда они говорят о заработной плате, извлекаемой из капитала, или как зависящей от соотношения между трудом и

капиталом, или любым другим способом, которым они обычно используют этот термин. Во всех этих случаях термин "капитал" используется в его общепринятом смысле, как та часть богатства, которую его владельцы предполагают использовать не непосредственно для собственного удовлетворения, а с целью получения большего богатства. Короче говоря, политэкономистами, во всем, кроме их определений и первых принципов, а также миром в целом, "та часть запасов человека," используя слова Адама Смита, - которая, как он ожидает, принесет ему доход, называется его капиталом". Это единственный смысл, в котором термин "капитал" выражает какую—либо фиксированную идею - единственный смысл, в котором мы можем с какой-либо ясностью отделить его от богатства и противопоставить труду. Ибо, если мы должны рассматривать как капитал все, что обеспечивает рабочего пищей, одеждой, кровом и т.д., Тогда, чтобы найти рабочего, который не является капиталистом, мы будем вынуждены искать абсолютно голого человека, лишенного даже заостренной палки или норы в земле — ситуация, в которой, за исключением исключительных обстоятельств, человеческие существа еще никогда не были найдены.

Мне кажется, что различия и неточность в этих определениях проистекают из того факта, что представление о том, что такое капитал, было выведено из предвзятого представления о том, как капитал помогает производству. Вместо того чтобы определить, что такое капитал, а затем наблюдать за тем, что делает капитал, сначала были приняты функции капитала, а затем дано определение капитала, которое включает все вещи, которые выполняют или могут выполнять эти функции. Давайте обратим этот процесс вспять и, приняв естественный порядок вещей, выясним, что это за вещь, прежде чем решать, что она делает. Все, что мы пытаемся сделать, все, что необходимо сделать, — это, так сказать, установить границы термина, который в основном хорошо усвоен, - сделать определенную, то есть четкую и ясную в своих границах, общую идею.

Если бы предметы реального богатства, существующие в данное время в данном сообществе, были представлены *in situ* дюжине умных людей, которые никогда не читали ни строчки из политической экономии, сомнительно, чтобы они расходились во мнениях относительно того, следует ли их считать капиталом или нет. Деньги, которые их владелец хранит для использования в своем бизнесе или спекуляциях, будут считаться капиталом; деньги, отложенные на домашние или личные расходы, - нет. Та часть урожая фермера, которая предназначалась для продажи или на семена, или для того, чтобы прокормить своих помощников при частичной выплате заработной платы, считалась бы капиталом; та, которая предназначалась для использования его собственной семьей, таковым не являлась бы. Лошади и экипаж наемного работника были бы оценены как капитал, но экипаж, содержимый для удовольствия его владельца, - нет. Таким образом, никому не придет в голову считать капиталом накладные волосы на голове женщины, сигару во рту курильщика или игрушку, с которой играет ребенок; но акции торговца волосами, табачника или владельца магазина игрушек были бы без колебаний учтены как капитал. Пальто, сшитое портным на продажу, будет считаться капитальным, но не то пальто, которое он сшил для себя. Еда, имеющаяся у владельца гостиницы или ресторатора, считалась бы капиталом, но не еда в кладовой домохозяйки или в корзинке для ланча рабочего. Чугун, находящийся в руках плавильщика, или основателя, или дилера, учитывался бы капиталом, но не чугун, используемый в качестве балласта в трюме яхты. Мехи кузнеца, ткацкие станки фабрики были бы капиталом, но не швейная машинка женщины, которая выполняет только свою собственную работу; здание, сдаваемое в наем или используемое для деловых или производственных целей, но не усадьба. Короче говоря, я

думаю, что теперь мы должны прийти к выводу, что, как писал доктор Адам Смит, “та часть запасов человека, которая, как он ожидает, принесет ему доход, называется его капиталом”. И, опуская его досадную оговорку относительно личных качеств и несколько уточняя его перечисление денег, сомнительно, что мы могли бы лучше перечислить различные статьи капитала, чем это сделал Адам Смит в отрывке, который я сжал в предыдущей части этой главы.

Теперь, если, отделив таким образом богатство, являющееся капиталом, от богатства, не являющегося капиталом, мы попытаемся провести различие между этими двумя классами, мы не обнаружим, что оно касается характера, возможностей или конечного назначения самих вещей, как это тщетно пытались сделать; но мне кажется, что мы обнаружим, что оно касается того, находятся они во владении потребителя или нет.⁸ Те предметы богатства, которые сами по себе, в их использовании или в их продуктах еще подлежат обмену, являются капиталом; те предметы богатства, которые находятся в руках потребителя, не являются капиталом. Следовательно, если мы определим капитал как *богатство в процессе обмена*, понимая обмен как включающий не только передачу из рук в руки, но и такие преобразования, которые происходят, когда воспроизводственные или преобразующие силы природы используются для увеличения богатства, мы, я думаю, поймем все, что общая идея капитала должным образом включает, и исключим все, чего в ней нет. Под это определение, как мне кажется, подпадают, например, все такие инструменты, которые действительно являются капиталом. Ибо именно вопрос о том, подлежат ли обмену его услуги или виды использования, превращает инструмент в предмет капитала или просто в предмет богатства. Таким образом, токарный станок фабриканта, используемый для изготовления вещей, подлежащих обмену, является капиталом, в то время как токарный станок, который джентльмен держит для собственного развлечения, капиталом не является. Таким образом, можно сказать, что богатство, использованное при строительстве железной дороги, общественной телеграфной линии, почтовой кареты, театра, гостиницы и т.д., было помещено в процесс обмена. Обмен осуществляется не сразу, а постепенно, с неопределенным количеством людей. И все же обмен существует, и “потребителями” железной дороги, телеграфной линии, дилижанса, театра или отеля являются не владельцы, а лица, которые время от времени ими пользуются.

Это определение также не противоречит идее о том, что капитал - это та часть богатства, которая направляется на производство. Это слишком узкое понимание производства, которое ограничивает его просто изготовлением вещей. Производство включает в себя не просто изготовление вещей, но и доведение их до потребителя. Таким образом, торговец или владелец магазина является таким же истинным производителем, как и фабрикант или фермер, и его акции или капитал в такой же степени направлены на производство, как и их собственные. Но сейчас не стоит останавливаться на функциях капитала, которые мы сможем лучше определить позже. Определение капитала, которое я предложил, также не имеет никакого значения. Я не пишу учебник, а всего лишь пытаюсь обнаружить законы, управляющие великой социальной проблемой, и если читатель сформировал четкое представление о том, что имеется в виду, когда мы говорим о капитале, моя цель достигнута.

Но прежде чем завершить это отступление, позвольте мне обратить внимание на то, о чем часто забывают, а именно на то, что термины “богатство”, “капитал”, “заработная плата” и тому подобное, используемые в политической экономии, являются абстрактными терминами, и что о них нельзя вообще утверждать или отрицать ничего такого, чего нельзя утверждать или отрицать обо всем классе вещей, которые они представляют. Неспособность помнить об этом

привела к значительной путанице в мышлении и позволяет ошибочным выводам, в остальном прозрачным, выдаваться за очевидные истины. Богатство поскольку это абстрактный термин, следует помнить, что идея богатства включает в себя идею способности к обмену. Обладание богатством в определенном объеме потенциально означает обладание любым или всеми видами богатства в обмен на этот эквивалент. И, следовательно, капиталом.

ГЛАВА III.

ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА БЕРЕТСЯ НЕ ИЗ КАПИТАЛА, А ПРОИЗВОДИТСЯ ТРУДОМ.

Важность этого отступления, я думаю, будет становиться все более очевидной по мере продолжения нашего исследования, но его уместность для отрасли, которой мы сейчас занимаемся, может быть замечена сразу.

На первый взгляд очевидно, что экономическое значение термина "заработная плата" упускается из виду и внимание сосредоточивается на общем и узком значении этого слова, когда утверждается, что заработная плата извлекается из капитала. Ибо во всех тех случаях, когда рабочий является своим собственным работодателем и получает непосредственно продукт своего труда в качестве вознаграждения, достаточно ясно, что заработная плата извлекается не из капитала, а возникает непосредственно как продукт труда. Если, например, я посвящаю свой труд сбору птичьих яиц или лесных ягод, то яйца или ягоды, которые я таким образом получаю, являются моей заработной платой. Конечно, никто не станет утверждать, что в таком случае заработная плата извлекается из капитала. В данном случае капитала нет. Абсолютно голый мужчина, выброшенный на остров, куда до сих пор не ступала нога человека, может собирать птичьи яйца или ягоды.

Или если я беру кусок кожи и превращаю его в пару туфель, то туфли — это моя плата, награда за мои усилия. Конечно, они не взяты из столицы—ни мой капитал или любой другой столице, но порождены трудом которого они становятся заработной платы; и в получении этой пары обуви в качестве платы за мой труд, Капитал не менее даже на мгновение смягчили ни на йоту. Ибо, если мы обратимся к идее капитала, то мой капитал в самом начале состоит из куска кожи, нитки и т. Д. По мере продолжения моего труда стоимость неуклонно увеличивается, пока, когда результатом моего труда не станет готовая обувь, я не получу свой капитал плюс разницу в стоимости между материалом и обувью. Как в любой момент привлекается капитал для получения этой дополнительной ценности — моей заработной платы?

Адам Смит, задавший направление экономической мысли, результатом которого стали современные сложные теории взаимосвязи между заработной платой и капиталом, признал тот факт, что в таких простых случаях, как я привел, заработная плата является продуктом труда, и так начинает свою главу о заработной плате (глава VIII):

“Продукт труда представляет собой естественное вознаграждение или заработную плату за труд. При том первоначальном состоянии вещей, которое предшествует как

присвоению земли, так и накоплению капитала, весь продукт труда принадлежит рабочему. У него нет ни домовладельца, ни хозяина, которого он мог бы разделить с ним”.

Если бы великий шотландец взял это за исходный пункт своих рассуждений и продолжал рассматривать продукт труда как естественную плату за труд, а землевладельца и хозяина - как соучастников, его выводы были бы совсем иными, и политическая экономия наших дней не охватывала бы такую массу противоречий и нелепостей; но вместо того, чтобы следовать истине, очевидной в простых способах производства, как ключу к разгадке запутанности более сложных форм, он на мгновение признает это, но тут же отказывается от нее и заявляет, что “в каждой части Европы двадцать рабочих работают под общим руководством”. хозяин для того, кто независим”, - он возобновляет исследование с точки зрения, согласно которой считается, что хозяин обеспечивает из своего капитала заработную плату своим рабочим.

Очевидно, что, определяя таким образом долю самозанятых рабочих всего лишь как одного к двадцати, Адам Смит имел в виду только механическое искусство и что, включая всех рабочих, доля тех, кто получает свой заработок непосредственно, без вмешательства работодателя, должна была быть намного больше даже в Европе сто лет назад. Ибо, помимо независимых работников, которые в каждой общине существуют в значительном количестве, сельское хозяйство крупных районов Европы со времен Римской империи велось по системе метаплатежей, при которой капиталист получает свою прибыль от рабочего, а не рабочий от капиталиста. Во всяком случае, в Соединенных Штатах, где любой общий закон о заработной плате должен применяться в такой же мере, как и в Европе, и где, несмотря на развитие промышленности, очень большая часть населения все еще является фермерами, работающими не по найму, доля рабочих, получающих заработную плату через работодателя, должна быть сравнительно небольшой.

Но нет необходимости обсуждать соотношение, в котором находятся самозанятые рабочие где бы то ни было по отношению к наемным рабочим, и нет необходимости множить иллюстрации трюизма о том, что там, где рабочий получает непосредственно свою заработную плату, она является продуктом его труда, поскольку, как только осознается, что термин “заработная плата” включает в себя все заработки, как непосредственно полученные рабочим в результатах его труда, так и полученные от работодателя, становится очевидным, что предположение о том, что заработная плата извлекается из капитала, на котором как на универсальной истине такая обширная надстройка находится в стандартных политико-экономических трактатах, столь без колебаний построенные, по крайней мере, в значительной части не соответствуют действительности, и максимум, что можно с какой-либо вероятностью утверждать, это то, что некоторая заработная плата, *то есть* заработная плата, получаемая рабочим от работодателя, извлекается из капитала. Это ограничение основной посылки сразу же сводит на нет все выводы, которые делаются из нее; но, не останавливаясь здесь, давайте посмотрим, согласуется ли она даже в этом ограниченном смысле с фактами. Давайте подхватим ключ к разгадке там, где его обронил Адам Смит, и, продвигаясь шаг за шагом, посмотрим, не пронизывает ли связь фактов, которая очевидна в простейших формах производства, самые сложные.

Следующим по простоте после “того первоначального положения вещей”, для которого еще можно найти множество примеров, когда весь продукт труда принадлежит рабочему, является порядок, при котором рабочий, хотя и работает на другое лицо или с капиталом другого лица,

получает свою заработную плату натурой, то есть вещами, произведенными его трудом. В этом случае так же ясно, как и в случае с самозанятым рабочим, что заработная плата на самом деле извлекается из продукта труда, а вовсе не из капитала. Если я нанимаю человека собирать яйца, ягоды или шить обувь, расплачиваясь с ним яйцами, ягодами или обувью, полученными за его труд, не может быть никаких сомнений в том, что источником заработной платы является труд, за который они оплачиваются. Одной из таких форм найма является аренда скота сэром Генри Мэном в его “Ранней истории институтов”, которая с такой проницательностью трактуется сэром Генри Мэном в его “Ранней истории институтов” и которая настолько явно включала отношения работодателя и наемного работника, что превращала получателя скота в человека или вассала капиталиста, который его таким образом нанял. Именно на таких условиях Иаков работал на Лавана, и по сей день, даже в цивилизованных странах, это нередкий способ найма рабочей силы. Совместное использование земли, которое в значительной степени преобладает в Южных штатах Союза и в Калифорнии, система *metayer* в Европе, а также многие случаи, когда управляющим, продавцам и т.д. платят процент от прибыли, что это, как не наем рабочей силы за заработную плату, которая состоит из части ее продукта?

Следующим шагом на пути от простоты к сложности является то, что заработная плата, хотя и исчисляется натурой, выплачивается в эквиваленте чего-либо другого. Например, на американских китобойных судах принято выплачивать не фиксированную заработную плату, а “положенную”, или долю улова, которая варьируется от шестнадцатой до двенадцатой капитану и до трехсотой юнге. Таким образом, когда китобойное судно заходит в Нью-Бедфорд или Сан-Франциско после успешного плавания, оно перевозит в своем трюме заработную плату своей команды, а также прибыль своих владельцев и эквивалент, который возместит им все запасы, израсходованные во время плавания. Может ли что—нибудь быть яснее, чем то, что эта заработная плата - этот жир и кости, которые забрала команда китобойного судна, — не были извлечены из капитала, а на самом деле являются частью продукта их труда? Этот факт ни в малейшей степени не изменяется и не затушевывается, когда, для удобства, вместо того, чтобы делить между членами экипажа их долю жира и костей, стоимость доли каждого человека оценивается по рыночной цене, и ему платят за это деньгами. Деньги - это всего лишь эквивалент реальной заработной платы, масла и костей. В этой выплате никоим образом нет аванса капитала. Обязательство по выплате заработной платы не возникает до тех пор, пока стоимость, из которой она должна быть выплачена, не будет доставлена в порт. В тот момент, когда владелец берет из своего капитала деньги, чтобы заплатить команде, он добавляет к своему капиталу масло и кости.

Пока споров быть не может. Давайте теперь сделаем еще один шаг, который приведет нас к обычному методу найма рабочей силы и выплаты заработной платы.

Острова Фараллоне, недалеко от залива Сан-Франциско, являются местом высиживания морских птиц, и компания, которая утверждает, что эти острова нанимают мужчин в соответствующее время года для сбора яиц. Они могли бы нанять этих людей за определенную долю собираемых ими яиц, как это делается при китобойном промысле, и, вероятно, сделали бы это, если бы в этом бизнесе была большая неопределенность; но поскольку домашняя птица многочисленна и таким трудом можно собрать примерно столько-то яиц, они считают более удобным платить своим людям фиксированную заработную плату. Мужчины выходят и остаются на островах, собирая яйца и принося их на пристань, откуда с интервалом в несколько дней их отвозят на небольшом судне в Сан-Франциско и продают. По окончании сезона мужчины

возвращаются, и им выплачивается оговоренная заработная плата в монетах. Разве эта транзакция не является тем же самым, как если бы оговоренная заработная плата выплачивалась не монетами, а эквивалентом собранных яиц? Разве монета не представляет яйца, от продажи которых она была получена, и разве эта заработная плата не является в такой же степени продуктом труда, за который она уплачивается, в какой яйца находились бы во владении человека, собравшего их для себя без вмешательства какого-либо работодателя?

Возьмем другой пример, который с помощью инверсии показывает идентичность заработной платы в деньгах и заработной платы в натуральной форме. В Сан-Буэнавентуре живет человек, который отлично зарабатывает на жизнь, отстреливая ради жира и шкурок обыкновенных волосатых тюленей, которые часто обитают на островах, образующих пролив Санта-Барбара. Отправляясь в эти экспедиции за тюленями, он берет с собой в помощь двух или трех китайцев, которым поначалу полностью платил монетами. Но, по-видимому, китайцы высоко ценят некоторые органы тюленя, которые они сушат и измельчают в порошок для медицинских целей, а также длинные волоски в усах самцов тюленя, которые, когда они достигают определенной длины, они высоко ценят для каких-то целей, которые внешним варварам не очень понятны. И этот человек вскоре обнаружил, что китайцы охотно берут вместо денег эти части убитых тюленей, так что теперь, по большей части, он таким образом выплачивает им заработную плату.

Итак, разве то, что можно видеть во всех этих случаях, — тождество заработной платы в деньгах и заработной платы натурой — не верно для всех случаев, когда заработная плата выплачивается за производительный труд? Разве фонд, созданный трудом, на самом деле не является фондом, из которого выплачивается заработная плата?

Возможно, можно сказать: “Существует такая разница — там, где человек работает на себя, или там, где, работая на работодателя, он получает свою заработную плату натурой, его заработная плата зависит от результата его труда. Если это в результате какого-либо несчастного случая окажется бесполезным, он ничего не получит. Однако, когда он работает на работодателя, он все равно получает свою заработную плату - она зависит от выполнения работы, а не от результата труда”. Но это, очевидно, не является реальным различием. Ибо в среднем труд, выполняемый за фиксированную заработную плату, приносит не только сумму заработной платы, но и больше; в противном случае работодатели не могли бы получать никакой прибыли. Когда заработная плата фиксирована, работодатель берет на себя весь риск и получает компенсацию за эту гарантию, поскольку заработная плата при фиксированной заработной плате всегда несколько меньше, чем при условной. Но хотя, когда оговаривается фиксированная заработная плата, работник, выполнивший свою часть контракта, обычно предъявляет юридические претензии к работодателю, часто, если не вообще, случается так, что стихийное бедствие, которое мешает работодателю получать выгоду от труда, не позволяет ему выплачивать заработную плату. И в одной важной отрасли промышленности работодатель юридически освобожден от ответственности в случае стихийного бедствия, хотя в контракте заработная плата должна быть определенной, а не условной. Ибо принцип адмиралтейского права гласит, что “фрахт - мать заработной платы”, и хотя моряк, возможно, выполнил свою часть работы, катастрофа, которая не позволяет судну заработать на фрахт, лишает его права требовать выплаты заработной платы.

В этой юридической максиме воплощена истина, за которую я борюсь. Производство всегда является матерью заработной платы. Без производства заработной платы не было бы и быть не могло. Заработная плата зависит от продукта труда, а не от авансирования капитала.

Где бы мы ни анализировали факты, это окажется правдой. Ибо труд всегда предшествует заработной плате. Это столь же справедливо в отношении заработной платы, получаемой рабочим от работодателя, как и в отношении заработной платы, получаемой непосредственно рабочим, который является его собственным работодателем. В одном классе случаев, как и в другом, вознаграждение зависит от напряжения сил. Выплачиваемая иногда поденно, чаще за неделю или месяц, иногда за год, а во многих отраслях производства сдельно, выплата заработной платы работодателем работнику всегда подразумевает предыдущее выполнение работником работы в интересах работодателя, поскольку те немногие случаи, когда производятся авансовые платежи за личные услуги, очевидно, относятся либо к благотворительности, либо к гарантии и покупке. Название “аванс”, данное авансовым платежам юристам, показывает истинный характер сделки, как и название “кровавые деньги”, данное на береговом диалекте платежу, который номинально является заработной платой, выплачиваемой морякам, но на самом деле является покупными деньгами — как английское, так и американское законодательство рассматривает моряка в такой же степени как движимое имущество, как и свинью.

Я останавливаюсь на этом очевидном факте, что труд всегда предшествует заработной плате, потому что для понимания более сложных явлений заработной платы крайне важно иметь это в виду. И как бы очевидно это ни было, как я выразился, правдоподобность утверждения о том, что заработная плата извлекается из капитала — утверждения, которое положено в основу таких важных и далеко идущих выводов, — исходит в первую очередь из утверждения, которое игнорирует эту истину и уводит внимание от нее. Это утверждение состоит в том, что труд не может проявлять свою производительную силу, если его содержание не обеспечивается капиталом.⁹ Неосторожный читатель сразу же признает тот факт, что рабочий должен иметь пищу, одежду и т. Д., Чтобы иметь возможность выполнять работу, и, узнав, что пища, одежда и т. Д., Используемые производительными рабочими, являются капиталом, он соглашается с выводом, что потребление капитала необходимо для приложения труда, и из этого следует лишь очевидный вывод, что промышленность ограничена капиталом, что спрос на рабочую силу зависит от предложения капитала и, следовательно, что заработная плата зависит от соотношения между числом рабочих, ищущих работу, и суммой заработной платы. капитала, направленного на их наем.

Но я думаю, что обсуждение в предыдущей главе позволит любому увидеть, в чем заключается ошибочность этого рассуждения — ошибочность, которая запутала некоторые из самых проникательных умов в паутине, которую они сами же и сплели. Дело в использовании термина “капитал” в двух смыслах. В первичном предложении о том, что капитал необходим для осуществления производительного труда, термин “капитал” понимается как включающий всю пищу, одежду, кров и т.д.; тогда как в выводах, сделанных в конечном итоге из этого, этот термин используется в его обычном и законном значении богатства, предназначенного не для немедленного удовлетворения желания, а для приобретения большего богатства — богатства в руках работодателей в отличие от рабочих. Этот вывод не более правомерен, чем если бы из принятия положения о том, что рабочий не может пойти на работу без завтрака и некоторой одежды, можно было бы сделать вывод, что на работу может пойти не больше рабочих, чем

работодатели сначала снабдят завтраками и одеждой. Итак, факт состоит в том, что рабочие обычно сами обеспечивают себя завтраками и одежду, в которой они ходят на работу; и дальнейший факт заключается в том, что капитал (в том смысле, в каком это слово используется в отличие от труда) в исключительных случаях иногда может, но никогда не вынужден, предоставлять авансы трудящимся до начала работы. Из всего огромного числа безработных в цивилизованном мире сегодня, вероятно, нет ни одного желающего работать человека, которого нельзя было бы нанять без какого-либо повышения заработной платы. Значительная часть, несомненно, с радостью пошла бы работать на условиях, которые не требовали выплаты заработной платы до конца месяца; сомнительно, чтобы их можно было назвать классом, который не пошел бы на работу и не ждал бы своей заработной платы до конца недели, как обычно делает большинство рабочих; в то время как, безусловно, нет ни одного, кто не стал бы ждать своей заработной платы до конца дня или, если вам угодно, до следующего приема пищи. Точное время выплаты заработной платы не имеет значения; существенный момент — на котором я делаю упор — заключается в том, что это происходит *после* выполнения работы.

Следовательно, выплата заработной платы всегда подразумевает предыдущее предоставление рабочей силы. Итак, что подразумевает предоставление рабочей силы в производстве? Очевидно, производство богатства, которое, если оно подлежит обмену или использованию в производстве, является капиталом. Следовательно, выплата капитала в виде заработной платы предполагает производство капитала трудом, за который выплачивается заработная плата. А поскольку работодатель обычно получает прибыль, то выплата заработной платы, насколько это его касается, является всего лишь возвратом рабочему части капитала, полученного им от труда. Что касается работника, то это всего лишь получение части капитала, ранее произведенного его трудом. Поскольку стоимость, выплачиваемая в виде заработной платы, таким образом, обменивается на стоимость, созданную трудом, то как можно сказать, что заработная плата извлекается из капитала или авансируется капиталом? Поскольку при обмене труда на заработную плату работодатель всегда получает капитал, созданный трудом, до того, как он выплатит капитал в виде заработной платы, в какой момент его капитал уменьшается даже временно?¹⁰

Поставьте вопрос на проверку фактами. Возьмем, к примеру, производителя—работодателя, который занимается превращением сырья в готовую продукцию - хлопка в ткань, железа в скобяные изделия, кожи в сапоги и так далее, в зависимости от обстоятельств, и который платит своим рабочим, как это обычно бывает, раз в неделю. Проведите точную инвентаризацию его капитала в понедельник утром перед началом работы, и он будет состоять из его зданий, оборудования, сырья, наличных денег и готовой продукции на складе. Предположим, для простоты, что он не покупает и не продает в течение недели, а после того, как работа прекратилась и он расплатился в субботу вечером, проведите новую инвентаризацию своего капитала. Денежной статьи будет меньше, поскольку она была выплачена в виде заработной платы; будет меньше сырья, меньше угля и т.д., И из стоимости зданий и оборудования необходимо будет сделать соответствующий вычет с учетом износа за неделю. Но если он занимается прибыльным бизнесом, что в среднем должно иметь место, то количество готовой продукции будет настолько больше, что компенсирует все эти недостатки и в итоге покажет увеличение капитала. Таким образом, очевидно, что стоимость, которую он платил своим рабочим в виде заработной платы, была получена не из его капитала или из чьего-либо другого капитала. Это произошло не из капитала, а из стоимости, созданной самим трудом. Авансирование капитала было не большим, чем если бы он нанял рабочих копать моллюсков и

заплатил им частью добытых ими моллюсков. Их заработная плата была таким же истинным продуктом их труда, как и заработная плата первобытного человека, когда задолго “до присвоения земли и накопления капитала” он добыл устрицу, сбив ее камнем со скалы.

Поскольку рабочий, работающий на работодателя, не получает своей заработной платы до тех пор, пока не выполнит свою работу, его случай аналогичен случаю вкладчика в банке, который не может получить деньги, пока он не внесет их. И поскольку, извлекая то, что он вложил ранее, банковский вкладчик не уменьшает капитал банка, точно так же рабочие, получая заработную плату, не могут уменьшить, даже временно, ни капитал работодателя, ни совокупный капитал общества. Их заработная плата зависит от капитала не больше, чем чеки вкладчиков выписываются на банковский капитал. Верно, что рабочие, получая заработную плату, обычно не получают обратно богатство в той же форме, в какой они его передали, так же как вкладчики банков не получают обратно идентичные монеты или банкноты, которые они депонировали, но они получают его в эквивалентной форме, и поскольку мы правомерны, говоря, что вкладчик получает от банка деньги, которыми он заплатил, точно так же мы правомерны, говоря, что рабочий получает в виде заработной платы богатство, которое он передал своим трудом.

То, что эта универсальная истина так часто затемняется, в значительной степени связано с этим плодотворным источником экономических неясностей, смешением богатства с деньгами; и замечательно видеть, как многие из тех, кто со времен доктора Адама Смита заставил яйцо встать на голову и обильно продемонстрировал ошибочность торговой системы, впадают в заблуждения того же рода при рассмотрении отношений капитала и труда. Поскольку деньги являются общим средством обмена, общим потоком, через который происходят все преобразования богатства из одной формы в другую, какие бы трудности ни существовали при обмене, они обычно проявляются в сторону сведения к деньгам, и, таким образом, иногда легче обменять деньги на любую другую форму богатства, чем обменять богатство в определенной форме на деньги, по той причине, что владельцев богатства, желающих совершить какой-либо обмен, больше, чем тех, кто желает совершить какой-либо конкретный обмен. И поэтому предпринимателю-производителю, который выплатил свои деньги в виде заработной платы, иногда может быть трудно быстро обратить обратно в деньги возросшую стоимость, на которую его деньги действительно были обменены, и о которой говорят, что он исчерпал или авансировал свой капитал на выплату заработной платы. И все же, если только новая стоимость, созданная трудом, не меньше выплаченной заработной платы, что может быть только в исключительном случае, капитал, который он имел раньше в деньгах, теперь он имеет в товарах — он изменился по форме, но не уменьшился.

Существует одна отрасль производства, в отношении которой меньше всего вероятны путаницы мышления, возникающие из-за привычки оценивать капитал в деньгах, поскольку ее продуктом является общий материал и денежный стандарт. И так получилось, что этот бизнес предоставляет нам, практически бок о бок, иллюстрации перехода производства от простейших форм к наиболее сложным.

На заре существования Калифорнии, как впоследствии и Австралии, старатель россыпи, обнаруживший в русле реки или на поверхности месторождения блестящие частицы, которые медленные природные процессы накапливали веками, забирал или вымывал свое “жалованье” (так он их тоже называл) в настоящих деньгах, поскольку монет было мало, золотой песок считался валютой по весу, и в конце дня его жалованье в деньгах лежало в мешочке из оленьей

кожи у него в кармане. Не может быть никаких споров относительно того, поступала ли эта заработная плата из капитала или нет. Очевидно, что она была продуктом его труда. Также не могло быть никаких споров, когда владелец особенно богатого участка нанимал людей для работы на себя и расплачивался с ними теми же деньгами, которые их работники брали в ущелье или баре. По мере того как монет становилось все больше, их большее удобство в избавлении от хлопот и потерь при взвешивании придавало золотому песку место товара, и монетами, полученными от продажи пыли, добытой их трудом, старатель-наниматель расплачивался со своими работниками. Там, где у него было достаточно денег, чтобы сделать это, вместо того, чтобы продавать свой золотой песок в ближайшем магазине и выплачивать прибыль дилеру, он хранил его до тех пор, пока не наберет достаточно для поездки или отправки экспресс-почтой в Сан-Франциско, где на монетном дворе он мог превратить его в монету бесплатно. Накапливая таким образом золотой песок, он уменьшал свой запас монет; точно так же, как фабрикант, накапливая запас товаров, уменьшает свой запас денег. И все же никто не был бы настолько туп, чтобы вообразить, что, добывая таким образом золотой песок и выплачивая монету, старатель уменьшает свой капитал.

Но месторождения, которые можно было разрабатывать без предварительной рабочей силы, вскоре были исчерпаны, и добыча золота быстро приняла более сложный характер. Прежде чем можно было открыть заявки и получить какую-либо отдачу, необходимо было прорыть глубокие шахты, построить огромные плотины, прорубить длинные туннели в самых твердых породах, провести воду на многие мили по горным хребтам и глубоким долинам и установить дорогостоящее оборудование. Эти сооружения не могли быть построены без привлечения капитала. Иногда на их возведение требовались годы, в течение которых нельзя было надеяться на отдачу, в то время как нанятым работникам приходилось выплачивать заработную плату каждую неделю или каждый месяц. Несомненно, в таких случаях, даже если ни в каких других, будет сказано, что заработная плата действительно исходит из капитала; фактически авансируется капиталом; и ее выплата неизбежно должна уменьшать капитал! По крайней мере, здесь, промышленность ограничена капиталом, поскольку без капитала такие работы не могли бы вестись! Давайте посмотрим:

Именно случаи этого класса всегда приводятся как примеры, показывающие, что заработная плата авансируется за счет капитала. Ибо там, где заработная плата выплачивается до того, как объект труда получен или закончен, — как в сельском хозяйстве, где вспашка и сев должны на несколько месяцев предшествовать сбору урожая; как при возведении зданий, постройке кораблей, железных дорог, каналов и т.д., — ясно, что владельцы капитала, выплачиваемого в виде заработной платы, не могут ожидать немедленной отдачи, но, как говорится, должны “израсходовать его” или “не пользоваться им” на время, которое иногда исчисляется многими годами. И, следовательно, если не принимать во внимание первые принципы, легко прийти к выводу, что заработная плата авансируется капиталом.

Но подобные случаи не приведут в замешательство читателя, которому из предшествующего я ясно дал понять, что я имею в виду. Простой анализ покажет, что эти случаи, когда заработная плата выплачивается до того, как продукт готов или даже произведен, не представляют собой какого-либо исключения из правила, очевидного там, где продукт готов до выплаты заработной платы.

Если я иду к брокеру обменять серебро на золото, я отдаю свое серебро, которое он пересчитывает и убирает, а затем передает мне эквивалент в золоте за вычетом его комиссионных. Предоставляет ли брокер мне какой-либо капитал? Очевидно, что нет. То, что у него было раньше в золоте, теперь у него есть в серебре, плюс его прибыль. И поскольку он получил серебро до того, как выплатил золото, с его стороны нет даже кратковременного аванса капитала.

Итак, эта операция брокера в точности аналогична тому, что делает капиталист, когда в таких случаях, которые мы сейчас рассматриваем, он выплачивает капитал в виде заработной платы. Поскольку оказание труда предшествует выплате заработной платы и поскольку оказание труда в производстве подразумевает создание стоимости, работодатель получает стоимость до того, как он выплачивает стоимость - он всего лишь обменивает капитал одной формы на капитал другой формы. Ибо создание стоимости не зависит от окончательной обработки продукта; оно происходит на каждой стадии процесса производства как непосредственный результат приложения труда, и, следовательно, независимо от продолжительности процесса, в котором оно задействовано, труд всегда увеличивает капитал своим усилием, прежде чем отнимает у капитала заработную плату.

Вот кузнец в своей кузнице, изготавливающий кирки. Очевидно, что он производит кирки, добавляющие капитал к капиталу своего работодателя, прежде чем он получит из них деньги в виде заработной платы. Вот механик или котельщик, работающий над килевыми пластинами "Грейт Истерн". Разве он также не создает капитал, создающий стоимость? Гигантский пароход, как и кирка, является предметом богатства, орудием производства, и хотя одно может быть завершено только через годы, в то время как другое достраивается за несколько минут, ежедневный труд, как в одном, так и в другом случае, столь же очевидно является производством богатства — добавлением к капиталу. В случае с пароходом, как и в случае с киркой, ценность готового продукта создается не последним ударом, не в большей степени, чем первым ударом, — создание стоимости происходит непрерывно, оно непосредственно является результатом приложения труда.

Мы видим это очень ясно везде, где разделение труда сделало обычным выполнение различных частей полного производственного процесса различными группами производителей, то есть везде, где мы привыкли оценивать величину стоимости, созданную трудом, затраченным на какой-либо подготовительной стадии производства. И минутное размышление покажет, что это относится к подавляющему большинству продуктов. Возьмите корабль, здание, складной нож, книгу, дамский наперсток или буханку хлеба. Это готовые изделия. Но они не были произведены на одной операции или одним набором производителей. И в этом случае мы легко различаем разные точки или этапы создания ценности, которую они представляют в качестве готовых изделий. Когда мы не различаем различные детали в конечном процессе производства, мы различаем ценность материалов. Ценность этих материалов часто может быть многократно разложена по полочкам, демонстрируя столько же четко определенных этапов в создании конечной ценности. На каждом из этих этапов мы обычно оцениваем создание стоимости, добавление к капиталу. Порция хлеба, которую пекарь достает из печи, имеет определенную ценность. Но она частично складывается из стоимости муки, из которой было приготовлено тесто. И это опять же складывается из стоимости пшеницы, стоимости, полученной при помоле, и т.д. Железо в виде чушек очень далеко от того, чтобы быть готовым продуктом. Ему еще предстоит пройти несколько или, возможно, даже множество стадий производства, прежде чем

в результате получатся готовые изделия, которые были конечными объектами, для которых железная руда добывалась из рудника. И все же, разве чугун не является капиталом? Таким образом, процесс производства на самом деле завершается не тогда, когда собран урожай хлопка, и еще не тогда, когда он отжат; и еще не тогда, когда он поступает в Лоуэлл или Манчестер; и еще не тогда, когда он превращается в пряжу; и еще не тогда, когда он становится тканью; но только тогда, когда он окончательно попадает в руки потребителя. Тем не менее, на каждом этапе этого прогресса достаточно ясно наблюдается создание ценности — добавление к капиталу. Почему же, в таком случае, хотя мы не так привычно различаем и оцениваем это, не происходит создания стоимости — добавления к капиталу, — когда земля вспахивается для получения урожая? Это потому, что сезон может быть плохим и урожай может быть неурожайным? Очевидно, что нет, поскольку подобная вероятность несчастного случая присутствует на каждом из многих этапов производства готового изделия. В среднем урожай обязательно взойдет, и столько-то вспашек и посевов в среднем дадут столько-то хлопка в коробочке, так же точно, как такое-то количество прядения хлопчатобумажной пряжи даст столько-то ткани.

Короче говоря, поскольку выплата заработной платы всегда обусловлена оказанием рабочей силы, выплата заработной платы в производстве, каким бы длительным ни был процесс, никогда не влечет за собой какого-либо авансирования капитала и даже временного уменьшения капитала. На постройку корабля может уйти год или даже годы, но создание ценности, суммой которой станет готовый корабль, продолжается день за днем и час за часом, с момента закладки киля или даже расчистки грунта. Также, выплачивая заработную плату до завершения строительства корабля, мастер-строитель не уменьшает ни свой капитал, ни капитал общества, поскольку стоимость частично завершенного корабля заменяет стоимость, выплачиваемую в виде заработной платы. В этой выплате заработной платы нет авансирования капитала, поскольку труд рабочих в течение недели или месяца создает и передает строителю больше капитала, чем выплачивается им в конце недели или месяца, о чем свидетельствует тот факт, что если бы строителя на какой-либо стадии строительства попросили продать частично законченное судно, он ожидал бы прибыли.

И поэтому, когда прокладывается туннель Суэца, Сен-Готард или Суэцкий канал, притока капитала не происходит. Туннель или канал, когда он прорублен, становится капиталом в той же степени, в какой деньги, затраченные на его прорубку, — или, если угодно, порошок, сверла и т.д., используемые в работе, а также еда, одежда и т.д., используемые рабочими, — становятся капиталом, о чем свидетельствует тот факт, что стоимость основного капитала компании не уменьшается по мере того, как капитал в этих формах постепенно превращается в капитал в форме туннеля или канала. Напротив, она, вероятно, и в среднем увеличивается по мере выполнения работы, точно так же, как в среднем увеличился бы капитал, вложенный в более быстрый способ производства.

И это очевидно и в сельском хозяйстве. То, что создание стоимости происходит не сразу, когда собран урожай, а шаг за шагом в течение всего процесса, которым завершается сбор урожая, и что никакая выплата заработной платы в промежуточный период не уменьшает капитал фермера, достаточно ощутимо, когда земля продается или арендуется в процессе производства, поскольку вспаханное поле принесет больше, чем непаханное поле, или поле, на котором было засеяно больше, чем на одном просто вспаханном. Это достаточно ощутимо, когда выращенный урожай продается, как это иногда делается, или когда фермер не собирает

урожай сам, а передает контракт владельцу уборочной техники. Это ощутимо в случае с садами и виноградниками, которые, хотя еще и не начали плодоносить, приносят цены, пропорциональные их возрасту. Это ощутимо в случае с лошадьми, крупным рогатым скотом и овцами, стоимость которых возрастает по мере приближения к зрелости. И хотя это увеличение стоимости не всегда ощутимо между тем, что можно назвать обычными точками обмена в производстве, оно, несомненно, имеет место при каждом приложении труда. Следовательно, там, где труд оказывается до выплаты заработной платы, авансирование капитала действительно производится трудом и осуществляется от занятого к работодателю, а не от работодателя к занятому.

“И все же, - могут сказать, - в таких случаях, которые мы рассматривали, требуется капитал!” Конечно; я этого не оспариваю. Но это требуется не для того, чтобы продвигать рабочую силу. Это требуется совсем для другой цели. Что это за цель, мы можем легко увидеть.

Когда заработная плата выплачивается натурой, то есть богатствами того же вида, которые производит труд; как, например, если я нанимаю людей рубить лес, соглашаясь отдавать им в качестве заработной платы часть срубленной ими древесины, метод, иногда применяемый владельцами или арендаторами лесных угодий, очевидно, что для выплаты заработной платы не требуется капитала. И все же, когда ради взаимного удобства, вытекающего из того факта, что большое количество древесины может быть легче и выгоднее обменено, чем несколько небольших количеств, я соглашаюсь выплачивать заработную плату деньгами, а не древесиной, мне не понадобится какой-либо капитал, при условии, что я смогу обменять древесину на деньги до наступления срока выплаты заработной платы. Только когда я не смогу произвести такой обмен или такой выгодный обмен, какой я желаю, пока не накоплю большое количество древесины, мне понадобится капитал. И даже тогда мне не понадобится капитал, если я смогу произвести частичный или предварительный обмен, взяв займы свои дрова. Если я не могу или не хочу продавать древесину или брать под нее займы, и все же хочу продолжать накапливать большой запас древесины, мне понадобится капитал. Но очевидно, что мне нужен этот капитал не для выплаты заработной платы, а для накопления запаса древесины. Аналогично при прокладке туннеля. Если бы рабочим платили наличными (что, при удобном случае, можно было бы легко сделать, заплатив им акциями компании), никакого капитала для выплаты заработной платы не потребовалось бы. Капитал понадобится предпринимателям только тогда, когда они захотят накопить капитал в форме туннеля. Возвращаясь к нашему первому примеру: брокер, которому я продаю свое серебро, не может вести свой бизнес без капитала. Но ему не нужен этот капитал, потому что он авансирует мне какой-либо капитал, когда получает мое серебро и передает мне золото. Он нуждается в этом, потому что природа бизнеса требует иметь под рукой определенную сумму капитала, чтобы, когда придет клиент, он мог быть готов совершить обмен, которого желает клиент.

И так мы обнаружим это в каждой отрасли производства. Капитал никогда не должен откладываться для выплаты заработной платы, когда продукт труда, за который выплачивается заработная плата, обменивается сразу же после производства; он требуется только тогда, когда этот продукт запасен или, что для индивида одно и то же, включен в общий поток обмена без немедленного изъятия, то есть продан в кредит. Но требуемый таким образом капитал не требуется ни для выплаты заработной платы, ни для авансов работникам, поскольку он всегда представлен в продукте труда. Любой производитель никогда не нуждается в капитале как наниматель рабочей силы; когда он действительно нуждается в капитале, это потому, что он не

только наниматель рабочей силы, но и торговец, спекулянт продуктами труда или накопитель их. Как правило, так обстоит дело с работодателями.

Резюмирую: человек, который работает на себя, получает свою заработную плату в вещах, которые он производит, по мере того, как он их производит, и обменивает эту стоимость на другую форму всякий раз, когда он продает продукт. Человек, который работает на другого за оговоренную денежную плату, работает по договору мены. Он также создает свою заработную плату по мере выполнения своего труда, но получает ее только в установленное время, в установленных количествах и в другой форме. Выполняя работу, он продвигается вперед в обмен; когда он получает свою заработную плату, обмен завершен. В течение того времени, пока он получает заработную плату, он авансирует капитал своему работодателю, но ни в коем случае, если заработная плата не выплачивается до выполнения работы, работодатель не авансирует ему капитал. Независимо от того, немедленно ли работодатель, получающий этот продукт в обмен на заработную плату, обменивает его повторно или оставляет себе на некоторое время, характер сделки меняется не больше, чем окончательное распоряжение продуктом конечным получателем, который, возможно, находится в другой части земного шара и в конце серии обменов, насчитывающей сотни единиц.

ГЛАВА IV.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОЧИХ, ПРИВЛЕЧЕННЫХ НЕ ЗА СЧЕТ КАПИТАЛА.

Но камень преткновения все же может остаться или возникнуть вновь в сознании читателя.

Поскольку пахарь не может есть борозду, а частично законченный паровой двигатель никоим образом не помогает в производстве одежды, которую носит машинист, разве я, по словам Джона Стюарта Милля, “не забыл, что население страны содержится и удовлетворяет свои потребности не за счет продуктов нынешнего труда, а за счет прошлого”? Или, выражаясь языком популярного элементарного произведения — миссис Фосетт — разве я не “забыл, что между посевом семян и временем, когда плоды этого семени превращаются в буханку хлеба”, должно пройти много месяцев“ и что “следовательно, очевидно, что рабочие не могут жить за счет того, что их труд помогает производить, но поддерживаются тем богатством, которое ранее было произведено их трудом или трудом других людей, которое является капиталом?”¹¹

Допущение, сделанное в этих отрывках, — допущение о том, что существование труда должно обеспечиваться за счет капитала, настолько самоочевидно, что это утверждение достаточно сформулировать, чтобы добиться признания, — проходит через всю структуру современной политической экономии. И так уверенно утверждается, что содержание рабочей силы осуществляется за счет капитала, что положение о том, что “население регулирует себя за счет средств, предназначенных для его использования, и, следовательно, всегда увеличивается или уменьшается с увеличением или уменьшением капитала”,¹² считается столь же аксиомой и, в свою очередь, положено в основу важных рассуждений.

Тем не менее, будучи разрешенными, эти утверждения кажутся не самоочевидными, а абсурдными; поскольку они предполагают идею о том, что труд не может быть применен до тех пор, пока продукты труда не будут сохранены - таким образом, продукт оказывается в руках производителя.

И при рассмотрении станет ясно, что их кажущаяся правдоподобность проистекает из путаницы мыслей.

Я уже указывал на ошибочность, скрытую ошибочным определением, которая лежит в основе утверждения, что, поскольку пища, одежда и кров необходимы для производительного труда, следовательно, промышленность ограничена капиталом. Сказать, что человек должен позавтракать перед тем, как идти на работу, не значит сказать, что он не может пойти на работу, если капиталист не накормит его завтраком, поскольку его завтрак может быть получен и фактически в любой стране, где нет настоящего голода, будет получен не из богатства, выделенного для содействия производству, а из богатства, выделенного для поддержания жизни. И, как было показано ранее, пища, одежда и т.д. — короче говоря, все предметы богатства — являются капиталом только до тех пор, пока они остаются во владении тех, кто намеревается не потреблять, а обменять их на другие товары или на производственные услуги, и перестают быть капиталом, когда они переходят во владение тех, кто будет их потреблять; ибо в этой сделке они переходят из запаса богатства, удерживаемого с целью приобретения другого богатства, в запас богатства, удерживаемого с целью удовлетворения потребностей, независимо от того, будет ли их потребление способствовать производству богатства или нет. Пока это различие не будет сохранено, невозможно провести грань между богатством, которое является капиталом, и богатством, которое капиталом не является, даже перенося это различие на “разум владельца”, как это делает Джон Стюарт Милль. Ибо мужчины не едят и не воздерживаются, носят одежду или ходят голыми, поскольку они предполагают заниматься производительным трудом или нет. Они едят, потому что голодны, и носят одежду, потому что без нее им было бы неудобно. Возьмите еду со стола для завтрака рабочего, который будет работать или нет в тот день, когда у него появится такая возможность. Если различие между капиталом и не-капиталом заключается в поддержке производительного труда, является ли это пищевым капиталом или нет? Это так же невозможно сказать самому рабочему, как и любому философу школы Рикардо-Милля. И все же нельзя сказать, когда он попадет в его желудок; и, предположив, что сначала он не получит работу, а продолжит поиски, нельзя сказать, пока он не попадет в кровь и ткани. И все же этот человек все равно съест свой завтрак.

Но, хотя этого было бы логически достаточно, вряд ли безопасно останавливаться на этом и ограничиваться аргументацией различия между богатством и капиталом. В этом нет необходимости. Мне кажется, что утверждение о том, что нынешний труд должен поддерживаться за счет продуктов прошлого труда, после анализа окажется верным только в том смысле, что дневной труд должен выполняться с помощью полуденной трапезы или что, прежде чем вы съедите зайца, его нужно поймать и приготовить. И это, очевидно, не тот смысл, в котором пропозиция используется для поддержки важного рассуждения, которое делается зависящим от нее. Этот смысл заключается в том, что прежде чем можно будет продолжить работу, которая не приведет немедленно к получению богатства, доступного для существования, должен существовать такой запас средств к существованию, который поддержит работников во время этого процесса. Давайте посмотрим, так ли это:

Каное, которое Робинзон Крузо смастерил с таким бесконечным трудом, было произведением, в котором его труд не мог принести немедленной отдачи. Но было неизбежно, чтобы перед тем, как отправиться в путь, он накопил достаточный запас пищи, чтобы прокормиться, пока он будет валить дерево, вытесывать каное и, наконец, спускать его в море? Вовсе нет. Было необходимо только, чтобы он посвящал часть своего времени заготовке пищи, в то время как он посвящал часть своего времени постройке и спуску на воду каное. Или предположим, что сотня человек высаживается без какого-либо запаса провизии в новой стране. Будет ли им необходимо накопить сезонный запас провизии, прежде чем они смогут начать обрабатывать землю? Вовсе нет. Необходимо только, чтобы рыбы, дичи, ягод и т.д. Было в таком изобилии, чтобы труда части из сотни могло хватить на то, чтобы ежедневно добывать достаточное их количество для содержания всех, и чтобы существовало такое чувство взаимной заинтересованности или такое соответствие желаний, которое побудит тех, кто в настоящее время добывает пищу, делиться (обмениваться) с теми, чьи усилия направлены на вознаграждение в будущем.

То, что верно в этих случаях, верно и во всех случаях. Для производства вещей, которые не могут быть использованы в качестве средств к существованию или не могут быть использованы немедленно, не обязательно, чтобы ранее производилось богатство, необходимое для содержания работников, пока продолжается производство. Необходимо только, чтобы где-то внутри круга обмена существовало одновременное производство средств к существованию, достаточных для работников, и готовность обменять эти средства к существованию на вещь, на которую затрачивается труд.

И в самом деле, разве при любом нормальном положении вещей потребление не поддерживается текущим производством?

Перед нами роскошный бездельник, который не занимается производительной работой ни головой, ни руками, но живет, как мы говорим, на богатство, оставленное ему отцом, надежно вложенное в государственные облигации. Обеспечивается ли его существование, на самом деле, за счет богатства, накопленного в прошлом, или за счет производительного труда, который происходит вокруг него? На его столе только что снесенные яйца, масло, взбитое всего несколько дней назад, молоко, которое корова дала сегодня утром, рыба, которая двадцать четыре часа назад плавала в море, мясо, которое мальчик-мясник только что принес для приготовления, овощи, только что с грядки, и фрукты из фруктового сада - короче говоря, вряд ли что-либо, что недавно не выходило из рук производительного работника (ибо в эту категорию следует включить перевозчиков и дистрибьюторов, а также тех, кто занят на первых стадиях производства), и ничего, что производилось в течение сколько-нибудь значительного периода времени, если только это может быть несколько бутылок старого вина. То, что этот человек унаследовал от своего отца и на что, как мы говорим, он живет, на самом деле вовсе не богатство, а всего лишь способность распоряжаться богатством по мере того, как другие его производят. И именно из этого современного производства он черпает средства к существованию.

Пятьдесят квадратных миль Лондона, несомненно, содержат больше богатств, чем на том же пространстве где-либо еще. И все же, если бы производительный труд в Лондоне полностью прекратился, в течение нескольких часов люди начали бы умирать, как тухлые овцы, а через несколько недель или, самое большее, через несколько месяцев вряд ли кто-то остался бы в

живых. Ибо полная приостановка производительного труда была бы катастрофой более ужасной, чем когда-либо случавшаяся с осажденным городом. Это была бы не просто внешняя стена обхода, подобная той, которую Тит построил вокруг Иерусалима, которая препятствовала бы постоянному поступлению припасов, на которых живет великий город, но это было бы возведение подобной стены вокруг каждого дома. Представьте себе такую приостановку труда в любом сообществе, и вы увидите, насколько верно то, что человечество действительно живет впроголодь; что именно ежедневный труд сообщества обеспечивает общество хлебом насущным.

Точно так же, как средства к существованию рабочих, строивших пирамиды, были получены не из ранее накопленных запасов, а из постоянно растущих урожаев долины Нила; точно так же, как современное правительство, когда оно предпринимает большую многолетнюю работу, присваивает себе не уже произведенное богатство, а богатство, которое еще предстоит произвести, которое изымается у производителей в виде налогов по мере выполнения работы; так и средства к существованию рабочих, занятых производством, которое непосредственно не приносит средств к существованию, поступают от производства средств к существованию, в котором одновременно заняты другие.

Если мы проследим круг обмена, посредством которого работа, выполняемая при производстве большого парового двигателя, обеспечивает рабочему хлеб, мясо, одежду и кров, мы обнаружим, что, хотя между рабочим, работающим на двигателе, и производителями хлеба, мяса и т.д. Может быть тысяча промежуточных обменов, сделка, если свести ее к самым низким условиям, действительно сводится к обмену рабочей силой между ним и ними. Итак, причина, вызывающая затраты труда на двигатель, очевидно, заключается в том, что кто-то, имеющий власть дать то, чего желает работник двигателя, хочет взамен двигатель, то есть существует спрос на двигатель со стороны тех, кто производит хлеб, мясо и т.д., Или со стороны тех, кто производит то, чего желают производители хлеба, мяса и т.д. Именно этот спрос направляет труд машиниста на производство двигателя, и, следовательно, наоборот, спрос машиниста на хлеб, мясо и т.д. Действительно направляет эквивалентное количество труда на производство этих вещей, и, таким образом, его труд, фактически затраченный на производство двигателя, фактически производит вещи, на которые он тратит свою заработную плату.

Или, чтобы сформулировать этот принцип:

Спрос на потребление определяет направление, в котором будет расходоваться рабочая сила в производстве.

Этот принцип настолько прост и очевиден, что не нуждается в дальнейших иллюстрациях, однако в его свете исчезают все сложности нашего предмета, и мы, таким образом, приходим к тому же взгляду на реальные объекты и вознаграждения труда в хитросплетениях современного производства, которого мы достигли, наблюдая на первых порах общества более простые формы производства и обмена. Мы видим, что сейчас, как и тогда, каждый работник стремится своими усилиями добиться удовлетворения своих собственных желаний; мы видим, что, хотя мелкое разделение труда возлагает на каждого производителя производство лишь небольшой части или, возможно, вообще ничего из тех конкретных вещей, ради получения которых он

трудится, все же, помогая в производстве того, чего хотят другие производители, он направляет другой труд на производство желаемых им вещей — фактически, производит их сам. И таким образом, если он делает складные ножи и ест пшеницу, пшеница на самом деле является таким же продуктом его труда, как если бы он вырастил ее для себя и предоставил производителям пшеницы самим делать складные ножи.

Таким образом, мы видим, насколько полностью верно утверждение, что во всем, что берется или потребляется рабочими в обмен на оказанный труд, нет аванса капитала рабочим. Если я изготовил складные ножи и на полученную заработную плату купил пшеницы, я просто обменял складные ножи на пшеницу - добавил складные ножи к имеющемуся запасу богатства и забрал из него пшеницу. И поскольку спрос на потребление определяет направление, в котором будет затрачен труд в производстве, нельзя даже сказать, пока не достигнут предел производства пшеницы, что я уменьшил запас пшеницы, ибо, поместив складные ножи в меняемый запас богатства и изъяв пшеницу, я определил труд на другом конце ряда обменов для производства пшеницы, точно так же, как производитель пшеницы, поместив пшеницу и потребовав складные ножи, определил труд для производства складных ножей, как самый простой способ, которым можно получить пшеницу.

И вот человек, идущий за плугом — хотя урожай, под который он вспахивает землю, еще не посеян, а после посева потребуются месяцы, чтобы достичь зрелости, — он все же, прилагая свои усилия при вспашке, фактически производит пищу, которую он ест, и заработную плату, которую он получает. Ибо, хотя вспашка - это всего лишь часть операции по производству урожая, она *является* такой же необходимой частью, как и сбор урожая. Выполнение этого является шагом к получению урожая, который, благодаря гарантии, которую он дает в отношении будущего урожая, освобождает от постоянно удерживаемых запасов средства к существованию и заработную плату пахаря. Это верно не только теоретически, это верно практически и буквально. В надлежащее время для вспашки прекратите вспашку. Разве симптомы дефицита не проявились бы сразу, не дожидаясь времени сбора урожая? Если бы пахота прекратилась, и эффект сразу же почувствовался бы в бухгалтерии, механическом цехе и на фабрике? Разве ткацкий станок и веретено вскоре не простаивали бы так же просто, как плуг? То, что это было бы так, мы видим по эффекту, который сразу следует за плохим сезоном. И если это так, то разве человек, который пашет, не производит на самом деле средства к существованию и заработную плату в такой же степени, как если бы в течение дня или недели его труд действительно приводил к появлению вещей, на которые обменивается его труд?

На самом деле, там, где есть рабочая сила, ищущая работу, нехватка капитала не мешает владельцу земли, которая обещает урожай, на который есть спрос, нанять ее. Либо он заключает соглашение о возделывании на паях, что является распространенным методом в некоторых частях Соединенных Штатов, и в этом случае рабочие, если у них нет средств к существованию, в силу выполняемой ими работы получают кредит в ближайшем магазине; или, если он предпочитает выплачивать заработную плату, фермер сам получит кредит, и, таким образом, работа, сделанная при возделывании, немедленно используется или обменивается по мере ее выполнения. Если и будет израсходовано чего-то больше, чем было бы израсходовано, если бы рабочие были вынуждены просить милостыню вместо того, чтобы работать (ибо в любой цивилизованной стране при нормальном положении вещей рабочие все

равно должны быть обеспечены), то это будет резервный капитал, вытянутый перспективой замещения, и который фактически замещается работой по мере ее выполнения. Например, в чисто сельскохозяйственных районах Южной Калифорнии в 1877 году произошел полный неурожай, и от миллионов овец не осталось ничего, кроме костей. В великой долине Сан-Хоакин было много фермеров, у которых не хватало продовольствия, чтобы прокормить свои семьи до следующего сбора урожая, не говоря уже о том, чтобы содержать каких-либо работников. Но дожди снова пошли в положенный сезон, и эти самые фермеры стали нанимать рабочих для пахоты и сеяния. На каждого здесь и там приходилось по фермеру, который недополучал часть своего урожая. Как только пошли дожди, он стремился продать зерно до того, как следующий урожай снизит цены, и зерно, которое таким образом хранилось в резерве, с помощью механизма обмена и авансов перейдет в пользование земледельцев — высвобожденное, фактически произведенное работой, проделанной для следующего урожая.

Серию обменов, объединяющих производство и потребление, можно сравнить с изогнутой трубкой, наполненной водой. Если с одного конца заливается определенное количество воды, такое же количество выделяется с другого. Это не та же самая вода, но ее эквивалент. И поэтому те, кто выполняет производственную работу, вкладывают столько, сколько они вынимают, — они получают в виде средств к существованию и заработной платы только продукт своего труда.

ГЛАВА V. РЕАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ КАПИТАЛА.

Теперь можно спросить, если капитал не требуется для выплаты заработной платы или поддержки рабочей силы в процессе производства, каковы же тогда его функции?

Предыдущий экзамен прояснил ответ. Капитал, как мы видели, состоит из богатства, используемого для приобретения большего богатства, в отличие от богатства, используемого для прямого удовлетворения желания; или, как я думаю, это можно определить, из богатства в процессе обмена.

Таким образом, капитал увеличивает способность труда производить богатство: (1) Позволяя труду применять себя более эффективными способами, например, выкапывая моллюсков лопатой вместо руки или перемещая судно, подбрасывая уголь в печь, вместо того чтобы тянуть весло. (2) Позволяя трудящимся использовать репродуктивные силы природы, например, получать зерно, посеяв его, или животных, разведя их. (3) Разрешая разделение труда и, таким образом, с одной стороны, повышая эффективность человеческого фактора богатства за счет использования особых способностей, приобретения навыков и сокращения отходов; и, с другой стороны, максимально задействуя силы природного фактора, используя разнообразие почвы, климата и ситуации, чтобы получать каждый конкретный вид богатства там, где природа наиболее благоприятствует его производству.

Капитал не предоставляет материалы, из которых труд превращается в богатство, как ошибочно учат; материалы для богатства предоставляются природой. Но такие материалы частично перерабатываются и в процессе обмена являются капиталом.

Капитал не обеспечивает и не авансирует заработную плату, как ошибочно учат. Заработная плата - это та часть продукта своего труда, которую получает рабочий.

Капитал не поддерживает работников во время выполнения их работы, как ошибочно учат. Рабочие содержатся за счет своего труда, человека, который производит, полностью или частично, все, что можно обменять на предметы обслуживания, фактически производя это обслуживание.

Следовательно, капитал не ограничивает промышленность, как ошибочно преподается, единственным ограничением для промышленности является доступ к природному материалу. Но капитал может ограничить форму промышленности и ее производительность, ограничивая использование инструментов и разделение труда.

Ясно, что капитал может ограничивать форму производства. Без фабрики не могло бы быть фабричных рабочих; без швейной машины не было бы машинного шитья; без плуга не было бы пахаря; и без большого капитала, задействованного в обмене, промышленность не смогла бы принять многие особые формы, которые связаны с обменом. Столь же очевидно, что нехватка инструментов должна сильно ограничивать производительность промышленности. Если фермер вынужден пользоваться лопатой, потому что у него недостаточно капитала для плуга, серпом вместо жатвы, цепом вместо молотилки; если машинист должен полагаться на долото для резки железа; ткач на ручной ткацкий станок и так далее, производительность труда не может составлять и десятой доли того, что она есть, когда ему помогает капитал в виде лучших инструментов, используемых в настоящее время. Разделение труда не могло бы пойти дальше самых грубых и почти незаметных зачатков, а обмены, которые делают его возможным, не простирались бы дальше ближайших соседей, если бы часть производимых товаров постоянно не хранилась на складе или в пути. Даже занятия охотой, рыбной ловлей, сбором орехов и изготовлением оружия не могли быть специализированы настолько, чтобы индивид мог посвятить себя какому-либо одному занятию, если только какая-то часть того, что добывалось каждым, не была зарезервирована для немедленного потребления, так что тот, кто посвятил себя приобретению вещей одного вида, мог получать другие по мере своего желания и мог заставить удачу одного дня восполнить недостатки следующего. В то время как для обеспечения мелкого разделения труда, характерного для высокой цивилизации и необходимого для нее, огромное количество богатств всех видов должно постоянно храниться на складе или в пути. Чтобы житель цивилизованного сообщества мог по своему усмотрению обменивать свой труд на труд окружающих его людей и на труд людей в самых отдаленных частях земного шара, на складах, в магазинах, в трюмах кораблей и в железнодорожных вагонах должны быть запасы товаров, точно так же, как для того, чтобы житель большого города мог по желанию набрать полную чашку воды, в резервуарах должны храниться тысячи миллионов галлонов, которые перемещаются по километрам труб.

Но сказать, что капитал может ограничивать форму промышленности или производительность промышленности, - это совсем другое дело, чем сказать, что капитал ограничивает промышленность. Ибо изречение современной политической экономии о том, что "капитал ограничивает промышленность", означает не то, что капитал ограничивает форму труда или

производительность труда, а то, что он ограничивает усилие труда. Это предположение черпает свою правдоподобность из предположения, что капитал обеспечивает рабочую силу материалами и обслуживанием — предположение, которое, как мы видели, необоснованно и которое действительно становится откровенно абсурдным, если вспомнить, что капитал производится трудом, и, следовательно, прежде чем может появиться капитал, должен быть труд. Капитал может ограничивать форму промышленности и производительность промышленности; но это не означает, что без капитала не могло бы быть промышленности, так же как и то, что без мощного ткацкого станка не могло бы быть ткачества; без швейной машины не было бы шитья; без плуга не было бы обработки земли; или что в сообществе одного человека, подобном сообществу Робинзона Крузо, не могло бы быть труда, потому что не могло бы быть обмена.

И сказать, что капитал *может* ограничивать форму и производительность промышленности, - это совсем не то же самое, что сказать, что капитал *это* делает. Ибо случаи, в которых можно действительно сказать, что форма производительности промышленности сообщества ограничена его капиталом, я думаю, при рассмотрении окажутся скорее теоретическими, чем реальными. Очевидно, что в таких странах, как Мексика или Тунис, более широкое использование капитала значительно изменило бы формы промышленности и чрезвычайно повысило бы ее производительность; и о таких странах часто говорят, что они нуждаются в капитале для освоения своих ресурсов. Но не стоит ли за этим что-то еще - потребность, которая включает в себя нехватку капитала? Разве жадность и злоупотребления правительства, ненадежность собственности, невежество и предрассудки людей не препятствуют накоплению и использованию капитала? Разве реальное ограничение не в этих вещах, а не в нехватке капитала, который не был бы использован, даже если бы был туда помещен? Мы можем, конечно, представить себе сообщество, в котором нехватка капитала была бы единственным препятствием для повышения производительности труда, но это можно сделать, только представив сочетание условий, которое редко, если вообще когда-либо, возникает, за исключением случая или как преходящая фаза. Сообщество, капитал в котором был сметен войной, пожаром или стихийным бедствием, и, возможно, сообщество, состоящее из цивилизованных людей, только что поселившихся на новой земле, кажутся мне единственными примерами. Однако то, как быстро обычно используемый капитал воспроизводится в сообществе, охваченном войной, было замечено давно, в то время как быстрое производство капитала, которое оно может или расположено использовать, в равной степени заметно в случае нового сообщества.

Я не могу думать ни о чем другом, кроме как о таких редких и преходящих условиях, при которых производительность труда действительно ограничена нехваткой капитала. Ибо, хотя в сообществе могут быть индивиды, которые из-за нехватки капитала не могут применять свой труд так эффективно, как они хотели бы, все же до тех пор, пока в сообществе в целом существует достаточный капитал, реальным ограничением является не нехватка капитала, а отсутствие его надлежащего распределения. Если плохое правительство отнимает у рабочего его капитал, если несправедливые законы отнимают у производителя богатство, с помощью которого он мог бы способствовать производству, и передают его тем, кто просто работает на пенсии в промышленности, реальное ограничение эффективности труда заключается в неправильном управлении, а не в нехватке капитала. И, следовательно, невежество, или обычай, или другие условия, препятствующие использованию капитала. Именно они, а не нехватка капитала, на самом деле являются ограничением. Подарить циркулярную пилу жителю

Огненной земли, локомотив арабу-бедуину или швейную машинку Плоскоголовой скво не значило бы повысить эффективность их труда. Также не представляется возможным дать что-либо еще для увеличения их капитала, поскольку любое богатство, выходящее за рамки того, что они привыкли использовать в качестве капитала, было бы потреблено или растрчено впустую. Не нехватка семян и инструментов удерживает апачей и сиу от возделывания почвы. Если бы их снабдили семенами и инструментами, они не использовали бы их продуктивно, если бы в то же время не удерживали от странствий и не учили обрабатывать почву. Если бы весь капитал Лондона был отдан им в их нынешнем состоянии, он просто перестал бы быть капиталом, поскольку они продуктивно использовали бы только ту бесконечно малую часть, которая могла бы помочь в охоте, и даже не использовали бы ее до тех пор, пока не была бы съедена вся съедобная часть посыпавшихся на них таким образом запасов. И все же тот капитал, который им действительно нужен, им удастся приобрести, и в некоторых формах, несмотря на величайшие трудности. Эти дикие племена охотятся и сражаются лучшим оружием, которое производят американские и английские фабрики, не отставая от последних усовершенствований. Только когда они станут цивилизованными, они будут заботиться о таком другом капитале, который требуется цивилизованному государству, или о том, что он будет им хоть как-то полезен.

Во времена правления Георга IV некоторые вернувшиеся миссионеры взяли с собой в Англию новозеландского вождя по имени Хонги. Его благородная внешность и красивые татуировки привлекли много внимания, и когда он собирался вернуться к своему народу, монарх и некоторые религиозные общества подарили ему значительный запас инструментов, сельскохозяйственных орудий и семян. Благодарный новозеландец действительно использовал этот капитал в производстве продуктов питания, но это было так, как и не снилось его английским артистам. В Сиднее, на обратном пути, он обменял все это на оружие и амуницию, с помощью которых, вернувшись домой, начал войну против другого племени с таким успехом, что на первом поле битвы триста его пленников были приготовлены и съедены, причем Хонги перед главным угощением выковырял и проглотил глаза и высосал теплую кровь своего смертельно раненного противника, вождя противника.¹³ Но теперь, когда их некогда постоянные войны прекратились, а остатки маори в значительной степени переняли европейские привычки, среди них есть многие, кто имеет и использует значительные суммы капитала.

Точно так же было бы ошибкой приписывать простые способы производства и обмена, к которым прибегают в новых сообществах, исключительно недостатку капитала. Эти способы, требующие небольшого капитала, сами по себе грубы и неэффективны, но когда будут рассмотрены условия таких сообществ, они окажутся в действительности наиболее эффективными. Большая фабрика со всеми новейшими усовершенствованиями - это самый эффективный инструмент, который когда-либо был изобретен для превращения шерсти или хлопка в ткань, но только там, где требуется производить большие количества. Ткань, необходимая для маленькой деревни, могла быть изготовлена с гораздо меньшими затратами труда с помощью прялки и ручного ткацкого станка. Усовершенствованный пресс на каждого требуемого человека напечатает много тысяч оттисков, в то время как мужчина и мальчик напечатали бы сотню с помощью станка Stanhope или Franklin press; однако для обработки небольшого тиража сельской газеты старомодный пресс, безусловно, является наиболее эффективной машиной. Для перевозки двух-трех пассажиров каноэ является лучшим средством передвижения, чем пароход; несколько мешков муки можно перевезти с меньшими затратами

труда на вьючной лошади, чем на железнодорожном поезде; складывать большой запас товаров в лавку на перекрестке дорог в лесной глуши было бы пустой тратой капитала. И, как правило, обнаруживается, что примитивные механизмы производства и обмена, получившие распространение среди немногочисленного населения новых стран, являются результатом не столько недостатка капитала, сколько неспособности выгодно его использовать.

Поскольку, независимо от того, сколько воды налито, в ведре никогда не может быть больше ведра, поэтому в качестве капитала будет использовано не большее количество богатства, чем требуется для механизма производства и обмена, который при всех существующих условиях — интеллекте, привычках, безопасности, плотности населения и т.д. — наилучшим образом подходит людям. И я склонен думать, что, как правило, эта сумма будет получена — что общественный организм выделяет, так сказать, необходимое количество капитала точно так же, как человеческий организм в здоровом состоянии выделяет необходимый жир.

Но независимо от того, ограничивает ли когда-либо величина капитала производительность промышленности и, таким образом, устанавливает максимум, который заработная плата не может превышать, очевидно, что бедность масс в цивилизованных странах происходит не от какой-либо нехватки капитала. Ибо заработная плата не только нигде не достигает предела, установленного производительностью промышленности, но и является относительно самой низкой там, где капитал наиболее распространен. Орудий труда и механизмов производства во всех наиболее прогрессивных странах явно больше, чем требуется для их использования, и любая перспектива прибыльной работы приносит больше, чем требуется для создания капитала. Ведро не просто полно, оно переполнено. Это настолько очевидно, что не только среди невежд, но и людьми с высокой экономической репутацией промышленная депрессия приписывается изобилию машин и накоплению капитала; а война, которая является разрушением капитала, рассматривается как причина оживленной торговли и высокой заработной платы — идея, достаточно странная, настолько велика путаница в мыслях по этим вопросам, поддерживаемая многими, кто считает, что капитал использует рабочую силу и выплачивает заработную плату.

Наша цель в этом исследовании - решить проблему, на которую дается так много противоречивых ответов. Четко определив, что такое капитал на самом деле и что капитал на самом деле делает, мы сделали первый и чрезвычайно важный шаг. Но это только первый шаг. Давайте подведем итоги и продолжим.

Мы видели, что существующая теория о том, что заработная плата зависит от соотношения между числом работников и суммой капитала, затрачиваемого на использование рабочей силы, несовместима с общим фактом, что заработная плата и процент растут и падают не обратно пропорционально, а совместно.

Это расхождение привело нас к рассмотрению оснований теории, и далее мы увидели, что, вопреки распространенному представлению, заработная плата вообще не извлекается из капитала, а поступает непосредственно из продукта труда, за который она оплачивается. Мы видели, что капитал не повышает заработную плату и не обеспечивает рабочих пропитанием, но что его функции заключаются в оказании помощи рабочей силе в производстве инструментами, семенами и т. Д., А также богатством, необходимым для осуществления обмена.

Таким образом, мы неизбежно приходим к практическим выводам, столь важным, что они вполне оправдывают усилия, приложенные для их подтверждения.

Ибо, если заработная плата извлекается не из капитала, а из продукта труда, существующие теории относительно отношений капитала и труда недействительны, и все средства, предлагаемые профессорами политической экономии или самими рабочими, которые направлены на уменьшение бедности либо за счет увеличения капитала, либо за счет ограничения числа работников или эффективности их труда, должны быть осуждены.

Если каждый рабочий, выполняя свою работу, действительно создает фонд, из которого извлекается его заработная плата, то заработная плата не может уменьшаться за счет увеличения числа рабочих, но, наоборот, поскольку эффективность труда явно возрастает с увеличением числа рабочих, то чем больше рабочих, при прочих равных условиях, тем выше должна быть заработная плата.

Но эта необходимая оговорка “при прочих равных условиях” подводит нас к вопросу, который необходимо рассмотреть и разрешить, прежде чем мы сможем продолжить. Этот вопрос заключается в том, имеют ли производительные силы природы тенденцию уменьшаться по мере увеличения расходов, вносимых в них растущим населением?

КНИГА II. НАСЕЛЕНИЕ И СРЕДСТВА К СУЩЕСТВОВАНИЮ.

ГЛАВА I. МАЛЬТУЗИАНСКАЯ ТЕОРИЯ, ЕЕ ГЕНЕЗИС И ОБОСНОВАНИЕ.

ГЛАВА II. ВЫВОДЫ ИЗ ФАКТОВ.

ГЛАВА III. ВЫВОДЫ ПО АНАЛОГИИ.

ГЛАВА IV. ОПРОВЕРЖЕНИЕ МАЛЬТУЗИАНСКОЙ ТЕОРИИ.

Находятся ли тогда Бог и Природа в состоянии борьбы,

Что Природа порождает такие порочные мечты?

Такая осторожная, какой она кажется,

Так беспечно относиться к холостяцкой жизни.

—Теннисон.

ГЛАВА I.

МАЛЬТУЗИАНСКАЯ ТЕОРИЯ, ЕЕ ГЕНЕЗИС И ОБОСНОВАНИЕ.

За рассматриваемой нами теорией стоит теория, которую нам еще предстоит рассмотреть. Существующая доктрина о происхождении и законах заработной платы находит свою самую сильную поддержку в общепринятой доктрине, которой Мальтус дал свое имя, о том, что население естественным образом имеет тенденцию увеличиваться быстрее, чем средства к существованию. Эти две доктрины, согласуясь друг с другом, определяют ответ, который современная политическая экономия дает на великую проблему, которую мы пытаемся решить.

В предшествующем, я думаю, было показано, что существующая доктрина о том, что заработная плата определяется соотношением между капиталом и рабочими, настолько безосновательна, что вызывает удивление относительно того, как она могла существовать так широко и так долго. Не следует удивляться ни тому, что такая теория возникла при таком состоянии общества, при котором большая часть рабочих, по-видимому, зависит в плане занятости и заработной платы от отдельного класса капиталистов, ни тому, что при этих условиях она получила распространение среди масс людей, которые редко берут на себя труд отделять реальное от кажущегося. Но удивительно, что теория, которая при рассмотрении кажется столь беспочвенной, могла быть последовательно принята таким количеством проницательных мыслителей, которые в течение нынешнего столетия посвятили свои силы разъяснению и развитию науки политической экономии.

Объяснение этого необъяснимого факта следует искать в общем признании мальтузианской теории. Современная теория заработной платы никогда не подвергалась справедливому испытанию, потому что, подкрепленная мальтузианской теорией, она казалась в умах политэкономистов самоочевидной истиной. Эти две теории взаимно сочетаются, усиливают и защищают друг друга, в то время как обе они получают дополнительную поддержку из принципа, широко выдвинутого при обсуждении теории ренты, а именно, что после определенного момента применение капитала и труда к земле приносит убывающую отдачу. Вместе они дают такое объяснение явлений, существующих в высокоорганизованном и развивающемся обществе, которое, по-видимому, соответствует всем фактам и которое, таким образом, препятствует более тщательному исследованию.

Трудно сказать, какая из этих двух теорий имеет право на историческое преобладание. Теория народонаселения не была сформулирована таким образом, чтобы придать ей статус научной догмы, до тех пор, пока это не было сделано для теории заработной платы. Но они естественным образом возникают и прирастают друг к другу, и оба содержались в более или менее грубой форме задолго до каких-либо попыток построить систему политической экономии. Из нескольких отрывков очевидно, что, хотя он никогда полностью не развивал ее, мальтузианская теория в зачаточной форме присутствовала в сознании Адама Смита, и этому, как мне кажется, должно быть в значительной степени обязано неправильное направление, которое приняли его рассуждения о заработной плате. Но, как бы то ни было, эти две теории так тесно связаны, так полно они дополняют друг друга, что Бакл, рассматривая историю развития политической экономии в своем "Исследовании шотландского интеллекта в восемнадцатом веке",

приписывает главным образом Мальтусу честь “решающего доказательства” современной теории заработной платы путем продвижения современной теории давления населения на средства к существованию. Он говорит в своей “Истории цивилизации в Англии”, том 3, глава 5:

“Едва миновал Восемнадцатый век, как было решительно доказано, что вознаграждение за труд зависит исключительно от двух вещей, а именно от величины того национального фонда, из которого оплачивается весь труд, и от числа рабочих, между которыми этот фонд должен быть разделен. Этим огромным шагом в наших знаниях мы обязаны, главным образом, хотя и не полностью, Мальтусу, чья работа о народонаселении, помимо того, что она ознаменовала эпоху в истории спекулятивной мысли, уже принесла значительные практические результаты и, вероятно, даст начало другим, еще более значительным. Она была опубликована в 1798 году; так что Адам Смит, умерший в 1790 году, упустил то, что для него было бы огромным удовольствием видеть, как в ней его собственные взгляды были скорее расширены, чем исправлены. Действительно, несомненно, что без Смита не было бы Мальтуса; то есть, если бы Смит не заложил фундамент, Мальтус не смог бы воздвигнуть надстройку”.

Знаменитая доктрина, которая с момента своего провозглашения так сильно влияла на мышление не только в области политической экономии, но и в областях еще более высоких спекуляций, была сформулирована Мальтусом в предположении, что, как показывает рост североамериканских колоний, естественная тенденция населения удваиваться по крайней мере каждые двадцать пять лет, увеличиваясь таким образом в геометрической пропорции, в то время как средства к существованию, которые можно получить от земли, “при обстоятельствах, наиболее благоприятных для человеческой промышленности, возможно, не могли бы увеличиваться быстрее, чем в арифметической пропорции, или путем прибавления каждые двадцать пять лет количества земли”. количество, равное тому, что оно производит в настоящее время”. “Необходимые последствия этих двух различных темпов роста, когда они сведены воедино, “наивно продолжает г-н Мальтус, - будут очень поразительными”. И таким образом (глава ii. I) он сводит их воедино:

“Давайте назовем население этого острова одиннадцатью миллионами; и предположим, что нынешний объем производства равен тому, чтобы легко прокормить такое количество людей. В первые двадцать пять лет население достигло бы двадцати двух миллионов человек, а если бы количество продовольствия также удвоилось, то средства к существованию были бы равны этому увеличению. В ближайшие двадцать пять лет население составит сорок четыре миллиона человек, а средств к существованию хватит только на содержание тридцати трех миллионов. В следующий период население было бы равно восьмидесяти восьми миллионам человек, а средств к существованию хватало бы только на содержание половины этого числа. И в конце первого столетия население составляло бы сто семьдесят шесть миллионов человек, а средств к существованию хватало бы только на содержание пятидесяти пяти миллионов; в результате население в сто двадцать один миллион человек оказалось бы совершенно необеспеченным.

“Если взять всю землю вместо этого острова, эмиграция, конечно, была бы исключена; и предположив, что нынешнее население равняется тысяче миллионов, человеческий род увеличивался бы по мере увеличения численности 1, 2, 4, 8, 16, 32, 64, 128, 256, и средств к

существованию по мере 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9. Через два столетия отношение населения к средствам существования составило бы 256 к 9; через три столетия - 4096 к 13, а через две тысячи лет разница была бы почти неисчислимой”.

Такому результату, конечно, препятствует физический факт, что не может существовать людей больше, чем может прокормиться, и, следовательно, вывод Мальтуса состоит в том, что эта тенденция населения к неопределенному увеличению должна сдерживаться либо моральным ограничением репродуктивной способности, либо различными причинами, увеличивающими смертность, которые он относит к пороку и нищете. Такие причины, как предотвращение распространения, он называет профилактической проверкой; такие причины, как увеличение смертности, он называет положительной проверкой. Это знаменитая мальтузианская доктрина, провозглашенная самим Мальтусом в “Очерке народонаселения”.

Не стоит останавливаться на ошибочности, связанной с предположением о геометрических и арифметических темпах роста, игре пропорций, которая едва ли достигает достоинства той, что в знакомой головоломке о зайце и черепахе, в которой зайца заставляют гоняться за черепахой всю вечность, так и не догнав ее. Ибо это допущение не является необходимым для мальтузианской доктрины или, по крайней мере, прямо отвергается некоторыми из тех, кто полностью принимает эту доктрину; как, например, Джон Стюарт Милль, который говорит об этом как о “неудачной попытке придать точность вещам, которые этого не допускают, что каждый человек, способный рассуждать, должен видеть, совершенно излишне для аргументации”.¹⁴ Суть мальтузианской доктрины заключается в том, что население имеет тенденцию увеличиваться быстрее, чем способность обеспечивать продовольствием, и независимо от того, выражать ли это различие в виде геометрического соотношения численности населения и арифметического соотношения для обеспечения средств к существованию, как у Мальтуса; или как постоянное соотношение численности населения и уменьшающееся соотношение средств к существованию, как у Милля, - это только констатация факта. Жизненно важный момент, в котором оба согласны, заключается, используя слова Мальтуса, “в том, что существует естественная тенденция и постоянные усилия по увеличению численности населения за пределы средств к существованию”.

Мальтузианскую доктрину в том виде, в каком она существует в настоящее время, можно изложить таким образом в ее самой решительной и наименее вызывающей возражения форме:

Это население, постоянно имеющее тенденцию к увеличению, должно, когда его не сдерживают, в конечном счете упираться в пределы прожиточного минимума, но не как в фиксированный, а как в эластичный барьер, который делает добывание средств к существованию все более и более трудным. И таким образом, везде, где воспроизводство успело утвердить свою силу и не сдерживается благоразумием, должна существовать такая степень нужды, которая удержит население в пределах прожиточного минимума.

Хотя на самом деле не более противна чувству гармоничной адаптации посредством созидательной благотворительности и мудрости, чем самодовольная не-теория, которая возлагает ответственность за бедность и сопутствующие ей явления на непостижимые указы Провидения, не пытаясь их проследить, эта теория, открыто объявляющая порок и страдание необходимыми результатами естественного инстинкта, с которыми связаны самые чистые и сладостные чувства, вступает в грубое столкновение с идеями, глубоко укоренившимися в человеческом разуме, и с ней, как только она была официально обнародована, боролись с

ожесточением, в котором проявлялось рвение. часто более очевидный, чем логика. Но она с триумфом выдержала испытание, и, несмотря на опровержения Годвинов, обвинения Коббетов и все стрелы, которые аргументы, сарказм, насмешки и сентименты могли бы направить против нее, сегодня она стоит в мире мысли как общепринятая истина, которая заставляет признать даже тех, кто хотел бы в нее не верить.

Причины его триумфа, источники его силы не так уж неясны. По—видимому, подкрепленная неоспоримой арифметической истиной — что постоянно увеличивающееся население должно в конечном итоге превысить способность земли обеспечивать себя пищей или даже постоянным местом жительства, мальтузианская теория подкрепляется аналогиями в животном и растительном царствах, где жизнь повсюду расточительно бьется о барьеры, сдерживающие различные виды, - аналогиями, которым ход современной мысли, нивелирующий различия между различными формами жизни, придает все больший и больший вес; и это, по-видимому, подтверждается многими очевидными фактами, такими как распространенность бедности, порока и убожества среди плотного населения; общий эффект материального прогресса в увеличении численности населения без искоренения пауперизма; быстрого роста численности населения во вновь заселенных странах и очевидного замедления роста в странах с более плотным заселением из-за смертности среди класса, обреченного на нужду.

Мальтузианская теория предлагает общий принцип, объясняющий эти и подобные факты, и объясняет их таким образом, который согласуется с доктриной о том, что заработная плата извлекается из капитала, и со всеми принципами, которые выводятся из нее. Согласно современной доктрине заработной платы, заработная плата падает по мере того, как увеличение числа работников требует более мелкого разделения капитала; согласно мальтузианской теории, бедность появляется по мере того, как увеличение численности населения требует более мелкого разделения средств к существованию. Требуется лишь отождествление капитала с жизнеобеспечением и числа рабочих с населением, отождествление, проводимое в современных трактатах по политической экономии, где термины часто заменяются, чтобы сделать эти два положения столь же формально идентичными, сколь и по существу.¹⁵ И таким образом, как утверждает Бакл в процитированном ранее отрывке, теория народонаселения, выдвинутая Мальтусом, по-видимому, решительно доказывает теорию заработной платы, выдвинутую Смитом.

Рикардо, который через несколько лет после публикации "Очерка о народонаселении" исправил ошибку, допущенную Смитом относительно природы и причины ренты, оказал мальтузианской теории дополнительную поддержку, обратив внимание на тот факт, что рента будет увеличиваться по мере того, как потребности растущего населения будут вынуждать возделывать все менее и менее продуктивные земли или все менее и менее продуктивные участки на тех же землях, объясняя таким образом рост ренты. Таким образом, была сформирована тройственная комбинация, с помощью которой мальтузианская теория была подкреплена с обеих сторон — ранее принятая доктрина заработной платы и принятая впоследствии доктрина ренты, демонстрирующая с этой точки зрения лишь частные примеры действия общего принципа, которому было присвоено имя Мальтуса — падение заработной платы и повышение ренты, которые происходят с увеличением численности населения, являются всего лишь способами, в которых проявляется давление населения на средства к существованию.

Таким образом, заняв свое место в самой структуре политической экономики (поскольку наука в том виде, в каком она принята в настоящее время, не претерпела существенных изменений или улучшений со времен Рикардо, хотя в некоторых незначительных моментах она была прояснена и проиллюстрирована), мальтузианская теория, хотя и противоречит настроениям, о которых говорилось выше, не противоречит другим идеям, которые, по крайней мере, в старых странах, в целом преобладают среди рабочих классов; но, напротив, подобно теории заработной платы, которая, в свою очередь, поддерживает ее, она гармонирует с ними. Для механика или рабочего причиной низкой заработной платы и невозможности найти работу, очевидно, является конкуренция, вызванная численным давлением, а что кажется более очевидным в убогих жилищах бедности, чем то, что людей слишком много?

Но великая причина триумфа этой теории заключается в том, что вместо того, чтобы угрожать какому-либо законному праву или противодействовать каким-либо могущественным интересам, она в высшей степени успокаивает классы, которые, обладая властью богатства, в значительной степени доминируют в мышлении. В то время, когда старые опоры рушились, на помощь пришли особые привилегии, с помощью которых немногие монополизировали так много благ этого мира, объявляя их естественной причиной нужды и несчастий, которые, если приписывать их политическим институтам, должны быть осуждением любого правительства, при котором они существуют. “Эссе о народонаселении” было откровенным ответом на “Исследование о политической справедливости” Уильяма Годвина, работу, утверждающую принцип равенства людей; и его целью было оправдать существующее неравенство, переложив ответственность за него с человеческих институтов на законы Творца. В этом не было ничего нового, поскольку Уоллес почти сорок лет назад выдвинул опасность чрезмерного умножения как ответ на требования справедливости о равном распределении богатства; но обстоятельства того времени были таковы, что та же идея, выдвинутая Мальтусом, вызвала особую благодарность могущественному классу, в котором сильный страх перед любым сомнением в существующем положении вещей был порожден вспышкой Французской революции.

Сейчас, как и тогда, мальтузианская доктрина отклоняет требование реформы и защищает эгоизм от вопросов и совести, выдвигая неизбежную необходимость. Это дает философию, с помощью которой Дайвз во время пира может отгородиться от образа Лазаря, падающего в голодный обморок у своей двери; с помощью которой богатство может самодовольно застегивать карман, когда бедность просит милостыню, а богатый христианин по воскресеньям склоняется на красиво обитой скамье, умоляя о благих дарах Отца Всего Сущего, не испытывая никакого чувства ответственности за убогую нищету, которая гноится всего в квадрате от него. Ибо бедность, нужда и голод, согласно этой теории, не объясняются ни индивидуальной жадностью, ни социальными нарушениями; они являются неизбежными результатами универсальных законов, с которыми, если бы они не были нечестивыми, спорить было бы так же безнадежно, как с законом всемирного тяготения. С этой точки зрения, тот, кто среди нужды накопил богатство, всего лишь отгородил маленький оазис от движущегося песка, который иначе засыпал бы его. Он выиграл для себя, но никому не причинил вреда. И даже если бы богатые буквально подчинились предписаниям Христа и разделили свое богатство между бедными, они бы ничего не выиграли. Население увеличилось бы только для того, чтобы снова достичь пределов средств к существованию или капитала, и равенство, которое было бы достигнуто, было бы всего лишь равенством общей нищеты. И, таким образом, реформы, которые противоречили бы интересам любого могущественного класса, не поощряются как безнадежные. Поскольку моральный закон запрещает какие-либо упреждающие методы, с

помощью которых естественный закон избавляется от избыточного населения, и, таким образом, сдерживает тенденцию к росту, достаточно мощную, чтобы заполнить поверхность земного шара людьми, как сардины упаковывают в коробку, ни индивидуальными, ни объединенными усилиями ничего нельзя сделать для искоренения бедности, кроме как верить в эффективность образования и проповедовать необходимость благоразумия.

Теория, которая, соответствуя образу мыслей более бедных классов, оправдывает таким образом жадность богатых и эгоизм власть имущих, быстро распространится и пустит глубокие корни. Так было и в случае с теорией, выдвинутой Мальтусом.

А в последние годы мальтузианская теория получила новую поддержку в быстрой смене представлений о происхождении человека и генезисе видов. То, что Бакл был прав, говоря, что распространение мальтузианской теории ознаменовало эпоху в истории спекулятивной мысли, как мне кажется, можно было бы легко показать; однако проследить ее влияние в высших областях философии, примером чего является собственная работа Бакла, было бы, хотя и чрезвычайно интересно, вывести нас за рамки данного исследования. Но насколько рефлексивна и оригинальна поддержка, оказываемая мальтузианской теории новой философией развития, которая в настоящее время быстро распространяется во всех направлениях, должна быть отмечена при любой оценке источников, из которых эта теория черпает свою нынешнюю силу. Как в политической экономии поддержка, полученная от доктрины заработной платы и доктрины ренты, в совокупности возвела мальтузианскую теорию в ранг центральной истины, так и распространение подобных идей на развитие жизни во всех ее формах приводит к приданию ей еще более высокого и неприступного положения. Агассис, который до дня своей смерти был ярким противником новой философии, говорил о дарвинизме как о “мальтуса во всем”,¹⁶ а сам Дарвин говорит, что борьба за существование “это доктрина Мальтуса, применяемая с огромной силой ко всему животному и растительному царствам”.¹⁷

Однако мне кажется не совсем правильным утверждать, что теория развития путем естественного отбора или выживания наиболее приспособленных является расширенным мальтузианством, поскольку доктрина Мальтуса изначально не включала и не обязательно включает идею прогрессии. Но вскоре к этому добавилось и это. Маккалох¹⁸ приписывает “принципу увеличения” социальное улучшение и прогресс искусств и заявляет, что порождаемая им бедность действует как мощный стимул для развития промышленности, распространения науки и накопления богатства высшими и средними классами, без которого общество быстро погрузилось бы в апатию и упадок. Что это, как не признание в отношении человеческого общества развивающихся последствий “борьбы за существование” и “выживания наиболее приспособленных”, которые, как нам теперь говорят, опираясь на авторитет естествознания, были средствами, использованными Природой для создания всех бесконечно разнообразных и чудесно адаптированных форм, которые принимает изобилующая жизнь на земном шаре? Что это, как не признание силы, которая, кажущаяся жестокой и безжалостной, все же в течение бесчисленных веков развила высший тип из низшего, дифференцировала человека и обезьяну и сделала Деятнадцатый век преемником каменного века?

Таким образом одобренная и, казалось бы, доказанная, таким образом связанная и подкрепленная мальтузианская теория — учение о том, что бедность возникает из—за нехватки

средств к существованию у населения, или, выражаясь по-другому, учение о том, что тенденция к увеличению числа рабочих всегда должна приводить к снижению заработной платы до минимума, на который рабочие могут воспроизводиться, - в настоящее время общепринята как неоспоримая истина, в свете которой должны быть объяснены социальные явления, точно так же, как на протяжении веков явления звездного неба объяснялись исходя из предположения о неподвижности земли, о том, что она не может существовать. или факты геологии, основанные на буквальном вдохновении летописи Моисея. Если бы речь шла только об авторитете, формальное отрицание этой доктрины потребовало бы почти такой же смелости, как у цветного проповедника, который недавно начал крестовый поход против мнения, что земля движется вокруг солнца, поскольку в той или иной форме мальтузианская доктрина получила в интеллектуальном мире почти всеобщую поддержку, и в лучшем случае в самой распространенной литературе того времени можно увидеть распространение во всех направлениях. Его поддерживают экономисты и государственные деятели, историки и естествоиспытатели; конгрессы общественных наук и профсоюзы; церковники и материалисты; консерваторы самой строгой секты и самые радикальные из радикалов. Этому придерживаются и обычно аргументируют многие, кто никогда не слышал о Мальтусе и не имеет ни малейшего представления о том, что представляет собой его теория.

Тем не менее, как основания современной теории заработной платы исчезли при беспристрастном рассмотрении, так, я полагаю, исчезнут и основания этого ее близнеца. Доказывая, что заработная плата извлекается не из капитала, мы подняли этого Антея с земли.

ГЛАВА II. ВЫВОДЫ ИЗ ФАКТОВ.

Общее признание мальтузианской теории и высокий авторитет, которым она подкрепляется, как мне показалось, делают целесообразным обзор ее оснований и причин, которые сговорились придать ей такое доминирующее влияние при обсуждении социальных вопросов.

Но когда мы подвергнем саму теорию проверке прямым анализом, я думаю, она окажется столь же несостоятельной, как и современная теория заработной платы.

Во-первых, факты, которые приводятся в поддержку этой теории, не доказывают ее, а аналогии не подтверждают ее.

А во-вторых, есть факты, которые это окончательно опровергают.

Я перехожу к сути вопроса, говоря, что ни опыт, ни аналогии не подтверждают предположение о том, что существует какая-либо тенденция увеличения численности населения быстрее, чем прожиточный минимум. Факты, приведенные для доказательства этого, просто показывают, что там, где из-за малочисленности населения, как в новых странах, или где из-за неравномерного распределения богатства, как среди беднейших классов в старых странах, человеческая жизнь занята удовлетворением физических потребностей существования,

тенденция к воспроизводству развивается со скоростью, которая, если бы это продолжалось бесконтрольно, некоторое время превышала бы прожиточный минимум. Но из этого нельзя сделать законный вывод, что тенденция к воспроизводству проявлялась бы с той же силой там, где население было достаточно плотным, а богатство распределялось достаточно равномерно, чтобы поднять целое сообщество над необходимостью посвящать свою энергию борьбе просто за существование. Также нельзя предполагать, что тенденция к размножению, вызывая бедность, должна препятствовать существованию такого сообщества; ибо это, очевидно, означало бы переход к самой сути вопроса и рассуждения по кругу. И даже если допустить, что тенденция к размножению должна в конечном итоге привести к бедности, нельзя только на основании этого утверждать, что существующая бедность обусловлена этой причиной, пока не будет показано, что нет других причин, которые могли бы ее объяснить, что при нынешнем состоянии правительства, законов и обычаев явно невозможно.

Это подробно показано в самом “Эссе о народонаселении”. Эта знаменитая книга, о которой гораздо чаще говорят, чем читают, по-прежнему достойна прочтения, хотя бы как литературный курьез. Контраст между достоинствами самой книги и эффектом, который она произвела, или, по крайней мере, которому приписывают (ибо, хотя сэр Джеймс Стюарт, мистер Таунсенд и другие разделяют с Мальтусом славу открытия “принципа народонаселения”, именно публикация “Эссе о народонаселении” выдвинула его на первый план), является, как мне кажется, одним из самых замечательных событий в истории литературы; и легко понять, как Годвин, чья “Политическая справедливость” вызвала “Эссе о народонаселении”, должен был до самой старости заниматься этим. пренебрег ответом. Это начинается с предположения, что популяция имеет тенденцию увеличиваться в геометрической пропорции, в то время как прожиточный минимум в лучшем случае может увеличиваться только в арифметической пропорции — предположение столь же обоснованное, но не более, чем это было бы обосновано тем фактом, что щенок удвоил длину своего хвоста, прибавив столько-то фунтов к своему весу, чтобы утверждать о геометрической прогрессии хвоста и арифметической прогрессии веса. И вывод из этого предположения именно такой, какой Свифт в “сатире” мог бы приписать ученым острова, где раньше не было собак, которые, сведя эти два соотношения воедино, могли бы вывести очень “поразительное следствие”: к тому времени, когда собака вырастет до пятидесяти фунтов, ее хвост будет длиной более мили, и вилять им будет чрезвычайно трудно, и, следовательно, рекомендовать осмотрительную проверку повязки как единственную альтернативу позитивной проверке постоянных ампутаций. Начиная с такого абсурда, эссе включает в себя длинный аргумент в пользу введения пошлины на импорт и выплаты вознаграждения за экспорт кукурузы, идея, которая уже давно отправлена в подвешенное состояние взорванных заблуждений. И на протяжении всей аргументирующей части это отмечено пассажами, которые демонстрируют со стороны преподобного джентльмена самую нелепую неспособность к логическому мышлению — как, например, то, что если бы заработная плата была увеличена с восемнадцати пенсов или двух шиллингов в день до пяти шиллингов, мясо неизбежно подорожало бы с восемью или девяти пенсов до двух или трех шиллингов за фунт, и положение трудящихся классов, следовательно, не улучшилось бы, утверждение, которому я не могу найти более близкой аналогии, чем предположению, которое, как я однажды слышал, серьезно выдвинул один печатник, — что, поскольку автор Автору, которого он знал, было сорок лет, когда ему было двадцать, автору, должно быть, сейчас восемьдесят лет, потому что ему (печатнику) было сорок. Эта путаница мыслей возникает не просто то тут, то там; она характеризует всю работу. ¹⁹ Основная часть книги посвящена тому, что на самом деле является

опровержением теории, которую выдвигает книга, поскольку обзор Мальтусом того, что он называет положительными проверками населения, - это просто демонстрация того, что результаты, которые он приписывает перенаселению, на самом деле являются результатом других причин. Из всех приведенных случаев, а в обзоре обойден почти весь земной шар, в которых порок и нищета сдерживаются ограничением браков или сокращением срока человеческой жизни, нет ни одного случая, в котором порок и нищета могли бы быть объяснены фактическим увеличением числа ртов из-за власти сопровождающих их рук кормить их; но в каждом случае показано, что порок и нищета проистекают либо из антиобщественного невежества и жадности, либо из плохого правительства, несправедливых законов или разрушительных войн.

И то, что Мальтус не смог показать, не показал никто после него. Можно обследовать земной шар и тщетно пересматривать историю в поисках любого примера значительной страны²⁰, в которой бедность и нужду можно справедливо отнести на счет давления растущего населения. Какими бы ни были возможные опасности, связанные с силой человеческого роста, они еще никогда не проявлялись. Каким бы ни было время, это еще никогда не было злом, поразившим человечество. Население всегда стремится превысить предел прожиточного минимума! Как же тогда получается, что наш земной шар, после всех тысяч, а сейчас считается, что миллионов лет, проведенных человеком на земле, все еще так малонаселен? Как же тогда получается, что так много человеческих ульев теперь опустели, что некогда возделанные поля заросли джунглями, а дикий зверь вылизывает своих детенышей там, где когда-то были людные пристанища?

Это факт, что, подсчитывая наши растущие миллионы, мы склонны упускать из виду — тем не менее это факт, — что в том, что мы знаем об истории мира, сокращение численности населения является таким же обычным явлением, как и рост. Является ли совокупное население земли сейчас больше, чем в любую предыдущую эпоху, - это предположение, которое может иметь дело только с догадками. С тех пор как Монтескье в начале прошлого века утверждал, что тогда, вероятно, было преобладающим впечатлением, что население земли со времен христианской эры значительно сократилось, мнение изменилось в другую сторону. Но тенденция недавних исследований заключалась в том, чтобы уделять больше внимания тому, что считалось преувеличенными рассказами древних историков и путешественников, и выявлять признаки более плотного населения и более развитых цивилизаций, чем предполагалось ранее, а также более высокой древности человеческой расы. И, основывая наши оценки численности населения на развитии торговли, развитии искусств и размерах городов, мы склонны недооценивать плотность населения, которую могли поддерживать интенсивные методы возделывания, характерные для более ранних цивилизаций, особенно там, где прибегали к ирригации. Как мы можем видеть на примере высокоразвитых районов Китая и Европы, очень большое население с простыми привычками может легко существовать при очень слабой торговле и гораздо более низкой ступени развития тех искусств, в которых современный прогресс был наиболее заметен, и приотсутствии тенденции концентрироваться в городах, которую демонстрирует современное население.²¹

Как бы то ни было, единственный континент, население которого сейчас, мы можем быть уверены, больше, чем когда-либо прежде, - это Европа. Но это относится не ко всем частям Европы. Безусловно, в Греции, на островах Средиземного моря и в Турции в Европе, вероятно, в

Италии и, возможно, в Испании, проживало большее население, чем сейчас, и это также может быть верно для Северо-Запада и частей Центральной и Восточной Европы.

Население Америки также увеличилось за то время, когда мы о ней знаем; но это увеличение не так велико, как принято считать, по некоторым оценкам, только в Перу на момент открытия было больше населения, чем сейчас на всем континенте Южной Америки. И все указывает на то, что до открытия население Америки сокращалось. Какие великие нации прошли свой путь, какие империи возникали и пали в “том новом мире, который является старым”, мы можем только вообразить. Но фрагменты массивных руин все же свидетельствуют о более грандиозной доинкской цивилизации; среди тропических лесов Юкатана и Центральной Америки находятся остатки великих городов, забытых до испанского завоевания; Мексика, какой ее нашел Кортес, продемонстрировала наложение варварства на более высокое социальное развитие, в то время как на значительной части территории нынешних Соединенных Штатов разбросаны курганы, свидетельствующие о некогда относительно плотном населении, и кое-где, как, например, на медных рудниках озера Верхнее, видны следы более высоких искусств, чем те, которые были известны индейцам, с которыми соприкасались белые.

Что касается Африки, то здесь не может быть никаких сомнений. Северная Африка может содержать лишь малую часть населения, которое было в древние времена; в долине Нила когда-то проживало значительно большее население, чем сейчас, в то время как к югу от Сахары нет никаких признаков увеличения в исторические периоды, и повсеместная депопуляция, безусловно, была вызвана работорговлей.

Что касается Азии, в которой даже сейчас проживает более половины человеческой расы, хотя она и вполнину не так густонаселенна, как Европа, есть признаки того, что и в Индии, и в Китае когда-то проживало больше населения, чем сейчас, в то время как та огромная среда размножения людей, из которой вышли стаи, заполонившие обе страны и пославшие огромные людские волны в Европу, должно быть, когда-то была гораздо более густонаселенной. Но наиболее заметные перемены произошли в Малой Азии, Сирии, Вавилонии, Персии и, короче говоря, в той обширной области, которая уступила завоевательному оружию Александра. Там, где когда-то были большие города и изобилие населения, теперь убогие деревни и бесплодные пустоши.

Несколько странно, что среди всех выдвинутых теорий не была затронута теория о фиксированном количестве человеческой жизни на этой земле. Это, по крайней мере, лучше соответствовало бы историческим фактам, чем утверждение о постоянной тенденции населения выходить за рамки средств к существованию. Ясно, что население то убывало, то перетекало; его центры менялись; возникали новые нации, а старые приходили в упадок; малонаселенные районы становились густонаселенными, а густонаселенные районы теряли свое население; но насколько мы можем углубиться в прошлое, не предаваясь полностью умозаключениям, нет ничего, что указывало бы на непрерывный рост или хотя бы четко показывало совокупный прирост время от времени. Продвижение первопроходцев народов, насколько мы можем судить, никогда не происходило в необитаемых землях — их поход всегда был битвой с каким-то другим народом, ранее находившимся во владении; за тусклыми империями маячат еще более смутные призраки империи. Мы уверенно делаем вывод, что население мира, должно быть, зарождалось с малого, поскольку знаем, что была геологическая эпоха, когда человеческая жизнь не могла существовать, и мы не можем поверить, что люди

возникли все сразу, как из зубов дракона, посеянных Кадмом; и все же через большие промежутки времени, где история, традиции и древности проливают свет, который теряется в слабых отблесках, мы можем различить большие популяции. И в течение этих долгих периодов принцип народонаселения не был достаточно силен, чтобы заселить мир или даже, насколько мы можем ясно видеть, существенно увеличить его совокупное население. По сравнению с ее возможностями поддерживать человеческую жизнь земля в целом все же является наиболее малонаселенной.

Есть еще один общий факт, который не может не поразить любого, кто, размышляя на эту тему, расширяет свой взгляд за пределы современного общества. Мальтузианство утверждает универсальный закон — что естественной тенденцией населения является превышение средств к существованию. Если такой закон существует, то он должен был везде, где население достигло определенной плотности, стать таким же очевидным, как любой из великих законов природы, которые были повсеместно признаны. Как же тогда получается, что ни в классических вероучениях и кодексах, ни в кодексах евреев, египтян, индусов, китайцев, ни у какого-либо другого народа, жившего в тесном сотрудничестве и создавшего вероучения и кодексы, мы не находим никаких предписаний к применению благоразумных ограничений Мальтуса; но что, напротив, мудрость веков, религии мира всегда прививали идеи гражданского и религиозного долга, прямо противоположные тем, которые предписывает современная политическая экономия и которые Анни Безант отвергает? сейчас пытается популяризироваться в Англии?

И следует помнить, что были общества, в которых сообщество гарантировало каждому члену занятость и средства к существованию. Джон Стюарт Милль говорит (Книга II, глава II): XII, раздел 2), что сделать это без государственного регулирования браков и рождаемости означало бы создать состояние всеобщей нищеты и деградации. “На эти последствия, - говорит он, - так часто и так ясно указывали авторы с хорошей репутацией, что незнание их образованными людьми больше не простительно”. И все же в Спарте, Перу, Парагвае, как и в промышленных сообществах, которые, по-видимому, почти повсюду составляли примитивную сельскохозяйственную организацию, по-видимому, существовало полное незнание этих ужасных последствий естественной тенденции.

Помимо общих фактов, которые я привел, существуют общеизвестные факты, которые кажутся совершенно несовместимыми с такой всепоглощающей тенденцией к умножению. Если тенденция к размножению так сильна, как предполагает мальтузианство, то как получается, что семьи так часто вымирают — семьи, в которых неизвестна нужда? Как же тогда получается, что, когда каждая награда предлагается наследственными титулами и наследственным имуществом, не только для принципа увеличения, но и для сохранения генеалогических знаний и подтверждения происхождения, что в такой аристократии, как английская, так много пэров должно исчезнуть, а Палата лордов из века в век поддерживается только новыми творениями?

За единственным примером семьи, которая пережила любой большой промежуток времени, несмотря на то, что была обеспечена средствами к существованию и честью, мы должны отправиться в неизменный Китай. Потомки Конфуция все еще существуют там и пользуются особыми привилегиями и уважением, образуя, по сути, единственную наследственную аристократию. Исходя из предположения, что население имеет тенденцию удваиваться каждые двадцать пять лет, через 2150 лет после смерти Конфуция оно должно было составить 859 559 193 106 709 670 198 710 528 душ. Вместо любого такого невообразимого числа потомков

Конфуция через 2150 лет после его смерти, в правление Канги, насчитывалось 11 000 мужчин, или, скажем, 22 000 душ. Это серьезное расхождение, которое становится еще более поразительным, если вспомнить, что уважение, которым эта семья пользуется из-за своего предка, “Наисвятейшего Древнего Учителя”, предотвратило действие позитивного сдерживания, в то время как максимы Конфуция призывают к чему угодно, кроме сдерживания благоразумия.

Тем не менее, можно сказать, что даже это увеличение является значительным. Двадцать две тысячи человек произошли от одной пары за 2150 лет, что намного меньше мальтузианского показателя. Тем не менее, это наводит на мысль о возможной перенаселенности.

Но подумайте. Увеличение потомства не свидетельствует об увеличении популяции. Это могло произойти только тогда, когда размножение продолжалось. У Смита и его жены есть сын и дочь, которые женятся соответственно на чьей-то дочери и сыне, и у каждого по двое детей. Таким образом, у Смита и его жены было бы четверо внуков; но в одном поколении их было бы не больше, чем в другом — у каждого ребенка было бы по четыре бабушки и дедушки. И предположим, что этот процесс продолжался бы, линия происхождения могла бы постоянно расширяться на сотни, тысячи и миллионы; но в каждом поколении потомков было бы не больше индивидуумов, чем в любом предыдущем поколении предков. Паутина поколений подобна решетке или диагональным нитям в ткани. Начиная с любой точки сверху, глаз следует за линиями, которые внизу широко расходятся; но, начиная с любой точки внизу, линии таким же образом расходятся к вершине. Сколько детей может быть у мужчины, является проблематичным. Но то, что у него было двое родителей, несомненно, и то, что у них снова было по два родителя у каждого, также несомненно. Проследите эту геометрическую прогрессию через несколько поколений и посмотрите, не приведет ли она к таким же “поразительным последствиям”, как заселение солнечных систем мистером Мальтусом.

Но исходя из подобных соображений, давайте перейдем к более конкретному расследованию. Я утверждаю, что случаи, обычно упоминаемые как случаи перенаселения, не подлежат расследованию. Индия, Китай и Ирландия представляют наиболее сильные из этих случаев. В каждой из этих стран большое количество людей погибло от голода, а большие классы населения доведены до крайней нищеты или вынуждены эмигрировать. Но действительно ли это связано с перенаселением?

Сравнивая общую численность населения с общей площадью, Индия и Китай далеки от того, чтобы быть самыми густонаселенными странами мира. По оценкам ММ. По данным Бема и Вагнера, население Индии составляет всего 132 человека на квадратную милю, а Китая - 119, тогда как население Саксонии составляет 442 человека на квадратную милю; Бельгии - 441; Англии - 422; Нидерландов - 291; Италии - 234 и Японии - 233.²² Таким образом, в обеих странах большие площади неиспользуемы или используются не полностью, но даже в их более густонаселенных районах не может быть сомнений в том, что любая из них могла бы поддерживать гораздо большее население в гораздо более комфортных условиях, поскольку в обеих странах труд применяется к производству самыми грубыми и неэффективными способами, а в огромные природные ресурсы обеих стран полностью забыты. Это происходит не из-за врожденного недостатка людей, ибо индусы, как показала сравнительная филология, нашей крови, а Китай обладал высокой степенью цивилизации и зачатками важнейших современных изобретений, когда наши предки были кочующими дикарями. Это вытекает из

формы, которую приняла социальная организация в обеих странах, которая сковала производительную силу и лишила промышленность ее вознаграждения.

В Индии с незапамятных времен поборы и угнетение низвели рабочий класс до состояния беспомощной и безнадежной деградации. Веками земледелец считал себя счастливым, если из своего продукта вымогательство сильной руки оставляло ему достаточно средств для поддержания жизни и получения семян; капитал нигде не мог быть надежно накоплен или в сколько-нибудь значительной степени использован для содействия производству; все богатство, которое можно было выжать из народа, находилось во владении князей, которые были немногим лучше главарей разбойников, расквартированных по стране, или у их фермеров или фаворитов, и растрачивалось на бесполезную или хуже, чем бесполезную роскошь, в то время как религия, превратившаяся в изощренное и ужасное суеверие, тиранила разум, как тирания. физическая сила действовала над телами мужчин. В этих условиях единственными искусстваами, которые могли развиваться, были те, которые служили показухе и роскоши великих. Слоны раджи сверкали золотом изысканной работы, а зонтики, символизировавшие его царственную власть, сверкали драгоценными камнями; но плуг риота представлял собой всего лишь заостренную палку. Дамы из гарема раджи заворачивались в муслин такой тонкой работы, что его называли тканым ветром, но инструменты ремесленника были самого бедного и грубого вида, и торговлю можно было вести, так сказать, только тайком.

Разве не ясно, что эта тирания и отсутствие безопасности привели к нужде и голоду в Индии; а не, как согласно Баклу, давление населения на средства к существованию, которое привело к нужде, а нужда - к тирании.²³ Говорит преподобный Уильям Теннант, капеллан на службе Ост-Индской компании, писавший в 1796 году, за два года до публикации “Очерка о населении”:

“Когда мы размышляем об огромном плодородии Индостана, поражает частота голода. Очевидно, что это не связано с какой-либо бесплодностью почвы или климата; зло должно быть связано с какой-то политической причиной, и не требуется особого проникновения, чтобы обнаружить его в алчности и вымогательстве различных правительств. Великий стимул к трудолюбию, фактор безопасности, отнимается. Следовательно, ни один человек не выращивает больше зерна, чем едва хватает для него самого, и первый же неблагоприятный сезон вызывает голод.

“Правительство Великих Моголов никогда не обеспечивало полной безопасности князю, еще меньше - его вассалам, а крестьянам - самую скудную защиту из всех. Это была непрерывная ткань насилия и восстаний, предательства и наказаний, при которой ни торговля, ни искусство не могли процветать, а сельское хозяйство приобретать вид системы. Его падение привело к возникновению государства, еще более пагубного, поскольку анархия хуже, чем неправильное управление. Мусульманское правительство, каким бы жалким оно ни было, европейские нации не имеют права свергнуть. Оно пало под тяжестью собственной коррупции, и на смену ему уже пришла разнообразная тирания мелких вождей, чье право управлять состояло в их государственной измене и чьи требования к крестьянам были столь же безграничны, как и их алчность. Рента правительству взималась дважды в год там, где правят туземцы, и до сих пор взимается, безжалостными бандитами под видом армии, которые бессмысленно уничтожают или уносят любую часть продукции, которая может удовлетворить их прихоти или утолить их

алчность, после того как выследили злополучных крестьян из деревень в леса. Любая попытка крестьян защитить свою личность или имущество в глинобитных стенах своих деревень только требует более решительной мести этим полезным, но обреченным смертным. Затем их окружают и атакуют из мушкетов и полевых орудий до тех пор, пока сопротивление не прекратится, после чего выживших продают, а их жилища сжигают и сровняют с землей. Поэтому вы часто будете встречаться с рюдами, собирающими разбросанные остатки того, что еще вчера было их жилищем, если страх позволил им вернуться; но еще чаще можно увидеть дымящиеся руины после второго посещения такого рода, без появления человека, нарушающего ужасающую тишину запустения. Это описание применимо не только к мусульманским вождям; оно в равной степени применимо к радхам в районах, управляемых индусами”.²⁴

Эта безжалостная алчность, которая вызвала бы нужду и голод, если бы население составляло всего один человек на квадратную милю, а земля была райским садом, сменилась в первую эпоху британского правления в Индии безжалостной алчностью, подкрепленной гораздо более непреодолимой силой. Маколей говорит в своем эссе о лорде Клайве:

“В Калькутте быстро накапливались огромные состояния, в то время как миллионы людей были доведены до крайности нищеты. Они привыкли жить при тирании, но никогда при такой. Они обнаружили, что мизинец Компании толще, чем чресла Сураджи Доула. * * * Это больше походило на правительство злых гениев, чем на правительство человеческих тиранов. Иногда они терпеливо подчинялись. Иногда они убегали от белого человека, как их отцы убегали от Махаратты, и паланкин английского путешественника часто проносили через безмолвные деревни и городки, которые известие о его приближении повергло в запустение ”.

На ужасы, к которым Маколей таким образом лишь прикасается, яркое красноречие Берка бросает более яркий свет — целые районы отданы безудержной алчности худших представителей человеческого рода, доведенных до нищеты крестьян жестоко пытаются, чтобы заставить их расстаться со своими маленькими запасами, а некогда густонаселенные участки превратились в пустыни.

Но незаконная распущенность раннего английского правления долгое время сдерживалась. Всему этому огромному населению сильная рука Англии даровала более чем римский мир; справедливые принципы английского права были расширены с помощью сложной системы кодексов и судебных приставов, призванных обеспечить самым скромным из этих униженных народов права англосаксонских свободных людей; весь полуостров был пересечен железными дорогами, и были построены огромные ирригационные сооружения. Тем не менее, с возрастающей частотой на смену голоду приходит массовый голод, бушующий с большей интенсивностью на более обширных территориях.

Разве это не демонстрация мальтузианской теории? Разве это не показывает, что независимо от того, насколько увеличиваются возможности существования, численность населения все равно продолжает сокращаться? Разве это не показывает, как утверждал Мальтус, что закрывать шлюзы, по которым уносится избыточное население, - значит всего лишь заставлять природу открывать новые, и что, если источники роста населения не будут сдерживаться благоразумным регулированием, альтернативой войне будет голод? Таково было ортодоксальное объяснение. Но истина, как можно видеть из фактов, приведенных в недавних

обсуждениях индийских дел в английских периодических изданиях, заключается в том, что этот голод, который уносил и уносит сейчас миллионы индийцев, вызван давлением населения на естественные пределы существования не в большей степени, чем опустошение Карнатика, когда всадники Хайдера Али ворвались туда в урагане разрушений.

Миллионы жителей Индии склонили свои шеи под ярмом многих завоевателей, но хуже всего постоянный, изматывающий вес английского господства — вес, который буквально лишает жизни миллионы людей и, как показано английскими писателями, неизбежно ведет к самой страшной и широкомасштабной катастрофе. Другие завоеватели жили на этой земле, и, хотя их правление было дурным и тираническим, они понимали народ и были поняты им. но Индия сейчас подобна огромному поместью, принадлежащему отсутствующему землевладельцу-иностранцу. Самоедорогое военное и гражданское учреждение содержится, управляется и обслуживается офицерами англичанами, которые рассматривают Индию всего лишь как место временной ссылки; и огромная сумма, оцениваемая по меньшей мере в 20 000 000 фунтов стерлингов ежегодно, собирается с населения, где рабочие во многих местах рады в хорошие времена работать за 1-1 / 2d. -4d. день утекает в Англию в виде денежных переводов, пенсий, государственных расходов на жилье и т.д. — дань, которой нет возврата. Огромные суммы, потраченные на железные дороги, как показывают результаты, были экономически непродуктивными; крупные ирригационные работы по большей части привели к дорогостоящим сбоям. В значительной части Индии англичане, стремясь создать класс земельных собственников, передали землю, находившуюся в абсолютном владении, наследственным сборщикам налогов, которые самым безжалостным образом брали в аренду земледельцев. В других частях, где арендная плата все еще берется государством в виде земельного налога, сборы настолько высоки, а налоги собираются так безжалостно, что загоняют риотов, которые в хорошие сезоны живут лишь на самые скудные средства, в когти ростовщиков, которые, по возможности, еще более хищны, чем земиндары. На соль, предмет первой необходимости повсюду и особенно там, где пища почти исключительно растительная, взимается налог почти в тысячу двести процентов. вводится, так что его различные промышленные применения запрещены, и большие группы людей не могут получать достаточно, чтобы поддерживать здоровье ни себя, ни своего скота. Ниже английских чиновников стоит орда туземных служащих, которые притесняют и вымогают. Действие английского закона с его жесткими правилами и, для туземцев, таинственными порядками заключалось лишь в том, что он дал мощный инструмент грабежа в руки туземных ростовщиков, у которых крестьяне вынуждены занимать на самых экстравагантных условиях для уплаты своих налогов и которым их легко заставить давать обязательства, значения которых они не знают. “Нам нет дела до народа Индии”, - пишет Флоренс Найтингейл с ноткой рыдания. “Самое печальное зрелище, которое можно увидеть на Востоке — нет, возможно, и в мире — это крестьянин нашей Восточной Империи”. И далее она показывает причины ужасного голода, заключающиеся в налогообложении, которое отнимает у земледельцев сами средства к возделыванию, и фактическом рабстве, до которого доведены райоты, как “следствия наших собственных законов”, порождающих в “самой плодородной стране в мире изнуряющую, хроническую полуголодную смерть во многих местах, где не существует того, что называется голодом”.²⁵ “Голод, опустошивший Индию”, - говорит Х. М. Гайндман,²⁶ - “это в основном финансовый голод”. Мужчины и женщины не могут добыть еду, потому что они не могут накопить денег, чтобы купить ее. И все же мы вынуждены, как мы говорим, больше облагать этих людей налогами”. И он показывает, как даже из охваченных голодом районов продовольствие

экспортируется в счет уплаты налогов, и как вся Индия подвергается постоянному и изнурительному истощению, которое в сочетании с огромными расходами правительства год от года делает население беднее. Экспорт Индии состоит почти исключительно из сельскохозяйственной продукции. По крайней мере, треть из них, как показывает г-н Хайндман, не возвращается вообще; они представляют собой дань — денежные переводы, сделанные англичанами в Индии, или расходы английской ветви индийского правительства.²⁷ Что касается остального, то в основном это государственные запасы или предметы комфорта и роскоши, которыми пользовались английские хозяева Индии. Он показывает, что расходы правительства были чрезвычайно увеличены при имперском правлении; что безжалостное налогообложение населения, столь бедного, что массы прокормлены не более чем наполовину, отнимает у них их скудные средства для обработки земли; что количество быков (индийских тягловых животных) уменьшается, а скудные орудия культуры отдаются ростовщикам, у которых “мы, деловые люди, заставляем земледельцев брать займы под 12, 24, 60%.”²⁸ чтобы построить и выплатить проценты по стоимости огромного оборудования”. общественные работы, за которые никогда не платили почти пять процентов”. Г-н Хайндман говорит: “Истина заключается в том, что индийское общество в целом ужасно обнищало под нашим правлением, и этот процесс сейчас идет чрезвычайно быстрыми темпами” — утверждение, в котором нельзя сомневаться, принимая во внимание факты, представленные не только такими авторами, как я, но и самими индийскими официальными лицами. Сами усилия, прилагаемые правительством для облегчения голода, заключаются в повышении введенных налогов, но усиливают и расширяют их истинную причину. Хотя во время недавнего массового голода в Южной Индии шесть миллионов человек, по оценкам, погибли от фактического голода, а большая масса тех, кто выжил, фактически была обобрана, тем не менее налоги не были возвращены, а налог на соль, и без того непосильный для подавляющего большинства этих обнищавших людей, был увеличен на сорок процентов., точно так же, как после ужасного бенгальского голода 1770 года доходы фактически увеличились за счет повышения взносов для выживших и строгого принуждения к сбору.

В Индии сейчас, как и в Индии в прошлые времена, только самый поверхностный взгляд может объяснить нужду и голод давлением населения на способность земли производить средства к существованию. Если бы земледельцы сохранили свой небольшой капитал — если бы они были освобождены от истощения, которое даже в ненасытные годы низводит огромные массы из них до уровня жизни не просто ниже того, что считается необходимым для сипаев, но и того, что английское человечество дает заключенным в тюрьмах, — возрождения промышленности, принимающей более производительные формы, несомненно, было бы достаточно, чтобы содержать гораздо большее население. В Индии все еще остаются необработанными огромные территории, нетронутыми обширные минеральные ресурсы, и несомненно, что население Индии не достигло, как в исторические времена оно никогда не достигало, реального предела использования почвы для обеспечения средств к существованию, или даже точки, когда эта способность начинает снижаться из-за увеличивающихся нагрузок на нее. Настоящей причиной бедности в Индии была и остается алчность человека, а не скупость природы.

То, что верно для Индии, верно и для Китая. Поскольку Китай во многих частях густонаселен, то то, что крайнюю бедность низших классов следует приписывать причинам, сходным с теми, которые действовали в Индии, а не слишком большому населению, подтверждается многими фактами. Преобладает незащищенность, производство продолжается в условиях величайших неудобств, а обмен тесно связан. Там, где правительство представляет собой череду

выжиманий и безопасность капитала любого рода приходится покупать у мандарина; где на плечи мужчин ложится большая ответственность за транспортировку по суше; где хлам приходится сооружать так, чтобы он не годился для морского судна; где пиратство является обычным промыслом, а разбойники часто маршируют полками, будет преобладать бедность, а неурожай приведет к голоду, независимо от того, насколько малочисленно население.²⁹ О том, что Китай способен прокормить гораздо большее население, свидетельствуют не только огромные площади необработанных земель, о чем свидетельствуют все путешественники, но и огромные залежи необработанных полезных ископаемых, о существовании которых там известно. Например, говорят, что в Китае находится самое большое и прекрасное месторождение угля, когда-либо обнаруженное. Легко представить, насколько разработка этих угольных пластов повысила бы способность прокормить большее население. Уголь - это не пища, это правда; но его производство эквивалентно производству продуктов питания. Ибо не только уголь можно обменять на пищу, как это делается во всех шахтерских округах, но и силу, вырабатываемую при его потреблении, можно использовать для производства пищи или высвободить рабочую силу для производства продуктов питания.

Следовательно, ни в Индии, ни в Китае бедность и голод нельзя списать на нехватку средств к существованию у населения. Дело не в плотности населения, а в причинах, которые препятствуют естественному развитию социальной организации и обеспечению полной отдачи от труда, которые держат миллионы людей на грани голодной смерти и время от времени вынуждают миллионы выходить за ее пределы. То, что индусский рабочий считает себя счастливым, получив горсть риса, что китайцы едят крыс и щенков, объясняется демографическим давлением не больше, чем то, что индейцы-землекопы питаются кузнечиками или коренные жители Австралии едят червей, обитающих в гнилой древесине.

Позвольте мне быть понятым. Я не хочу просто сказать, что Индия или Китай могли бы при более высокоразвитой цивилизации поддерживать большее население, поскольку с этим согласился бы любой мальтузианец. Мальтузианская доктрина не отрицает, что прогресс в производительных искусствах позволил бы большему количеству населения найти средства к существованию. Но мальтузианская теория утверждает — и в этом ее суть, — что, какой бы ни была производственная способность, естественная тенденция населения состоит в том, чтобы соответствовать ей и в стремлении превзойти ее, производить, используя фразу Мальтуса, ту степень порока и нищеты, которая необходима для предотвращения дальнейшего роста; так что по мере увеличения производительной силы население будет соответственно увеличиваться и через короткое время приведет к тем же результатам, что и раньше. Я говорю вот что: нигде нет ни одного примера, подтверждающего эту теорию; что нигде нужду нельзя должным образом отнести к давлению населения на способность добывать средства к существованию при существующем тогда уровне человеческих знаний; что повсюду порок и нищета, приписываемые перенаселению, могут быть прослежены до войн, тирании и угнетения, которые препятствуют использованию знаний и отрицают безопасность, необходимую для производства. К причине, по которой естественный прирост населения не вызывает нужды, мы подойдем позже. Тот факт, что этого еще нигде не произошло, - это то, что нас сейчас интересует. Этот факт очевиден в отношении Индии и Китая. Это также будет очевидно, где бы мы ни прослеживали до их причин результаты, которые при поверхностном взгляде часто принимаются за результат перенаселения.

Ирландия из всех европейских стран представляет собой яркий пример перенаселения. Крайняя бедность крестьянства и преобладающий там низкий уровень заработной платы, голод в Ирландии и ирландская эмиграция постоянно упоминаются как демонстрация мальтузианской теории, разработанной на глазах у цивилизованного мира. Я сомневаюсь, что можно привести более яркий пример силы заранее принятой теории для слепых людей относительно истинных связей фактов. Истина заключается в том, и она лежит на поверхности, что в Ирландии еще никогда не было населения, которое естественные силы страны при существующем состоянии производственного искусства не могли бы поддерживать в достаточном комфорте. В период своего наибольшего заселения (1840-45) Ирландия насчитывала более восьми миллионов человек. Но очень большой части из них удавалось просто существовать — жить в жалких хижинах, носить жалкие лохмотья и питаться одним картофелем в качестве основного продукта питания. Когда пришла картофельная эпидемия, они умирали тысячами. Но была ли это неспособность почвы прокормить такое большое население, которая вынудила стольких людей жить таким жалким образом и обрекла их на голодную смерть из-за неурожая одного-единственного корнеплода? Напротив, это была та же самая безжалостная алчность, которая отняла у индийца райота плоды его труда и оставила его голодать там, где природа предлагала изобилие. Безжалостные бандиты-сборщики налогов не маршировали по земле, грабя и мучая, но рабочий был столь же эффективно ограблен столь же безжалостной ордой землевладельцев, между которыми земля была разделена как их абсолютное владение, независимо от каких-либо прав тех, кто на ней жил.

Подумайте об условиях производства, в которых этим восьми миллионам удалось прожить до того, как пришла картофельная фитофтороз. Это было состояние, к которому с таким же успехом могут быть применены слова, использованные мистером Теннантом по отношению к Индии — “великий стимул к промышленности, стимул к безопасности, был отнят”. Обработкой земли по большей части занимались арендаторы по своему желанию, которые, даже если арендная плата, которую они были вынуждены платить, позволяла им это, не осмеливались вносить улучшения, которые были бы лишь сигналом к повышению арендной платы. Таким образом, труд применялся самым неэффективным и расточительным образом, а также растрачивался в бесцельном безделье, которое при любой гарантии его плодов применялось бы неустанно. Но даже в этих условиях факт остается фактом: Ирландия оказала поддержку более чем восьми миллионам человек. Ибо, когда ее население было на самом высоком уровне, Ирландия была страной-экспортером продовольствия. Даже во время голода зерно, мясо, масло и сыр вывозились на телегах по дорогам, вдоль которых стояли голодающие, и мимо траншей, в которые складывали мертвых. Для этого экспорта продовольствия, или, по крайней мере, для большей его части, возврата не было. Что касается народа Ирландии, то экспортируемое таким образом продовольствие с таким же успехом могло быть сожжено, или выброшено в море, или вообще никогда не производиться. Это шло не как обмен, а как дань — в уплату арендной платы отсутствующим землевладельцам; налог, взимаемый с производителей теми, кто никоим образом не способствовал производству.

Если бы эта пища была оставлена тем, кто ее выращивает; если бы земледельцам было позволено сохранять и использовать капитал, созданный их трудом; если бы безопасность стимулировала промышленность и позволяла внедрять экономичные методы, этого было бы достаточно, чтобы поддерживать в изобилии самое многочисленное население, которое когда-либо было в Ирландии, и картофельная фитофтороз мог бы прийти и уйти, не покусившись ни на одно человеческое существо на полноценную еду. Ибо не безрассудство “ирландских

крестьян”, как холодно выражаются английские экономисты, побудило их сделать картофель основным продуктом питания. Ирландские эмигранты, когда они могут добыть что-нибудь другое, не питаются картошкой, и, конечно, в Соединенных Штатах благоразумие ирландского характера, стремящегося отложить что-нибудь на черный день, поразительно. Они жили на картошке, потому что арендная плата лишала их всего остального. Правда в том, что бедность и убожество Ирландии никогда в полной мере не объяснялись перенаселенностью.

Маккалох, писавший в 1838 году, говорит в Примечании IV к “Богатству наций”:

“Поразительная плотность населения в Ирландии является непосредственной причиной крайней нищеты и подавленного состояния подавляющей массы людей. Не будет преувеличением сказать, что в настоящее время в Ирландии более чем вдвое больше людей, чем она, с ее существующими средствами производства, способна либо полностью трудоустроить, либо поддерживать в умеренном комфорте”.

Поскольку в 1841 году население Ирландии составляло 8 175 124 человека, мы можем установить, что в 1838 году оно составляло около восьми миллионов. Таким образом, если заменить отрицательный вывод Маккалоха утвердительным, то Ирландия, согласно теории перенаселения, была бы в состоянии полностью трудоустроить и поддерживать в умеренном комфорте менее четырех миллионов человек. Так вот, в начале прошлого столетия, когда дин Свифт написал свое “Скромное предложение”, население Ирландии составляло около двух миллионов человек. Поскольку ни средства, ни искусство производства заметно не продвинулись в Ирландии за этот промежуток времени, то — если крайнюю бедность и подавленное положение ирландского народа в 1838 году можно было объяснить перенаселением — по собственному признанию Маккалоха, в Ирландии в 1727 году должно было быть более чем полная занятость и гораздо больше, чем умеренный уровень комфорта, для целых двух миллионов. Однако, вместо этого, крайняя бедность и подавленное состояние ирландского народа в 1727 году были таковы, что со жгучей иронией дин Свифт предложил уменьшить избыточное население, развивая вкус к жареным младенцам и ежегодно принося в the shambles в качестве изысканной еды для богатых 100 000 ирландских младенцев!

Тому, кто просматривал литературу об ирландской нищете, чем я занимался при написании этой главы, трудно говорить в благопристойных выражениях о самодовольном приписывании ирландской нужды и страданий перенаселению, которое можно найти даже в работах таких благородных людей, как Милл и Бакл. Я не знаю ничего более рассчитанного на то, чтобы заставить кровь закипеть, чем холодные рассказы о жадной, изматывающей тирании, которой подвергся ирландский народ и которой, а не какой-либо неспособности страны прокормить свое население, следует приписать ирландский пауперизм и ирландский голод; и если бы не обессиливающий эффект, который, как доказывает мировая история, повсеместно оказывает крайняя нищета, было бы трудно сопротивляться чему-то вроде чувства презрения к расе, которая, уязвленная подобными несправедливостями, лишь изредка убивала землевладельца. !

Вопрос о том, вызывало ли перенаселение когда-либо пауперизм и голодную смерть, может быть открытым; но пауперизм и голодную смерть Ирландии можно отнести к этой причине не больше, чем работорговлю можно отнести к перенаселению Африки или разрушение Иерусалима - к неспособности средств к существованию поспевать за воспроизводством. Если бы Ирландия по своей природе была банановой рощей и плодами хлебного дерева, если бы ее берега были покрыты отложениями гуано чинча, а солнце более низких широт прогревало ее

влажную почву, вызывая изобилие жизни, социальные условия, которые там преобладали, все равно привели бы к бедности и голоду. Как могло не быть пауперизма и голода в стране, где рента отнимала у земледельца все продукты его труда, за исключением того, чего хватало для поддержания жизни в хорошие сезоны; где добровольное владение землей запрещало улучшения и лишало стимулов любую культуру, кроме самой расточительной и пораженной нищетой; где арендатор не осмеливался накапливать капитал, даже если бы он мог его получить, из страха, что землевладелец потребует его в качестве арендной платы; где фактически он был жалким рабом, который по указке такого человека, как он сам, мог в любой момент лишиться его собственности? быть изгнанным из своей жалкой глинобитной хижины, бездомным, изголодавшимся скитальцем, которому запрещено даже срывать самопроизвольные плоды земли или ловить дикого зайца, чтобы утолить свой голод? Независимо от того, насколько малочисленно население, независимо от природных ресурсов, не являются ли пауперизм и голод неизбежными последствиями в стране, где производители богатства вынуждены работать в условиях, которые лишают их надежды, самоуважения, энергии, бережливости; где отсутствующие землевладельцы безвозвратно забирают по меньшей мере четвертую часть чистого продукта земли, и когда, помимо них, голодающая промышленность вынуждена содержать местных землевладельцев с их лошадьми и собаками, агентами, маклерами, посредниками и судебными приставами, чуждое государство церковь, оскорбляющая религиозные предрассудки, и армия полицейских и солдат, внушающая благоговейный страх и отслеживающая любую оппозицию незаконной системе? Не является ли нечестием гораздо худшим, чем атеизм, обвинять естественные законы в страданиях, вызванных таким образом?

То, что верно в этих трех случаях, будет обнаружено при исследовании истинным во всех случаях. Насколько нам известны факты, мы можем смело отрицать, что рост населения когда-либо еще оказывал такое давление на средства к существованию, что порождал порок и нищету; что рост численности когда-либо еще уменьшал относительное производство продуктов питания. Массовый голод в Индии, Китае и Ирландии можно отнести к перенаселению не больше, чем голод в малонаселенной Бразилии. Порок и нищета, порождаемые нуждой, могут быть приписаны скупости Природы не больше, чем шесть миллионов человек, погибших от меча Чингисхана, пирамида черепов Тамерлана или истребление древних бриттов или коренных жителей Вест-Индии.

ГЛАВА III. ВЫВОДЫ ПО АНАЛОГИИ.

Если мы перейдем от рассмотрения фактов, приведенных в качестве иллюстрации мальтузианской теории, к рассмотрению аналогий, которыми она подкрепляется, мы обнаружим ту же неубедительность.

Сила репродуктивной силы в животном и растительном царствах — такие факты, как то, что одна пара лососей могла бы, если бы их несколько лет охраняли от их естественных врагов,

заполнить океан; что пара кроликов при тех же обстоятельствах вскоре заполонила бы континент; что многие растения рассеивают свои семена в сотни раз, а некоторые насекомые откладывают тысячи яиц; и что повсюду в этих царствах каждый вид постоянно стремится к давлению, и когда он не ограничен числом своих врагов, очевидно, действительно стремится к пределам существования — постоянно цитируется, начиная с Мальтуса и заканчивая текстом - современные книги показывают, что население также стремится к существованию, и, когда его не сдерживают другими средствами, его естественный прирост обязательно должен привести к такой низкой заработной плате и нужде, или, если этого будет недостаточно, а рост все еще продолжается, к такому фактическому голоду, который удержит его в пределах прожиточного минимума.

Но верна ли эта аналогия? Пища человека поступает из растительного и животного царств, и, следовательно, большая сила репродуктивной силы в растительном и животном царствах, чем у человека, просто доказывает способность средств к существованию увеличиваться быстрее, чем численность населения. Разве тот факт, что все вещи, обеспечивающие человеку средства к существованию, не обладают способностью многократно увеличиваться — некоторые из них во много тысяч раз, а некоторые во много миллионов или даже миллиардов раз, — в то время как он только удваивает свою численность, не показывает, что, пусть человеческие существа увеличиваются в полную меру своей репродуктивной способности, прирост населения никогда не сможет превысить уровень прожиточного минимума? Это становится ясным, если вспомнить, что, хотя в растительном и животном царствах каждый вид, в силу своей репродуктивной способности, естественно и неизбежно сталкивается с условиями, которые ограничивают его дальнейший рост, однако эти условия нигде не являются фиксированными и окончательными. Ни один вид не достигает предельного предела использования почвы, воды, воздуха и солнечного света; но фактический предел каждого из них заключается в существовании других видов, его соперников, его врагов или его пищи. Таким образом, условия, ограничивающие существование тех из этих видов, которые обеспечивают ему средства к существованию, человек может расширять (в некоторых случаях их продлевает само его появление), и, таким образом, репродуктивные силы вида, удовлетворяющие его потребности, вместо того, чтобы истощать себя до своего прежнего предела, начинают служить ему с такой скоростью, с которой его способности к увеличению не могут соперничать. Если он будет стрелять ястребов, количество птиц-кормильцев увеличится, если он будет ловить лисиц, то размножатся дикие кролики; медоносная пчела перемещается вместе с первопроходцем, а органическими веществами, которыми присутствие человека наполняет реки, питаются рыбы.

Даже если исключить какое-либо рассмотрение конечных причин; даже если не допустить предположения, что высокая и постоянная репродуктивная сила растений и животных была обусловлена тем, что они могли служить целям использования человека, и что, следовательно, давление низших форм жизни на средства к существованию не указывает на то, что то же самое должно быть и с человеком, “крышей и венцом вещей”; все же все еще остается различие между человеком и всеми другими формами жизни, которое разрушает аналогию. Из всех живых существ человек - единственный, кто может дать волю более мощным, чем его собственные, репродуктивным силам, которые снабжают его пищей. Звери, насекомые, птицы и рыбы берут только то, что находят. Их рост происходит за счет их пищи, и когда они достигнут существующих пределов потребления пищи, их количество пищи должно увеличиться, прежде чем они смогут увеличиться. Но в отличие от роста любого другого живого существа, рост человека предполагает увеличение количества его пищи. Если бы из Европы на

североамериканский континент были доставлены медведи вместо людей, медведей сейчас было бы не больше, чем во времена Колумба, а возможно, и меньше, поскольку количество пищи для медведей не увеличилось бы, а условия жизни медведей не улучшились бы из-за иммиграции медведей, а, вероятно, наоборот. Но только в пределах Соединенных Штатов сейчас проживает сорок пять миллионов человек, тогда как тогда их было всего несколько сотен тысяч, и все же сейчас на этой территории имеется гораздо больше продовольствия на душу населения для сорока пяти миллионов, чем тогда для нескольких сотен тысяч. Не увеличение количества пищи вызвало это увеличение числа мужчин; но увеличение числа мужчин привело к увеличению количества пищи. Еды стало больше просто потому, что стало больше мужчин.

Вот разница между животным и человеком. И сойка, и человек едят цыплят, но чем больше соек, тем меньше цыплят, в то время как чем больше людей, тем больше цыплят. И тюлень, и человек едят лосося, но когда тюлень ловит лосося, лосося становится меньше, и если количество тюленей превысит определенный уровень, количество лосося должно уменьшиться; в то время как, помещая икру лосося в благоприятные условия, человек может настолько увеличить количество лосося, что это с лихвой компенсирует все, что он может взять, и, таким образом, независимо от того, насколько увеличатся люди, их прирост никогда не превысит запасов лосося.

Короче говоря, в то время как во всем растительном и животном царствах предел существования не зависит от предмета существования, у человека предел существования, в пределах конечных пределов земли, воздуха, воды и солнечного света, зависит от самого человека. И поскольку это так, аналогия, которую пытаются провести между низшими формами жизни и человеком, явно терпит неудачу. В то время как овощи и животные достигают пределов существования, человек не может достичь пределов своего существования, пока не будут достигнуты границы земного шара. Заметьте, это верно не только для целого, но и для всех частей. Как мы не можем снизить уровень самого маленького залива или гавани, не снизив уровень не только океана, с которым он сообщается, но и всех морей и океанов мира, так и предел прожиточного минимума в любом конкретном месте - это не физический предел этого места, а физический предел земного шара. Пятьдесят квадратных миль земли при нынешнем состоянии производственного искусства обеспечат пропитание всего нескольким тысячам человек, но на пятидесяти квадратных милях, составляющих Лондонский сити, содержится около трех с половиной миллионов человек, и средства к существованию увеличиваются по мере увеличения населения. Что касается пределов существования, то население Лондона может вырасти до ста миллионов, или пятисот миллионов, или тысячи миллионов, поскольку он добывает средства к существованию на всем земном шаре, и предел, который средства к существованию устанавливают для роста его населения, - это предел возможностей земного шара обеспечивать продовольствием своих жителей.

Но здесь возникает другая идея, из которой мальтузианская теория черпает большую поддержку, — идея об уменьшающейся продуктивности земли. В качестве убедительного доказательства закона убывающей производительности в современных трактатах говорится, что, если бы не было правдой, что после определенного момента земля дает все меньше и меньше для дополнительного применения труда и капитала, увеличение численности населения не привело бы к какому-либо расширению возделывания, но что все необходимые увеличенные запасы могли бы и были бы увеличены без учета возделывания какой-либо свежей

земли. Согласие с этим, по-видимому, подразумевает согласие с доктриной о том, что трудность добывания средств к существованию должна возрастать с увеличением численности населения.

Но я думаю, что необходимость заключается только в видимости. Если проанализировать пропозицию, то будет видно, что она принадлежит к классу, валидность которых зависит от подразумеваемой или предполагаемой квалификации — относительной истины, которая, взятая абсолютно, становится неистинной. Ибо то, что человек не может исчерпать или уменьшить силы природы, следует из неуничтожимости материи и постоянства силы. Производство и потребление - понятия относительные. Говоря абсолютно, человек не производит и не потребляет. Вся человеческая раса, если бы они трудились до бесконечности, не смогла бы сделать эту вращающуюся сферу ни на атом тяжелее, ни на атом легче, не смогла бы ни на йоту увеличить или уменьшить сумму сил, чье вечное вращение производит все движение и поддерживает всю жизнь. Как вода, которую мы берем из океана, должна снова вернуться в океан, так и пища, которую мы берем из природных резервуаров, с того момента, как мы ее берем, находится на пути обратно в эти резервуары. То, что мы извлекаем из ограниченного участка земли, может временно снизить продуктивность этой земли, потому что отдача может быть в другую землю, или может быть разделена между этой землей и другой землей, или, возможно, всей землей; но эта возможность уменьшается с увеличением площади и прекращается, когда рассматривается весь земной шар. То, что земля может содержать тысячу миллиардов людей так же легко, как и тысячу миллионов, является необходимым выводом из очевидных истин о том, что, по крайней мере, в том, что касается нашей свободы действий, материя вечна, а сила должна вечно продолжать действовать. Жизнь не расходует силы, которые поддерживают жизнь. Мы приходим в материальную вселенную, ничего не принося с собой; мы ничего не забираем, когда уходим. Человеческое существо, рассматриваемое физически, является всего лишь преходящей формой материи, изменяющимся способом движения. Материя остается, а сила сохраняется. Ничто не уменьшается, ничто не ослабевает. А из этого следует, что пределом численности населения земного шара может быть только предел пространства.

Итак, эта ограниченность пространства - эта опасность того, что человеческая раса может увеличиться настолько, что не сможет найти себе места, — настолько далека, что представляет для нас не больше практического интереса, чем повторение ледникового периода или окончательное угасание солнца. Какой бы отдаленной и призрачной она ни была, именно эта возможность придает мальтузианской теории ее кажущийся самоочевидным характер. Но если мы будем следовать ей, даже эта тень исчезнет. Это также вытекает из ложной аналогии. То, что растительная и животная жизнь стремится к ограничению пространства, не доказывает аналогичной тенденции в жизни человека.

Допустим, что человек - всего лишь более высокоразвитое животное; что кольцехвостая обезьяна - его дальний родственник, у которого постепенно развились акробатические наклонности, а горбатый кит - дальний родственник, который в юности ушел в море, — допустим, что в этом отношении он родственен растению и все еще подчиняется тем же законам, что и растения, рыбы, птицы и звери. И все же между человеком и всеми другими животными по-прежнему существует разница - он единственное животное, чьи желания возрастают по мере того, как его кормят; единственное животное, которое никогда не бывает удовлетворено. Потребности любого другого живого существа одинаковы и неизменны. Современный бык

стремится не к большему, чем стремился бык, когда человек впервые впряг его в ярмо. Чайке Ла-Манша, парящей над стремительным пароходом, не нужна лучшая еда или ночлег, чем чайкам, которые кружили вокруг, когда кили галер Цезаря впервые заскрежетали о британский берег. Из всего, что предлагает им природа, каким бы изобильным оно ни было, все живые существа, кроме человека, могут взять и позаботиться о себе лишь столько, чтобы удовлетворить определенные и фиксированные потребности. Единственное, что они могут использовать из дополнительных запасов или возможностей, - это размножаться.

Но не так с человеком. Как только удовлетворяются его животные потребности, возникают новые. В первую очередь ему нужна пища, как и зверю; затем, как и зверю, убежище; и, учитывая это, его репродуктивные инстинкты заявляют о себе, как и инстинкты зверя. Но здесь человек и зверь расстанутся. Зверь никогда не идет дальше; человек лишь поставил свои ноги на первую ступень бесконечного прогресса — прогресса, в который зверь никогда не вступит; прогресса, уходящего от зверя и возвышающегося над ним.

Однажды удовлетворив потребность в количестве, он стремится к качеству. Те самые желания, которые у него общие со зверем, становятся расширенными, утонченными, возвышенными. Не только голод, но и вкус ищет удовлетворения в пище; в одежде он ищет не просто комфорта, но украшения; грубое убежище становится домом; ничем не различаемое сексуальное влечение начинает трансформироваться в утонченные влияния, а грубый и обычный элемент животной жизни расцветает и обретает формы утонченной красоты. По мере того, как возрастает сила для удовлетворения его желаний, растет и устремление. Сдерживаемый низшими уровнями желания, Лукулл будет ужинать с Лукуллом; двенадцать кабанов вертятся на вертелах, на которых, возможно, приготовится полный рот мяса Антония; каждое царство Природы будет разграблено, чтобы усилить очарование Клеопатры, и возникнут мраморные колоннады, висячие сады и пирамиды, соперничающие с холмами. Переходя в высшие формы желания, то, что дремало в растении и порывисто шевелилось в животном, пробуждается в человеке. Глаза разума открыты, и он жаждет познать. Он бросает вызов палящему зною пустыни и ледяным порывам полярного моря, но не ради еды; он бодрствует всю ночь, но только для того, чтобы проследить за вращением вечных звезд. Он добавляет труд к труду, чтобы утолить голод, которого не испытывало ни одно животное; утолить жажду, о которой не может знать ни одно животное.

Наружу, к природе, внутрь себя, назад, сквозь туман, окутывающий прошлое, вперед, во тьму, нависающую над будущим, обращает беспокойное желание, возникающее, когда животное хочет уснуть, в удовлетворение. Под всем этим он ищет закон; он хотел бы знать, как был выкован земной шар и развешаны звезды, и проследить до их истоков источники жизни. И затем, по мере того как человек развивает свою более благородную природу, возникает желание еще более высокое — страсть из страстей, надежда из надежд — желание, чтобы он, даже он, мог каким-то образом помочь сделать жизнь лучше и ярче, уничтожить нужду и грех, печаль и стыд. Он овладевает животным и обуздывает его; он отворачивается от пиршества и отказывается от места власти; он предоставляет другим накапливать богатство, удовлетворять приятные вкусы, греться под теплым солнцем короткого дня. Он работает для тех, кого никогда не видел и никогда не сможет увидеть; ради славы или, может быть, лишь ради мизерного правосудия, которое может прийти только спустя много времени после того, как комья земли

застучат по крышке его гроба. Он трудится на передовой, где холодно, и люди мало радуются, и камни острые, и заросли ежевики густые. Среди насмешек настоящего и насмешек, которые вонзаются, как ножи, он строит будущее; он прокладывает тропу, которую прогрессивное человечество впоследствии может расширить до большой дороги. Желание поднимается и манит в более высокие, величественные сферы, и звезда, восходящая на востоке, ведет его дальше. Воистину, пульс человека трепещет в согласии с желаниями бога — он помог бы в процессе восхода солнц!

Не слишком ли широка пропасть, чтобы ее можно было охватить аналогией? Дайте больше пищи, создайте более полные условия жизни, и растению или животному останется только размножаться; человек будет развиваться. В первом случае экспансивная сила может лишь расширить существование в новых количествах; в другом случае она неизбежно будет стремиться расширить существование в более высоких формах и с более широкими возможностями. Человек - животное; но он животное плюс что-то еще. Он - мифическое земное дерево, чьи корни уходят в землю, но самые верхние ветви могут расцвести в небесах!

Как бы это ни повернулось, рассуждения, с помощью которых поддерживается эта теория о постоянной тенденции населения стремиться к пределам прожиточного минимума, показывают необоснованное предположение, нераспределенную середину, как сказали бы логики. Факты этого не подтверждают, аналогии этого не подтверждают. Это чистая химера воображения, подобная тем, которые долгое время мешали людям осознать округлость и движение земли. Это как раз такая теория, согласно которой все, что не прикреплено к земле, должно упасть под нами; например, мяч, сброшенный с мачты движущегося корабля, должен упасть за мачту; например, живая рыба, помещенная в сосуд, полный воды, не вытеснит воду. Это столь же необоснованно, если не столь гротескно, как предположение, которое, как мы можем себе представить, мог бы сделать Адам, если бы у него был арифметический склад ума и он рассчитывал рост своего первенца по темпам его первых месяцев жизни. Исходя из того факта, что при рождении он весил десять фунтов, а через восемь месяцев - двадцать фунтов, он мог бы, обладая арифметическими познаниями, которыми, как предполагали некоторые мудрецы, он обладал, вывести результат, столь же поразительный, как и у мистера Мальтуса, а именно, что к тому времени, когда ему исполнится десять лет, он будет тяжелым, как бык, в двенадцать - как слон, а в тридцать будет весить не менее 175 716 339 548 тонн.

Дело в том, что у нас не больше причин беспокоиться о давлении населения на средства к существованию, чем у Адама было причин беспокоиться о быстром росте своего ребенка. Насколько вывод действительно подтверждается фактами и предлагается по аналогии, он заключается в том, что закон народонаселения включает в себя такие прекрасные приспособления, какие исследования уже показали в других законах природы, и что мы не более правомочны предполагать, что инстинкт размножения при естественном развитии общества имеет тенденцию порождать нищету и порок, чем мы должны были бы предполагать, что сила тяготения должна швырять луну на землю, а землю на солнце, или чем предполагать, что из-за сокращения воды при понижении температуры до тридцати двух градусов реки и озера должны замерзнуть до дна оседает при каждом похолодании, и умеренные регионы земли, таким образом, становятся непригодными для жизни даже при умеренных зимах. На то, что, помимо позитивных и благоразумных ограничений Мальтуса, существует третье ограничение, которое вступает в игру с повышением уровня комфорта и развитием интеллекта, указывают многие хорошо известные факты. Общеизвестно, что доля рождений в новых

поселениях, где борьба с природой оставляет мало возможностей для интеллектуальной жизни, и среди обездоленных классов старых стран, которые среди богатства лишены всех его преимуществ и вынуждены вести все, кроме животного существования, значительно выше, чем среди классов, которым увеличение богатства принесло независимость, досуг, комфорт и более полную и разнообразную жизнь. Этот факт, давным-давно признанный в домашней поговорке “богат человек благодаря удаче, а беден человек из-за детей”, был отмечен Адамом Смитом, который говорит, что нередко можно встретить бедную полуголодную горчанку, которая была матерью двадцати трех или двадцати четырех детей, и это везде так отчетливо заметно, что стоит только упомянуть об этом.

Если таким образом обозначен реальный закон народонаселения, а я думаю, что так и должно быть, то тенденция к увеличению, вместо того чтобы быть всегда равномерной, сильна там, где большее население обеспечило бы больший комфорт, и где постоянству расы угрожает смертность, вызванная неблагоприятными условиями; но ослабевает сразу же, как только становится возможным более высокое развитие индивида и обеспечивается постоянство расы. Другими словами, закон народонаселения согласуется с законом интеллектуального развития и подчинен ему, и любая опасность того, что люди могут оказаться в мире, где они не могут быть обеспечены, возникает не из-за законов природы, а из-за социальных нарушений, которые посреди богатства обрекают людей на нужду. Истинность этого, я думаю, будет окончательно продемонстрирована, когда, расчистив почву, мы выявим истинные законы социального роста. Но предвосхищать их сейчас было бы нарушением естественного порядка аргументации. Если мне удалось отстоять отрицание — показать, что мальтузианская теория не доказывается рассуждениями, которыми она подкрепляется, — на данный момент этого достаточно. В следующей главе я предлагаю принять утвердительный ответ и показать, что он опровергается фактами.

ГЛАВА IV. ОПРОВЕРЖЕНИЕ МАЛЬТУЗИАНСКОЙ ТЕОРИИ.

Эта доктрина о том, что увеличение населения имеет тенденцию снижать заработную плату и порождать бедность, настолько глубоко укоренилась и тесно переплетена с рассуждениями современной политической экономии, настолько полностью согласуется со многими популярными представлениями и настолько подвержена повторению в различных формах, что я счел необходимым познакомиться с ней и показать в некоторых деталях недостаточность аргументов, которыми она подкрепляется, прежде чем подвергать ее проверке фактами; ибо всеобщее признание этой теории добавляет самый поразительный пример ко многим, которые предоставляет история мысли, того, как легко люди игнорируют факты, когда им завязывают глаза. заранее принятая теория.

Мы можем легко подвергнуть эту теорию высшей и окончательной проверке фактами. Очевидно, что вопрос о том, обязательно ли увеличение численности населения ведет к снижению заработной платы и вызывает нужду, - это просто вопрос о том, ведет ли оно к

уменьшению количества богатства, которое может быть произведено данным количеством труда.

Именно этого придерживается нынешняя доктрина. Общепринятая теория состоит в том, что чем больше требуется от природы, тем менее щедро она отвечает, так что удвоение приложения труда не приведет к удвоению продукта; и, следовательно, увеличение численности населения должно иметь тенденцию к снижению заработной платы и углублению бедности, или, по выражению Мальтуса, должно приводить к пороку и нищете. Процитируем Джона Стюарта Милля:

“Ни на одном данном этапе развития цивилизации большее число людей не может быть коллективно так хорошо обеспечено, как меньшее. Скупость природы, а не несправедливость общества, является причиной наказания, связанного с перенаселением. Несправедливое распределение богатства не усугубляет зло, но, самое большее, приводит к тому, что оно ощущается несколько раньше. Напрасно говорить, что все рты, которые возникают в результате роста человечества, приносят с собой руки. Новым ртам требуется столько же пищи, сколько старым, а руки производят не так много. Если бы все орудия производства находились в совместной собственности всего народа, а продукция делилась между ними в полном равенстве, и если бы в созданном таким образом обществе промышленность была такой же энергичной, а продукции - такой же обильной, как в настоящее время, было бы достаточно, чтобы обеспечить всему существующему населению чрезвычайно комфортные условия; но когда это население удвоилось, что, при существующих привычках народа, при таком поощрении, несомненно, произойдет немногим более чем за двадцать лет, каково было бы тогда их состояние? Если бы в то же время искусство производства не было усовершенствовано в почти беспрецедентной степени, то низкоплодородные почвы, к которым приходится прибегать, и более трудоемкая и малопродуктивная обработка, которая должна применяться на более плодородных почвах, чтобы добывать пищу для гораздо большего населения, в силу непреодолимой необходимости сделали бы каждого члена общества беднее, чем раньше. Если бы население продолжало увеличиваться такими же темпами, вскоре наступило бы время, когда ни у кого не было бы ничего, кроме предметов первой необходимости, а вскоре после этого наступило бы время, когда ни у кого не было бы их в достаточном количестве, и дальнейший рост населения был бы остановлен смертью”.³⁰

Я все это отрицаю. Я утверждаю, что верно совершенно обратное из этих утверждений. Я утверждаю, что на любом данном этапе развития цивилизации большее число людей в совокупности может быть обеспечено лучше, чем меньшее. Я утверждаю, что несправедливость общества, а не скупость природы, является причиной нужды и несчастий, которые современная теория приписывает перенаселению. Я утверждаю, что новые рты, которые вызывает к жизни растущее население, требуют не больше пищи, чем старые, в то время как руки, которые они приносят с собой, могут при естественном порядке вещей производить больше. Я утверждаю, что при прочих равных условиях, чем больше население, тем больше вознаграждение, которое справедливое распределение богатства дало бы каждому индивидууму. Я утверждаю, что в государстве равенства естественный прирост населения постоянно имел бы тенденцию делать каждого человека богаче, а не беднее.

Таким образом, я определенно присоединяюсь к спору и подвергаю вопрос проверке фактами.

Но заметьте (ибо, даже рискуя повториться, я хочу предостеречь читателя от путаницы в мыслях, которая наблюдается даже у писателей с большой репутацией), что фактический вопрос, на который эта проблема решается сама собой, заключается не в том, на какой стадии развития населения производится больше всего средств к существованию? но на какой стадии развития населения проявляется наибольшая способность производить богатство? Ибо способность производить богатство в любой форме — это способность производить средства к существованию, а потребление богатства в любой форме или силы, производящей богатство, эквивалентно потреблению средств к существованию. У меня, например, есть немного денег в кармане. На них я могу купить либо еду, либо сигары, либо драгоценности, либо билеты в театр, и точно так же, как я трачу свои деньги, я определяю рабочую силу для производства еды, сигар, украшений или театральных представлений. Стоимость набора бриллиантов равна стольким—то бочонкам муки, то есть на производство бриллиантов уходит в среднем столько же труда, сколько и на производство такого количества муки. Если я осыпаю свою жену бриллиантами, это такое же проявление жизненных сил, как если бы я потратил столько еды на показательные цели. Если я держу лакея, я отрываю возможного пахаря от плуга. Разведение и содержание скаковой лошади требует заботы и труда, которых хватило бы для разведения и содержания многих рабочих лошадей. Уничтожение материальных ценностей, связанных с общей иллюминацией или салютом, равносильно сожжению такого количества еды; содержание полка солдат или военного корабля и его команды - это отвлечение на непроизводительное использование труда, которое могло бы обеспечить средства к существованию для многих тысяч людей. Таким образом, способность любого населения производить предметы первой необходимости должна измеряться не реально произведенными предметами первой необходимости, а расходом энергии всеми способами.

Нет необходимости в абстрактных рассуждениях. Вопрос заключается в простом факте. Уменьшается ли относительная способность производить богатство с увеличением численности населения?

Факты настолько очевидны, что необходимо лишь привлечь к ним внимание. В наше время мы наблюдаем рост численности населения во многих сообществах. Разве они в то же время не стали еще более богатыми? Мы видим, что население многих сообществ продолжает увеличиваться. Разве они также не увеличивают свое богатство еще быстрее? Есть ли какие-либо сомнения в том, что в то время как население Англии увеличивалось на два процента. в год, ее богатство росло в еще большей пропорции? Разве это не правда, что в то время как население Соединенных Штатов удваивалось каждые двадцать девять³¹ лет, ее богатство удваивалось с гораздо более короткими интервалами? Разве это не правда, что при сходных условиях — то есть среди сообществ сходных людей на сходной стадии цивилизации — наиболее густонаселенное сообщество является также и самым богатым? Разве более густонаселенные Восточные Штаты не богаче по отношению к численности населения, чем более малонаселенные Западные или Южные штаты? Разве Англия, где население еще плотнее, чем в Восточных штатах Союза, не является пропорционально более богатой страной? Где вы найдете богатство, с наибольшей щедростью предназначенное для непроизводительного использования - дорогие здания, изысканную мебель, роскошные экипажи, статуи, картины, увеселительные сады и яхты? Разве это не там, где население самое плотное, а не там, где оно самое разреженное? Где вы найдете в наибольшей пропорции тех,

кого общего производства достаточно, чтобы содержать без производительного труда с их стороны, — людей с доходом и изысканным досугом, воров, полицейских, мелкую прислугу, адвокатов, литераторов и тому подобное? Разве это не там, где население плотнее, чем там, где оно редкое? Откуда происходит перетекание капитала для прибыльных инвестиций? Разве это не происходит из густонаселенных стран в малонаселенные страны? Эти факты убедительно показывают, что богатство больше всего там, где плотность населения наибольшая; что производство богатства при данном количестве рабочей силы увеличивается по мере увеличения численности населения. Эти вещи очевидны, куда бы мы ни посмотрели. На одном и том же уровне цивилизации, на одной и той же стадии производственного искусства, государственного управления и т.д. Самые густонаселенные страны всегда являются самыми богатыми.

Давайте возьмем частный случай, и этот случай из всех, которые можно привести, на первый взгляд кажется лучшим в поддержку рассматриваемой нами теории — случай сообщества, в котором, хотя население в значительной степени увеличилось, заработная плата значительно снизилась, и это не вопрос сомнительных выводов, а очевидный факт, что щедрость природы уменьшилась. Это сообщество - Калифорния. Когда после открытия золота в Калифорнию хлынула первая волна иммиграции, она обнаружила страну, природа которой была в самом щедром настроении. С берегов рек и баров самые примитивные приспособления могли извлекать сверкающие отложения тысячелетий в количествах, которые составляли унцию (16 долларов) в день - всего лишь обычную заработную плату. Равнины, покрытые питательными травами, изобиловали бесчисленными стадами лошадей и крупного рогатого скота, их было так много, что любой путешественник мог пересечь с седла на свежего скакуна или зарезать быка, если ему нужен был бифштекс, оставив шкуру, ее единственную ценную часть, владельцу. На плодородной почве, которая была впервые обработана, простая вспашка и сев принесли урожай, который в старых странах, если его вообще можно было получить, можно было получить только путем самого тщательного внесения удобрений и культивации. В ранней Калифорнии, среди этого изобилия природы, заработная плата и проценты были выше, чем где-либо еще в мире.

Это девственное изобилие природы неуклонно уступало место все большим и большим требованиям, которые предъявляло к нему растущее население. Разрабатывались все более и более убогие месторождения, до сих пор не найдено ни одного месторождения, о котором стоило бы говорить, а добыча золота требует большого капитала, большого мастерства и сложной техники и сопряжена с большим риском. “Лошади стоят денег”, а крупный рогатый скот, выращенный на заросших шалфеем равнинах Невады, перегоняют по железной дороге через горы и убивают в беспорядках в Сан-Франциско, в то время как фермеры начинают экономить солому и искать навоз, а земля обрабатывается, и без орошения она вряд ли даст урожай три года из четырех. В то же время заработная плата и проценты неуклонно снижались. Многие люди теперь рады работать в течение недели за меньшую плату, чем они когда-то требовали за день, и деньги выдаются займы на год по ставке, которую когда-то вряд ли сочли бы грабительской за месяц. Является ли связь между снижением производительности природы и снижением уровня заработной платы причинно-следственной? Правда ли, что заработная плата ниже, потому что труд приносит меньше богатства? Наоборот! Вместо того чтобы в 1879 году в Калифорнии способность труда создавать богатство была меньше, чем в 1849 году, я убежден, что она больше. И мне кажется, что никто, кто задумывается о том, насколько сильно за эти годы повысилась эффективность труда в Калифорнии благодаря дорогам, пристаням,

желобам, железным дорогам, пароходам, телеграфу и всевозможным машинам; за счет более тесной связи с остальным миром; и за счет бесчисленной экономики, возникающей в результате увеличения численности населения, не может сомневаться в том, что отдача, которую труд получает от природы в Калифорнии, в целом сейчас намного больше, чем это было во времена неисчерпаемых россыпей и целины — увеличение мощности человеческого фактора, оказывающего большее влияние на окружающую среду, чем компенсировалось снижение мощности природного фактора. То, что этот вывод верен, подтверждается многими фактами, которые показывают, что потребление богатства сейчас намного больше по сравнению с числом рабочих, чем было тогда. Вместо населения, состоящего почти исключительно из мужчин в расцвете сил, значительная часть женщин и детей теперь обеспечена, а другие непроизводители увеличились в гораздо большем соотношении, чем население; роскошь выросла гораздо больше, чем упала заработная плата; там, где лучшими домами были суконные и бумажные лачуги, теперь появились особняки, великолепие которых соперничает с европейскими дворцами; по улицам Сан-Франциско разъезжают ливрейные экипажи и прогулочные яхты в ее заливе; класс, который может роскошно жить на свои доходы, неуклонно растет; есть богатые люди, рядом с которыми самые богатые из прежних лет казались бы немногим лучше европейских дворцов. бедняки — короче говоря, со всех сторон имеются наиболее поразительные и убедительные свидетельства того, что производство и потребление богатства увеличивались с еще большей скоростью, чем прирост населения, и что если какой-либо класс получает меньше, то это исключительно из-за большего неравенства в распределении.

То, что очевидно в данном конкретном случае, очевидно и там, где исследование расширено. Самые богатые страны — это не те, где природа наиболее плодотворна, а те, где труд наиболее эффективен, — не Мексика, а Массачусетс; не Бразилия, а Англия. Страны с наибольшей плотностью населения и наибольшим давлением на природные возможности — это, при прочих равных условиях, страны, где наибольшая доля продукции может быть направлена на предметы роскоши и поддержку непроизводителей, страны, где происходит перелив капитала, страны, которые в случае крайней необходимости, такой как война, могут выдержать наибольшую утечку. То, что производство богатства должно быть пропорционально применяемому труду больше в такой густонаселенной стране, как Англия, чем в новых странах, где заработная плата и проценты выше, очевидно из того факта, что, хотя производительным трудом занята гораздо меньшая часть населения, гораздо больший излишек доступен для других целей, помимо удовлетворения физических потребностей. В новой стране вся наличная сила общества направлена на производство — нет ни одного здорового мужчины, который не выполнял бы какую-либо производительную работу, ни одной здоровой женщины, освобожденной от домашних обязанностей. Нет ни пауперов, ни попрошайек, ни праздных богачей, ни класса, чей труд посвящен служению удобству или прихоти богатых, ни чисто литературного или научного класса, ни преступного класса, который живет за счет того, что наживается на обществе, ни большого класса, созданного для защиты общества от них. И все же, когда все силы общества таким образом направляются на производство, не происходит и не может быть позволено такого потребления богатства пропорционально всему населению, как в старой стране; ибо, хотя условия жизни низшего класса лучше, и нет никого, кто не мог бы зарабатывать на жизнь, нет никого, кто получал бы намного больше — мало или вообще никого, кто мог бы жить в условиях, похожих на то, что в старой стране называли бы роскошью или даже комфортом. Это означает, что в более старой стране потребление богатства пропорционально численности

населения больше, хотя доля труда, затрачиваемого на производство богатства, меньше — или что меньшее количество работников производит больше богатства; ибо богатство должно быть произведено, прежде чем его можно будет потребить.

Можно, однако, сказать, что превосходство старых стран обусловлено не превосходством производительной силы, а накоплением богатства, которое новая страна еще не успела создать.

Было бы неплохо на мгновение задуматься над этой идеей накопленного богатства. Истина заключается в том, что богатство может быть накоплено, но в незначительной степени, и что сообщества действительно живут, как живет подавляющее большинство людей, впроголодь. Богатство не выдержит большого накопления; за исключением нескольких незначительных форм, оно не сохранится. Материя Вселенной, которая, будучи переработана трудом в желаемые формы, составляет богатство, постоянно стремится вернуться к своему первоначальному состоянию. Некоторых форм богатства хватит на несколько часов, некоторых - на несколько дней, некоторых - на несколько месяцев, некоторых - на несколько лет; и существует очень мало форм богатства, которые могут передаваться от одного поколения к другому. Возьмем богатство в некоторых из его наиболее полезных и постоянных форм — корабли, дома, железные дороги, машины. Если постоянно не прилагать усилий для их сохранения и обновления, они почти сразу станут бесполезными. Прекратите труд в любом сообществе, и богатство исчезнет почти так же, как исчезает струя фонтана, когда перекрывают поток воды. Позвольте труду снова проявить себя, и богатство почти так же немедленно появится снова. Это давно было замечено в тех случаях, когда война или другое стихийное бедствие уносило богатство, не оставляя населения без ущерба. Сегодня в Лондоне не стало меньше богатства из-за великого пожара 1666 года; и все же в Чикаго не стало меньше богатства из-за великого пожара 1870 года. На этих охваченных пожаром акрах земли под руками рабочих выросли более великолепные здания, наполненные большими запасами товаров; и постороннему человеку, который, не зная истории города, проходит по этим величественным проспектам, и в голову не пришло бы, что несколько лет назад все было таким черным и голым. Тот же принцип — постоянное воссоздание богатства — очевиден в каждом новом городе. При том же населении и той же эффективности труда вчерашний город будет обладать тем же, чем и город, основанный римлянами. Никто, кто видел Мельбурн или Сан-Франциско, не может усомниться в том, что если бы население Англии было перевезено в Новую Зеландию, оставив все накопленные богатства позади, Новая Зеландия вскоре была бы такой же богатой, как Англия сейчас; или, наоборот, что если бы население Англии сократилось до численности нынешнего населения Новой Зеландии, то, несмотря на накопленные богатства, они вскоре были бы такими же бедными. Накопленное богатство, по-видимому, играет примерно такую же роль по отношению к социальному организму, какую накопленная пища играет для физического организма. Необходимо некоторое накопленное богатство, и в определенной степени оно может быть использовано в случае крайней необходимости; но богатство, созданное прошлыми поколениями, может не больше компенсировать потребление в настоящем, чем обеды, которые он ел в прошлом году, могут дать человеку силы в настоящее время.

Но без учета этих соображений, на которые я ссылаюсь скорее из-за их общего, чем из-за их особого значения, очевидно, что более высокие накопления богатства могут объяснить большее потребление богатства только в тех случаях, когда накопленное богатство

уменьшается, и что везде, где объем накопленного богатства сохраняется, и даже более очевидно, там, где он увеличивается, большее потребление богатства должно подразумевать большее производство богатства. Теперь, независимо от того, сравниваем ли мы разные сообщества друг с другом или одно и то же сообщество в разное время, очевидно, что прогрессивное государство, которое характеризуется увеличением численности населения, также характеризуется повышенным потреблением и повышенным накоплением богатства, не только в совокупности, но и на душу населения. И, следовательно, увеличение населения, насколько оно еще куда-либо ушло, означает не сокращение, а увеличение среднего производства богатства.

И причина этого очевидна. Ибо, даже если увеличение численности населения действительно уменьшает силу естественного фактора богатства, вынуждая прибегать к более бедным почвам и т.д., Это все же настолько значительно увеличивает силу человеческого фактора, что с лихвой компенсирует это. Двадцать человек, работающих вместе, там, где природа скупа, произведут более чем в двадцать раз больше богатства, чем один человек может произвести там, где природа наиболее обильна. Чем плотнее население, тем более мелким становится разделение труда, тем больше экономия на производстве и распределении, и, следовательно, верно обратное мальтузианской доктрине; и в пределах, в которых у нас есть основания предполагать, что рост все еще продолжался бы, на любом данном этапе цивилизации большее число людей может производить большее пропорциональное количество богатства и более полно удовлетворять свои потребности, чем меньшее число.

Взгляните просто на факты. Может ли что-либо быть яснее, чем то, что причина бедности, которая царит в центрах цивилизации, кроется не в слабости производительных сил? В странах с самой глубокой бедностью производительные силы, очевидно, достаточно сильны, если они полностью задействованы, чтобы обеспечить самым низким слоям населения не просто комфорт, но и роскошь. Промышленный паралич, коммерческая депрессия, которые сегодня проклинаят цивилизованный мир, очевидно, проистекают не из недостатка производительной силы. В чем бы ни заключалась проблема, она явно не в недостатке способности создавать богатство.

Именно этот факт — что нужда возникает там, где наибольшая производительная сила и производство богатства, — составляет загадку, которая ставит в тупик цивилизованный мир и которую мы пытаемся разгадать. Очевидно, мальтузианская теория, которая связывает нужду с уменьшением производительной силы, не объяснит этого. Эта теория совершенно несовместима со всеми фактами. Это действительно беспричинное приписывание законам Бога результатов, которые, даже на основании этого исследования, мы можем заключить, действительно проистекают из неправильного приспособления людей — вывод, который, по мере нашего продвижения, станет демонстрацией. Ибо нам еще предстоит выяснить, что *does* порождает бедность на фоне растущего богатства.,,

КНИГА III. ЗАКОНЫ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ.

ГЛАВА I. ИССЛЕДОВАНИЕ, СУЗИВШЕЕСЯ ДО ЗАКОНОВ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ — НЕОБХОДИМАЯ СВЯЗЬ ЭТИХ ЗАКОНОВ.

ГЛАВА II. РЕНТА И ЗАКОН О РЕНТЕ.

ГЛАВА III. ИНТЕРЕС И ПРИЧИНА ИНТЕРЕСА.

ГЛАВА IV. О ПОДДЕЛЬНОМ КАПИТАЛЕ И ПРИБЫЛИ, КОТОРУЮ ЧАСТО ПРИНИМАЮТ ЗА ПРОЦЕНТЫ.

ГЛАВА V. ЗАКОН О ПРОЦЕНТАХ.

ГЛАВА VI. ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА И ЗАКОН О ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЕ.

ГЛАВА VII. СООТНОШЕНИЕ И КООРДИНАЦИЯ ЭТИХ ЗАКОНОВ.

ГЛАВА VIII. ОБЪЯСНЕННАЯ ТАКИМ ОБРАЗОМ СТАТИКА ПРОБЛЕМЫ.

Машины, которые изобретаются первыми для выполнения какого-либо конкретного движения, всегда самые сложные, и последующие художники обычно обнаруживают, что с меньшим количеством колес, с меньшим количеством принципов движения, чем использовалось изначально, те же эффекты могут быть легче достигнуты. Точно так же первые философские системы всегда были самыми сложными, и обычно считалось, что для объединения каждых двух кажущихся разрозненными явлений необходима особая связующая цепочка, или принцип; но часто случается, что впоследствии оказывается, что одного великого связующего принципа достаточно, чтобы связать воедино все диссонирующие явления, которые встречаются в целом виде вещей.—Адам Смит, *Эссе о принципах, которые ведут и направляют философские исследования, как показано на примере истории астрономии*.

ГЛАВА I. ИССЛЕДОВАНИЕ СУЗИЛОСЬ ДО ЗАКОНОВ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ — НЕОБХОДИМОЙ ВЗАИМОСВЯЗИ ЭТИХ ЗАКОНОВ.

Предыдущее исследование, я думаю, убедительно показало, что объяснение, данное в настоящее время от имени политической экономии проблеме, которую мы пытаемся решить, вообще не является объяснением.

То, что при материальном прогрессе заработная плата не увеличивается, а скорее имеет тенденцию к снижению, не может быть объяснено теорией, согласно которой увеличение числа рабочих постоянно приводит к разделению на меньшие части суммы капитала, из которой выплачивается заработная плата. Ибо, как мы видели, заработная плата исходит от капитала, а является непосредственным продуктом труда. Каждый производительный рабочий в процессе своей работы создает свою заработную плату, и с каждым дополнительным работником происходит прибавка к истинному фонду заработной платы — прибавка к общему запасу богатства, который, вообще говоря, значительно превышает сумму, получаемую им в виде заработной платы.

И все же это не может быть объяснено теорией, согласно которой природа меньше поддается растущим нагрузкам, которые оказывает на нее растущее население; ибо повышенная эффективность труда превращает прогрессивное государство в государство постоянно растущего производства на душу населения, а страны с наибольшей плотностью населения, при прочих равных условиях, всегда являются странами наибольшего богатства.

Пока мы только усугубляем сложность проблемы. Мы опровергли теорию, которая каким-то образом объясняла существующие факты; но при этом только сделали существующие факты более необъяснимыми. Это как если бы, пока теория Птолемея была еще в своей силе, было просто доказано, что солнце и звезды не вращаются вокруг земли. Явления дня и ночи, а также видимое движение небесных тел все еще оставались бы необъясненными, что неизбежно привело бы к восстановлению старой теории, если бы ее место не заняла лучшая. Наши рассуждения привели нас к выводу, что каждый производительный работник сам производит свою заработную плату, и что увеличение числа рабочих должно увеличивать заработную плату каждого; тогда как очевидные факты таковы, что есть много рабочих, которые не могут получить оплачиваемую работу, и что увеличение числа рабочих приводит к снижению заработной платы. Короче говоря, мы доказали, что заработная плата должна быть самой высокой там, где в действительности она самая низкая.

Тем не менее, даже в этом мы добились определенного прогресса. Следующий шаг к нахождению того, что мы ищем, — это обнаружить, где искать бесполезно. Мы, по крайней мере, сузили поле для исследования. Ибо, по крайней мере, теперь ясно, что причиной, которая, несмотря на огромный рост производительной силы, ограничивает большую часть производителей наименьшей долей продукта, на которую они согласны жить, является не ограничение капитала и тем более не ограничение сил природы, которые реагируют на труд. Следовательно, поскольку его нельзя найти в законах, ограничивающих производство богатства, его следует искать в законах, управляющих распределением. Давайте обратимся к ним.

Необходимо будет рассмотреть весь вопрос о распределении богатства в его основных разделах. Чтобы обнаружить причину, которая по мере увеличения населения и развития производственных искусств усугубляет бедность низшего класса, мы должны найти закон, определяющий, какая часть продукта распределяется среди рабочих в качестве заработной платы. Чтобы найти закон заработной платы или, по крайней мере, убедиться в этом, когда мы его найдем, мы должны также определить законы, которые определяют, какая часть продукта идет капиталу, а какая — землевладельцам, ибо, поскольку земля, труд и капитал объединяются в

производстве богатства, продукт должен быть разделен именно между этими тремя. Под продуктом или продукцией сообщества понимается сумма богатств, произведенных этим сообществом, — общий фонд, из которого, пока не уменьшатся ранее существовавшие запасы, должно удовлетворяться все потребление и извлекаться весь доход. Как я уже объяснял, производство не просто означает изготовление вещей, но включает в себя увеличение стоимости, получаемой за счет транспортировки или обмена вещей. В чисто торговом сообществе есть продукт богатства, как и в чисто сельскохозяйственном или производственном сообществе; и в одном случае, как и в других, некоторая часть этого продукта пойдет в капитал, некоторая часть - в рабочую силу, а некоторая часть, если земля имеет какую-либо ценность, - владельцам земли. На самом деле, часть производимого богатства постоянно идет на замену капитала, который постоянно потребляется и постоянно замещается. Но нет необходимости принимать это во внимание, поскольку это устраняется рассмотрением капитала как непрерывного, что мы обычно и делаем, говоря или думая о нем. Следовательно, когда мы говорим о продукте, мы имеем в виду ту часть произведенного богатства, которая превышает ту, которая необходима для возмещения капитала, потребленного в производстве; а когда мы говорим о проценте, или возврате на капитал, мы имеем в виду то, что переходит на капитал после его замены или поддержания.

Далее, фактом является то, что в каждом сообществе, прошедшем самую примитивную стадию, некоторая часть продукта изымается в виде налогов и потребляется правительством. Но при поиске законов распределения нет необходимости принимать это во внимание. Мы можем рассматривать налогообложение либо как несуществующее, либо как результат значительного сокращения производства. То же самое можно сказать и о том, что извлекается из продукта при определенных формах монополии, которые будут рассмотрены в следующей главе (гл. IV), и которые осуществляют полномочия, аналогичные налогообложению. После того, как мы откроем законы распределения, мы сможем увидеть, какое влияние оказывает на них налогообложение, если оно вообще имеет место.

Мы должны сами открыть для себя эти законы распределения - или, по крайней мере, два из трех. Ибо то, что они, по крайней мере в целом, неправильно понимаются современной политической экономией, можно увидеть, независимо от нашего предыдущего рассмотрения одного из них, в любом из стандартных трактатов.

Это очевидно, в первую очередь, из используемой терминологии.

Во всех политико-экономических работах нам говорят, что тремя факторами производства являются земля, труд и капитал, и что весь продукт в первую очередь распределяется на три соответствующие части. Следовательно, необходимы три термина, каждый из которых должен четко выражать одну из этих частей, исключая остальные. Рента, как она определена, достаточно ясно выражает первую из этих частей — ту, которая достается владельцам земли. Заработная плата, как она определена, достаточно ясно выражает вторую — ту часть, которая составляет отдачу от труда. Но что касается третьего термина — того, который должен выражать доходность капитала, — то в стандартных работах наблюдается в высшей степени озадачивающая двусмысленность и путаница.

Из общеупотребительных слов наиболее близким к исключительному выражению идеи отдачи от использования капитала является процент, который в общепринятом значении подразумевает отдачу от использования капитала без учета какого-либо труда при его

использовании или управлении и без учета какого-либо риска, за исключением такого, который может быть связан с ценной бумагой. Слово "прибыль" в том виде, в каком оно обычно используется, является почти синонимом дохода; оно означает прибыль, полученную сумму, превышающую затраченную сумму, и часто включает поступления, которые по сути являются рентой; в то время как оно почти всегда включает поступления, которые по сути являются заработной платой, а также компенсации за риск, свойственный различным видам использования капитала. Следовательно, если не применять крайнего насилия к значению этого слова, оно не может использоваться в политической экономии для обозначения той доли продукта, которая поступает в капитал, в отличие от тех частей, которые достаются рабочей силе и землевладельцам.

Теперь все это признано в стандартных работах по политической экономии. Адам Смит хорошо иллюстрирует, как заработная плата и компенсация за риск в значительной степени входят в прибыль, указывая на то, что большие прибыли аптекарей и мелких розничных торговцев на самом деле являются оплатой их труда, а не процентами с их капитала; и как большие прибыли, иногда получаемые в рискованных предприятиях, таких как контрабанда и торговля лесом, на самом деле являются всего лишь компенсацией за риск, которая в долгосрочной перспективе снижает доходность на капитал до обычной или ниже обычной нормы. Аналогичные иллюстрации приведены в большинстве последующих работ, где прибыль формально определяется в ее общепринятом смысле, за исключением, возможно, ренты. Во всех этих работах читателю рассказывается, что прибыль складывается из трех элементов — заработной платы руководителя, компенсации за риск и *процентов*, или отдачи от использования капитала.

Таким образом, ни в своем обычном значении, ни в значении, прямо придаваемом ей в современной политической экономии, прибыли не может быть никакого места при обсуждении распределения богатства между тремя факторами производства. Говорить о распределении богатства на ренту, заработную плату и прибыль либо в его обычном значении, либо в том, которое ему специально придается, все равно что говорить о разделении человечества на мужчин, женщин и человеческие существа.

Однако именно это, к полному замешательству читателя, делается во всех стандартных работах. После формального разложения прибыли в заработную плату, заведение, компенсацию за риск, а проценты — чистая доходность за использование капитала — они продолжают лечь в распределении богатства между арендой земли, заработной платой труда и прибылью на капитал.

Я не сомневаюсь, что есть тысячи людей, которые тщетно ломали себе голову над этой путаницей терминов и в отчаянии бросили попытки, думая, что, поскольку вины таких великих мыслителей быть не может, она должна быть в их собственной глупости. Если это послужит хоть каким-то утешением для таких людей, они могут обратиться к "Истории цивилизации" Бакля и увидеть, как человек, который, несомненно, получил удивительно четкое представление о том, что он прочитал, и который внимательно читал ведущих экономистов, начиная со Смита, был совершенно сбит с толку этой мешаниной прибылей и процентов. Для Пряжки (том 1, глава ii). II и примечания) постоянно говорит о распределении богатства на ренту, заработную плату, проценты, и прибыль.

И в этом нет ничего удивительного. Ибо, формально разложив прибыль на заработную плату надзирателя, страхование и проценты, эти экономисты, устанавливая причины, определяющие общую норму прибыли, говорят о вещах, которые, очевидно, влияют только на ту часть прибыли,

которую они называли процентами; и затем, говоря о норме процента, либо приводят бессмысленную формулу спроса и предложения, либо говорят о причинах, влияющих на компенсацию за риск; очевидно, используя это слово в его обычном смысле, а не в том экономическом смысле, который они ему придали, из которого исключается компенсация за риск. Если читатель возьмет в руки “Принципы политической экономии” Джона Стюарта Милля и сравнит главу о прибыли (книга II, гл. 15) в главе о процентах (Книга III, глава 23) он увидит, что возникающая таким образом путаница проиллюстрирована на примере наиболее логичных английских экономистов более поразительным образом, чем я хотел бы охарактеризовать.

Так вот, таких людей не без причины приводили в такое замешательство мысли. Если они, один за другим, следовали за доктором Адамом Смитом, как мальчики играют в “Следуй за моим лидером”, прыгая там, где прыгал он, и падая там, где он падал, то это означало, что там, где он прыгал, был забор и яма, куда он упал.

Трудность, из-за которой возникла эта путаница, заключается в общепринятой теории заработной платы. По причинам, которые я изложил ранее, им казалось самоочевидной истиной, что заработная плата определенных классов рабочих зависела от соотношения между капиталом и числом рабочих. Но существуют определенные виды вознаграждения за труд, к которым эта теория, очевидно, неприменима, поэтому используемый термин "заработная плата" был сокращен и включал только заработную плату в узком общепринятом смысле. В этом случае, если бы термин "процент" использовался, как и следовало использовать в соответствии с их определениями, для обозначения третьей части распределения продукта, все вознаграждения за личный труд, за исключением вознаграждений тех, кого обычно называют наемными рабочими, явно были бы опущены. Но если рассматривать распределение богатства как распределение между рентой, заработной платой и прибылью, а не между рентой, заработной платой и процентами, то эта трудность замалчивается, и вся заработная плата, которая не подпадает под общепринятый закон заработной платы, неопределенно группируется в рамках прибыли как заработная плата за надзор.

Если внимательно прочитать, что говорят экономисты о распределении богатства, то можно увидеть, что, хотя они правильно определяют его, заработная плата, как они ее используют в этой связи, является тем, что логики называли бы нераспределенным термином - это не вся заработная плата, а только некоторая, а именно заработная плата за ручной труд, выплачиваемая работодателем. Таким образом, другие виды заработной платы отбрасываются вместе с доходностью на капитал и включаются в понятие прибыли, и таким образом избегается какого-либо четкого различия между доходностью на капитал и отдачей от усилий человека. Дело в том, что нынешняя политическая экономия не в состоянии дать сколько-нибудь четкого и последовательного отчета о распределении богатства. Закон о ренте *is* четко сформулирован, но он никак не связан. Остальное представляет собой путаную и бессвязную мешанину.

Само расположение этих работ показывает эту путаницу и неубедительность мысли. Ни в одном известном мне политико-экономическом трактате эти законы распределения не сведены воедино, чтобы читатель мог с первого взгляда охватить их и распознать их связь друг с другом; но то, что говорится о каждом из них, окутано массой политических и моральных размышлений и диссертаций. И далеко искать причину не нужно. Свести воедино три закона распределения в том виде, в каком они преподаются сейчас, - значит с первого взгляда показать, что им не хватает необходимой взаимосвязи.

Очевидно, что законы распределения богатства являются законами пропорции и должны быть настолько связаны друг с другом, чтобы из любых двух можно было сделать вывод о наличии третьего. Ибо сказать, что одна из трех частей целого увеличена или уменьшена, значит сказать, что одна или обе другие части, наоборот, уменьшены или увеличены. Если Том, Дик и Гарри являются партнерами по бизнесу, соглашение, в котором фиксируется доля одного из них в прибыли, должно в то же время фиксировать либо отдельные, либо совместные доли двух других. Зафиксировать долю Тома на уровне сорока процентов. значит оставить только шестьдесят процентов. разделить между Диком и Гарри. Зафиксировать долю Дика на уровне сорока процентов. и доля Гарри в размере тридцати пяти процентов. установить долю Тома в размере двадцати пяти процентов.

Но между законами распределения богатства, изложенными в стандартных работах, такой связи нет. Если мы выловим их и сведем воедино, то обнаружим, что они следующие:

Заработная плата определяется соотношением между суммой капитала, затрачиваемого на оплату труда и поддержание его жизнедеятельности, и количеством работников, ищущих работу.

Рента определяется пределом обработки; все земли приносят в виде ренты ту часть своего продукта, которая превышает то, что при равном применении труда и капитала можно было бы получить с самой бедной используемой земли.

Процент определяется соотношением между требованиями заемщиков и предложением капитала, предлагаемым кредиторами. Или, если мы возьмем то, что дано как закон прибыли, он определяется заработной платой, падающей по мере повышения заработной платы и возрастающей по мере ее падения — или, используя выражение Милля, стоимостью труда для капиталиста.

Сведение воедино этих современных утверждений о законах распределения богатства с первого взгляда показывает, что им не хватает той связи друг с другом, которую должны иметь истинные законы распределения. Они не соотносятся и не координируются. Следовательно, по крайней мере, два из этих трех законов либо неверно поняты, либо неверно сформулированы. Это согласуется с тем, что мы уже видели, а именно с тем, что нынешнее понимание закона заработной платы и, следовательно, закона процента не выдерживает никакой проверки. Давайте же тогда поищем истинные законы распределения продукта труда на заработную плату, ренту и процент. Доказательством того, что мы нашли их, будет их корреляция — то, что они встречаются, соотносятся и взаимно связывают друг друга.

К прибыли это расследование явно не имеет никакого отношения. Мы хотим выяснить, что именно определяет разделение их совместного продукта между землей, трудом и капиталом; и прибыль - это не тот термин, который относится исключительно к какому-либо одному из этих трех разделов. Из трех частей, на которые политэкономисты делят прибыль, а именно: компенсацию за риск, заработную плату за руководство и доходность от использования капитала, последняя подпадает под термин "процент", который включает в себя всю прибыль от использования капитала и исключает все остальное; заработная плата за управление подпадает под термин "заработная плата", который включает в себя всю отдачу от человеческого труда и исключает все остальное; а компенсация за риск вообще не имеет

места, поскольку риск устраняется, когда все операции сообщества взяты вместе. Поэтому я буду, в соответствии с определениями политэкономистов, использовать термин процент как обозначающий ту часть продукта, которая идет на капитал.

Резюмирую:

Земля, труд и капитал являются факторами производства. Термин "земля" включает все природные возможности или силы; термин "труд" - все усилия человека; и термин "капитал" - все богатство, используемое для производства большего богатства. В результате воздействия этих трех факторов распределяется весь продукт. Та часть, которая поступает землевладельцам в качестве платы за использование природных возможностей, называется рентой; та часть, которая составляет вознаграждение за человеческий труд, называется заработной платой; а та часть, которая составляет доход от использования капитала, называется процентом. Эти термины взаимно исключают друг друга. Доход любого человека может формироваться из любого одного, двух или всех трех этих источников; но в попытке раскрыть законы распределения мы должны разделять их.

Позвольте мне начать исследование, которое мы собираемся предпринять, с утверждения, что ошибка политической экономии, которая, как мне кажется, теперь была подробно продемонстрирована, может, как мне кажется, быть объяснена принятием ошибочной точки зрения. Живя и проводя свои наблюдения в условиях общественного состояния, при котором капиталист обычно арендует землю и нанимает рабочую силу и, таким образом, кажется предпринимателем или первопроходцем в производстве, великие деятели науки были вынуждены рассматривать капитал как основной фактор производства, землю как его инструмент, а труд как его агента или орудие. Это очевидно на каждой странице — в форме и ходе их рассуждений, в характере их иллюстраций и даже в выборе терминов. Везде капитал является отправной точкой, капиталист - центральной фигурой. Это заходит так далеко, что и Смит, и Рикардо используют термин "естественная заработная плата" для выражения минимума, на который могут прожить рабочие; тогда как, если несправедливость не является естественной, все, что производит рабочий, должно скорее рассматриваться как его естественная заработная плата. Эта привычка рассматривать капитал как работодателя рабочей силы привела как к теории о том, что заработная плата зависит от относительного изобилия капитала, так и к теории о том, что процент изменяется обратно пропорционально заработной плате, в то время как она уводила от истин, которые, если бы не эта привычка, были бы очевидны. Короче говоря, ошибка, которая в том, что касается великих законов распределения, привела политическую экономию в джунгли, а не на горные вершины, была допущена, когда Адам Смит в своей первой книге отошел от точки зрения, указанной в предложении "Продукт труда составляет естественное вознаграждение или заработную плату за труд", и принял ту точку зрения, в которой капитал рассматривается как нанимающий труд и выплачивающий заработную плату.

Но когда мы рассматриваем происхождение и естественную последовательность вещей, этот порядок меняется на обратный; и капитал вместо первого становится последним; вместо того, чтобы быть работодателем труда, он в действительности используется самим трудом. Должна быть земля, прежде чем может быть применен труд, и труд должен быть применен, прежде чем может быть произведен капитал. Капитал является результатом труда и используется трудом для

содействия ему в дальнейшем производстве. Труд является активной и первоначальной силой, и, следовательно, труд является работодателем капитала. Труд может быть применен только к земле, и именно из земли должна быть извлечена материя, которую он преобразует в богатство. Земля, следовательно, является прецедентным условием, полем и материалом труда. Естественный порядок вещей - земля, труд, капитал; и вместо того, чтобы исходить из капитала как нашей исходной точки, мы должны исходить из земли.

Следует отметить еще одну вещь. Капитал не является необходимым фактором производства. Труд, затрачиваемый на землю, может производить богатство без помощи капитала, и при необходимом генезисе вещей именно так должно создаваться богатство, прежде чем капитал сможет существовать. Следовательно, закон ренты и закон заработной платы должны соотноситься друг с другом и составлять совершенное целое независимо от закона капитала, поскольку в противном случае эти законы не соответствовали бы случаям, которые легко можно представить и которые в какой-то степени действительно существуют, когда капитал не принимает участия в производстве. И поскольку капитал, как часто говорят, является всего лишь накопленным трудом, это всего лишь форма труда, подразделение общего термина "труд"; и его закон должен быть подчинен закону заработной платы и независимо коррелировать с ним, чтобы соответствовать случаям, в которых весь продукт делится между трудом и капиталом без какого-либо вычета ренты. Прибегнуть к иллюстрации, приведенной ранее: Распределение продукта между землей, трудом и капиталом должно быть таким, каким оно было бы между Томом, Диком и Гарри, если бы Том и Дик были первоначальными партнерами, а Гарри пришел лишь в качестве помощника Дика и соучастника его деятельности.

ГЛАВА II. РЕНТА И ЗАКОН О РЕНТЕ.

Термин "рента" в его экономическом смысле — то есть, когда он используется так, как я его использую, для обозначения той части продукта, которая достается владельцам земли или других природных ресурсов в силу их собственности, — отличается по значению от слова "рента", как оно обычно используется. В некоторых отношениях это экономическое значение более узкое, чем общепринятое; в других отношениях оно шире.

Оно более узкое в этом: в обычной речи мы применяем слово "рента" к платежам за использование зданий, машин, приспособлений и т.д., а также к платежам за использование земли или других природных ресурсов; и, говоря об аренде дома или арендной плате фермы, мы не отделяем цену за использование улучшений от цены за использование голой земли. Но в экономическом значении ренты платежи за использование любого из продуктов человеческого труда исключены, а из совокупных платежей за использование домов, ферм и т.д. Арендной платой является только та часть, которая составляет вознаграждение за использование земли — та часть, которая выплачивается за использование зданий или других улучшений, представляет собой собственно проценты, поскольку это вознаграждение за использование капитала.

Дело в том, что в обычной речи мы говорим об арендной плате только тогда, когда владелец и пользователь являются разными лицами. Но в экономическом смысле существует также рента, когда один и тот же человек является и владельцем, и пользователем. Таким образом, когда собственником и пользователем является одно и то же лицо, любая часть его дохода, которую он мог бы получить, сдавая землю в аренду другому лицу, является рентой, в то время как отдача от его труда и капитала - это та часть его дохода, которую они приносили бы ему, если бы он нанимал землю вместо того, чтобы владеть ею. Арендная плата также выражается в продажной цене. При покупке земли плата, вносимая за право собственности или бессрочного пользования, вычитается из арендной платы или капитализируется. Если я покупаю землю за небольшую цену и держу ее до тех пор, пока не смогу продать за большую цену, я разбогател не за счет заработной платы за свой труд или процентов с моего капитала, а за счет увеличения арендной платы. Короче говоря, рента - это доля в произведенном богатстве, которую собственнику предоставляет исключительное право на использование природных ресурсов. Везде, где земля имеет меновую стоимость, существует рента в экономическом смысле этого термина. Везде, где земля, имеющая ценность, используется собственником или нанимателем, существует реальная арендная плата; везде, где она не используется, но все еще имеет ценность, существует потенциальная арендная плата. Именно эта способность приносить ренту придает ценность земле. Пока владение ею не даст каких-либо преимуществ, земля не имеет ценности.³²

Таким образом, рента или стоимость земли не зависят от продуктивности или полезности земли. Это никоим образом не представляет собой какую-либо помощь или преимущество, предоставляемое производству, а просто способность обособлять результаты производства. Независимо от того, каковы ее возможности, земля не может приносить ренту и не иметь никакой ценности до тех пор, пока кто-то не захочет отдать труд или результаты труда за привилегию его использования; и то, что кто-либо таким образом отдаст, зависит не от емкости земли, а от ее емкости по сравнению с емкостью земли, которую можно получить даром. У меня может быть очень богатая земля, но она не принесет никакой ренты и не будет иметь никакой ценности до тех пор, пока есть другая земля, не менее хорошая, которую можно получить бесплатно. Но когда эта другая земля будет присвоена, а лучшая земля, которую можно получить даром, окажется низшей по плодородию, местоположению или другому качеству, моя земля начнет иметь ценность и приносить ренту. И хотя продуктивность моей земли может уменьшаться, все же, если продуктивность земли, которой я могу пользоваться бесплатно, уменьшается в большей пропорции, рента, которую я могу получить, и, следовательно, стоимость моей земли, будет неуклонно возрастать. Короче говоря, рента - это цена монополии, возникающая в результате перехода к индивидуальной собственности на природные элементы, которые человеческие усилия не могут ни произвести, ни увеличить.

Если бы один человек владел всей землей, доступной какой-либо общине, он, конечно, мог бы потребовать за ее использование любую цену или условие, которые считал бы подходящими; и до тех пор, пока его право собственности признавалось, у других членов общины были бы только смерть или эмиграция в качестве альтернативы подчинению его условиям. Так было во многих общинах; но при современной форме общества земля, хотя обычно и переходит в индивидуальную собственность, находится в руках слишком многих разных лиц, чтобы позволить, чтобы цена, которую можно получить за ее использование, была установлена простым капризом или желанием. В то время как каждый отдельный собственник пытается получить все, что он может, существует предел тому, что он может получить, который

составляет рыночную цену или рыночную ренту земли и который варьируется в зависимости от разных земель и в разное время. Закон, или отношение, которое в этих условиях свободной конкуренции между всеми сторонами - условие, которое всегда следует предполагать при определении принципов политической экономии, - определяет, какую ренту или цену может получить собственник, называется законом ренты. Установив это с определенностью, мы имеем нечто большее, чем отправную точку, исходя из которой можно проследить законы, регулирующие заработную плату и процент. Ибо, поскольку распределение богатства есть разделение, то, выясняя, что определяет долю продукта, поступающую в виде ренты, мы также выясняем, что определяет долю, остающуюся для заработной платы, там, где отсутствует кооперация капитала; и что определяет общую долю, остающуюся для заработной платы и процента, там, где капитал участвует в производстве.

К счастью, что касается закона об арендной плате, то здесь нет необходимости в обсуждении. Авторитет здесь совпадает со здравым смыслом,³³ и общепринятое изречение современной политической экономии имеет самоочевидный характер геометрической аксиомы. Этот общепринятый закон ренты, который Джон Стюарт Милль называет *азинорумом* политической экономии, иногда называют “законом ренты Рикардо” из-за того факта, что, хотя он и не был первым, кто его объявил, он первым обратил на него внимание.³⁴ Это:

Земельная рента определяется превышением производимой с нее продукции над той, которую при том же применении можно получить с наименее продуктивной используемой земли.

Этот закон, который, конечно, применим к земле, используемой не только для сельского хозяйства, и ко всем природным объектам, таким как рудники, рыболовство и т.д., был исчерпывающе объяснен и проиллюстрирован всеми ведущими экономистами со времен Рикардо. Но само по себе это утверждение имеет силу самоочевидного утверждения, поскольку ясно, что результатом конкуренции является превращение наименьшего вознаграждения, за которое труд и капитал будут задействованы в производстве, в наивысшее, на которое они могут претендовать; и, следовательно, предоставление возможности владельцу более продуктивной земли присваивать в виде ренты всю отдачу, превышающую ту, которая требуется для возмещения труда и капитала по обычной ставке, то есть то, что они могут получить на наименее продуктивной земле в процессе использования или в наименее продуктивной точке, где, конечно, рента не выплачивается.

Возможно, более полному пониманию закона ренты поможет изложение его в такой форме: собственность на естественного агента производства даст возможность присваивать такую часть богатства, произведенного в результате приложения к нему труда и капитала, которая превышает отдачу, которую такое же применение труда и капитала могло бы обеспечить при наименее производительном занятии, которым они свободно занимаются.

Это, однако, сводится в точности к одному и тому же, поскольку нет такого занятия, которым могли бы заниматься труд и капитал, которое не требовало бы использования земли; и, более того, обработка или иное использование земли всегда будет осуществляться с таким низким уровнем вознаграждения, учитывая все обстоятельства, какой свободно допускается в любом другом занятии. Предположим, например, сообщество, в котором часть труда и капитала

затрачивается на сельское хозяйство, а часть - на производство. Самая бедная обрабатываемая земля дает среднюю отдачу, которую мы назовем 20, и, следовательно, 20 будет средней отдачей на труд и капитал, как в промышленности, так и в сельском хозяйстве. Предположим, что по какой-то постоянной причине доходность в обрабатывающих производствах теперь сократилась до 15. Ясно, что труд и капитал, занятые в мануфактурах, обратятся к сельскому хозяйству; и этот процесс не остановится до тех пор, пока либо за счет распространения обработки на низшие земли или в низшие точки на той же земле, либо за счет увеличения относительной стоимости обрабатываемых продуктов вследствие сокращения производства — или, фактически, за счет обоих процессов — отдача от труда и капитала в обоих видах деятельности, учитывая все обстоятельства, не будет снова доведена до того же уровня, так что, какой бы ни была конечная точка производительности, на которой все еще ведется производство, будь то 18, 17 или 16, выращивание также будет расширен до этого момента. И, таким образом, сказать, что рента будет представлять собой превышение производительности над доходностью на границе, или низшей точке, возделывания, - это то же самое, что сказать, что это будет превышение продукта над тем, что получается при том же количестве труда и капитала при наименее оплачиваемом занятии.

Закон ренты на самом деле является лишь вычитанием из закона конкуренции и сводится просто к утверждению, что, поскольку заработная плата и процент стремятся к общему уровню, вся та часть общего производства богатства, которая превышает ту часть, которую могли бы обеспечить для себя применяемые труд и капитал, если применить ее к самому бедному природному агенту, находящемуся в использовании, достанется землевладельцам в виде ренты. В конечном счете, это основывается на фундаментальном принципе, который для политической экономии является тем же, чем притяжение гравитации для физики, — что люди будут стремиться удовлетворять свои желания с наименьшими усилиями.

Таким образом, это и есть закон ренты. Хотя многие стандартные трактаты слишком следуют примеру Рикардо, который, по-видимому, рассматривает его только в его связи с сельским хозяйством, и в нескольких местах говорит о мануфактурах, не приносящих ренты, тогда как, на самом деле, мануфактуры и биржа приносят самую высокую ренту, о чем свидетельствует большая стоимость земли в промышленных и торговых городах, скрывая таким образом всю важность закона, тем не менее, со времен Рикардо сам закон был ясно понят и полностью признан. Но не таковы его следствия. Какими бы простыми они ни были, общепринятая доктрина заработной платы (подкрепленная не только тем, что было до сих пор объяснено, но и соображениями, огромный вес которых станет очевиден, когда будет сделан логический вывод, к которому мы стремимся) до сих пор препятствовала их признанию.³⁵ И все же, разве не ясно, как простейшая геометрическая демонстрация, что следствием закона ренты является закон заработной платы, согласно которому распределение продукта происходит просто между рентой и заработной платой; или закон заработной платы и процента, взятых вместе, где разделение происходит на ренту, заработную плату и процент? С другой стороны, закон ренты обязательно является законом заработной платы и процента, взятых вместе, поскольку он утверждает, что независимо от того, каким будет производство в результате применения труда и капитала, эти два фактора будут получать в виде заработной платы и процентов только ту часть продукта, которую они могли бы произвести на свободной для них земле без уплаты ренты, то есть на наименее продуктивной земле или в месте использования. Ибо, если вся сумма продукта, которую труд и капитал могли бы получить от земли, за которую не выплачивается рента, должна достаться землевладельцам в виде ренты, то все, на что труд и капитал могут

претендовать в качестве заработной платы и процентов, - это сумма, которую они могли бы получить от земли, не приносящей ренты.

Или, если выразить это в алгебраической форме:

Как $\text{Продукт} = \text{Рента} + \text{Заработная плата} + \text{Проценты}$,

Следовательно, $\text{Производственная рента} = \text{Заработная плата} + \text{процент}$.

Таким образом, заработная плата и процент зависят не от продукта труда и капитала, а от того, что остается после изъятия ренты; или от продукта, который они могли бы получить без уплаты ренты, то есть с самой бедной используемой земли. И, следовательно, каким бы ни был рост производительной силы, если рост ренты идет в ногу с ним, ни заработная плата, ни процент увеличиться не могут.

В тот момент, когда осознается эта простая взаимосвязь, поток света проливается на то, что прежде было необъяснимым, и, казалось бы, противоречивые факты подчиняются очевидному закону. Увеличение ренты, происходящее в прогрессивных странах, сразу же воспринимается как ключ, объясняющий, почему заработная плата и проценты не растут с увеличением производительной силы. Ибо богатство, производимое в каждой общине, делится на две части тем, что можно назвать линией ренты, которая определяется пределом обработки земли, или доходностью, которую труд и капитал могли бы получить от таких природных возможностей, которые предоставляются им бесплатно без уплаты ренты. С той части продукции, которая находится ниже этой строки, должны выплачиваться заработная плата и проценты. Все, что указано выше, достается владельцам земли. Таким образом, там, где стоимость земли низка, производство богатства может быть небольшим, и все же уровень заработной платы и процента высок, как мы видим в новых странах. И там, где стоимость земли высока, может быть очень большое производство богатства при все же низком уровне заработной платы и процента, как мы видим в старых странах. И там, где производительная сила увеличивается, как это происходит во всех прогрессивных странах, на заработную плату и проценты будет влиять не это увеличение, а то, каким образом это влияет на ренту. Если стоимость земли пропорционально возрастет, то все возросшее производство будет поглощено рентой, а заработная плата и проценты останутся прежними. Если стоимость земли увеличивается в большем соотношении, чем производительная сила, рента поглотит даже больше, чем это увеличение; и хотя продукт труда и капитала будет намного больше, заработная плата и проценты упадут. Только когда стоимость земли не растет так быстро, как производительная мощность, заработная плата и проценты могут увеличиваться вместе с увеличением производительной мощности. Все это проиллюстрировано на самом деле.

ГЛАВА III.

ПРЕДСТАВЛЯЮЩИЙ ИНТЕРЕС И ПРИЧИНА ИНТЕРЕСА.

Убедившись в существовании закона ренты, мы получили в качестве его необходимого следствия закон заработной платы, согласно которому разделение происходит между рентой и заработной платой; и закон заработной платы и процента, взятых вместе, где разделение происходит между тремя факторами. Какая доля продукта берется в качестве ренты, должно определять, какая доля остается для заработной платы, если речь идет только о земле и рабочей силе; или должна быть разделена между заработной платой и процентом, если в производстве участвует капитал.

Но, не обращаясь к этому выводу, давайте рассмотрим каждый из этих законов отдельно и независимо. Если, будучи получены таким образом, мы обнаружим, что они коррелируют, наши выводы будут иметь наивысшую достоверность.

И поскольку открытие закона заработной платы является конечной целью нашего исследования, давайте сначала рассмотрим интересующий нас предмет.

Я уже упоминал о разнице в значении терминов "прибыль" и "проценты". Далее, возможно, стоит сказать, что процент, как абстрактный термин в распределении богатства, отличается по значению от обычно используемого слова тем, что он включает в себя все доходы от использования капитала, а не только те, которые переходят от заемщика к кредитору; и что он исключает компенсацию за риск, который составляет столь значительную часть того, что обычно называется процентом. Очевидно, что компенсация риска - это всего лишь выравнивание доходности между различными видами использования капитала. Мы хотим выяснить, что определяет собственно общую норму процента? Различные ставки компенсации за риск, добавленные к этому, приведут к текущим ставкам коммерческого интереса.

Итак, очевидно, что наибольшие различия в том, что обычно называется процентом, обусловлены различиями в риске; но также очевидно, что между разными странами и в разное время существуют также значительные различия в самой норме процента. В Калифорнии одно время два процента. проценты в месяц по обеспечению, под которые теперь можно было выдавать ссуды под семь или восемь процентов, не считались бы чрезмерно высокими. в год, и хотя некоторая часть разницы может быть обусловлена возросшим чувством общей стабильности, большая часть, очевидно, обусловлена какой-то другой общей причиной. В Соединенных Штатах в целом норма процента была выше, чем в Англии; а в новых штатах Союза выше, чем в старых штатах; и тенденция снижения процента по мере развития общества хорошо заметна и была замечена давно. Каков закон, который свяжет все эти вариации воедино и выявит их причину?

Не стоит останавливаться более подробно, чем это было сделано до сих пор, на неспособности нынешней политической экономии определить истинный закон процента. Его рассуждения на эту тему не обладают той определенностью и связностью, которые позволили общепринятой доктрине заработной платы противостоять доказательствам факта, и не требуют такого же тщательного анализа. Очевидно, что они противоречат фактам. То, что процент не зависит от производительности труда и капитала, подтверждается общим фактом: там, где труд и капитал наиболее производительны, процент самый низкий. То, что он не зависит обратным образом от заработной платы (или стоимости рабочей силы), снижаясь по мере повышения заработной

платы и увеличиваясь по мере ее падения, подтверждается общим фактом, что процент высок, когда и где заработная плата высока, и низок, когда и где заработная плата низка.

Давайте начнем с самого начала. Природа и функции капитала уже были достаточно показаны, но даже рискуя совершить нечто вроде отступления, давайте попытаемся установить причину процента, прежде чем рассматривать его закон. Ибо в дополнение к тому, что это поможет нашему исследованию, давая нам более твердое и ясное представление о рассматриваемом предмете, это может привести к выводам, практическая важность которых станет очевидной позже.

Какова причина и обоснование начисления процентов? Почему заемщик должен возвращать кредитору больше, чем он получил? На эти вопросы стоит ответить не только из-за их умозрительной, но и из-за их практической важности. Ощущение, что интерес - это ограбление промышленности, широко распространено и растет, и по обе стороны Атлантики все больше проявляется в популярной литературе и в народных движениях. Толкователи современной политической экономии говорят, что между трудом и капиталом нет конфликта, и противопоставляют как наносящие вред труду, так и капиталу, все схемы ограничения вознаграждения, получаемого капиталом; однако в тех же работах излагается доктрина о том, что заработная плата и процент находятся в обратной зависимости друг от друга и что процент будет низким или высоким в зависимости от того, высока или нет заработная плата.³⁶ Ясно, что тогда, если эта доктрина верна, единственное возражение, которое с точки зрения рабочего может быть логично выдвинуто против любой схемы снижения процента, состоит в том, что она не приведет к работе, которая является явно очень слабой основой, в то время как идеи всемогущества законодательных органов все еще так широко распространены; и хотя такое возражение может привести к отказу от какой-либо одной конкретной схемы, это не мешает поиску другой.

Почему интерес должен быть? Интерес, как нам говорят во всех стандартных работах, является наградой за воздержание. Но, очевидно, это недостаточно объясняет его. Воздержание — это не активное, а пассивное качество; это не делание - это просто бездействие. Само по себе воздержание ничего не производит. Почему же тогда какая-то часть произведенного должна быть востребована за это? Если у меня есть сумма денег, которую я откладываю на год, я соблюдаю такое же воздержание, как если бы я одолжил ее. Тем не менее, хотя в последнем случае я буду ожидать, что он будет возвращен мне с дополнительной суммой в виде процентов, в первом случае я получу только ту же сумму и без увеличения. Но воздержание - это то же самое. Если скажут, что, предоставляя их взаймы, я оказываю заемщику услугу, можно ответить, что он также оказывает мне услугу по их безопасному хранению — услугу, которая при определенных условиях может быть очень ценной и за которую я бы охотно заплатил, а не не получил их; и услугу, которая в отношении некоторых форм капитала может быть даже более очевидной, чем в отношении денег. Ибо существует много форм капитала, которые не сохраняются, а должны постоянно обновляться; и многие из них обременительно содержать, если они не находят немедленного применения. Итак, если накопитель капитала помогает пользователю капитала, одалживая его ему, разве пользователь не погасит долг полностью, когда вернет его? Разве надежное сохранение, поддержание, воссоздание капитала не является полной заменой использованию? Накопление - это цель воздержания. Воздержание не может пойти дальше и не достичь большего; само по себе оно не способно даже на это. Если бы мы просто воздерживались от его использования, сколько богатств исчезло бы за год! И как

мало останется по истечении двух лет! Следовательно, если за воздержание требуется нечто большее, чем безопасное возвращение капитала, разве труд не ущемляется? Подобные идеи лежат в основе широко распространенного мнения о том, что проценты могут начисляться только за счет труда, и фактически являются грабежом труда, который в социальных условиях, основанных на справедливости, был бы отменен.

Попытки опровергнуть эти взгляды не всегда кажутся мне успешными. Например, поскольку это иллюстрирует обычные рассуждения, возьмем часто цитируемую иллюстрацию Бастиа с самолетом. Один плотник, Джеймс, затратив десять дней труда, мастерит себе рубанок, которого хватит на 290 из 300 рабочих дней в году. Уильям, другой плотник, предлагает одолжить рубанок на год, предлагая вернуть по истечении этого срока, когда рубанок будет изношен, новый рубанок такого же качества. Джеймс возражает против предоставления самолета в аренду на таких условиях, настаивая на том, что если он просто получит обратно самолет, ему нечем будет компенсировать потерю преимущества, которое дало бы ему использование самолета в течение года. Уильям, признавая это, соглашается не просто вернуть самолет, но, вдобавок, подарить Джеймсу новую доску. Соглашение выполняется к обоюдному удовлетворению. Рубанок расходуется в течение года, но в конце года Джеймс получает такой же хороший рубанок и доску в придачу. Он одалживает новую рубанку снова и снова, пока, наконец, она не переходит в руки его сына, “который все еще продолжает одалживать ее”, каждый раз получая доску. Говорят, что эта доска, представляющая проценты, является естественным и справедливым вознаграждением, поскольку, отдавая ее в обмен на использование рубанка, Уильям “получает силу, которая содержится в инструменте для повышения производительности труда”, и положение его не хуже, чем было бы, если бы он не одолжил рубанок; в то время как Джеймс получает не больше, чем имел бы, если бы сохранил и использовал рубанок, а не одалживал его.

Так ли это на самом деле? Следует заметить, что не утверждается, что Джеймс мог сделать рубанок, а Уильям - нет, поскольку это означало бы сделать доску наградой за превосходное мастерство. Дело только в том, что Джеймс воздерживался от потребления результата своего труда до тех пор, пока не накопил его в форме плоскости, что является существенной идеей капитала.

Теперь, если бы Джеймс не одолжил самолет, он мог бы использовать его в течение 290 дней, когда он был бы изношен, и ему пришлось бы потратить оставшиеся десять дней рабочего года на изготовление нового самолета. Если бы Уильям не одолжил самолет, ему потребовалось бы десять дней, чтобы самому смастерить самолет, которым он мог бы пользоваться в течение оставшихся 290 дней. Таким образом, если мы возьмем доску для обозначения плодов дневного труда с помощью рубанка, то в конце года, если бы не заимствование, каждый из них стоял бы по отношению к рубанку в том виде, в каком он начал, Джеймс с рубанком, а Уильям без него, и у каждого в результате годовой работы было бы по 290 досок. Если бы условием заимствования было то, что Уильям предложил вначале, а именно возврат нового самолета, была бы обеспечена та же относительная ситуация. Уильям проработал бы 290 дней, а последние десять дней потребовались бы на то, чтобы изготовить новый самолет для возвращения Джеймсу. Джеймсу потребовались бы первые десять дней в году, чтобы изготовить еще один самолет, которого хватило бы на 290 дней, после чего он получил бы новый самолет от Уильяма. Таким образом, простой возврат самолета поставил бы каждого в то же положение в конце года, как если бы никакого заимствования не было. Джеймс ничего бы не потерял из-за приобретения

Уильяма, а Уильям ничего бы не приобрел из-за потери Джеймса. Каждый получил бы отдачу, которую в противном случае принес бы его труд, а именно 290 досок, а Джеймс получил бы преимущество, с которым он начинал, — новый рубанок.

Но когда в дополнение к возврату самолета выдается планка, Джеймс в конце года окажется в лучшем положении, чем если бы не было заимствования, а Уильям - в худшем. У Джеймса будет 291 доска и новый рубанок, а у Уильяма 289 досок и никакого рубанка. Если Уильям теперь возьмет займы доску, а также рубанок на тех же условиях, что и раньше, ему в конце года придется вернуть Джеймсу рубанок, две доски и часть доски; и если эта разница будет снова взята займы, и так далее, разве не очевидно, что доход одного будет постепенно уменьшаться, а другого — постепенно увеличиваться, пока, наконец, если операция будет продолжена, не наступит время, когда в результате первоначального предоставления рубанка Джеймс получит весь результат труда Уильяма, то есть, Уильям станет фактически его рабом?

Является ли интерес, таким образом, естественным и справедливым? На этой иллюстрации нет ничего, подтверждающего это. Очевидно, что то, что Бастиа (и многие другие) определяет как основу интереса, “сила, заключенная в инструменте для повышения производительности труда”, не является ни справедливым, ни фактическим основанием интереса. Логическая ошибка, которая делает иллюстрацию Бастиа убедительной для тех, кто не останавливается на ее анализе, как это сделали мы, заключается в том, что с предоставлением займы плоскости они связывают передачу возросшей производительной силы, которую плоскость придает труду. Но на самом деле это не имеет значения. Существенной вещью, которую Джеймс одолжил Уильяму, была не увеличенная мощность, которую лейбористы получают от использования самолетов. Чтобы предположить это, мы должны были бы предположить, что изготовление и использование самолетов было коммерческой тайной или патентным правом, когда иллюстрация стала бы иллюстрацией монополии, а не капитала. Существенной вещью, которую Джеймс одолжил Уильяму, была не привилегия применять свой труд более эффективным способом, а использование конкретного результата десятидневного труда. Если бы “способность, заключенная в орудиях труда, повышать производительность труда” была причиной процента, то норма процента увеличивалась бы с развитием изобретений. Это не так. И все же никто не ожидает, что я буду платить больше процентов, если одолжу швейную машинку за пятьдесят долларов, чем если одолжу иглол на пятьдесят долларов; если я одолжу паровую машину, чем если одолжу груду кирпичей равной стоимости. Капитал, как и богатство, взаимозаменяем. Это не одна вещь; это все, что имеет значение в круге обмена. И все же совершенствование орудий труда не увеличивает воспроизводственную силу капитала; оно увеличивает производительную силу труда.

И я склонен думать, что если бы все богатство состояло из таких вещей, как рубанки, а все производство было таким, как у плотников, то есть если бы богатство состояло только из инертной материи вселенной и производства по приданию этой инертной материи различных форм, то этот процент был бы всего лишь ограблением промышленности и не смог бы долго существовать. Это не означает, что накопления не было бы, поскольку, хотя надежда на приумножение является мотивом для превращения богатства в капитал, это не мотив или, по крайней мере, не главный мотив для накопления. Дети будут откладывать свои гроши на Рождество; пираты пополняют свои зарытые сокровища; восточные принцы будут накапливать

запасы монет; а люди вроде Стюарта или Вандербильта, однажды охваченные страстью к накопительству, будут продолжать до тех пор, пока смогут, приумножать свои миллионы, даже если накопление не принесет увеличения. Это также еще не означает, что не будет никаких заимствований или ссуд, поскольку это в значительной степени было бы продиктовано взаимным удобством. Если бы у Уильяма была работа, к которой нужно было приступить немедленно, а у Джеймса - которая не должна была начаться раньше, чем через десять дней, то одолжение рубанка могло бы принести обоюдную выгоду, хотя никакой доски давать не следовало.

Но все богатство не имеет природы плоскостей, или досок, или денег, которые не обладают воспроизводительной способностью; и не все производство является простым превращением в другие формы этой инертной материи Вселенной. Это правда, что если я отложу деньги, их количество не увеличится. Но предположим, что вместо этого я отложу вино. В конце года моя ценность возрастет, потому что качество вина улучшится. Или предположим, что в стране, приспособленной для них, я высаживаю пчел; к концу года у меня будет больше пчелиных роев и меда, который они произвели. Или, предположим, там, где есть пастбище, я выпускаю овец, или свиней, или крупный рогатый скот; в конце года у меня, в среднем, тоже будет прирост.

Итак, то, что дает прирост в этих случаях, — это нечто такое, что, хотя обычно требует труда для его использования, все же отличается и отделимо от труда - активная сила природы; принцип роста, воспроизводства, который повсюду характеризует все формы той таинственной вещи или состояния, которые мы называем жизнью. И мне кажется, что именно это является причиной процента, или увеличения капитала сверх того, что происходит за счет труда. В движениях, составляющих вечный поток природы, есть, так сказать, определенные жизненные токи, которые, если мы их используем, помогут нам с силой, независимой от наших собственных усилий, преобразовывать материю в желаемые формы, то есть в богатство.

Хотя можно было бы упомянуть многие вещи, которые, например, деньги, или рубанки, или доски, или двигатели, или одежда, не обладают врожденной способностью к увеличению, все же в термины богатство и капитал включены другие вещи, которые, подобно вину, сами по себе увеличатся в качестве до определенного уровня; или, подобно пчелам или крупному рогатому скоту, сами по себе увеличатся в количестве; и некоторые другие вещи, такие как семена, которые, хотя условия, позволяющие им увеличиваться, не могут поддерживаться без труда, все же, когда эти условия будут поддерживаться, принесут увеличение или отдачу сверх того, что требуется для их увеличения. должно быть отнесено к труду.

Теперь взаимозаменяемость богатства с необходимостью предполагает наличие в среднем между всеми видами богатства какого-либо особого преимущества, которое проистекает из обладания каким-либо конкретным видом, поскольку никто не стал бы хранить капитал в одной форме, когда его можно было бы преобразовать в более выгодную форму. Никто, например, не стал бы перемалывать пшеницу в муку и держать ее под рукой для удобства тех, кто желает время от времени обменивать пшеницу или ее эквивалент на муку, если бы он не мог таким обменом обеспечить прирост, равный тому, который, учитывая все обстоятельства, он мог бы обеспечить, выращивая свою пшеницу. Ни один человек, если бы он мог сохранить их, не обменял бы отару овец сейчас на их чистый вес баранины, который будет возвращен в следующем году; ибо, сохранив овец, он не только получил бы такое же количество баранины в

следующем году, но также ягнят и шерсть. Никто не стал бы копать ирригационный ров, если бы те, кто с его помощью может использовать воспроизводительные силы природы, не отдавали ему такую часть получаемого ими прироста, чтобы его капитал приносил ему столько же, сколько и их собственный. И таким образом, в любом круге обмена способность к увеличению, которую воспроизводственная или жизненная сила природы придает некоторым видам капитала, должна быть средней для всех; и тот, кто дает займы или использует в обмен деньги, или самолеты, или кирпичи, или одежду, не лишен возможности получать увеличение, так же как если бы он дал займы или использовал для воспроизводства такое количество капитала в форме, способной к увеличению.

В использовании вариаций сил природы и человека, которое осуществляется путем обмена, также наблюдается увеличение, которое в чем-то напоминает то, которое производится жизненными силами природы. Например, в одном месте при заданном количестве рабочей силы растительная пища составит 200 долларов, животная - 100. В другом месте эти условия меняются на противоположные, и то же количество труда даст 100% растительной пищи или 200 % животной. В одном месте относительная ценность растительной пищи по отношению к животной будет равна двум к одному, а в другом - одному к двум; и, предположив, что требуется равное количество каждой из них, одинаковое количество труда в любом месте обеспечит 150 % того и другого. Но, затрачивая труд в одном месте на заготовку растительной пищи, а в другом - на заготовку животной пищи и обменивая ее в необходимом количестве, жители каждого места будут иметь возможность при данном количестве труда заготовить 200 единиц того и другого, за вычетом потерь и издержек обмена; так что в каждом месте продукт, изъятый из употребления и предназначенный для обмена, приносит прирост. Таким образом, кот Уиттингтона, отправленный в далекую страну, где кошек мало, а крыс много, возвращается с тюками товаров и мешками золота.

Конечно, труд необходим для обмена, как и для использования воспроизводительных сил природы, и продукт обмена, как продукт сельского хозяйства, явно является продуктом труда; но все же, как в том, так и в другом случае, существует различимая сила, взаимодействующая с силой труда, которая не позволяет измерить результат исключительно количеством затраченного труда, но делает количество капитала и время, в течение которого он используется, неотъемлемыми частями суммы сил. Капитал помогает труду во всех различных способах производства, но существует различие между отношениями этих двух в таких способах производства, которые состоят просто в изменении формы или места материи, как строгание досок или добыча угля; и в таких способах производства, которые используют воспроизводственные силы природы или способность к увеличению, возникающую из различий в распределении природных и человеческих сил, таких как выращивание зерна или обмен льда на сахар. В производстве первого рода только труд является эффективной причиной; когда труд прекращается, останавливается и производство. Когда плотник опускает свой рубанок на закате солнца, увеличение стоимости, которое он производит своим рубанком, прекращается до тех пор, пока он снова не начнет свою работу на следующее утро. Когда заводской звонок объявляет о закрытии, когда шахта закрывается, производство прекращается до тех пор, пока работа не возобновится. Прошедшее время, что касается производства, с таким же успехом можно вычеркнуть. Течение дней, смена времен года - это не тот элемент производства, который зависит исключительно от количества затраченного труда. Но в других способах производства, о которых я упоминал, и в которых часть труда можно сравнить с работой лесорубов, которые бросают свои бревна в ручей, предоставляя течению нести их к

стреле лесопилки, расположенной на много миль ниже, время *является* важным элементом. Семя в земле прорастает, пока фермер спит или вспахивает новые поля, и вечные потоки воздуха и океана несут кота Уиттингтона к измученному крысами правителю романтических стран.

Вернемся теперь к иллюстрации Бастиа. Очевидно, что если и есть какая-либо причина, по которой Уильям в конце года должен вернуть Джеймсу более чем столь же хороший рубанок, то она проистекает не из возросшей мощности, которую инструмент придает труду, поскольку это, как я показал, не является элементом; но она проистекает из элемента времени — разницы в год между предоставлением рубанка в займы и возвратом рубанка. Теперь, если рассматривать только иллюстрацию, ничто не подсказывает, как должен работать этот элемент, поскольку плоскость в конце года имеет не большую ценность, чем плоскость в начале. Но если мы заменим самолет теленком, то ясно увидим, что для того, чтобы поставить Джеймса в такое же хорошее положение, как если бы он не давал займы, Уильям в конце года должен вернуться не теленком, а коровой. Или, если мы предположим, что десятидневный труд был потрачен на посадку кукурузы, очевидно, что Джеймс не был бы полностью вознагражден, если бы в конце года он получил просто столько посеянной кукурузы, потому что в течение года посеянная кукуруза проросла бы, выросла и размножилась; и поэтому, если бы плоскость была предназначена для обмена, она могла бы в течение года превращаться несколько раз, и каждый обмен приносил Джеймсу прибавку. Теперь, следовательно, поскольку труд Джеймса мог быть применен любым из этих способов — или, что то же самое, часть труда, затраченного на изготовление самолетов, могла быть таким образом передана — он не сделает самолет для Уильяма, которым тот будет пользоваться в течение года, если не получит взамен больше, чем самолет. И Уильям может позволить себе отдать больше, чем самолет, потому что одно и то же общее среднее значение преимуществ труда, применяемого в различных режимах, позволит ему получить от своего труда преимущество за счет элемента времени. Именно это общее усреднение, или, как мы могли бы сказать, “объединение” преимуществ, которое обязательно имеет место там, где потребности общества требуют одновременного применения различных способов производства, дает обладанию богатством, неспособным само по себе увеличиваться, преимущество, подобное тому, которое дает богатству, используемому таким образом, чтобы извлечь выгоду из элемента времени. И, в конечном счете, преимущество, которое дает течение времени, проистекает из воспроизводящей силы природы и различных способностей природы и человека.

Если бы качество и емкость материи повсюду были одинаковы, а вся производительная сила была бы присуща человеку, не было бы никакого интереса. Преимущества более совершенных инструментов иногда могут передаваться на условиях, напоминающих выплату процентов, но такие операции будут носить нерегулярный и прерывистый характер — исключение, а не правило. Ибо способность получать такую прибыль не была бы, как сейчас, присуща обладанию капиталом, и преимущество времени действовало бы только в особых обстоятельствах. То, что я, имея тысячу долларов, могу, конечно, пустить их в оборот под проценты, проистекает не из того факта, что есть другие, не имеющие тысячи долларов, которые с радостью заплатят мне за пользование ими, если они не смогут получить их другим способом; но из того факта, что капитал, который представляет моя тысяча долларов, способен приносить прирост тому, у кого он есть, даже если он миллионер. Ибо цена, которую принесет что-либо, зависит не столько от того, что покупатель был бы готов отдать, а не обойтись без этого, сколько от того, что продавец может получить иным способом. Например, производитель,

желающий уйти из бизнеса, располагает оборудованием стоимостью в 100 000 долларов. Если он не может, он должен продать, взять эти \$100 000 и вложить их так, что он будет приносить ему проценты, он будет нематериальным к нему, рискуя быть исключены, будь он получает всю сумму сразу или в рассрочку, если покупатель имеет необходимый капитал, который мы должны предположить, что для того, что сделка может опираться на свои достоинства, это будет безразлично, будет ли он платить сразу или через некоторое время. Если у покупателя нет необходимого капитала, то для его удобства платежи могут быть отложены, но только в исключительных обстоятельствах продавец попросит или покупатель согласится выплатить какую-либо премию по этому счету; и в таких случаях эта премия не будет представлять собой должным образом проценты. Ибо проценты - это, собственно говоря, не плата за использование капитала, а доход, получаемый в результате увеличения капитала. Если бы капитал не прирастал, было бы мало исключительных случаев, в которых владелец получал бы премию. Уильям вскоре выяснит, не платит ли ему плата за отсрочку платежа в самолете Джеймса.

Короче говоря, когда мы приступаем к анализу производства, мы обнаруживаем, что оно подразделяется на три вида, а именно:

Адаптация или изменение натуральных продуктов либо по форме, либо на месте таким образом, чтобы они соответствовали человеческим желаниям.

Выращивание или использование жизненных сил природы, например, при выращивании овощей или животных.

Обменивать или использовать для увеличения общей суммы богатства высшие силы тех природных сил, которые изменяются в зависимости от местности, или тех человеческих сил, которые изменяются в зависимости от ситуации, рода занятий или характера.

В каждом из этих трех способов производства капитал может помогать труду — или, говоря точнее, в первом способе капитал может помогать труду, но не является абсолютно необходимым; в других капитал должен помогать труду или необходим.

Теперь, хотя, приспособлявая капитал к надлежащим формам, мы можем увеличить эффективную силу труда, чтобы запечатлеть в материи характер богатства, например, когда мы приспособляем дерево и железо к форме и использованию рубанка; или железо, уголь, воду и нефть к форме и использованию паровой машины; или камень, глину, древесину и железо к форме и использованию здания, тем не менее, характеристикой такого использования капитала является то, что выгода заключается в использовании. Однако, когда мы используем капитал вторым из этих способов, например, когда мы сажаем зерно в землю, или размещаем животных на животноводческой ферме, или убираем вино для улучшения с возрастом, выгода возникает не от использования, а от увеличения. Итак, когда мы используем капитал третьим из этих способов и вместо использования вещи обмениваем ее, выгода заключается в увеличении стоимости вещей, полученных взамен.

В первую очередь, выгоды, возникающие в результате использования, переходят к труду, а выгоды, возникающие в результате увеличения, - к капиталу. Но поскольку разделение труда и взаимозаменяемость богатств требуют и подразумевают усреднение выгод, в той мере, в какой эти различные способы производства коррелируют друг с другом, выгоды, получаемые от одного, будут усредняться по сравнению с выгодами, получаемыми от других, поскольку ни труд, ни капитал не будут затрачиваться на какой-либо способ производства, в то время как

любой другой способ, открытый для них, принесет большую отдачу. То есть иными словами, труд, затраченный при первом способе производства, получит не всю отдачу, а отдачу за вычетом той части, которая необходима для того, чтобы дать капиталу такой прирост, который он мог бы обеспечить при других способах производства, а капитал, задействованный во втором и третьем способах производства, получит не весь прирост, а прирост за вычетом того, что достаточно для того, чтобы дать труду такое вознаграждение, которое он мог бы обеспечить, будучи затраченным при первом способе производства.

Таким образом, процент возникает из способности к увеличению, которую воспроизводственные силы природы и, в сущности, аналогичная способность к обмену придают капиталу. Это не произвол, а естественная вещь; это результат не определенной социальной организации, а законов Вселенной, лежащих в основе общества. Следовательно, это справедливо.

Те, кто говорит об отмене процента, впадают в ошибку, подобную той, на которую указывалось ранее, поскольку она придает правдоподобность доктрине о том, что заработная плата извлекается из капитала. Когда они, таким образом, думают о процентах, они думают только о том, что выплачивается пользователем капитала владельцу капитала. Но, очевидно, что это не все проценты, а только некоторые проценты. Тот, кто использует капитал и получает прирост, который он способен дать, получает проценты. Если я сажаю дерево и ухаживаю за ним до тех пор, пока оно не достигнет зрелости, я получаю в виде его плодов проценты с накопленного таким образом капитала, то есть с затраченного мной труда. Если я выращиваю корову, молоко, которое она дает мне утром и вечером, является не просто наградой за затраченный в то время труд, но процентом с капитала, который мой труд, затраченный на ее выращивание, накопил в корове. Итак, если я использую свой собственный капитал для прямого содействия производству, например, с помощью машин, или для косвенного содействия производству, в обмен, я получаю особое и отличное преимущество от воспроизводственного характера капитала, которое столь же реально, хотя, возможно, и не столь очевидно, как если бы я одолжил свой капитал другому и он выплатил мне проценты.

ГЛАВА IV.

О ПОДДЕЛЬНОМ КАПИТАЛЕ И ПРИБЫЛИ, КОТОРУЮ ЧАСТО ПРИНИМАЮТ За ПРОЦЕНТЫ.

Я убежден, что вера в то, что процент - это кража промышленности, в значительной степени обусловлена неспособностью различать, что действительно является капиталом, а что нет, и между прибылью, которая по сути является процентом, и прибылью, которая возникает из других источников, помимо использования капитала. В современной речи и литературе капиталистом называют каждого, кто обладает тем, что независимо от его труда принесет ему отдачу, в то время как о том, что получено таким образом, говорится как о зарплате или

изъятии капитала, и мы повсюду слышим о конфликте труда и капитала. Существует ли в действительности какой-либо конфликт между трудом и капиталом, я пока не прошу читателя решать самостоятельно; но здесь будет полезно прояснить некоторые недоразумения, которые затрудняют суждение.

Внимание уже было обращено на тот факт, что земельные стоимости, составляющие такую огромную часть того, что обычно называется капиталом, вообще не являются капиталом; и что рента, которая столь же обычно включается в поступления на капитал и которая отнимает все возрастающую часть продукта развивающегося общества, не является доходом на капитал и должна быть тщательно отделена от процента. Сейчас нет необходимости более подробно останавливаться на этом вопросе. Аналогичным образом было обращено внимание на тот факт, что акции, облигации и т.д., составляющие еще одну значительную часть того, что обычно называется капиталом, вообще не являются капиталом; но в некоторых своих формах эти свидетельства задолженности настолько близко напоминают капитал, а в некоторых случаях действительно выполняют или кажется, что выполняют функции капитала, в то время как они приносят своим владельцам доход, о котором не только говорят как о процентах, но и имеют все подобия процентов, что стоит, прежде чем пытаться очистить идею процента от некоторых других двусмысленностей, которые ее окружают, рассмотреть поговорим об этом еще раз, более подробно.

Следует всегда помнить, что ничто не может быть капиталом, это не богатство, то есть ничто не может быть капиталом, который не состоит из реальных, осязаемых вещей, а не из спонтанных даров природы, которые сами по себе, а не через посредников, обладают способностью прямо или косвенно удовлетворять человеческие желания.

Таким образом, государственная облигация не является капиталом и в то же время не является представителем капитала. Капитал, который когда-то был получен за это правительством, был израсходован непроизводительно - выброшен из жерл пушек, израсходован на военные корабли, потрачен на поддержание людей в строю и муштру, на убийства и разрушение. Облигация не может представлять собой капитал, который был уничтожен. Она вообще не представляет капитала. Это просто торжественное заявление о том, что правительство рано или поздно заберет путем налогообложения из имеющихся на тот момент у народа запасов столько богатства, сколько оно передаст держателю облигации; и что тем временем оно будет время от времени забирать таким же образом столько, чтобы компенсировать держателю прирост капитала, который он когда-нибудь обещает ему дать, принесло бы ему, будь он действительно в его распоряжении. Огромные суммы, которые, таким образом, изымаются из продукта каждой современной страны для выплаты процентов по государственным долгам, не являются доходом или приумножением капитала - на самом деле это не проценты в строгом смысле этого термина, а налоги, взимаемые с продукта труда и капитала, оставляющие намного меньше на заработную плату и намного меньше на реальные проценты.

Но, предположим, облигации были выпущены для углубления русла реки, строительства маяков или возведения общественного рынка; или предположим, чтобы воплотить ту же идею, изменив иллюстрацию, что они были выпущены железнодорожной компанией. Здесь они действительно представляют капитал, существующий и применяемый для производственного использования, и, подобно акциям компании, выплачивающей дивиденды, могут рассматриваться как свидетельства владения капиталом. Но их можно считать таковыми только в той мере, в какой

они фактически представляют собой капитал, а не в той мере, в какой они были выпущены сверх используемого капитала. Почти все наши железнодорожные компании и другие юридические лица загружены таким образом. Там, где действительно был использован капитал в один доллар, были выпущены сертификаты на два, три, четыре, пять или даже десять, и на эту фиктивную сумму с большей или меньшей регулярностью выплачиваются проценты или дивиденды. Итак, то, что сверх суммы, причитающейся в качестве процентов на реальный вложенный капитал, таким образом зарабатывается этими компаниями и таким образом выплачивается, а также большие суммы, поглощаемые управляющими кругами и никогда не учитываемые, очевидно, не берется из совокупного продукта сообщества в счет услуг, оказываемых капиталом, — это не проценты. Если мы ограничены терминологией авторов-экономистов, которые разлагают прибыль на проценты, страхование и заработную плату управляющего, то она должна подпадать под категорию заработной платы управляющего.

Но в то время как заработная плата суперинтенданта достаточно четко включает доход, получаемый за такие личные качества, как мастерство, такт, предприимчивость, организаторские способности, изобретательность, характер и т.д., к прибыли, о которой мы говорим, добавляется еще один сопутствующий элемент, который можно лишь произвольно отнести к ним, — элемент монополии.

Когда Яков I предоставил своему фавориту исключительную привилегию изготавливать золотые и серебряные нити и запретил, под страхом суровых наказаний, всем остальным изготавливать такие нити, доход, которым в результате пользовался Бекингем, был получен не от процентов с капитала, вложенного в производство, и не от мастерства и т.д. Тех, кто действительно проводил операции, а от того, что он получил от короля, а именно от исключительной привилегии — на самом деле права взимать налог для своих собственных целей со всех пользователей таких ниток. Из аналогичного источника поступает большая часть прибыли, которую обычно путают с доходами от капитала. Поступления от патентов, выданных на ограниченный срок в несколько лет с целью поощрения изобретательства, явно относятся к этому источнику, как и доходы, получаемые от монополий, созданных заградительными тарифами под предлогом поощрения отечественной промышленности. Но существует другая, гораздо более коварная и гораздо более общая форма монополии. При объединении больших масс капитала под общим контролем развивается новая и существенно отличная сила от той силы увеличения, которая является общей характеристикой капитала и которая порождает процент. В то время как последнее, так сказать, конструктивно по своей природе, сила, которая по мере накопления нарастает над ним, является разрушительной. Это власть того же рода, что и та, которую Яков предоставил Бекингеми, и она часто осуществляется с таким же безрассудным пренебрежением не только к производственным, но и к личным правам отдельных людей. Железнодорожная компания приближается к маленькому городку, как разбойник с большой дороги приближается к своей жертве. Угроза “Если вы не примете наши условия, мы оставим ваш город в двух-трех милях в стороне!” столь же эффективна, как “Стоять и сдаваться”, подкреплённая взведенным курком пистолета. Ибо угроза железнодорожной компании заключается не просто в том, чтобы лишить город преимуществ, которые могла бы дать железная дорога; она заключается в том, чтобы поставить его в гораздо худшее положение, чем если бы железная дорога не была построена. Или, если там, где есть водное сообщение, задействована лодка противника; ставки снижаются до тех пор, пока ее не заставят отчалить, и тогда общественность вынуждена оплатить стоимость операции, точно так же, как рохильи были обязаны заплатить сорок лаков, за которые Сураджа Доула нанял у Уоррена

Гастингса английские войска, чтобы помочь ему опустошить их страну и истребить их народ. И точно так же, как грабители объединяются, чтобы грабить сообща и делить добычу, так и железнодорожные магистрали объединяются, чтобы повысить тарифы и объединить свои доходы, или Тихоокеанские дороги образуют комбинацию с Тихоокеанской почтовой пароходной компанией, благодаря которой на суше и в океане фактически установлены пункты взимания платы. И точно так же, как приспешники Бекингема, действуя на основании патента на золотую нить, обыскивали частные дома и изымали бумаги и людей в целях похоти и вымогательства, точно так же поступает великая телеграфная компания, которая силой объединенного капитала лишает народ Соединенных Штатов всех преимуществ благотворного изобретения, подделывает корреспонденцию и уничтожает оскорбляющие ее газеты.

Необходимо только намекать на эти вещи, а не заикливаться на них. Каждому известно, с какой тиранией и алчностью капитал, сконцентрированный в больших количествах, часто используется для развращения, грабежа и разрушения. На что я хотел бы обратить внимание читателя, так это на то, что полученную таким образом прибыль не следует путать с законной отдачей капитала как агента производства. По большей части их следует отнести к неправильной расстановке сил в законодательном департаменте правительства, а также к слепой приверженности древнему варварству и суеверному почитанию технических особенностей узкой профессии в отправлении закона; в то время как общей причиной, которая в развивающихся сообществах ведет с концентрацией богатства к концентрации власти, является решение великой проблемы, которую мы ищем, но еще не нашли.

Любой анализ покажет, что большая часть прибыли, которую, по общему мнению, путают с процентами, на самом деле обусловлена не властью капитала, а властью концентрированного капитала или тем, что концентрированный капитал воздействует на плохие социальные условия. И это также покажет, что то, что ясно и должным образом называется оплатой труда надзирателя, очень часто путают с доходами на капитал.

И, таким образом, прибыль, должным образом обусловленную элементами риска, часто путают с процентами. Некоторые люди приобретают богатство, рискуя, что для большинства людей неизбежно должно приносить убытки. Таковы многие формы спекуляции, и особенно тот вид азартной игры, который известен как биржевая торговля. Выдержка, рассудительность, владение капиталом, умение в том, что в низших формах азартных игр известно как искусство доверенного лица и черной ноги, дают преимущество индивидууму; но, точно так же, как за игорным столом, все, что выигрывает один, должен потерять кто-то другой.

Теперь, если взять огромные состояния, которые так часто называют примером накопительной силы капитала, — герцогов Вестминстерских и маркизов Бьют, Ротшильдов, Асторов, Стюартов, Вандербильтов, Гулдов, Стэнфордов и Флудов, — при ближайшем рассмотрении легко увидеть, что они были созданы, в большей или меньшей степени, не за счет процентов, а за счет элементов, подобных тем, которые мы рассматривали.

Насколько необходимо отмечать различия, на которые я обращал внимание, показано в текущих обсуждениях, где щит кажется попеременно белым или черным по мере того, как точка зрения смещается с одной стороны на другую. С одной стороны, нас призывают увидеть в существовании глубокой бедности бок о бок с огромными накоплениями богатства агрессию капитала на труд, и в ответ указывают, что капитал помогает труду, и, следовательно, нас просят заключить, что в широкой пропасти между богатыми и бедными нет ничего несправедливого

или противоестественного; что богатство - это всего лишь награда за трудолюбие, интеллект и бережливость; а бедность - всего лишь наказание за леность, невежество и неосторожность.

ГЛАВА V. ЗАКОН О ПРОЦЕНТАХ.

Давайте теперь обратимся к закону процента, имея в виду две вещи, на которые до сих пор обращалось внимание, а именно:

Первое— Что не капитал использует труд, а труд использует капитал.

Второе— Капитал не является фиксированной величиной, но всегда может быть увеличен или уменьшен, (1) за счет большего или меньшего приложения труда к производству капитала и (2) за счет превращения богатства в капитал, или капитала в богатство, поскольку капитал - это всего лишь богатство, применяемое определенным образом, богатство является более широким и всеобъемлющим термином.

Очевидно, что в условиях свободы максимумом, который может быть предоставлен для использования капитала, будет приращение, которое он принесет, а минимумом или нулем будет замещение капитала; ибо выше одной точки заимствование капитала повлекло бы за собой убытки, а ниже другой капитал не мог бы поддерживаться.

Заметьте еще раз: этот максимум фиксируется не повышением эффективности, придаваемой труду за счет приспособления капитала к какой-либо особой форме или использованию, как небрежно заявляют некоторые авторы, а средней способностью к увеличению, которая принадлежит капиталу вообще. Способность применять себя в выгодных формах - это сила труда, на которую капитал как таковой не может ни претендовать, ни делиться ею. Лук и стрелы позволяют индейцу убивать, скажем, буйвола каждый день, в то время как палками и камнями он едва ли сможет убить одного за неделю; но производитель оружия в племени не может требовать от охотника шесть из каждых семи убитых буйволов в качестве вознаграждения за использование лука и стрел; точно так же капитал, вложенный в шерстяную фабрику, не принесет капиталисту разницы между продукцией фабрики и тем, что можно было бы получить при том же количестве труда с помощью прялки и ручного ткацкого станка. Уильям, когда он одалживает рубанок у Джеймса, не получает преимущества в виде повышенной эффективности труда при использовании рубанка для разглаживания досок по сравнению с тем, что он имеет при разглаживании их ракушкой или кремнем. Прогресс знаний сделал преимущество, связанное с использованием самолетов, общим достоянием и рабочей силой. То, что он получает от Джеймса, - это всего лишь то преимущество, которое дает годичный промежуток времени при обладании таким большим капиталом, какой представлен самолетом.

Итак, если жизненные силы природы, которые дают преимущество элементу времени, являются причиной процента, то, по-видимому, следует, что эта максимальная норма процента будет определяться силой этих сил и степенью, в которой они задействованы в производстве. Но хотя

репродуктивная сила природы, по-видимому, сильно различается, как, например, между лососем, который откладывает тысячи икринок, и китом, который с интервалом в несколько лет производит на свет одного детеныша; между кроликом и слоном, чертополохом и гигантским красным деревом, из того, как поддерживается естественный баланс, следует, что существует уравнение между репродуктивными и разрушительными силами природы, которое фактически сводит принцип увеличения к единой точке. Это естественное равновесие человек в узких пределах может нарушить и, изменяя природные условия, может по своему желанию использовать различную силу воспроизводства в природе. Но когда он делает это, из широкого размаха его желаний возникает другой принцип, который приводит к увеличению богатства к уравнению и равновесию, аналогичному тому, которое достигается в природе между различными формами жизни. Это уравнение проявляется в ценностях. Если в стране, приспособленной и к тому, и к другому, я буду разводить кроликов, а вы - лошадей, мои кролики могут, пока не будет достигнут естественный предел, размножаться быстрее, чем ваши лошади. Но мой капитал не будет увеличиваться быстрее, поскольку следствием различных темпов увеличения будет снижение стоимости кроликов по сравнению с лошадьми и увеличение стоимости лошадей по сравнению с кроликами.

Хотя изменяющаяся сила жизненных сил природы, таким образом, приводится к единообразию, на разных стадиях общественного развития могут существовать различия в отношении пропорциональной степени вовлечения этих жизненных сил в совокупное производство богатства. Но по этому поводу следует сделать два замечания. Во-первых, хотя в такой стране, как Англия, доля мануфактур в совокупном производстве материальных благ значительно возросла по сравнению с долей сельского хозяйства, все же следует отметить, что в очень большой степени это справедливо только для политического или географического разделения, а не для промышленного сообщества. Ибо промышленные сообщества не ограничены политическими разногласиями, морями или горами. Они ограничены только масштабом своих обменов, и доля, которую в промышленной экономике Англии сельское хозяйство и скотоводство занимают по отношению к мануфактурным изделиям, составляет в среднем по Айове и Иллинойсу, по Техасу и Калифорнии, по Канаде и Индии, по Квинсленду и Прибалтике — короче говоря, по всем странам, на которые распространяются всемирные обмены Англии. Далее, следует отметить, что, хотя прогресс цивилизации имеет тенденцию к относительному увеличению производства по сравнению с сельским хозяйством и, следовательно, к пропорционально меньшей зависимости от воспроизводительных сил природы, все же это сопровождается соответствующим расширением обменов и, следовательно, большим привлечением возникающей таким образом способности к увеличению. Таким образом, эти тенденции в значительной степени и, вероятно, настолько далеко, насколько мы уже продвинулись, полностью уравнивают друг друга и сохраняют равновесие, которое фиксирует средний прирост капитала, или нормальную норму процента.

Итак, эта нормальная точка интереса, лежащая между необходимым максимумом и необходимым минимумом отдачи от капитала, должна, где бы она ни находилась, быть такой, чтобы с учетом всех факторов (таких как чувство безопасности, стремление к накоплению и т.д.) вознаграждение за капитал и труд были равными, то есть давали одинаково привлекательный результат за приложенные усилия или жертвы. Возможно, невозможно сформулировать этот момент, поскольку заработная плата обычно оценивается в количестве, а процент - в соотношении; но если мы предположим, что данное количество богатства является продуктом данного количества труда, взаимодействующего в течение определенного времени с

определенным количеством капитала, то пропорция, в которой продукт был бы разделен между трудом и капиталом, позволила бы провести сравнение. Должна существовать такая точка, или, скорее, около нее, к которой должна стремиться норма процента; поскольку, если бы не было достигнуто такое равновесие, труд не согласился бы на использование капитала или капитал не был бы предоставлен в распоряжение труда. Ибо труд и капитал — всего лишь разные формы одного и того же явления - человеческого напряжения. Капитал производится трудом; на самом деле это всего лишь труд, запечатленный в материи, — труд, накопленный в материи, чтобы быть высвобожденным снова по мере необходимости, подобно тому, как солнечное тепло, накопленное в угле, высвобождается в печи. Таким образом, использование капитала в производстве - это всего лишь способ труда. Поскольку капитал может быть использован только путем потребления, его использование является затратой труда, а для поддержания капитала его производство трудом должно быть соизмеримо с его потреблением в помощь труду. Следовательно, принцип, который в условиях, допускающих свободную конкуренцию, действует для приведения заработной платы к общему стандарту, а прибыли — к существенному равенству, — принцип, согласно которому люди будут стремиться удовлетворять свои желания с наименьшими усилиями, - действует для установления и поддержания этого равновесия между заработной платой и процентами.

Это естественное соотношение между процентом и заработной платой - это равновесие, при котором и то, и другое будет представлять равную отдачу от равных усилий, — может быть выражено в форме, предполагающей отношение противоположности; но это противопоставление только кажущееся. В партнерстве между Диком и Гарри утверждение о том, что Дик получает определенную долю прибыли, подразумевает, что доля Гарри меньше или больше, поскольку доля Дика больше или меньше; но там, где, как в этом случае, каждый получает только то, что он добавляет в общий фонд, увеличение доли одного не уменьшает того, что получает другой.

И если это соотношение зафиксировано, то очевидно, что процент и заработная плата должны расти и падать одновременно, и что процент не может быть увеличен без увеличения заработной платы; равно как и заработная плата не может быть понижена без снижения процента. Ибо, если заработная плата падает, пропорционально должен падать и процент, иначе становится выгоднее превращать труд в капитал, чем применять его непосредственно; в то время как при падении процента заработная плата также должна пропорционально падать, иначе приращение капитала было бы остановлено.

Мы, конечно, говорим не об особой заработной плате и особом проценте, а об общем уровне заработной платы и общей норме процента, всегда подразумевая под процентами доход, который может обеспечить капитал, за вычетом страхования и заработной платы надзирателям. В конкретном случае или при конкретной занятости тенденции заработной платы и процента к равновесию может быть затруднено; но между общим уровнем заработной платы и общей нормой процента эта тенденция должна быстро проявиться. Ибо, хотя в определенной отрасли производства может быть четко проведена грань между теми, кто обеспечивает рабочую силу, и теми, кто обеспечивает капитал, тем не менее, даже в сообществах, где существует самое резкое различие между общим классом рабочих и общим классом капиталистов, эти два класса переходят друг в друга незаметными грациями, и на крайностях, где два класса встречаются в одних и тех же лицах, взаимодействие, которое восстанавливает равновесие или, скорее, предотвращает его нарушение, может продолжаться беспрепятственно, какие бы препятствия

ни существовали там, где разделение является полным. И, более того, следует помнить, как уже указывалось ранее, что капитал - это всего лишь часть богатства, отличающаяся от богатства вообще только целью, для которой он применяется, и, следовательно, вся совокупность богатств оказывает на отношения капитала и труда такое же уравнивающее действие, какое маховик оказывает на движение механизмов, забирая капитал, когда он в избытке, и снова выдавая его, когда возникает дефицит, точно так же, как ювелир может подарить своей жене бриллианты, чтобы она носила их, когда у него их в избытке, и снова выставить их в своей витрине, когда его запас сокращается. Таким образом, любая тенденция процента превышать равновесие с заработной платой должна немедленно порождать не только тенденцию направлять труд на производство капитала, но и применение богатства для использования капитала; в то время как любая тенденция заработной платы превышать равновесие с процентами должна аналогичным образом порождать не только тенденцию отвлекать труд от производства капитала, но и уменьшать долю капитала путем перевода некоторых предметов богатства, из которых состоит капитал, из производительного в непроизводительное использование.

Резюмируем: Существует определенное отношение между заработной платой и процентом, установленное причинами, которые, если не абсолютно постоянны, медленно меняются, при которых в капитал будет превращено достаточное количество труда для снабжения капитала, который в зависимости от уровня знаний, состояния искусств, плотности населения, характера занятий, разнообразия, масштабов и быстроты обменов будет требоваться для производства, и это отношение взаимодействие труда и капитала постоянно поддерживается; следовательно, процент должен расти и падать вместе с ростом и падением заработной платы.

Для иллюстрации: цена муки определяется ценой пшеницы и затратами на помол. Стоимость помола меняется медленно и незначительно, разница едва заметна даже через большие промежутки времени; в то время как цена на пшеницу меняется часто и в значительной степени. Следовательно, мы правильно говорим, что цена на муку определяется ценой на пшеницу. Или, сформулировав предложение в той же форме, что и предыдущее: существует определенное отношение между стоимостью пшеницы и стоимостью муки, установленное стоимостью помола, и это отношение постоянно поддерживается взаимодействием между спросом на муку и предложением пшеницы; следовательно, цена на муку должна расти и падать вместе с повышением и падением цены на пшеницу.

Или, поскольку, оставляя связующее звено, цену пшеницы, для вывода, мы говорим, что цена муки зависит от характера сезонов года, войн и т.д., точно так же мы можем облечь закон процента в форму, которая непосредственно связывает его с законом ренты, сказав, что общая норма процента будет определяться доходностью капитала на самой бедной земле, на которую капитал свободно применяется, то есть на лучшей земле, открытой для него без уплаты ренты. Таким образом, мы приводим закон процента в форму, которая показывает, что он является следствием закона ренты.

Мы можем доказать этот вывод другим способом: то, что процент должен уменьшаться по мере увеличения ренты, мы можем ясно увидеть, если исключим заработную плату. Чтобы сделать это, мы, конечно, должны представить себе вселенную, организованную по совершенно другим принципам. Тем не менее, мы можем представить себе то, что Карлайл назвал бы раем для дураков, где производство богатства шло без помощи труда, а исключительно за счет

воспроизводительной силы капитала — где овцы носили на своих спинах готовую одежду, коровам подавали только терку и сыр, а быки, когда достигали надлежащей упитанности, сами нарезали бифштексы и запекали ребрышки; где дома вырастали из семян, а складной нож, брошенный на землю, пускал корни и в должное время приносил урожай разнообразных столовых приборов. Представьте себе неких капиталистов, перенесенных со своим капиталом в соответствующих формах в такое место. Очевидно, что они получали бы в качестве прибыли на свой капитал всю сумму произведенного им богатства только до тех пор, пока ни один из их продуктов не был бы востребован в качестве ренты. Когда возникает рента, она должна поступать из продукта капитала, и по мере того, как она увеличивается, отдача владельцам капитала неизбежно должна уменьшаться. Если мы представим место, где капитал обладал способностью производить богатство без помощи труда, ограниченным, скажем, островом, мы увидим, что, как только капитал увеличится до пределов острова, чтобы поддерживать его, доходность капитала должна упасть до незначительной величины, превышающей его минимальную простую замену, и землевладельцы получают почти весь продукт в виде ренты, поскольку единственной альтернативой капиталистам было бы выбросить свой капитал в море. Или, если мы представим, что такой остров связан с остальным миром, доходность капитала будет соответствовать норме прибыли в других местах. Проценты там не будут ни выше, ни ниже, чем где-либо еще. Рента давала бы все преимущества, а земля такого острова имела бы большую ценность.

Подводя итог, можно сказать, что закон процента таков:

Соотношение между заработной платой и процентом определяется средней способностью к приросту, которая возникает у капитала в результате его использования в способах воспроизводства. По мере роста ренты процент будет падать вместе с падением заработной платы или будет определяться пределом возделывания.

Я так подробно попытался проследить и проиллюстрировать закон процента скорее из уважения к существующей терминологии и способам мышления, чем исходя из реальных потребностей нашего исследования, если бы оно не было затруднено затуманивающими дискуссиями. По правде говоря, основное разделение богатства при распределении является двойным, а не трехсторонним. Капитал - это всего лишь форма труда, и его отличие от рабочей силы на самом деле является всего лишь подразделением, точно так же, как было бы разделение труда на квалифицированный и неквалифицированный. В нашем исследовании мы достигли той же точки, которая была бы достигнута, если бы мы просто рассматривали капитал как форму труда и искали закон, который делит продукт между рентой и заработной платой, то есть между владельцами двух факторов, природных веществ и сил, и человеческого труда, — эти два фактора в своем соединении производят все богатство.

ГЛАВА VI.

ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА И ЗАКОН О ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЕ.

Мы уже получили закон заработной платы путем умозаключений. Но чтобы проверить этот вывод и очистить предмет от всех двусмысленностей, давайте рассмотрим закон с независимой отправной точки.

Конечно, не существует такого понятия, как общая норма заработной платы, в том смысле, что в любой данный момент времени и в любом месте существует общая норма процента. Заработная плата, которая включает в себя всю отдачу, получаемую от труда, меняется не только в зависимости от различных способностей индивидов, но и по мере усложнения организации общества в значительной степени различается в зависимости от профессии. Тем не менее, существует определенная общая связь между всеми видами заработной платы, так что мы выражаем ясную и хорошо понятную идею, когда говорим, что заработная плата в одно время или в другом месте выше или ниже, чем в другом. Заработная плата повышается и понижается в соответствии с общим законом. Что это за закон?

Фундаментальный принцип человеческой деятельности — закон, который для политической экономии является тем же, чем закон всемирного тяготения для физики, — заключается в том, что люди стремятся удовлетворять свои желания с наименьшими усилиями. Очевидно, что этот принцип должен привести к равенству, посредством конкуренции, которую он вызывает, вознаграждения, получаемого равными усилиями при сходных обстоятельствах. Когда люди работают на себя, на это выравнивание будет в значительной степени влиять уравнение цен; и между теми, кто работает на себя, и теми, кто работает на других, будет действовать одна и та же тенденция к выравниванию. Итак, согласно этому принципу, каковы будут условия, на которых один человек в условиях свободы сможет нанимать других работать на него? Очевидно, что они будут определяться тем, что мужчины могли бы заработать, если бы работали на себя. Принцип, который не позволит ему давать что-либо сверх этого, за исключением того, что необходимо для стимулирования изменений, также не позволит им брать меньше. Если бы они требовали больше, конкуренция других помешала бы им получить работу. Если бы он предложил меньше, никто бы не принял его условия, поскольку они могли бы добиться больших результатов, работая на себя. Таким образом, хотя работодатель желает платить как можно меньше, а работник получать как можно больше, заработная плата будет определяться стоимостью или продуктом такого труда для самих работников. Если заработная плата временно переносится либо выше, либо ниже этой черты, возникает тенденция к немедленному возвращению ее обратно.

Но результат, или заработок за труд, как это легко видеть в тех первичных и фундаментальных занятиях, в которых труд проявляется впервые и которые даже при наиболее высокоразвитом состоянии общества все еще составляют основу производства, зависит не только от интенсивности или качества самого труда. Богатство - это продукт двух факторов, земли и труда, и то, что даст данное количество труда, будет варьироваться в зависимости от силы природных возможностей, к которым оно применяется. В таком случае принцип, согласно которому люди стремятся удовлетворять свои желания с наименьшими усилиями, установит заработную плату на уровне продукта такого труда в точке наивысшей естественной производительности, доступной для него. Теперь, в силу того же принципа, высшая точка естественной продуктивности, открытая для труда при существующих условиях, будет самой низкой точкой,

на которой продолжается производство, поскольку люди, побуждаемые высшим законом человеческого разума добиваться удовлетворения своих желаний с наименьшими усилиями, не будут затрачивать труд на более низкой точке продуктивности, пока для них открыта более высокая. Таким образом, заработная плата, которую должен выплачивать работодатель, будет измеряться низшей точкой естественной производительности, до которой простирается производство, и заработная плата будет расти или падать по мере повышения или понижения этой точки.

Для иллюстрации: в простом обществе каждый человек, как и при первобытном образе жизни, работает сам на себя — кто-то, скажем, на охоте, кто-то на рыбной ловле, кто-то на обработке земли. Мы предположим, что обработка только началась, и вся используемая земля одинакового качества, дающая одинаковую отдачу от аналогичных усилий. Следовательно, заработная плата — ибо, хотя нет ни работодателя, ни нанятого, заработная плата все же есть — будет полным продуктом труда, и, принимая во внимание разницу в приятности, риске и т.д. В трех видах деятельности, они будут в среднем равны в каждом из них, то есть равные усилия приведут к равным результатам. Теперь, если кто-то из их числа желает нанять кого-то из своих товарищей работать на него, а не на себя, он должен платить заработную плату, установленную этим полным средним продуктом труда.

Пусть пройдет некоторое время. Возделывание расширилось, и вместо земель того же качества оно охватывает земли другого качества. Заработная плата теперь не будет, как раньше, средним продуктом труда. Это будет средний продукт труда на границе возделывания, или точка наименьшей отдачи. Ибо, поскольку люди стремятся удовлетворить свои желания с наименьшими возможными усилиями, точка наименьшей отдачи в земледелии должна приносить труду отдачу, эквивалентную средней отдаче в охоте и рыболовстве.³⁷ Труд больше не будет приносить равную отдачу за равные усилия, но те, кто тратит свой труд на лучшей земле, получают больший продукт за те же усилия, чем те, кто обрабатывает землю низкого качества. Заработная плата, однако, все равно будет равной, ибо этот избыток, который получают земледельцы с лучшей земли, в действительности является рентой, и если земля перешла в индивидуальную собственность, это придаст ей стоимость. Теперь, если при этих изменившихся обстоятельствах один из членов этого сообщества пожелает нанять других для работы на себя, ему придется платить только столько, сколько дает труд на самой низкой стадии возделывания. Если после этого границы возделывания опускаются до уровней все более низкой производительности, то и заработная плата должна снижаться; если, наоборот, она повышается, то и заработная плата должна повышаться; ибо точно так же, как свободное тело стремится выбрать кратчайший путь к центру земли, так и люди ищут самый легкий способ удовлетворения своих желаний.

Итак, здесь мы имеем закон заработной платы как вывод из принципа, наиболее очевидного и универсального. То, что заработная плата зависит от пределов возделывания — что она будет больше или меньше в зависимости от того, больше или меньше продукт, который рабочая сила может получить при максимальных природных возможностях, открытых для нее, вытекает из принципа, согласно которому люди будут стремиться удовлетворять свои потребности с наименьшими усилиями.

Теперь, если мы обратимся от простых социальных состояний к сложным явлениям высокоцивилизованных обществ, мы обнаружим при рассмотрении, что они также подпадают под действие этого закона.

В таких обществах заработная плата сильно различается, но они все же имеют более или менее определенную и очевидную связь друг с другом. Это соотношение не является неизменным, поскольку в одно время известный философ может зарабатывать своими лекциями во много раз больше жалованья лучшего механика, а в другое время едва ли может надеяться на жалованье лакея; например, в большом городе занятия могут приносить относительно высокую заработную плату, которая в новом населенном пункте была бы относительно низкой; однако эти различия между заработной платой могут быть при любых условиях и, несмотря на произвольные расхождения, вызванные обычаями, законами и т.д., объясняются определенными обстоятельствами. В одной из своих наиболее интересных глав Адам Смит таким образом перечисляет основные обстоятельства, “которые компенсируют небольшую денежную выгоду в одних занятиях и уравнивают большую в других: во-первых, приятность или нежелательность самих занятий. Во-вторых, легкость и дешевизна или трудность и дороговизна их изучения. В-третьих, постоянство или непостоянство занятий ими. В-четвертых, малое или большое доверие, которое должно быть оказано им. В-пятых, вероятность или невероятность успеха в них”.³⁸ Нет необходимости подробно останавливаться на этих причинах различий в заработной плате между различными видами деятельности. Они были превосходно объяснены и проиллюстрированы Адамом Смитом и последовавшими за ним экономистами, которые хорошо проработали детали, даже если им не удалось понять основной закон.

Влияние всех обстоятельств, которые приводят к различиям в заработной плате в разных профессиях, может быть включено как спрос и предложение, и совершенно правильно будет сказать, что заработная плата в разных профессиях будет относительно различаться в соответствии с различиями в спросе и предложении рабочей силы - подразумевая под спросом потребность общества в целом в услугах определенного вида, а под предложением - относительное количество рабочей силы, которое при существующих условиях может быть определено для выполнения этих конкретных услуг. Но хотя это верно в отношении относительных различий в заработной плате, когда говорят, как это обычно говорят, что общий уровень заработной платы определяется спросом и предложением, эти слова не имеют смысла. Ибо спрос и предложение - это всего лишь относительные понятия. Предложение рабочей силы может означать только рабочую силу, предлагаемую в обмен на рабочую силу или продукт труда, а спрос на рабочую силу может означать только рабочую силу или продукт труда, предлагаемый в обмен на рабочую силу. Таким образом, предложение - это спрос, а спрос - предложение, и во всем сообществе одно должно быть сосуществующим с другим. Это ясно понимается современной политической экономией в отношении продаж, и рассуждения Рикардо, Милля и других, которые доказывают, что изменения в спросе и предложении не могут вызвать общего повышения или понижения стоимости, хотя они могут вызвать повышение или понижение стоимости конкретной вещи, в равной степени применимы и к труду. Что скрывает абсурдность общих рассуждений о спросе и предложении применительно к труду, так это привычка рассматривать спрос на труд как проистекающий из капитала и как нечто отличное от труда; но анализ, которому эта идея подвергалась до сих пор, в достаточной степени показал ее ошибочность. Действительно, из простого утверждения очевидно, что заработная плата никогда не может постоянно превышать продукт труда и, следовательно, что нет фонда, из

которого заработная плата могла бы извлекаться в течение какого-либо времени, за исключением того, что постоянно создается трудом.

Но, хотя все обстоятельства, вызывающие различия в заработной плате между профессиями, можно рассматривать как действующие через спрос и предложение, они, или, скорее, их следствия, поскольку иногда одна и та же причина действует обоими способами, могут быть разделены на два класса в зависимости от того, ведут ли они только к повышению кажущейся заработной платы или к повышению реальной заработной платы, то есть к увеличению среднего вознаграждения за равный труд. Высокая заработная плата в некоторых профессиях во многом напоминает то, с чем их сравнивает Адам Смит, - выигрыши в лотерее, в которой крупный выигрыш одного человека складывается из потерь многих других. Это верно не только для профессий, с помощью которых доктор Смит иллюстрирует принцип, но в значительной степени верно и для заработной платы суперинтендантов в сфере торговли, о чем свидетельствует тот факт, что более девяноста процентов. большинство коммерческих фирм, которые начинают бизнес, в конечном счете терпят крах. Более высокая заработная плата на тех работах, которые могут выполняться только при определенных погодных условиях или иным образом непостоянны и неопределенны, также относится к этому классу; в то время как различия, возникающие из-за лишений, дискредитации, нездоровья и т.д., предполагают различия в жертвенности, повышенная компенсация за которые лишь сохраняет уровень равной отдачи при равных усилиях. Все эти различия, по сути, являются уравнениями, возникающими из обстоятельств, которые, используя слова Адама Смита, "компенсируют небольшую денежную выгоду в одних сферах деятельности и уравнивают большую в других". Но, помимо этих чисто кажущихся различий, существуют реальные различия в заработной плате между профессиями, которые вызваны большей или меньшей редкостью требуемых качеств — больших способностей или навыков, природных или приобретенных, требующих в среднем большей заработной платы. Итак, эти качества, естественные или приобретенные, по существу аналогичны различиям в силе и скорости в ручном труде, и как в ручном труде более высокая заработная плата, выплачиваемая человеку, который может делать больше, будет основываться на заработной плате, выплачиваемой тем, кто может выполнять только среднюю работу, так и заработная плата в профессиях, требующих более высоких способностей и мастерства, должна зависеть от обычной заработной платы, выплачиваемой за обычные способности и мастерство.

Действительно, из наблюдений, как и должно быть из теории, очевидно, что каковы бы ни были обстоятельства, вызывающие различия в заработной плате в различных профессиях, и хотя они часто варьируются по отношению друг к другу, производя, как во времени, так и в разных местах, большие или меньшие относительные различия, все же уровень заработной платы в одной профессии всегда зависит от уровня заработной платы в другой, и так далее, вплоть до достижения самого низкого и широкого слоя заработной платы в профессиях, где спрос более однороден и где существует наибольшая свобода занятий.

Ибо, хотя могут существовать барьеры большей или меньшей сложности, количество труда, которое может быть определено для любого конкретного занятия, нигде не является абсолютно фиксированным. Все механики может выступать в качестве батраков и чернорабочих может легко стать механики; все кладовщики могут выступать в качестве продавцов, и многие владельцы магазинов могут легко стать кладовщиками; многие фермеры, после побуждения, становятся охотники и добытчики, рыбаки или моряки, и многие охотники, добытчики, рыбаки, и

моряки знают достаточно фермаИнг превратить свои руки к нему на спрос. В каждой профессии есть люди, которые объединяют ее с другими или чередуют занятия, в то время как молодые люди, которые постоянно приходят, чтобы пополнить ряды трудящихся, тянутся в направлении сильнейших стимулов и наименьшего сопротивления. И более того, все градации заработной платы незаметно переходят друг в друга, вместо того чтобы быть разделенными четко очерченными пропастями. Заработная плата даже низкооплачиваемых механиков, как правило, выше, чем заработная плата простых чернорабочих, но всегда есть механики, которые в целом зарабатывают не так много, как некоторые чернорабочие; наиболее высокооплачиваемые юристы получают гораздо более высокую заработную плату, чем наиболее высокооплачиваемые клерки, но наиболее высокооплачиваемые клерки зарабатывают больше, чем некоторые юристы, и фактически наихудшие высокооплачиваемые клерки зарабатывают больше, чем наихудшие высокооплачиваемые юристы. Таким образом, на пороге каждого занятия стоят те, для кого стимулы между одним занятием и другим настолько хорошо сбалансированы, что малейшего изменения достаточно, чтобы направить их труд в ту или иную сторону. Таким образом, любое увеличение или уменьшение спроса на труд определенного вида не может, за исключением временного, ни повысить заработную плату в этой профессии выше, ни опустить ее ниже относительного уровня с заработной платой в других профессиях, который определяется обстоятельствами, о которых говорилось ранее, такими как относительная приятность или непрерывность занятости и т.д. Даже, как показывает опыт, там, где этому взаимодействию воздвигаются искусственные барьеры, такие как ограничивающие законы, правила гильдии, установление касты и т.д., Они могут мешать поддержанию этого равновесия, но не могут помешать ему. Они действуют только как плотины, которые удерживают воду в ручье выше его естественного уровня, но не могут предотвратить ее перелив.

Таким образом, хотя они могут время от времени меняться по отношению друг к другу по мере изменения обстоятельств, определяющих относительные уровни, все же очевидно, что заработная плата во всех слоях должна в конечном счете зависеть от заработной платы в самом низком и широком слое — от общего уровня повышения или падения заработной платы по мере их повышения или понижения.

Итак, первичными и основными занятиями, на которых, так сказать, строятся все остальные, очевидно, являются те, которые добывают богатство непосредственно из природы; следовательно, закон заработной платы в них должен быть общим законом заработной платы. И поскольку заработная плата в таких профессиях явно зависит от того, что может произвести труд на низшей ступени естественной производительности, к которой он обычно применяется; следовательно, заработная плата обычно зависит от предела обработки почвы или, выражаясь более точно, от высшей ступени естественной производительности, к которой труд может свободно применяться без уплаты ренты.

Этот закон настолько очевиден, что его часто воспринимают, не осознавая. О таких странах, как Калифорния и Невада, часто говорят, что дешевая рабочая сила оказала бы огромную помощь их развитию, поскольку позволила бы разрабатывать более бедные, но наиболее обширные месторождения руды. Те, кто говорит таким образом, понимают связь между низкой заработной платой и низкой точкой производства, но они переворачивают причину и следствие. Не низкая заработная плата приведет к разработке низкосортной руды, а расширение производства до более низкой точки, что приведет к снижению заработной платы. Если бы заработную плату можно было произвольно снизить, как это иногда пытались сделать по закону, то более бедные

шахты не работали бы до тех пор, пока можно было бы работать на более богатых шахтах. Но если бы маржа производства была произвольно снижена, как это могло бы быть, если бы высшие природные возможности находились в собственности тех, кто предпочел скорее дожидаться будущего увеличения стоимости, чем позволить использовать их сейчас, заработная плата неизбежно упала бы.

Демонстрация завершена. Закон заработной платы, полученный нами таким образом, есть тот, который мы получили ранее как следствие закона ренты, и он полностью согласуется с законом процента. Дело в том, что:

Заработная плата зависит от производственной нормы, или от продукта, который рабочая сила может получить на высшей доступной ей ступени естественной производительности без уплаты ренты.

Этот закон заработной платы согласуется с универсальными фактами, которые без его понимания кажутся несвязанными и противоречивыми, и объясняет их. Он показывает, что:

Там, где земля свободна, а труд не поддерживается капиталом, весь продукт будет поступать рабочему в качестве заработной платы.

Там, где земля свободна, а труду помогает капитал, заработная плата будет состоять из всего продукта за вычетом той части, которая необходима для накопления труда в качестве капитала.

Там, где земля является предметом собственности и возникает арендная плата, заработная плата будет определяться тем, что труд мог бы получить за счет наивысших природных возможностей, открытых для него без уплаты арендной платы.

Там, где все природные возможности монополизированы, заработная плата может быть доведена конкуренцией между работниками до минимума, при котором работники согласятся воспроизводить себя.

Этот необходимый минимум заработной платы (который Смит и Рикардо называют точкой “естественной заработной платы”, а Милль предполагает, что он регулирует заработную плату, которая будет выше или ниже по мере того, как рабочие классы соглашаются воспроизводиться при более высоком или более низком уровне комфорта), однако, включен в закон заработной платы, как указывалось ранее, поскольку очевидно, что предел производства не может упасть ниже той точки, при которой в качестве заработной платы останется достаточно для обеспечения содержания рабочей силы.

Подобно закону ренты Рикардо, следствием которого он является, этот закон заработной платы несет в себе свое собственное доказательство и становится самоочевидным из простого утверждения. Ибо это всего лишь применение центральной истины, лежащей в основе экономических рассуждений, — что люди будут стремиться удовлетворить свои желания с наименьшими усилиями. Учитывая все обстоятельства, средний человек не будет работать на работодателя за меньшую плату, чем он может заработать, работая на себя; и все же он не будет работать на себя за меньшую плату, чем он может заработать, работая на работодателя, и, следовательно, отдача, которую труд может обеспечить от таких естественных возможностей, которые ему предоставляются, должна определять заработную плату, которую трудящиеся получают повсюду. Иными словами, линия ренты является необходимой мерой линии

заработной платы. Фактически, общепринятый закон ренты зависит в своем признании от предшествующего, хотя во многих случаях это кажется бессознательным, принятия этого закона заработной платы. Что делает очевидным, что земля определенного качества будет приносить в виде ренты излишек ее продукции по сравнению с продукцией наименее продуктивной используемой земли, так это осознание того факта, что владелец земли более высокого качества может обеспечить рабочую силу для обработки своей земли за плату того, что этот труд мог бы произвести, если бы был применен к земле более низкого качества.

В своих более простых проявлениях этот закон заработной платы признается людьми, которые не заботятся о политической экономии, точно так же, как тот факт, что тяжелое тело упадет на землю, давно признан теми, кто никогда не задумывался о законе всемирного тяготения. Не нужно быть философом, чтобы понять, что если бы в какой-либо стране открылись естественные возможности, которые позволили бы рабочим получать себе заработную плату выше самой низкой, выплачиваемой в настоящее время, общий уровень заработной платы повысился бы; в то время как самые невежественные и глупые из старателей россыпей ранней Калифорнии знали, что по мере того, как россыпи истощаются или монополизированы, заработная плата должна падать. Не требуется продуманной теории, чтобы объяснить, почему заработная плата так высока по сравнению с производством в новых странах, где земля еще не монополизирована. Причина лежит на поверхности. Один человек не будет работать на другого за меньшую сумму, чем его труд действительно принесет, когда он сможет перейти на следующий участок и заняться фермой для себя. Только по мере того, как земля становится монополизированной и эти естественные возможности закрываются для труда, рабочие вынуждены конкурировать друг с другом за трудоустройство, и для фермера становится возможным нанимать рабочих для выполнения своей работы, в то время как он живет за счет разницы между тем, что производит их труд, и тем, что он им за это платит.

Сам Адам Смит видел причину высокой заработной платы там, где земля все еще была открыта для заселения, хотя и не смог оценить важность и взаимосвязь этого факта. Рассуждая о причинах процветания новых колоний (глава VII, книга IV “Богатство наций”), он говорит:

“Каждый колонист получает больше земли, чем он может обработать. У него нет арендной платы и почти нет налогов, которые он должен платить. Поэтому Он стремится собрать рабочих со всех концов света и платить им самую щедрую заработную плату. Но эта щедрая заработная плата в сочетании с изобилием и дешевизной земли вскоре заставляет этих работников покинуть его, чтобы самим стать землевладельцами и столь же щедро вознаграждать других работников, которые вскоре покидают их по той же причине, по которой они покинули своих первых хозяев”.

Эта глава содержит многочисленные выражения, которые, подобно вступительному предложению главы о заработной плате, показывают, что Адам Смит не смог оценить истинные законы распределения богатства только потому, что отвернулся от более примитивных форм общества, чтобы искать первопричины среди сложных социальных проявлений, где он был ослеплен заранее принятой теорией функций капитала и, как мне кажется, смутным принятием доктрины, которая через два года после его смерти была сформулирована Мальтусом. И невозможно читать работы экономистов, которые со времен Смита пытались построить и разъяснить науку политической экономии, не видя, как снова и снова они спотыкаются о закон заработной платы, ни разу не признав его. И все же, “если бы это была собака, она бы их

укусила!” Действительно, трудно удержаться от импрессионизма, что некоторые из них действительно видел этот закон заработной платы, но, опасаясь практические выводы, к которым это приведет, предпочитали игнорировать и скрывать это, а не использовать его как ключ к проблемам, которые без него так, недоумение. Великая истина для эпохи, которая отвергла и растоптала ее, - это не слово мира, а меч!

Возможно, прежде чем закрыть эту главу, следует напомнить читателю о том, что было сказано ранее, — что я использую слово "заработная плата" не в смысле количества, а в смысле пропорции. Когда я говорю, что заработная плата падает по мере повышения ренты, я не имею в виду, что количество богатства, получаемого рабочими в виде заработной платы, обязательно меньше, но что соотношение, которое оно составляет ко всему продукту, обязательно меньше. Пропорция может уменьшаться, в то время как количество остается прежним или даже увеличивается. Если предел обработки снижается от продуктивной точки, которую мы назовем 25, до продуктивной точки, которую мы назовем 20, рента со всех земель, на которых до этого выплачивалась рента, увеличится на эту разницу, и доля всего продукта, который поступает рабочим в качестве заработной платы, в той же степени уменьшится; но если тем временем развитие искусств или экономики, которые становятся возможными при увеличении численности населения, настолько увеличат производительную силу труда, что при 20 тех же усилиях будет производиться столько же богатства, сколько раньше, при 25 рабочие будут получать в качестве заработной платы такое же большое количество, как и раньше, и относительное падение снижения заработной платы не будет заметно ни в каком уменьшении предметов первой необходимости или удобств рабочего, а только в увеличении стоимости земли и более высоких доходах и более щедрых расходах класса, получающего ренту.

ГЛАВА VII.

СООТНОШЕНИЕ И КООРДИНАЦИЯ ЭТИХ ЗАКОНОВ.

Выводы, к которым мы пришли относительно законов, управляющих распределением богатства, пересматривают большую и наиболее важную часть науки политической экономии в том виде, в каком она преподается в настоящее время, опровергая некоторые из ее наиболее тщательно разработанных теорий и проливая новый свет на некоторые из ее наиболее важных проблем. Тем не менее, при этом не было затронуто ни одной спорной темы; не было выдвинуто ни одного фундаментального принципа, который уже не был бы признан.

Закон процента и закон заработной платы, которые мы заменили теми, которым сейчас учат, являются необходимыми выводами из великого закона, который единственный делает возможной любую науку политической экономии, — непреодолимого закона, который так же неотделим от человеческого разума, как притяжение неотделимо от материи, и без которого было бы невозможно предвидеть или рассчитать любое человеческое действие, самое тривиальное или самое важное. Этот фундаментальный закон, гласящий, что люди стремятся удовлетворять свои желания с наименьшими усилиями, становится, если рассматривать его применительно к одному из факторов производства, законом ренты; по отношению к другому -

законом процента; и по отношению к третьему - законом заработной платы. И принимая закон ренты, который со времен Рикардо был принят каждым экономистом с положением в экономике и который, подобно геометрической аксиоме, нужно только понять, чтобы заставить согласиться, закон процента и закон заработной платы, как я их изложил, логически принимаются как его необходимые последовательности. На самом деле, лишь относительно их можно назвать последовательностями, поскольку при признании закона ренты они тоже должны быть признаны. Ибо от чего зависит признание закона о ренте? Очевидно, при признании того факта, что эффект конкуренции заключается в предотвращении того, чтобы отдача от труда и капитала была где-либо большей, чем на самой бедной земле, находящейся в пользовании. Рассматривая это, мы видим, что собственник земли сможет требовать в качестве ренты весь свой продукт, который превышает то, что было бы получено при равном применении труда и капитала на самой бедной земле, находящейся в пользовании.

Гармония и корреляция законов распределения в том виде, в каком мы их сейчас понимаем, разительно контрастируют с отсутствием гармонии, которая характеризует эти законы в том виде, в каком они представлены современной политической экономией. Давайте изложим их рядом:

Текущее утверждение.

Рента зависит от пределов возделывания, повышаясь по мере ее уменьшения и падая по мере ее повышения.

Заработная плата зависит от соотношения между количеством рабочих и объемом капитала, затраченного на их трудоустройство.

Процент зависит от соотношения между предложением капитала и спросом на него; или, как сказано о прибыли, от заработной платы (или стоимости рабочей силы), повышающейся по мере снижения заработной платы и падающей по мере повышения заработной платы.

Истинное утверждение.

Рента зависит от пределов возделывания, повышаясь по мере ее уменьшения и падая по мере ее повышения.

Заработная плата зависит от рентабельности производства, падая по мере ее падения и повышаясь по мере ее роста.

Процент (его соотношение с заработной платой определяется чистой способностью к увеличению, присущей капиталу) зависит от рентабельности производства, падая по мере ее падения и повышаясь по мере ее повышения.

Согласно общепринятому утверждению, законы распределения не имеют общего центра, не связаны друг с другом; они являются не коррелирующими подразделениями целого, а мерами различных качеств. В приведенном нами утверждении они исходят из одной точки, поддерживают и дополняют друг друга и образуют взаимосвязанные подразделения целостного целого.

ГЛАВА VIII.

ТАКИМ ОБРАЗОМ ОБЪЯСНЯЕТСЯ СТАТИКА ПРОБЛЕМЫ.

Теперь мы получили ясную, простую и непротиворечивую теорию распределения богатства, которая согласуется с основными принципами и существующими фактами и которая, когда ее поймут, будет считаться самоочевидной.

Прежде чем разрабатывать эту теорию, я счел необходимым убедительно показать несостоятельность существующих теорий; ибо в мыслях, как и в действиях, большинство людей всего лишь следуют за своими лидерами, и теория заработной платы, которая пользуется поддержкой не только самых высокопоставленных лиц, но и прочно укоренена в общепринятых мнениях и предрассудках, будет, пока ее несостоятельность не будет доказана, препятствовать даже рассмотрению какой-либо другой теории, точно так же, как теория о том, что земля была центром вселенной, препятствовала рассмотрению теории о том, что она вращается вокруг своей оси и обращается вокруг солнца, пока она не была доказана. Ясно показано, что видимые движения небесных тел не могут быть объяснены в соответствии с теорией неподвижности земли.

На самом деле существует заметное сходство между наукой политической экономии, как она преподается в настоящее время, и наукой астрономии, как она преподавалась до признания теории Коперника. Приемы, с помощью которых современная политическая экономия пытается объяснить социальные явления, которые сейчас привлекают внимание цивилизованного мира, вполне можно сравнить с тщательно разработанной системой циклов и эпициклов, сконструированных учеными для объяснения небесных явлений в соответствии с догмами авторитета и грубыми впечатлениями и предрассудками необразованных людей. И точно так же, как наблюдения, показавшие, что эта теория циклов и эпициклов не может объяснить все небесные явления, расчистили путь для рассмотрения более простой теории, которая заменила ее, так и признание неадекватности существующих теорий для объяснения социальных явлений расчистит путь для рассмотрения теории, которая придаст политической экономии всю простоту и гармонию, которые теория Коперника придала астрономической науке.

Но на этом параллель прекращается. То, что “неподвижная и непоколебимая земля” действительно должна вращаться в пространстве с непостижимой скоростью, противоречит первым представлениям людей в любом государстве и ситуации; но истина, которую я хочу прояснить, естественно воспринимается и была признана в младенчестве каждого народа, будучи затемненной только сложностями цивилизованного состояния, извращениями эгоистичных интересов и ложным направлением, которое приняли спекуляции ученых. Чтобы осознать это, нам нужно всего лишь вернуться к первым принципам и прислушаться к простым представлениям. Ничто не может быть яснее предположения, что неспособность заработной платы увеличиваться с увеличением производительной силы обусловлена увеличением ренты.

Производство связано с тремя вещами — трудом, капиталом и землей.

Продукт делят три стороны — рабочий, капиталист и землевладелец.

Если с увеличением производства рабочий ничего не получает и капиталист тоже, то необходимо сделать вывод, что землевладелец пожинает всю прибыль.

И факты согласуются с этим выводом. Хотя ни заработная плата, ни проценты нигде не увеличиваются по мере продвижения материального прогресса, тем не менее неизменным сопровождением и признаком материального прогресса является увеличение ренты — повышение стоимости земли.

Увеличение ренты объясняет, почему заработная плата и процент не увеличиваются. Причина, которая дает землевладельцу, является причиной, которая отказывает рабочему и капиталисту. Заработная плата и проценты в новых странах выше, чем в старых, как говорят стандартные экономисты, не потому, что природа приносит большую отдачу от применения труда и капитала, а потому, что земля дешевле, и, следовательно, поскольку меньшую долю отдачи забирает рента, труд и капитал могут оставлять себе большую долю того, что действительно приносит природа. Не весь продукт, а чистый продукт после изъятия из него ренты определяет то, что может быть разделено на заработную плату и процент. Следовательно, норма заработной платы и процента повсюду определяется не столько производительностью труда, сколько стоимостью земли. Там, где стоимость земли относительно низка, заработная плата и проценты относительно высоки; там, где стоимость земли относительно высока, заработная плата и проценты относительно низки.

Если бы производство не прошло простую стадию, на которой весь труд непосредственно применяется к земле и вся заработная плата выплачивается ее продукцией, нельзя было бы упустить из виду тот факт, что, когда землевладелец забирает большую часть, рабочий должен мириться с меньшей.

Но сложности производства в цивилизованном государстве, в котором столь значительная часть приходится на обмен, и так много труда затрачивается на материалы после того, как они были отделены от земли, хотя они и могут бездумно маскироваться, не меняют того факта, что все производство по-прежнему является союзом двух факторов, земли и труда, и что рента (доля землевладельца) не может быть увеличена иначе, как за счет заработной платы (доля рабочего) и процента (доля капитала). Подобно тому, как часть урожая, которую при более простых формах промышленной организации владелец сельскохозяйственной земли получает в конце сбора урожая в качестве арендной платы, уменьшает сумму, остающуюся земледельцу в виде заработной платы и процентов, так и аренда земли, на которой построен промышленный город, уменьшает сумму, которая может быть разделена в виде заработной платы и процентов между рабочим и капиталом, занятым в производстве и обмене богатства.

Короче говоря, стоимость земли полностью зависит от власти, которую дает владение ею для присвоения богатства, созданного трудом, увеличение стоимости земли всегда происходит за счет стоимости труда. И, следовательно, то, что увеличение производительной силы не увеличивает заработную плату, объясняется тем, что оно увеличивает стоимость земли. Рента поглощает всю прибыль, а пауперизм сопровождает прогресс.

Нет необходимости ссылаться на факты. Они сами придут к читателю. Это общий факт, наблюдаемый повсюду, что по мере роста стоимости земли возрастает и контраст между богатством и нуждой. Общеизвестным фактом является то, что там, где ценность земли наиболее высока, цивилизация демонстрирует величайшую роскошь бок о бок с самой жалкой нищетой. Чтобы увидеть людей в самом жалком, самом беспомощном и безнадежном

состоянии, вы должны отправиться не в неогороженные прерии и бревенчатые хижины на новых полянах в лесной глуши, где человек в одиночку начинает борьбу с природой, а земля еще ничего не стоит, но в большие города, где владение небольшим клочком земли - целое состояние.

КНИГА IV. ВЛИЯНИЕ МАТЕРИАЛЬНОГО ПРОГРЕССА НА РАСПРЕДЕЛЕНИЕ БОГАТСТВА.

ГЛАВА I. ДИНАМИКА ПРОБЛЕМЫ, КОТОРУЮ ЕЩЕ ПРЕДСТОИТ ВЫЯСНИТЬ.

ГЛАВА II. ВЛИЯНИЕ УВЕЛИЧЕНИЯ ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ НА РАСПРЕДЕЛЕНИЕ
БОГАТСТВА.

ГЛАВА III. ВЛИЯНИЕ ДОСТИЖЕНИЙ В ИСКУССТВЕ НА РАСПРЕДЕЛЕНИЕ БОГАТСТВА.

ГЛАВА IV. ВЛИЯНИЕ ОЖИДАНИЙ, ВЫЗВАННЫХ МАТЕРИАЛЬНЫМ ПРОГРЕССОМ.

До сих пор остается сомнительным, что все сделанные до сих пор механические изобретения облегчили повседневный труд любого человека.—*Джон Стюарт Милль.*

Вы слышите, как плачут дети, о братья мои,

Разве печаль не приходит с годами?

Они склоняют свои юные головки к своим матерям,

И *это* не может остановить их слез.

Молодые ягнята блеют на лугах;

Птенцы щебечут в гнезде;

Молодые оленята играют с тенями;

Молодые цветы уносятся на запад —

Но юные, юные дети, о, братья мои,

Они горько плачут!

Они плачут во время игр других,

В стране свободных.

ГЛАВА I.

ДИНАМИКУ ПРОБЛЕМЫ ЕЩЕ ПРЕДСТОИТ ВЫЯСНИТЬ.

Определяя ренту как получатель увеличенного производства, которое дает материальный прогресс, но которого труд не может получить; видя, что антагонизм интересов существует не между трудом и капиталом, как принято считать, а в действительности между трудом и капиталом, с одной стороны, и земельной собственностью - с другой, мы пришли к выводу, который имеет важнейшее практическое значение. Но сейчас не стоит останавливаться на них, поскольку мы еще не полностью решили проблему, которая была предложена с самого начала. Утверждать, что заработная плата остается низкой из-за роста арендной платы, все равно что утверждать, что пароход движется, потому что его колеса вращаются. Следующий вопрос заключается в том, что заставляет арендную плату расти? Что это за сила или необходимость, которая по мере увеличения производительной силы распределяет все большую и большую долю продукта в виде ренты?

Единственная причина, указанная Рикардо в качестве возрастающей ренты, - это увеличение населения, которое, требуя больших запасов продовольствия, делает необходимым распространение обработки на неполюценные земли или на места низшего производства на тех же землях, а в современных работах других авторов внимание настолько сосредоточено исключительно на распространении производства с лучших земель на неполюценные как причине повышения ренты, что м-р Кэри (вслед за профессором Перри и другими) вообразил, что он опроверг рикардианскую теорию ренты, отрицая, что прогресс сельского хозяйства происходит с лучших земель на худшие.³⁹

Итак, хотя бесспорно верно, что растущее давление населения, которое вынуждает прибегать к более низким точкам производства, повысит ренту, и она действительно повышается, я не думаю, что все выводы, обычно делаемые из этого принципа, справедливы, равно как и то, что он полностью объясняет увеличение ренты по мере продвижения материального прогресса. Очевидно, существуют и другие причины, которые сговариваются повышать ренту, но которые, по-видимому, были полностью или частично скрыты сложившимися ошибочными взглядами на функции капитала и генезис заработной платы. Чтобы понять, что это такое и как они действуют, давайте проследим влияние материального прогресса на распределение богатства.

Изменений, которые составляют материальный прогресс или способствуют ему, три: (1) увеличение численности населения; (2) усовершенствования в искусстве производства и обмена; и (3) улучшения в знаниях, образовании, правительстве, полиции, манерах и морали, поскольку они увеличивают способность производить богатство. Материальный прогресс, как его принято понимать, состоит из этих трех элементов или направлений прогресса, во всех из которых прогрессивные нации в течение некоторого времени продвигались вперед, хотя и в

разной степени. Поскольку, рассматриваемые в свете материальных сил или экономики, рост знаний, улучшение управления и т.д. Имеют тот же эффект, что и улучшения в искусстве, с этой точки зрения нет необходимости рассматривать их отдельно. Какое отношение интеллектуальный или моральный прогресс просто как таковой имеет к нашей проблеме, мы можем рассмотреть позже. В настоящее время мы имеем дело с материальным прогрессом, которому эти вещи способствуют только по мере увеличения силы, производящей богатство, и увидим их последствия, когда увидим результаты улучшений в искусстве.

Чтобы установить влияние материального прогресса на распределение богатства, давайте, следовательно, рассмотрим влияние увеличения численности населения отдельно от совершенствования в искусстве, а затем влияние улучшения в искусстве отдельно от увеличения численности населения.

ГЛАВА II.

ВЛИЯНИЕ УВЕЛИЧЕНИЯ ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ НА РАСПРЕДЕЛЕНИЕ БОГАТСТВА.

Способ, которым растущее население увеличивает ренту, как объяснено и проиллюстрировано в современных трактатах, заключается в том, что возросший спрос на средства к существованию вынуждает производить продукцию на низших почвах или в низших производственных точках. Таким образом, если при данной численности населения рентабельность обработки составляет 30, то все земли с производительностью более 30 будут платить арендную плату. Если население удвоится, потребуется дополнительное предложение, которое не может быть получено без расширения возделывания, что приведет к тому, что земли будут приносить ренту, которая раньше не приносила ничего. Если увеличение будет до 20, то вся земля от 20 до 30 будет приносить арендную плату и иметь определенную стоимость, а вся земля старше 30 лет будет приносить повышенную арендную плату и иметь повышенную стоимость.

Именно здесь мальтузианская доктрина получает от текущих разъяснений теории ренты поддержку, о которой я говорил, перечисляя причины, которые в совокупности придали этой доктрине почти бесспорное влияние в современной мысли. Согласно мальтузианской теории, давление населения на средства к существованию становится все более сильным по мере увеличения численности населения, и хотя с каждым новым ртом в мире появляется две руки, новым рукам становится, выражаясь языком Джона Стюарта Милля, все труднее и труднее снабжать новые рты. Согласно теории ренты Рикардо, рента возникает из-за разницы в продуктивности используемых земель, и, как объяснил Рикардо и последовавшие за ним экономисты, повышение ренты, которое, как показывает опыт, сопровождает рост населения, вызвано неспособностью добывать больше продовольствия иначе, как по более высокой цене, что, таким образом, вынуждает маргинальное население перемещаться во все более низкие точки производства, соразмерно увеличивая ренту. Таким образом, две теории, как я уже объяснял ранее, гармонизируются и смешиваются, закон ренты становится всего лишь

специальным применением более общего закона, выдвинутого Мальтусом, а повышение ренты с увеличением численности населения - демонстрацией его непреодолимого действия. Я упоминаю об этом случайно, потому что теперь это мешает нам увидеть неправильное понимание, которое заручилось поддержкой доктрины ренты в теории, которой она в действительности не одобряет. Мальтузианская теория уже отброшена, и совокупное опровержение, которое предотвратит повторение давних сомнений, будет дано, когда будет показано далее, что явления, приписываемые давлению населения на средства к существованию, проявились бы при существующих условиях, если бы население оставалось постоянным.

Неправильное понимание, на которое я сейчас ссылаюсь и которое для правильного понимания влияния увеличения численности населения на распределение богатства необходимо прояснить, заключается в предположении, выраженном или подразумеваемом во всех современных рассуждениях по вопросу о ренте в связи с населением, что использование более низких точек производства влечет за собой меньший совокупный продукт пропорционально затраченному труду; хотя то, что это не всегда так, ясно признается в связи с улучшениями в сельском хозяйстве, которые, используя слова Милля, рассматриваются "как частичное ослабление уз, ограничивающих население". увеличение численности населения". Но это не задействовано даже там, где нет прогресса в искусстве, и обращение к более низким точкам производства, очевидно, является результатом возросшего спроса со стороны растущего населения. Ибо увеличение численности населения само по себе и без какого-либо прогресса в искусстве подразумевает увеличение производительной силы труда. Труд 100 человек, при прочих равных условиях, произведет гораздо более чем в сто раз больше, чем труд одного человека, а труд 1000 человек - гораздо более чем в десять раз больше, чем труд 100 человек; и, таким образом, с каждой дополнительной парой рук, которую приносит растущее население, происходит более чем пропорциональное увеличение производительной силы труда. Таким образом, с увеличением численности населения может возникнуть обращение к более низким естественным производительным силам, не только без какого-либо уменьшения среднего производства богатства по сравнению с трудом, но и без какого-либо уменьшения на самом низком уровне. Если население удвоить, земля с производительностью всего 20% может дать тому же количеству рабочей силы столько же, сколько раньше могла давать земля с производительностью 30%. Ибо не следует забывать (о чем часто забывают), что продуктивность земли или труда должна измеряться не чем-то одним, а всеми желаемыми вещами. Поселенец и его семья могут выращивать столько кукурузы на земле в сотне миль от ближайшего жилья, сколько они могли бы вырастить, будь их земля в центре густонаселенного района. Но в густонаселенном районе они могли бы с таким же трудом зарабатывать на жизнь с гораздо более бедной земли, или с земли такого же качества могли бы зарабатывать на жизнь так же хорошо, заплатив высокую арендную плату, потому что среди большого населения их труд стал бы более эффективным; возможно, не в производстве зерна, а в производстве богатства в целом — или в получении всех товаров и услуг, которые являются реальной целью их труда.

Но даже там, где наблюдается снижение производительности труда на самом низком уровне — то есть там, где растущий спрос на богатство привел производство к более низкому уровню естественной производительности, чем это может компенсировать увеличение рабочей силы за счет увеличения численности населения, — из этого не следует, что совокупное производство по сравнению с совокупным трудом уменьшилось.

Предположим, что качество земель снижается. Естественно, сначала заселялись бы лучшие, и по мере увеличения населения производство переходило бы на следующие земли более низкого качества, и так далее. Но поскольку рост населения, способствуя большей экономии, повышает эффективность труда, причина, по которой последовательно обрабатывались участки земли каждого качества, в то же время увеличивала количество богатства, которое мог бы произвести на них труд того же качества. Но это также сделало бы нечто большее — это увеличило бы способность производить богатство на всех превосходных землях, которые уже находятся в стадии обработки. Если бы количественные и качественные соотношения были таковы, что увеличение численности населения повышало эффективность труда быстрее, чем это вынуждало прибегать к менее продуктивным качествам земли, то, хотя рентабельность обработки снизилась бы, а рента повысилась бы, минимальная отдача от труда увеличилась бы. Иными словами, хотя заработная плата в пропорции упала бы, заработная плата в количественном отношении выросла бы. Среднее производство богатства увеличилось бы. Если бы отношения были такими, что повышение эффективности труда просто компенсировало снижение продуктивности земли по мере ее использования, результатом увеличения численности населения было бы увеличение арендной платы за счет снижения рентабельности обработки без количественного снижения заработной платы и увеличения среднего объема производства. Если мы теперь предположим, что население не продолжает увеличиваться, но разница между наихудшим качеством используемой земли и землей следующего более низкого качества настолько велика, что возросшая сила труда, которая приходит с увеличением численности населения, привлекающего ее к обработке, не может компенсировать ее, — минимальная отдача от труда сократится, и с повышением ренты заработная плата упадет не только пропорционально, но и количественно. Но если снижение качества земли не будет гораздо более резким, чем мы можем себе представить, или чем, я думаю, когда-либо существовало, среднее производство все равно будет увеличиваться, поскольку повышенная эффективность, возникающая из-за увеличения численности населения, которое вынуждает прибегать к земле более низкого качества, связана со всем трудом, и выигрыш от более высокого качества земли с лихвой компенсирует снижение производства от качества, полученного последней. Совокупное производство богатства по сравнению с совокупными затратами труда будет больше, хотя его распределение будет более неравномерным.

Таким образом, увеличение численности населения, поскольку оно способствует расширению производства до более низких естественных уровней, приводит к увеличению ренты и пропорциональному снижению заработной платы и может уменьшать, а может и не уменьшать заработную плату как величину; в то время как оно редко может и, вероятно, никогда не уменьшает совокупное производство богатства по сравнению с совокупными затратами труда, а, наоборот, увеличивает, и часто в значительной степени увеличивает его.

Но в то время как рост населения, таким образом, увеличивает ренту за счет уменьшения пределов возделывания, ошибочно рассматривать это как единственный способ увеличения ренты по мере роста населения. Рост населения увеличивает ренту, не уменьшая пределов возделывания; и, несмотря на изречения таких авторов, как Мак-Каллох, которые утверждают, что рента не возникла бы, если бы существовало неограниченное количество одинаково хороших земель, увеличивает ее безотносительно к природным качествам земли, поскольку возросшие возможности сотрудничества и обмена, которые приходят с увеличением населения, эквивалентны — нет, я думаю, мы можем сказать без метафор, что они дают — возросшей способности к землепользованию.

Я не хочу просто сказать, что, подобно усовершенствованию методов или орудий производства, возросшая мощность, которая приходит с увеличением численности населения, дает тому же труду повышенный результат, который эквивалентен увеличению естественной мощности земли; но что это выявляет превосходящую силу в труде, которая локализована на земле — которая присуща не труду вообще, а только труду, применяемому на конкретной земле; и которая, таким образом, присуща земле в той же степени, что и любые качества почвы, климата, залежей полезных ископаемых или природной ситуации, и переходит, как и они, вместе с владением землей. .

Усовершенствование метода возделывания, которое при тех же затратах даст два урожая в год вместо одного, или усовершенствование инструментов и машин, которое удвоит результат труда, очевидно, окажет на определенном участке земли такое же воздействие на продукт, как удвоение плодородия земли. Но разница заключается в следующем— усовершенствование метода или инструментов может быть использовано на любой земле; но повышение плодородия может быть использовано только на конкретной земле, к которой оно применяется. В настоящее время, по большей части, возросшая производительность труда, возникающая в результате увеличения численности населения, может быть использована только на определенной земле, и на определенной земле в весьма различной степени.

Давайте представим себе бескрайнюю саванну, простирающуюся в неизменном однообразии травы и цветов, деревьев и ручейков, пока путешественник не устанет от однообразия. Приближается фургон первого иммигранта. Где поселиться, он не может сказать — каждый акр кажется таким же хорошим, как и любой другой. Что касается дерева, воды, плодородия, ситуации, то здесь нет абсолютно никакого выбора, и он сбив с толку смущением, вызванным богатством. Устав от поисков одного места, которое было бы лучше другого, он останавливается — где—нибудь, где угодно - и начинает обустраивать себе дом. Почва девственная и плодородная, дичь в изобилии, в ручьях водится великолепная форель. Природа здесь на высоте. У него есть то, что, будь он в густонаселенном районе, сделало бы его богатым; но он очень беден. Не говоря уже о душевном порыве, который побудил бы его приветствовать самого жалкого незнакомца, он терпит все материальные неудобства одиночества. Он не может получить никакой временной помощи для какой-либо работы, требующей большего объединения сил, чем то, которое обеспечивает его собственная семья, или такой помощи, которую он может сохранить на постоянной основе. Хотя у него есть крупный рогатый скот, он не часто может получить свежее мясо, потому что, чтобы получить бифштекс, он должен зарезать быка. Он должен быть сам себе кузнецом, изготовителем фургонов, плотником и сапожником — короче говоря, “мастером на все руки и не мастером ни в одной”. Он не может обучать своих детей, потому что для этого он должен сам платить и содержать учителя. Те вещи, которые он не может произвести сам, он должен покупать в больших количествах и держать под рукой, иначе он может обойтись без них, потому что он не может постоянно бросать свою работу и совершать долгое путешествие на окраину цивилизации; и когда он вынужден это делать, получение пузырька с лекарством или замена сломанного шнека может стоить ему труда самого себя и лошадей в течение нескольких дней. При таких обстоятельствах, хотя природа плодородна, человек беден. Для него легко добыть достаточно еды; но помимо этого, его труда будет достаточно для удовлетворения только самых простых потребностей самым грубым способом.

Вскоре приезжает еще один иммигрант. Хотя каждый четвертый участок бескрайней равнины ничем не хуже любого другого, его не смущает, где поселиться. Хотя земля та же самая, есть

одно место, которое явно лучше для него, чем любое другое, и это место, где уже есть поселенец и у него может быть сосед. Он устраивается рядом с первым встречным, чье состояние сразу значительно улучшается и для которого теперь возможно многое из того, что раньше было невозможным, поскольку двое людей могут помогать друг другу делать то, что никогда не смог бы сделать один человек.

Приезжает еще один иммигрант и, руководствуясь тем же влечением, поселяется там, где их уже двое. Еще и еще, пока вокруг нашего первого встречного не окажется десяток соседей. Теперь Труд обладает эффективностью, к которой в одиночном состоянии он и приблизиться не мог. Если предстоит тяжелая работа, поселенцы перекатывают бревна и вместе за день выполняют то, на что поодиночке потребовались бы годы. Когда один убивает быка, другие забирают его часть, возвращаясь после того, как убьют, и, таким образом, у них все время есть свежее мясо. Вместе они нанимают школьного учителя, и дети каждого из них получают образование за ничтожную часть того, во что подобное обучение обошлось бы первому поселенцу. Отправить его в ближайший город становится сравнительно легко, потому что кто-то всегда едет. Но в таких поездках меньше необходимости. Кузнец и колесник вскоре открыли мастерские, и наш поселенец может ремонтировать свои инструменты за небольшую часть того труда, которого это стоило ему раньше. Открывается магазин, и он может получать то, что хочет, так, как он этого хочет; вскоре появилось почтовое отделение, обеспечивающее ему регулярную связь с остальным миром. Затем приходят сапожник, плотник, мастер по изготовлению сбури, врач; и вскоре возникает маленькая церковь. Становятся возможными удовлетворения, которые в уединенном состоянии были невозможны. Есть удовлетворение социальной и интеллектуальной природе — той части человека, которая возвышается над животным. Сила симпатии, чувство товарищества, умение сравнивать и контрастировать делают жизнь шире, полнее и разнообразнее. Радуюсь, есть кому радоваться; в печали скорбящие скорбят не одни. Есть и очищающие пчел, и очищающие яблоки, и вечеринки по шитью одеял. Хотя бальный зал не оштукатурен, а в оркестре играет только скрипка, ноты фокусника все еще звучат, и Купидон танцует с танцорами. На свадьбе есть те, кем можно восхищаться и наслаждаться; в доме смерти есть наблюдатели; у открытой могилы стоит человеческое сочувствие, чтобы поддержать скорбящих. Иногда приходит отставший лектор, чтобы приоткрыть завесу тайны мира науки, литературы или искусства; во время выборов приходят озадаченные ораторы, и гражданин обретает чувство достоинства и власти, поскольку дело империй предстает перед ним в борьбе Джона Доу и Ричарда Роу за его поддержку и голос. И, мало—помалу, появляется цирк, о котором говорили несколько месяцев назад, и который открывает детям, чьим горизонтом была прерия, все царства воображения - принцев и принцесс из сказок, крестоносцев в кольчугах и мавров в тюрбанах, волшебную карету Золушки и великанов из детских сказок; львов, таких как те, что склонились перед Даниилом или в римском амфитеатре растерзали святых Божьих; страусов, которые помнят песчаные пустыни; верблюдов, таких как те, что стояли вокруг, когда злые братья вытащили Джозефа из колодца и продали его в рабство; слонов, таких как те, что были рядом, когда злые братья вытащили Джозефа из колодца и продали его в рабство. пересекли Альпы с Ганнибалом или ощутили на себе меч Маккавеев; и великолепная музыка, которая будоражит и укрепляет в чертогах разума, когда возвышается солнечный купол Кубла-хана.

Теперь походи к нашему поселенцу и скажи ему: “У вас так много фруктовых деревьев, которые вы посадили; столько заборов, такой колодец, сарай, дом — короче говоря, вы своим трудом добавили столько ценности этой ферме. Ваша земля сама по себе не так хороша. Вы ее

обрабатывали, и со временем ей понадобится навоз. Я возьму вам полную стоимость всех ваших улучшений, если вы отдадите их мне, и снова отправитесь со своей семьей за грань оседлости”. Он посмеялся бы над вами. Его земля дает не больше пшеницы или картофеля, чем раньше, но она дает гораздо больше всего необходимого для жизни. Его труд над этим не принесет более тяжелых урожаев и, мы предположим, не принесет более ценных урожаев, но он принесет гораздо больше всех других вещей, ради которых работают люди. Присутствие других поселенцев — увеличение населения — повысило продуктивность в этих областях труда, затрачиваемого на него, и эта дополнительная продуктивность дает ему превосходство над землей равного природного качества, где пока нет поселенцев. Если не останется земли, которую можно использовать, за исключением такой, которая находится так же далеко от населенных пунктов, как была земля нашего поселенца, когда он впервые ступил на нее, стоимость или арендная плата за эту землю будет измеряться всей этой добавленной стоимостью. Однако, если, как мы предположили, существует непрерывный участок ровной земли, по которому сейчас распространяется население, новому поселенцу не нужно будет уходить в пустыню, как это было первому. Он поселится сразу за другими поселенцами и получит преимущество близости к ним. Таким образом, стоимость или арендная плата земли нашего поселенца будет зависеть от преимущества, которое она имеет, находясь в центре заселения, по сравнению с тем, что находится на окраине. В одном случае рентабельность производства останется прежней; в другом - рентабельность производства будет повышена.

Население все еще продолжает увеличиваться, и по мере его увеличения растет и экономика, которую позволяет его увеличение и которая, по сути, повышает продуктивность земли. Земля нашего первого поселенца, являющаяся центром населения, на ней или на ее окраине расположены магазин, кузница, мастерская колесника, где вскоре возникает деревня, которая быстро вырастает в город, центр обмена для жителей всей округи. Не обладая большей продуктивностью сельского хозяйства, чем она была вначале, эта земля теперь начинает развивать продуктивность более высокого рода. Для труда, затраченного на выращивание кукурузы, пшеницы или картофеля, это даст не больше того, что было вначале; но для труда, затраченного в подразделенных отраслях производства, которые требуют близости к другим производителям, и, особенно, для труда, затраченного на ту заключительную часть производства, которая заключается в распределении, это принесет гораздо большую отдачу. Производитель пшеницы может пойти дальше и найти землю, на которой его труд произведет столько же пшеницы и почти столько же богатства; но ремесленник, фабрикант, владелец магазина, профессиональный человек обнаруживает, что их труд, затраченный здесь, в центре обмена, принесет им гораздо больше, чем если бы он был затрачен даже на небольшом расстоянии от него; и на этот избыток производительности для таких целей землевладелец может претендовать точно так же, как он мог бы претендовать на избыток его мощности по производству пшеницы. Таким образом, наш поселенец может продать несколько своих акров земли под застройку по ценам, которые не были бы выгодны для выращивания пшеницы, если бы ее плодородие было увеличено во много раз. На вырученные деньги он строит себе прекрасный дом и красиво обставляет его. Иными словами, чтобы свести сделку к самым низким условиям, люди, желающие использовать землю, строят и обставляют для него дом при условии, что он позволит им самим воспользоваться более высокой производительностью, которую дал земле рост населения.

Население все еще продолжает увеличиваться, принося все большую и большую пользу земле и все больше и больше богатства ее владельцу. Городок превратился в город — Сент-Луис,

Чикаго или Сан-Франциско - и продолжает расти. Производство здесь осуществляется в огромных масштабах, с использованием лучших машин и наиболее благоприятных условий; разделение труда становится чрезвычайно мелким, чудесным образом повышая эффективность; обмены достигают такого объема и быстроты, что осуществляются с минимальными трениями и потерями. Здесь находится сердце, мозг огромного социального организма, выросшего из зародыша первого поселения; здесь развился один из величайших узлов человеческого мира. Сюда пролегают все дороги, сюда устремляются все течения, через все обширные области вокруг. Здесь, если вам есть что продать, находится рынок; здесь, если вам есть что купить, находятся самые крупные и отборные акции. Здесь интеллектуальная активность собирается в фокус, и здесь возникает тот стимул, который рождается в результате столкновения разума с разумом. Здесь находятся великие библиотеки, хранилища и житницы знаний, ученые профессора, знаменитые специалисты. Здесь есть музеи и художественные галереи, коллекции философского аппарата и все редкое, ценное, и лучшее в своем роде. Сюда съезжаются великие актеры, ораторы и певцы со всего мира. Короче говоря, здесь находится центр человеческой жизни во всех ее разнообразных проявлениях.

Преимущества, которые эта земля теперь предлагает для приложения труда, настолько огромны, что вместо одного человека с парой лошадей, обрабатывающих акры, вы можете местами насчитать тысячи рабочих на акр, работающих ярус за ярусом, на этажах, возвышающихся один над другим, на высоте пяти, шести, семи и восьми этажей от земли, в то время как под поверхностью земли двигатели пульсируют, прилагая силу тысяч лошадей.

Все эти преимущества присущи земле; именно на этой земле, и ни на какой другой, они могут быть использованы, поскольку здесь находится центр населения — средоточие обменов, рынок и мастерская высших форм промышленности. Производительная сила, которую плотность населения придала этой земле, эквивалентна увеличению ее первоначального плодородия в сотни и тысячи раз. Соответственно увеличилась и арендная плата, которая измеряет разницу между этой добавленной производительностью и арендной платой за наименее продуктивную землю, находящуюся в пользовании. Наш поселенец или тот, кто унаследовал свое право на землю, теперь миллионер. Как другой Рип Ван Винкль, он, возможно, лег и уснул; тем не менее он богат — не от того, что он сделал, а от увеличения населения. Есть участки, с которых за каждый фут фасада владелец может получить больше, чем может заработать средний механик; есть участки, которые будут проданы за сумму, превышающую сумму, достаточную для того, чтобы выложить их золотой монетой. На главных улицах возвышаются здания из гранита, мрамора, железа и листового стекла, отделанные в самом дорогом стиле, изобилующие всеми удобствами. И все же они не стоят так дорого, как земля, на которой они покоятся — та же самая земля, ничем не изменившаяся, которая, когда на нее пришел наш первый поселенец, вообще не имела ценности.

В том, что именно таким образом рост населения мощно влияет на повышение арендной платы, может убедиться каждый, кто в прогрессивной стране оглянется вокруг, может убедиться сам. Этот процесс происходит у него на глазах. Увеличивающаяся разница в продуктивности используемой земли, вызывающая возрастающий рост арендной платы, является результатом не столько потребностей растущего населения, вынуждающих прибегать к земле более низкого качества, сколько возросшей продуктивности, которую увеличившееся население придает

землям, уже находящимся в пользовании. Самые ценные земли на земном шаре, земли, приносящие самую высокую ренту, - это не земли с исключительным естественным плодородием, а земли, которым рост населения придал исключительную полезность.

Повышение производительности или полезности, которое увеличение населения придает определенным землям, в том смысле, на который я обращал внимание, связано, так сказать, с простым качеством расширения. Ценным качеством земли, ставшей центром заселения, является ее поверхностный слой — не имеет значения, плодородная ли это аллювиальная почва, как в Филадельфии; богатая донная почва, как в Новом Орлеане; залитое болото, как в Санкт-Петербурге, или песчаная пустошь, как в большей части Сан-Франциско.

И там, где ценность, по-видимому, обусловлена превосходными природными качествами, такими как глубокая вода и хорошая якорная стоянка, богатые залежи угля и железа или тяжелая древесина, наблюдения также показывают, что эти превосходные качества проявляются, становятся ощутимыми благодаря населению. Месторождения угля и железа в Пенсильвании, которые сегодня стоят огромных сумм, пятьдесят лет назад не имели ценности. Какова реальная причина разницы? Просто разница в численности населения. Залежи угля и железа в Вайоминге и Монтане, которые сегодня не имеют ценности, через пятьдесят лет будут стоить миллионы просто потому, что тем временем население значительно увеличится.

Это хорошо оснащенный корабль, на котором мы плывем по космосу. Если кажется, что хлеба и говядины на верхней палубе становится все меньше, мы просто открываем люк, и появляется новый запас, о котором раньше мы и не мечтали. И очень большая власть над услугами других людей приходит к тем, кому, когда открываются люки, позволено сказать: “Это мое!”

Резюмируем: влияние увеличения численности населения на распределение богатства заключается в увеличении ренты и, следовательно, в уменьшении доли продукта, идущего на капитал и рабочую силу, двумя способами: во-первых, за счет снижения рентабельности производства. Во-вторых, выявляя на земле особые возможности, которые в противном случае были бы скрытыми, и прикрепляя особые возможности к определенным землям.

Я склонен думать, что последний способ, которому политэкономисты уделяли мало внимания, на самом деле более важен. Но в нашем исследовании это не является вопросом времени.

ГЛАВА III. ВЛИЯНИЕ ДОСТИЖЕНИЙ В ОБЛАСТИ ИСКУССТВА НА РАСПРЕДЕЛЕНИЕ БОГАТСТВА.

Исключая усовершенствования в искусстве, мы видели влияние увеличения численности населения на распределение богатства. Исключая рост населения, давайте теперь посмотрим, какое влияние улучшения в искусстве производства оказывают на распределение.

Мы видели, что рост населения увеличивает ренту скорее за счет увеличения производительности труда, чем за счет ее уменьшения. Если теперь удастся показать, что независимо от увеличения численности населения результатом улучшений в методах производства и обмена является увеличение ренты, опровержение мальтузианской теории — и всех доктрин, вытекающих из нее или связанных с ней, — будет окончательным и завершенным, поскольку мы объясним тенденцию материального прогресса к снижению заработной платы и ухудшению положения низшего класса, не прибегая к теории возрастающего давления на средства существования.

То, что это так, я думаю, выяснится при малейшем рассмотрении.

Результатом изобретений и усовершенствований в производственном искусстве является экономия рабочей силы, то есть возможность добиться того же результата с меньшими затратами труда или большего результата с теми же затратами труда.

Теперь, при таком состоянии общества, при котором существующая рабочая сила служила удовлетворению всех материальных желаний, и не было возможности вызвать новые желания из-за возможности их удовлетворения, эффект от улучшений, сберегающих труд, заключался бы просто в уменьшении количества затрачиваемого труда. Но такое состояние общества, если его вообще можно где-либо найти, во что я не верю, существует только там, где человек наиболее близко приближается к животному. В обществе, называемом цивилизованным, и которым мы занимаемся в данном исследовании, дело обстоит как раз наоборот. Спрос — это не фиксированная величина, которая увеличивается только по мере увеличения населения. В каждом человеке она возрастает вместе с его способностью получать требуемое. Человек — это не бык, который, наевшись досыта, ложится жевать жвачку; он — дочь лошадиной пиявки, которая постоянно просит добавки. “Когда у меня будет немного денег,” сказал Эразмус, — я куплю себе несколько греческих книг, а потом какую-нибудь одежду”. Количество произведенного богатства никоим образом не соизмеримо со стремлением к богатству, а желание возрастает с каждой дополнительной возможностью для удовлетворения.

В таком случае результатом трудосберегающих улучшений будет увеличение производства материальных благ. Итак, для производства материальных благ требуются две вещи — труд и земля. Следовательно, эффект трудосберегающих улучшений будет заключаться в увеличении спроса на землю и везде, где будет достигнут предел качества используемой земли, в привлечении к возделыванию земель с меньшей естественной продуктивностью или в расширении возделывания на тех же землях до уровня более низкой естественной продуктивности. И таким образом, в то время как первичный эффект трудосберегающих улучшений заключается в увеличении мощности рабочей силы, вторичный эффект заключается в расширении возделывания, а там, где это снижает рентабельность возделывания, в увеличении ренты. Таким образом, там, где земля полностью присвоена, как в Англии, или где она либо присвоена, либо может быть присвоена так быстро, как это необходимо для использования, как в Соединенных Штатах, конечным результатом трудосберегающих машин или усовершенствований является увеличение ренты без увеличения заработной платы или процентов.

Важно, чтобы это было полностью понято, поскольку это показывает, что эффекты, приписываемые современными теориями увеличению численности населения, на самом деле обусловлены прогрессом изобретений, и объясняет тот вызывающий недоумение факт, что трудосберегающие машины повсеместно не приносят пользы рабочим.

Однако, чтобы полностью осознать эту истину, необходимо иметь в виду то, на что я уже не раз обращал внимание, — взаимозаменяемость богатств. Я снова обращаюсь к этому только потому, что об этом так упорно забывают или игнорируют авторы, которые говорят о сельскохозяйственном производстве так, как будто его следует отличать от производства в целом, а о продуктах питания или средствах к существованию — так, как если бы они не входили в понятие богатства.

Позвольте мне попросить читателя иметь в виду то, что уже было достаточно проиллюстрировано, а именно, что владение или производство любой формы богатства фактически является владением или производством любой другой формы богатства, на которую оно может быть обменено, — чтобы он мог ясно видеть, что не просто улучшения, которые приводят к экономии труда, непосредственно применяемого к земле, имеют тенденцию увеличивать ренту, но все улучшения, которые каким-либо образом экономят труд.

То, что труд любого индивида применяется исключительно для производства одной формы богатства, является исключительно результатом разделения труда. Целью труда любого индивида является не получение богатства в какой-то определенной форме, а получение богатства во всех формах, которые соответствуют его желаниям. И, следовательно, улучшение, которое приводит к экономии труда, необходимого для производства одной из желаемых вещей, является, по сути, увеличением способности производить все остальные вещи. Если требуется половина труда человека, чтобы прокормить его, а другая половина — чтобы обеспечить его одеждой и кровом, улучшение, которое увеличило бы его способность производить пищу, также увеличило бы его способность обеспечивать одежду и кров. Если бы его желания получить больше или лучшую пищу, а также больше или лучшую одежду и кров были равны, улучшение в одной сфере труда было бы в точности эквивалентно аналогичному улучшению в другой. Если бы улучшение состояло в удвоении силы его труда при производстве пищи, он затрачивал бы на производство пищи на треть меньше труда и на треть больше — на обеспечение одеждой и кровом. Если бы улучшение удвоило его возможности по обеспечению одеждой и кровом, он затрачивал бы на производство этих вещей на треть меньше труда и на треть больше — на производство продуктов питания. В любом случае результат был бы один и тот же — он получил бы возможность с тем же трудом получить на треть больше по количеству или качеству всего, чего он желал.

И, таким образом, там, где производство осуществляется за счет разделения труда между индивидами, увеличение способности производить одну из вещей, требуемых производством в совокупности, увеличивает способность приобретать другие и приведет к увеличению производства других в степени, определяемой соотношением, которое экономия труда имеет к общему количеству затраченного труда, и относительной силой желаний. Я не в состоянии представить себе ни одной формы богатства, спрос на которое не увеличивался бы за счет экономии труда, необходимого для производства остальных. Катафалки и гробы были выбраны в качестве примеров товаров, спрос на которые вряд ли увеличится; но это верно только в отношении количества. В том, что увеличение объема поставок приведет к спросу на более

дорогие катафалки и гробы, не может сомневаться никто из тех, кто заметил, насколько сильно желание проявить уважение к умершим с помощью дорогостоящих похорон.

Также не ограничен спрос на продовольствие, как часто, но ошибочно, предполагается в экономических рассуждениях. О прожиточном минимуме часто говорят так, как если бы это было фиксированное количество; но оно фиксировано только как имеющее определенный минимум. Меньше определенного количества не сохранит человеку жизнь, а меньше несколько большего количества не сохранит человеку хорошее здоровье. Но сверх этого минимума средства к существованию, которыми может пользоваться человек, могут увеличиваться почти бесконечно. Адам Смит говорит, и Рикардо подтверждает это утверждение, что желание есть ограничено в каждом человеке узкой вместимостью человеческого желудка; но это, очевидно, верно только в том смысле, что когда желудок человека наполнен, голод утоляется. Его потребности в пище не имеют такого предела. Желудок Людовика XIV, Людовика XV или Людовика XVI не мог вместить или переварить больше, чем желудок французского крестьянина такого же роста, и все же, в то время как нескольких ломтиков измельченного черного хлеба и зелени, составлявших пропитание крестьянина, требовались сотни тысяч акров, чтобы удовлетворить потребности короля, который, помимо собственного расточительного использования продуктов высшего качества, требовал огромных запасов для своих слуг, лошадей и собак. И в обычных фактах повседневной жизни, в неудовлетворенных, хотя, возможно, и скрытых желаниях, которые есть у каждого, мы можем видеть, как каждое увеличение способности производить любую форму богатства должно приводить к увеличению спроса на землю и непосредственные продукты ее переработки. Человек, который сейчас употребляет грубую пищу и живет в маленьком доме, как правило, если его доход увеличится, будет употреблять более дорогую пищу и переедет в дом побольше. Если он будет становиться все богаче и богаче, он обзаведется лошадьми, слугами, садами и лужайками, его спрос на использование земли постоянно растет вместе с его богатством. В городе, о котором я пишу, есть человек — но таких мужчин можно встретить повсюду, — который привык сам варить фасоль и жарить бекон, но который теперь, разбогатев, содержит городской дом, занимающий целый квартал, и мог бы заплатить за первоклассный отель, два или три загородных дома с обширной территорией, большой конный завод, племенную ферму, частный ипподром и т.д. Безусловно, для удовлетворения потребностей этого человека сейчас требуется по меньшей мере в тысячу раз, а может быть, и в несколько тысяч, больше земли, чем тогда, когда он был беден.

И, таким образом, каждое усовершенствование или изобретение, каким бы оно ни было, которое дает трудящимся возможность производить больше богатства, вызывает повышенный спрос на землю и непосредственные продукты ее переработки и, таким образом, имеет тенденцию снижать рентабельность обработки, точно так же, как это было бы при спросе, вызванном увеличением численности населения. В таком случае каждое трудосберегающее изобретение, будь то паровой плуг, телеграф, усовершенствованный процесс плавки руды, усовершенствованный печатный станок или швейная машинка, имеет тенденцию к увеличению арендной платы.

Или сформулировать эту истину кратко:

Богатство во всех его формах является продуктом труда, применяемого к земле, или продуктами ее переработки, поэтому любое увеличение рабочей силы при

неудовлетворенном спросе на богатство будет использовано для получения большего богатства и, таким образом, увеличения спроса на землю.

Чтобы проиллюстрировать этот эффект трудосберегающих машин и усовершенствований, давайте представим страну, в которой, как и во всех странах цивилизованного мира, землей владеет лишь часть населения. Давайте предположим, что существует постоянный барьер, установленный для дальнейшего увеличения численности населения либо в результате принятия и строгого исполнения закона Ирода, либо в результате такого изменения в манерах и морали, которое могло бы произойти в результате широкого распространения брошюр Анни Безант. Пусть рентабельность выращивания, или производства, будет представлена 20. Таким образом, земля или другие природные ресурсы, которые в результате приложения труда и капитала будут приносить прибыль в размере 20, будут давать просто обычную норму заработной платы и процента, не принося никакой ренты; в то время как все земли, дающие при равном применении труда и капитала более 20, будут приносить избыток в виде ренты. Численность населения остается постоянной, пусть будут сделаны изобретения и усовершенствования, которые сократят на одну десятую затраты труда и капитала, необходимые для производства такого же количества богатства. Теперь либо одна десятая часть труда и капитала может быть освобождена, и производство останется таким же, как прежде; либо может быть использовано то же количество труда и капитала, и производство соответственно увеличится. Но промышленная организация, как и во всех цивилизованных странах, такова, что труд и капитал, и особенно рабочая сила, должны добиваться занятости на любых условиях — промышленная организация такова, что простые рабочие не в состоянии требовать своей справедливой доли в новом регулировании, и что любое сокращение приложения труда к производству, по крайней мере на первых порах, будет принимать форму не предоставления каждому рабочему того же количества продукции за меньшую плату, а увольнения части рабочих с работы и оставления им ничего из продукции. Теперь, благодаря возросшей эффективности труда, обеспечиваемой новыми усовершенствованиями, при уровне естественной производительности, представленном 18, может быть обеспечена такая же большая отдача, как раньше при 20. Таким образом, неудовлетворенное стремление к богатству, конкуренция труда и капитала за применение труда обеспечили бы увеличение нормы производства, скажем, до 18, и, таким образом, рента увеличилась бы на разницу между 18 и 20, в то время как заработная плата и процент в количественном отношении были бы не больше, чем раньше, а по отношению ко всему продукту были бы меньше. Было бы произведено больше материальных благ, но землевладельцы получили бы всю выгоду при условии временных вычетов, о которых будет сказано ниже.

Если изобретения и усовершенствования будут продолжаться, эффективность труда еще больше возрастет, а количество труда и капитала, необходимых для получения данного результата, еще больше уменьшится. Те же причины приведут к использованию этого нового прироста производительной силы для производства большего богатства; пределы возделывания снова увеличатся, и рента возрастет как пропорционально, так и в размере, без какого-либо увеличения заработной платы и процента. И, таким образом, по мере продолжения изобретений и усовершенствований, постоянно повышающих эффективность труда, рентабельность производства будет падать все ниже и ниже, а рента постоянно увеличиваться, хотя население должно оставаться постоянным.

Я не хочу сказать, что снижение рентабельности производства всегда точно соответствовало бы увеличению производительной силы, так же как я не хочу сказать, что процесс состоял бы из четко определенных этапов. Отстает ли в каком-либо конкретном случае снижение рентабельности производства от увеличения производительной силы или превышает его, будет зависеть, как я полагаю, от того, что можно назвать областью продуктивности, которая может быть использована до того, как культивирование достигнет следующей низшей точки. Например, если рентабельность обработки составляет 20, усовершенствования, которые позволяют получать тот же продукт с затратой на одну десятую меньше капитала и труда, не доведут рентабельность до 18, если площадь с производительностью 19 достаточна для использования всего труда и капитала, вытесненных при обработке превосходящих земель. В этом случае рентабельность выращивания осталась бы на уровне 19, а арендная плата была бы увеличена на разницу между 19 и 20, а заработная плата и проценты - на разницу между 18 и 19. Но если при том же увеличении производительной силы область производительности между 20 и 18 не должна быть достаточной для использования всего перемещенного труда и капитала, то предел обработки должен, если то же количество труда и капитала требует занятости, быть ниже 18. В этом случае прибыль от ренты превысила бы прирост продукта, а заработная плата и процент были бы меньше, чем до улучшений, которые увеличили производительную силу.

Также не совсем верно и то, что рабочая сила, высвобождаемая каждым улучшением, будет вынуждена искать работу в производстве большего богатства. Возросшая сила удовлетворения, которую каждое новое улучшение дает определенной части общества, будет использоваться в требовательном досуге или услугах, а также в требовании богатства. Следовательно, некоторые работники станут бездельниками, а некоторые перейдут из рядов производительных в ряды непроизводительных работников, доля которых, как показывают наблюдения, имеет тенденцию увеличиваться с прогрессом общества.

Но поскольку я сейчас упомяну причину, пока еще не рассмотренную, которая постоянно стремится снизить предел обработки, стабилизировать рост ренты и даже вывести его за пределы пропорции, которая была бы установлена фактическим пределом обработки, не стоит принимать во внимание эти возмущения в движении предела обработки в сторону понижения и повышения ренты. Все, что я хочу прояснить, это то, что без какого-либо увеличения численности населения прогресс изобретений постоянно имеет тенденцию отдавать большую долю продукта владельцам земли и все меньшую и меньшую долю труду и капиталу.

И, поскольку мы не можем установить пределов прогрессу изобретательства, мы также не можем установить пределов увеличению ренты, за исключением всего продукта. Ибо, если бы трудосберегающие изобретения продолжались до тех пор, пока не было достигнуто совершенство, и необходимость труда при производстве богатства была бы полностью устранена, тогда все, что могла бы дать земля, можно было бы получить без труда, и рентабельность возделывания была бы доведена до нуля. Заработная плата была бы ничем, и проценты были бы ничем, в то время как рента забирала бы все. Для владельцев земли, имеющих возможность без труда получать все богатства, которые могут быть получены от природы, не было бы никакой пользы ни для труда, ни для капитала, и не было бы возможного способа, которым они могли бы получить какую-либо долю от произведенного богатства. И каким бы малочисленным ни было население, если бы кто-то, кроме землевладельцев, продолжал существовать, это было бы по прихоти или по милости землевладельцев - они содержались бы либо для развлечения землевладельцев, либо, как нищие, на их щедроты.

Эта точка абсолютного совершенства трудосберегающих изобретений может показаться очень отдаленной, если не сказать недостижимой; но это точка, к которой шествие изобретений с каждым днем стремится все сильнее. И в уменьшении численности населения в сельскохозяйственных районах Великобритании, где мелкие фермы превращаются в более крупные, и в огромных, обрабатываемых машинами пшеничных полях Калифорнии и Дакоты, где можно проехать много миль по колоссящимся зернам, не видя человеческого жилья, уже есть намеки на конечную цель, к которой спешит весь цивилизованный мир. Паровой плуг и жатвенная машина создают в современном мире латифундии того же рода, которые приток рабов из-за иностранных войн создал в древней Италии. И многим беднякам, когда их выгоняют с насиженного места и заставляют двигаться дальше — как римских фермеров заставляли присоединяться к пролетариату большого города или продавать свою кровь за хлеб в рядах легионов, — кажется, что эти трудосберегающие изобретения сами по себе были проклятием, и мы слышим, как люди говорят о работе, как будто изнуряющее напряжение мышц само по себе было желанным.

В предшествующем я, конечно, говорил об изобретениях и усовершенствованиях, когда они были широко распространены. Вряд ли нужно говорить, что до тех пор, пока изобретением или усовершенствованием пользуется столь малое число людей, что они извлекают из него особую выгоду, оно не влияет в той степени, в какой это особое преимущество проявляется в общем распределении богатства. Так, в отношении ограниченных монополий, созданных патентными законами или причинами, придающими тот же характер железнодорожным и телеграфным линиям и т.д. Хотя обычно их принимают за прибыль от капитала, возникающие таким образом особые прибыли на самом деле являются доходами монополии, как было объяснено в предыдущей главе, и в той мере, в какой они уменьшают выгоды от улучшения, не влияют в первую очередь на общее распределение. Например, выгоды от строительства железной дороги или аналогичного улучшения в удешевлении перевозок распыляются или монополизированы, поскольку расходы на нее снижаются до ставки, которая будет приносить обычные проценты на вложенный капитал, или поддерживаются на уровне, который принесет чрезвычайную прибыль, или покрывают воровство строителей или директоров. И, как хорошо известно, повышение арендной платы или стоимости земли соответствует снижению сборов.

Как уже было сказано, в улучшения, повышающие ренту, следует включать не только улучшения, непосредственно увеличивающие производительную силу, но также такие улучшения в управлении, нравах и морали, которые косвенно увеличивают ее.

Рассматриваемые как материальные силы, все это приводит к увеличению производительной силы, и, подобно усовершенствованиям в производительных искусствах, их польза в конечном счете монополизирована владельцами земли. Примечательный пример этого можно найти в отмене протекционизма Англией. Свободная торговля чрезвычайно увеличила богатство Великобритании, не уменьшив пауперизма. Она просто увеличила ренту. И если бы коррумпированные правительства наших великих американских городов стали образцами чистоты и экономности, результатом было бы просто увеличение стоимости земли, а не повышение заработной платы или процентов.

ГЛАВА IV.

ПОСЛЕДСТВИЯ ОЖИДАНИЙ, ВЫЗВАННЫХ МАТЕРИАЛЬНЫМ ПРОГРЕССОМ.

Теперь мы увидели, что, хотя рост населения имеет тенденцию увеличивать ренту, все причины, которые в прогрессивном состоянии общества действуют для увеличения производительной силы труда, также имеют тенденцию увеличивать ренту, а не заработную плату или процент. Возросшее производство богатства переходит в конечном счете к землевладельцам в виде возросшей ренты; и хотя по мере дальнейшего улучшения могут получить преимущества лица, не являющиеся землевладельцами, которые концентрируют в своих руках значительную часть возросшего продукта, все же во всем этом улучшении нет ничего, что имело бы тенденцию увеличивать общую отдачу ни от труда, ни от капитала.

Но есть причина, о которой пока не сообщается, которую необходимо полностью учитывать, чтобы объяснить влияние материального прогресса на распределение богатства.

Этой причиной является уверенное ожидание будущего повышения стоимости земли, которое возникает во всех прогрессивных странах из-за постоянного увеличения арендной платы и которое ведет к спекуляции или удержанию земли по более высокой цене, чем это было бы в противном случае.

До сих пор мы предполагали, как это обычно предполагается при разъяснении теории ренты, что фактический предел возделывания всегда совпадает с тем, что можно назвать необходимым пределом возделывания, то есть мы предполагали, что возделывание распространяется на менее продуктивные районы только по мере того, как это становится необходимым из того факта, что природные возможности в более продуктивных районах полностью используются.

Это, вероятно, имеет место в стационарных или очень медленно прогрессирующих сообществах, но в быстро прогрессирующих сообществах, где быстрый и устойчивый рост арендной платы придает уверенность расчетам дальнейшего увеличения, это не так. В таких сообществах уверенное ожидание повышения цен вызывает, в большей или меньшей степени, эффект объединения землевладельцев и ведет к отказу от использования земли в ожидании повышения цен, тем самым увеличивая пределы обработки больше, чем того требуют производственные потребности.

Эта причина должна в той или иной степени действовать во всех прогрессивных сообществах, хотя в таких странах, как Англия, где в сельском хозяйстве преобладает арендаторская система, она может проявляться скорее в продажной цене земли, чем в сельскохозяйственной марже обработки, или фактической арендной плате. Но в сообществах, подобных Соединенным Штатам, где пользователь земли обычно предпочитает, если может, владеть ею, и где есть большая территория, которую можно захватить, это действует с огромной силой.

Об этом свидетельствует огромная территория, на которой разбросано население Соединенных Штатов. Человек, отправляющийся с Восточного побережья в поисках полей для возделывания, где он мог бы получить землю без уплаты арендной платы, должен, подобно человеку, переплывшему реку, чтобы напиться, пройти большие расстояния через полупахотные фермы и пересечь обширные участки нетронутой почвы, прежде чем он достигнет точки, где землю

можно получить бесплатно *-то есть* путем въезда на ферму или преимущественной покупки. Спекуляция, удерживающая эти неиспользуемые земли в ожидании увеличения их стоимости в будущем, вынуждает его (а вместе с ним и пределы возделывания) зайти гораздо дальше, чем ему было бы необходимо в противном случае. И когда он осядет, он, в свою очередь, захватит, если сможет, больше земли, чем сможет использовать, в надежде, что она скоро станет ценной; и поэтому те, кто последует за ним, снова будут вынуждены забираться дальше, чем того требуют производственные нужды, перенося пределы обработки в еще менее продуктивные, потому что еще более отдаленные пункты.

То же самое можно увидеть в каждом быстро растущем городе. Если бы земля высшего качества по местоположению всегда использовалась полностью, прежде чем прибегать к земле более низкого качества, по мере расширения города не осталось бы свободных участков, и мы не нашли бы жалких лачуг посреди дорогостоящих зданий. Эти участки, некоторые из которых чрезвычайно ценные, изъяты из пользования или из полного использования, которому они могли бы быть предоставлены, потому что их владельцы, не имея возможности или не желая улучшать их, предпочитают, в ожидании повышения стоимости земли, удерживать их по более высокой ставке, чем та, которую сейчас можно получить от желающих улучшить их. И в результате того, что эта земля изъята из использования или из того полного использования, на которое она способна, окраина города отодвинута намного дальше от центра.

Но когда мы достигнем границ растущего города — фактического предела застройки, который соответствует пределу обработки в сельском хозяйстве, — мы не обнаружим, что землю можно купить по ее стоимости для сельскохозяйственных целей, как это было бы, если бы арендная плата определялась просто текущими потребностями; но мы обнаружим, что на большом расстоянии от города земля имеет спекулятивную стоимость, основанную на вере в то, что в будущем она потребуется для городских целей, и что для достижения точки, на которой землю можно купить по цене, не основанной на городской арендной плате, мы должны выйти очень далеко за пределы фактического предела городского использования.

Или, возьмем другой случай иного рода, примеры, подобные которому, несомненно, можно найти в любой местности. В округе Марин, недалеко от Сан-Франциско, есть прекрасный пояс из древесины красного дерева. Естественно, сначала это было бы использовано, прежде чем прибегать для снабжения рынка Сан-Франциско лесными угодьями, расположенными на гораздо большем расстоянии. Но он все еще остается неразрубленным, и пиломатериалы, закупленные за много миль отсюда, ежедневно провозятся мимо него по железной дороге, потому что его владелец предпочитает придерживаться за более высокую цену, которую это принесет в будущем. Таким образом, из-за отказа от использования этого массива древесины маржа производства секвойи значительно увеличивается вверх и вниз по Прибрежному хребту. То, что полезные ископаемые земли, когда они переходят в частную собственность, часто не используются, пока разрабатываются более бедные месторождения, хорошо известно, и в новых штатах часто встречаются люди, которых называют “бедными на земле”, то есть которые остаются бедными, иногда почти до лишений, потому что они настаивают на владении землей, которую сами не могут использовать, по ценам, по которым никто другой не может использовать ее с прибылью.

Вернемся теперь к иллюстрации, которую мы использовали в предыдущей главе: при пределе обработки, равном 20, происходит увеличение производительной силы, что делает тот же

результат достижимым с затратой на одну десятую меньшего труда. По вышеизложенным причинам маржа производства теперь должна быть снижена, и если она останется на уровне 18, отдача от труда и капитала будет такой же, как раньше, когда маржа составляла 20. Будет ли она доведена до 18 или будет вынуждена быть ниже, зависит от того, что я назвал областью продуктивности, которая находится между 20 и 18 годами. Но если уверенное ожидание дальнейшего повышения ренты приведет землевладельцев к тому, что они потребуют 3 ренты за 20 участков, 2 - за 19 и 1-за 18 участков и не будут использовать свою землю до тех пор, пока не будут выполнены эти условия, площадь продуктивности может сократиться настолько, что рентабельность обработки упадет до 17 или даже ниже; и, таким образом, в результате повышения эффективности труда рабочие будут получать меньше, чем раньше, в то время как процент будет пропорционально снижен, а рента возрастет в большем соотношении, чем увеличение производительной силы.

Формулируем ли мы это как расширение границы производства или как перенос линии ренты за пределы границы производства, влияние спекуляции землей на увеличение ренты является важным фактом, который нельзя игнорировать ни в одной законченной теории распределения богатства в прогрессивных странах. Это сила, выработанная материальным прогрессом, которая постоянно стремится увеличивать ренту в большем соотношении, чем прогресс увеличивает производство, и, таким образом, постоянно стремится, по мере продолжения материального прогресса и увеличения производительной силы, снижать заработную плату не только относительно, но и абсолютно. Именно эта экспансивная сила, действующая с огромной мощью в новых странах, приносит им, по-видимому, задолго до их появления, социальные болезни старых стран; производит “бродяг” на нетронутых акрах и плодит нищих на наполовину вспаханной земле.

Короче говоря, общий и неуклонный рост стоимости земли в прогрессивном обществе неизбежно порождает ту дополнительную тенденцию к росту, которая наблюдается в случае товаров, когда какая-либо общая и непрерывная причина действует на повышение их цены. Подобно тому, как во время быстрого обесценивания валюты, которым были отмечены последние дни Южной Конфедерации, тот факт, что все, что было куплено в один прекрасный день, могло быть продано по более высокой цене на следующий, приводил к росту цен на товары даже быстрее, чем обесценивание валюты, так и неуклонный рост стоимости земли, производимый материальным прогрессом, еще больше ускоряет этот рост. Мы видим, что эта вторичная причина действует в полную силу в тех маниях спекуляции землей, которые отмечают рост новых сообществ; но хотя это ненормальные и случайные проявления, нельзя отрицать, что причина постоянно действует, с большей или меньшей интенсивностью, во всех прогрессивных обществах.

Причина, ограничивающая спекуляцию товарами, тенденция повышения цен к привлечению дополнительных запасов, не может ограничить спекулятивный рост стоимости земли, поскольку земля является фиксированным количеством, которое человеческое действие не может ни увеличить, ни уменьшить; но, тем не менее, существует предел цене земли в минимуме, требуемом трудом и капиталом как условие участия в производстве. Если бы можно было постоянно снижать заработную плату до достижения нуля, то можно было бы непрерывно увеличивать ренту до тех пор, пока она не поглотит весь продукт. Но поскольку заработная плата не может быть постоянно снижена ниже уровня, при котором рабочие согласятся работать и воспроизводиться, а процент - ниже уровня, при котором капитал будет направлен на

производство, существует предел, сдерживающий спекулятивное повышение ренты. Следовательно, спекуляция не может иметь такого же размаха для повышения ренты в странах, где заработная плата и проценты уже близки к минимуму, как в странах, где они значительно выше его. И все же то, что во всех прогрессивных странах существует постоянная тенденция спекулятивного повышения ренты к превышению предела, за которым производство могло бы прекратиться, я думаю, демонстрируют повторяющиеся сезоны промышленного паралича — вопрос, который будет более полно рассмотрен в следующей книге.

КНИГА V. ПРОБЛЕМА РЕШЕНА.

ГЛАВА I. ОСНОВНАЯ ПРИЧИНА ПОВТОРЯЮЩИХСЯ ПАРОКСИЗМОВ ПРОМЫШЛЕННОЙ ДЕПРЕССИИ.

ГЛАВА II. СОХРАНЕНИЕ БЕДНОСТИ НА ФОНЕ РАСТУЩЕГО БОГАТСТВА.

Кому бы ни принадлежала земля в любое время, ему принадлежат и плоды ее. Белые зонтики и обезумевшие от гордости слоны - цветы дарованной земли.—Сэр У. М. Перевод Джонсом индейского пожалования земли, найденного в Танне.

Вдова собирает крапиву на обед своим детям; надушенный сеньор, изящно расположившийся в "Иль де Бюф", владеет алхимией, с помощью которой он извлечет из нее третью крапиву и назовет ее "рентой". —Карлайл.

ГЛАВА I. ОСНОВНАЯ ПРИЧИНА ПОВТОРЯЮЩИХСЯ ПАРОКСИЗМОВ ПРОМЫШЛЕННОЙ ДЕПРЕССИИ.

Наше долгое расследование завершено. Теперь мы можем подвести итоги.

Начнем с промышленных депрессий, для объяснения которых выдвигается так много противоречивых теорий.

Рассмотрение того, каким образом спекулятивный рост стоимости земли сокращает доходы труда и капитала и сдерживает производство, я думаю, неотвратно приводит к выводу, что это главная причина тех периодических промышленных спадов, которым, по-видимому, все больше подвержена каждая цивилизованная страна и все цивилизованные страны вместе взятые.

Я не хочу сказать, что нет других непосредственных причин. Растущая сложность и взаимозависимость производственного механизма, из-за которых каждое потрясение или остановка распространяются по расширяющемуся кругу; существенный недостаток валют, которые сокращаются при наибольшей необходимости, и огромные колебания объема, происходящие при более простых формах коммерческого кредита, которые в гораздо большей степени, чем валюта в любой форме, составляют среду или поток обменов; защитные тарифы, которые представляют собой искусственные барьеры для взаимодействия производительных сил, и другие подобные причины, несомненно, играют важную роль в наступлении и продолжении так называемых трудных времен. Но как из рассмотрения принципов, так и из наблюдения за явлениями становится ясно, что великую иницирующую причину следует искать в спекулятивном повышении стоимости земли.

В предыдущей главе я показал, что спекулятивный рост стоимости земли имеет тенденцию выводить пределы обработки, или производства, за их нормальный предел, тем самым вынуждая труд и капитал соглашаться на меньшую отдачу или (и это единственный способ, которым они могут противостоять тенденции) прекращать производство. Итак, не только естественно, что труд и капитал должны сопротивляться вытеснению заработной платы и процента спекулятивным повышением ренты, но они вынуждены делать это в целях самозащиты, поскольку существует минимальный уровень отдачи, ниже которого ни труд, ни капитал не могут существовать. Следовательно, из факта спекуляции землей мы можем сделать вывод обо всех явлениях, отмечающих эти повторяющиеся сезоны промышленной депрессии.

Учитывая прогрессивное сообщество, в котором население растет и одно улучшение следует за другим, земля должна постоянно расти в цене. Этот устойчивый рост, естественно, приводит к спекуляциям, при которых ожидается будущий рост, и стоимость земли выходит за пределы того уровня, на котором при существующих условиях производства обычная отдача от нее была бы оставлена труду и капиталу. Таким образом, производство начинает останавливаться. Не то чтобы обязательно или даже вероятно абсолютное сокращение производства; но то, что в прогрессивном сообществе было бы эквивалентно абсолютному сокращению производства в стационарном сообществе — неспособность производства увеличиваться пропорционально из-за неспособности новых приростов рабочей силы и капитала найти применение в привычных темпах.

Эта остановка производства в одних точках обязательно должна проявляться в других точках промышленной сети в виде прекращения спроса, что снова остановило бы там производство, и, таким образом, паралич распространился бы на все переплетения промышленности и торговли, производя повсюду частичное разъединение производства и обмена и приводя к явлениям, которые, по-видимому, свидетельствуют о перепроизводстве или чрезмерном потреблении, в зависимости от точки зрения, с которой они рассматриваются.

Последующий таким образом период депрессии продолжался бы до тех пор, пока (1) спекулятивный рост ренты не был бы утрачен; или (2) повышение эффективности труда вследствие роста населения и прогресса благоустройства не позволило бы нормальному

уровню ренты превысить уровень спекулятивной ренты; или (3) труд и капитал не примирились бы с вовлечением в производство с меньшей отдачей. Или, что наиболее вероятно, все эти три причины объединились бы, чтобы установить новое равновесие, при котором все производительные силы снова были бы задействованы и наступил бы период активности; после чего рента снова начала бы расти, снова произошел спекулятивный рост, производство снова было бы остановлено, и был бы повторен тот же цикл.

В сложной системе производства, которая характерна для современной цивилизации, где, более того, нет такого понятия, как отдельное и независимое промышленное сообщество, но географически или политически разделенные сообщества смешивают и переплетают свои производственные организации различными способами и различными мерами, не следует ожидать, что следствие следует за причиной так ясно и определенно, как это имело бы место при более простом развитии промышленности и в сообществе, образующем полное и отчетливое промышленное целое; но, тем не менее, явления, фактически представленные этими чередующимися сезонами активности и депрессии, явно соответствуют тем, которые мы вывели из умозрительного прогресса науки. аренда.

Таким образом, дедукция показывает действительные явления как вытекающие из принципа. Если мы обратим процесс вспять, то с помощью индукции так же легко прийти к принципу, прослеживая явления.

Этим сезонам депрессии всегда предшествуют сезоны активности и размышлений, и со всех сторон признается связь между ними — депрессия рассматривается как реакция на размышления, подобно тому как утренняя головная боль является реакцией на ночной разгул. Но что касается того, каким образом депрессия является результатом спекуляций, то существуют два класса или школы мнений, как показывают попытки объяснить нынешнюю промышленную депрессию по обе стороны Атлантики.

Одна школа утверждает, что спекуляция вызвала депрессию, вызвав перепроизводство, и указывает на склады, заполненные товарами, которые нельзя продать по выгодным ценам, на закрытые заводы или работающие вполсилы, на закрытые шахты и остановленные пароходы, на деньги, бездельничающие в банковских хранилищах, и на рабочих, вынужденных бездельничать и испытывать лишения. Они указывают на эти факты как на свидетельство того, что производство превысило спрос на потребление, и они указывают, более того, на тот факт, что, когда правительство во время войны выступает в качестве огромного потребителя, наступают оживленные времена, как в Соединенных Штатах во время гражданской войны и в Англии во время наполеоновской борьбы.

Другая школа утверждает, что спекуляция вызвала депрессию, приведя к чрезмерному потреблению, и указывает на переполненные склады, ржавеющие пароходы, закрытые фабрики и праздных рабочих как на свидетельства прекращения эффективного спроса, который, по их словам, очевидно является результатом того факта, что люди, доведенные до экстравагантности фиктивным процветанием, жили не по средствам и теперь вынуждены сокращать расходы, то есть потреблять меньше богатства. Более того, они указывают на огромное потребление богатства в результате войн, строительства неоплачиваемых железных дорог, займов обанкротившимся правительствам и т.д., как на расточительность, которая, хотя

и не ощущалась в то время, точно так же, как расточитель в данный момент не чувствует обесценения своего состояния, теперь должна быть компенсирована периодом сокращения потребления.

Итак, каждая из этих теорий, очевидно, выражает одну сторону или фазу общей истины, но каждая из них, очевидно, не в состоянии постичь всю истину. Как объяснение этих явлений, каждое из них одинаково и совершенно нелепо.

Ибо, пока огромные массы людей хотят больше богатства, чем они могут получить, и пока они готовы отдать за это то, что является основой и сырьевым материалом богатства - свой труд, — как может возникнуть перепроизводство? И пока производственный механизм работает впустую, а производители обречены на вынужденное безделье, как может возникнуть чрезмерное потребление?

Когда наряду с желанием потреблять больше сосуществуют способность и желание производить больше, промышленный и коммерческий паралич нельзя списать ни на перепроизводство, ни на чрезмерное потребление. Очевидно, что проблема в том, что производство и потребление не могут встретиться и удовлетворить друг друга.

Как возникает эта неспособность? Очевидно, и по общему согласию, это результат спекуляции. Но спекуляции в чем?

Конечно, не спекуляции на вещах, являющихся продуктами труда, — в сельском хозяйстве, добыче полезных ископаемых или промышленных товарах, поскольку эффект спекуляции на таких вещах, как хорошо показано в современных трактатах, которые избавляют меня от необходимости приводить иллюстрации, заключается просто в выравнивании спроса и предложения и стабилизации взаимодействия производства и потребления посредством действия, аналогичного действию маховика в машине.

Следовательно, если спекуляция является причиной этих промышленных спадов, то это должна быть спекуляция вещами, не являющимися производством труда, но все же необходимыми для приложения труда при производстве богатства — вещей определенного количества; то есть это должна быть спекуляция землей.

То, что спекуляция землей является истинной причиной промышленной депрессии, в Соединенных Штатах совершенно очевидно. В каждый период промышленной активности стоимость земли неуклонно росла, достигая кульминации в спекуляциях, которые поднимали ее огромными скачками. За этим неизменно следовало частичное прекращение производства и соответствующее ему прекращение эффективного спроса (взяв торговлю), обычно сопровождавшееся коммерческим крахом; а затем наступал период сравнительного застоя, в течение которого снова медленно устанавливалось равновесие и снова повторялся тот же цикл. Эта связь наблюдается во всем цивилизованном мире. Периоды промышленной активности всегда завершаются спекулятивным повышением стоимости земли, за которым следуют симптомы замедления производства, обычно проявляющиеся сначала в прекращении спроса со стороны новых стран, где рост стоимости земли был наибольшим.

То, что это должно быть основным объяснением этих периодов депрессии, будет видно при анализе фактов.

Следует помнить, что любая торговля - это обмен товара на товар, и, следовательно, прекращение спроса на некоторые товары, которое знаменует спад в торговле, на самом деле является прекращением предложения других товаров. То, что дилеры обнаруживают, что их продажи снижаются, а производители обнаруживают, что заказы сокращаются, в то время как товары, которые они должны продать или готовы изготовить, являются товарами, на которые все еще существует широкое желание, просто показывает, что предложение других товаров, которые в ходе торговли были бы предоставлены за них, сократилось. В просторечии мы говорим, что “у покупателей нет денег” или что “денег становится все меньше”, но, говоря таким образом, мы игнорируем тот факт, что деньги - это всего лишь средство обмена. Чего на самом деле не хватает потенциальным покупателям, так это не денег, а товаров, которые они могут превратить в деньги - чего действительно становится все меньше, так это какой-либо продукции. Следовательно, уменьшение эффективного спроса потребителей является всего лишь результатом сокращения производства.

Это очень ясно видно владельцам магазинов в промышленном городе, когда заводы закрываются, а рабочие остаются без работы. Именно прекращение производства лишает работников средств для совершения желаемых покупок и, таким образом, оставляет кладовщика с тем, что, ввиду уменьшившегося спроса, является избыточным запасом, и вынуждает его уволить некоторых своих клерков и иным образом снизить свои запросы. И прекращение спроса (я говорю, конечно, об общих случаях, а не о каком-либо изменении относительного спроса под влиянием таких причин, как изменение моды), которое оставило производителя с избыточными запасами и вынудило его разгрузить руки, должно происходить таким же образом. Где-то, возможно, на другом конце света, сдерживание производства привело к сдерживанию спроса на потребление. То, что спрос уменьшается без удовлетворения потребности, показывает, что производство где-то контролируется.

Люди по-прежнему хотят то, что производит производитель, точно так же, как оперативники хотят то, что владелец магазина должен продать. Но они не могут отдать за это так много. Производство где-то было остановлено, и это сокращение предложения одних товаров проявилось в прекращении спроса на другие, причем ограничение распространилось по всей системе производства и обмена. Теперь промышленная пирамида явно покоится на земле. Первичными и фундаментальными занятиями, создающими спрос на все остальные, очевидно, являются те, которые извлекают богатство из природы, и, следовательно, если мы проследим от одного пункта обмена к другому и от одного занятия к другому это препятствие производству, которое проявляется в снижении покупательной способности, мы должны в конечном счете обнаружить его в некотором препятствии, сдерживающем труд в его затратах на землю. И ясно, что этим препятствием является спекулятивное повышение арендной платы, или стоимости земли, которое приводит к тем же последствиям, что и на самом деле - к ограничению труда и капитала землевладельцами. Это сдерживание производства, начинающееся на базе переплетенной промышленности, распространяется от пункта обмена к пункту обмена, прекращение предложения становится падением спроса, пока, так сказать, вся машина не выйдет из строя, и повсюду будет представлено зрелище того, как труд пропадает даром, в то время как рабочие страдают от нужды.

Этого странного и неестественного зрелища большого количества желающих работать людей, которые не могут найти работу, достаточно, чтобы подсказать истинную причину любому, кто способен мыслить последовательно. Ибо, хотя обычай приучил нас к этому, *это* странно и неестественно, что люди, желающие трудиться, чтобы удовлетворить свои потребности, не могут найти возможности — поскольку, поскольку труд - это то, что производит богатство, человек, стремящийся обменять труд на еду, одежду или любую другую форму богатства, подобен тому, кто предлагает обменять слитки на монеты или пшеницу на муку. Мы говорим о предложении рабочей силы и спросе на рабочую силу, но, очевидно, это лишь относительные термины. Предложение рабочей силы везде одинаково — две руки всегда появляются на свет с одним ртом, двадцать один мальчик на каждые двадцать девочек; и спрос на рабочую силу должен существовать всегда, пока людям нужны вещи, которые можно получить только трудом. Мы говорим о “нехватке работы”, но, очевидно, это не значит, что работы мало, пока сохраняется нужда; очевидно, предложение рабочей силы не может быть слишком большим, а спрос на рабочую силу слишком маленьким, когда люди страдают из-за нехватки вещей, которые производит труд. Настоящая проблема, должно быть, в том, что предложению каким-то образом не дают удовлетворить спрос, что где-то существует препятствие, которое мешает рабочей силе производить то, что хотят рабочие.

Возьмем случай любого из этих огромных масс безработных, которому, хотя он никогда не слышал о Мальтусе, сегодня кажется, что в мире слишком много людей. В его собственных нуждах, в нуждах его встревоженной жены, в требованиях его наполовину заботившихся, возможно, даже голодных и продрогших детей, видит Бог, достаточно спроса на труд! Снабжение находится в его собственных руках. Поместите его на уединенный остров, и хотя он будет отрезан от всех огромных преимуществ, которые сотрудничество, комбинация и машинерия цивилизованного сообщества дают производительным силам человека, все же его две руки могут наполнять рты и согревать спины, которые зависят от них. Однако там, где производительная сила достигает своего наивысшего развития, они не могут этого сделать. Почему? Не потому ли, что в одном случае у него есть доступ к материалам и силам природы, а в другом ему в этом доступе отказано?

Разве тот факт, что труд таким образом оторван от природы, не может сам по себе объяснить положение вещей, которое вынуждает бездействовать людей, которые охотно удовлетворяли бы свои потребности своим трудом? Непосредственной причиной вынужденного безделья у одной группы людей может быть прекращение спроса со стороны других людей на конкретные вещи, которые они производят, но проследите эту причину от пункта к пункту, от занятия к занятию, и вы обнаружите, что вынужденное безделье в одной профессии вызвано вынужденным бездельем в другой, и что нельзя сказать, что паралич, вызывающий тупость во всех профессиях, проистекает из слишком большого предложения рабочей силы или слишком малого спроса на рабочую силу, но он должен исходить из того факта, что предложение не может удовлетворить спрос, производя вещи, которые удовлетворяют потребность и являются объектом труда. .

Итак, земля необходима для того, чтобы труд мог производить эти вещи. Когда мы говорим о труде, создающем богатство, мы выражаемся метафорически. Человек ничего не создает. Вся человеческая раса, если бы они трудились вечно, не смогла бы создать мельчайшую пылинку,

плавающую в солнечном луче, — не смогла бы сделать этот вращающийся шар ни на атом тяжелее, ни на атом легче. Производя богатство, труд с помощью природных сил перерабатывает в желаемые формы ранее существовавшую материю, и, следовательно, чтобы производить богатство, должен иметь доступ к этой материи и к этим силам, то есть к земле. Земля - источник всякого богатства. Это рудник, из которого должна быть извлечена руда, вырабатываемая трудом. Это субстанция, которой труд придает форму. И, следовательно, когда рабочая сила не может удовлетворить свои потребности, не можем ли мы с уверенностью заключить, что это не может быть вызвано ничем иным, кроме того, что рабочей силе отказано в доступе к земле?

Когда во всех отраслях наблюдается то, что мы называем нехваткой рабочих мест; когда повсюду рабочая сила тратится впустую, а желание остается неудовлетворенным, не должно ли препятствие, мешающее труду производить необходимое ему богатство, лежать в основе промышленной структуры? Эта основа - земля. Модистки, производители оптических инструментов, позолотчики и полировщики не являются первопроходцами новых поселений. Шахтеры ехали в Калифорнию или Австралию не потому, что там были сапожники, портные, машинисты и печатники. Но эти сделки последовали за старателями, точно так же, как сейчас они следуют за золотоискателями в Блэк-Хиллз и за алмазодобытчиками в Южную Африку. Не владелец магазина является причиной для фермера, а фермер приводит владельца магазина. Не рост города развивает страну, а развитие страны заставляет город расти. И, следовательно, когда во всех отраслях люди, желающие работать, не могут найти возможности для этого, в той занятости, которая создает спрос на все другие занятия, должны возникнуть трудности — это должно быть потому, что рабочая сила отрезана от земли.

В Лидсе или Лоуэлле, в Филадельфии или Манчестере, в Лондоне или Нью-Йорке может потребоваться понимание первых принципов, чтобы увидеть это; но там, где промышленное развитие не стало таким сложным, а крайние звенья цепи не разделены так широко, достаточно взглянуть на очевидные факты. Хотя городу Сан-Франциско еще нет тридцати лет, как по численности населения, так и по коммерческому значению он входит в число крупнейших городов мира и, после Нью-Йорка, является самым мегаполисным из американских городов. Хотя ей еще не исполнилось тридцати, в течение нескольких лет у нее росло число безработных мужчин. Здесь ясно, что именно из-за того, что люди не могут найти работу в деревне, в городе так много безработных; потому что, когда начинается сбор урожая, они толпами уходят, а когда он заканчивается, они снова толпами возвращаются в город. Если бы эти ныне безработные люди производили богатство на земле, они бы не только трудоустроивали себя, но и задействовали всю механику города, предоставляя услуги лавочникам, торговлю — торговцам, аудиторию - театрам, подписчиков и рекламу - газетам, создавая эффективный спрос, который ощущался бы в Новой Англии и Старой Англии, и везде, где по всему миру появляются товары, которые потребляет такое население, когда у него есть средства заплатить за них.

Итак, почему этот безработный труд не может найти себе применение на земле? Это не значит, что вся земля находится в пользовании. Хотя все симптомы, которые в старых странах воспринимаются как свидетельствующие об избыточности населения, начинают проявляться в Сан-Франциско, бесполезно говорить об избыточности населения в государстве, обладающем большими природными ресурсами, чем Франция, где еще нет миллиона человек. В нескольких милях от Сан-Франциско есть достаточно неиспользуемой земли, чтобы дать работу каждому, кто этого захочет. Я не хочу сказать, что каждый безработный мог бы стать фермером или

построить себе дом, если бы у него была земля; но этого достаточно, чтобы обеспечить работой остальных. Что же тогда мешает рабочей силе найти себе применение на этой земле? Просто то, что он был монополизирован и удерживается по спекулятивным ценам, основанным не на текущей стоимости, а на добавленной стоимости, которая появится с будущим ростом населения.

То, что, таким образом, может увидеть в Сан-Франциско любой желающий, не сомневаюсь, может быть столь же ясно видно и в других местах.

Нынешняя торгово-промышленная депрессия, которая впервые отчетливо проявилась в Соединенных Штатах в 1872 году и с большей или меньшей интенсивностью распространилась по цивилизованному миру, в значительной степени объясняется чрезмерным расширением железнодорожной системы, с которой, по-видимому, связано многое. Я полностью осознаю, что строительство железных дорог до того, как они действительно понадобятся, может отвлечь капитал и рабочую силу от более менее производительных занятий и сделать общество беднее, а не богаче; и когда железнодорожная мания достигла своего апогея, я указал на это в политическом трактате, адресованном народу Калифорнии;⁴⁰ но приписывать этой растрате капитала столь широко распространенный промышленный тупик, мне кажется, все равно что приписывать необычно низкий прилив нескольким дополнительным ведрам воды. Растрата капитала и рабочей силы во время гражданской войны была значительно больше, чем это могло бы быть при строительстве ненужных железных дорог, но не привела к какому-либо подобному результату. И, конечно, кажется мало смысла говорить о растрате капитала и рабочей силы на железных дорогах как о причине этой депрессии, когда характерной чертой депрессии был переизбыток капитала и рабочей силы в поисках работы.

Тем не менее, любой, кто понимает, что означает повышение стоимости земли, и кто заметил эффект, который строительство железных дорог оказывает на спекуляцию землей, может легко увидеть, что существует связь между быстрым строительством железных дорог и промышленным спадом. Везде, где строилась или проектировалась железная дорога, земли росли в цене под влиянием спекуляций, и к номинальной стоимости добавлялись тысячи миллионов долларов, которые от капитала и рабочей силы требовалось выплачивать сразу или частями в качестве цены за разрешение работать и создавать богатство. Неизбежным результатом было сдерживание производства, и это сдерживание производства выразилось в прекращении спроса, что привело к ограничению производства на самых дальних границах широкого круга обменов, действующих с накопленной силой в центрах великого промышленного содружества, с которым торговля связывает цивилизованный мир.

Первичные действия этого дела, пожалуй, нигде не могут быть прослежены более четко, чем в Калифорнии, которая из-за своей сравнительной изоляции образовала особенно четко выраженное сообщество.

Почти до конца последнего десятилетия в Калифорнии наблюдалась та же промышленная активность, которая наблюдалась в Северных Штатах и, фактически, во всем цивилизованном мире, если учитывать прекращение обменов и дезорганизацию промышленности, вызванные войной и блокадой южных портов. Эта активность не могла быть объяснена инфляцией валюты или чрезмерными расходами правительства штата, которым с тех пор приписывается сравнительная активность того же периода в Восточных штатах; ибо, несмотря на законы о законном платежном средстве, Тихоокеанское побережье придерживалось денежной единицы,

и налогообложение федерального правительства забирало гораздо больше, чем возвращалось в виде федеральных расходов. Это объяснялось исключительно обычными причинами, поскольку, хотя добыча россыпей сокращалась, в Неваде открывались серебряные рудники, пшеница и шерсть начинали занимать место золота в таблице экспорта, а рост населения и совершенствование методов производства и обмена неуклонно повышали эффективность труда.

Следствием этого материального прогресса стало неуклонное повышение стоимости земли. Это неуклонное продвижение породило спекулятивный рост, который с эрой железных дорог привел к росту стоимости земли во всех направлениях. Если население Калифорнии неуклонно росло, когда длинный, дорогостоящий, охваченный лихорадкой маршрут через перешеек был основным способом сообщения с Атлантическими штатами, считалось, что оно должно было чрезвычайно увеличиться с открытием дороги, которая соединит гавань Нью-Йорка и залив Сан-Франциско за семь дней легкого пути, и когда в самом штате локомотив занял место почтовой кареты и товарного вагона. Ожидаемое увеличение стоимости земли, которое произошло бы таким образом, было заранее обесценено. Участки на окраинах Сан-Франциско подорожали на сотни и тысячи процентов, а сельскохозяйственные угодья были изъяты и удерживались по высоким ценам, в каком бы направлении ни направлялся иммигрант.

Но ожидаемого наплыва иммигрантов не произошло. Труд и капитал не могли платить так много за землю и получать справедливую прибыль. Производство было остановлено, если не полностью, то, по крайней мере, относительно. По мере того как строительство трансконтинентальной железной дороги приближалось к завершению, вместо усиления активности начали проявляться симптомы депрессии; и, когда строительство было завершено, за сезоном активности последовал период депрессии, от которого с тех пор полностью не удалось оправиться, в течение которого заработная плата и проценты неуклонно падали. То, что я назвал фактической линией арендной платы, или пределом возделывания, таким образом (а также благодаря неуклонному росту благоустройства и численности населения, который, хотя и медленнее, чем это было бы в противном случае, все же продолжается) приближается к спекулятивной линии арендной платы, но упорство, с которым поддерживается спекулятивный рост цен на землю в развивающемся сообществе, хорошо известно.⁴¹

Итак, то, что таким образом происходило в Калифорнии, происходило во всех прогрессивных частях Союза. Везде, где строилась или проектировалась железная дорога, земля монополизировалась в ожидании, и выгода от улучшения обесценивалась повышением стоимости земли. Спекулятивный рост ренты, таким образом, опережал нормальный рост, производство было остановлено, спрос снизился, а труд и капитал были возвращены из профессий, более непосредственно связанных с землей, к перенасыщению тех, в которых стоимость земли является менее заметным элементом. Таким образом, быстрое расширение железных дорог связано с последующей депрессией.

И то, что происходило в Соединенных Штатах, происходило в более или менее очевидной степени во всем прогрессивном мире. Повсюду стоимость земли неуклонно возрастала по мере материального прогресса, и повсюду это увеличение порождало спекулятивный рост. Импульс первопричины распространялся не только от новых частей Союза к более старым и от Соединенных Штатов к Европе, но и повсюду, где действовала первопричина. И,

следовательно, всемирный спад промышленности и торговли, порожденный всемирным материальным прогрессом.

Есть одна вещь, которую, как может показаться, я упустил из виду, приписывая эти промышленные спады спекулятивному повышению арендной платы или стоимости земли как главной и первопричине. Действие такой причины, хотя и может быть быстрым, должно быть постепенным — напоминающим давление, а не удар. Но эти промышленные депрессии, по—видимому, наступают внезапно - вначале они носят характер пароксизма, за которым следует сравнительная летаргия, как бы от истощения. Кажется, что все идет своим чередом, торговля и промышленность энергичны и расширяются, как вдруг происходит потрясение, подобное удару грома среди ясного неба — банк лопаются, крупный фабрикант или торговец разоряется, и, как будто удар потряс всю промышленную организацию, неудача следует за неудачей, и со всех сторон рабочие увольняются с работы, а капитал сокращается до уровня бесприкрытой гарантии.

Позвольте мне объяснить, что, на мой взгляд, является причиной этого: для этого мы должны принять во внимание способ, которым осуществляются обмены, поскольку именно посредством обменов все различные формы промышленности объединяются в одну взаимосвязанную и взаимозависимую организацию. Чтобы сделать возможным обмен между производителями, удаленными друг от друга пространством и временем, необходимо хранить большие запасы в хранилищах и в пути, и это, как я уже объяснял, я считаю важнейшей функцией капитала в дополнение к поставке инструментов и семян. Эти обмены, возможно, неизбежно, в основном осуществляются в кредит, то есть аванс с одной стороны вносится до получения возврата с другой.

Теперь, не останавливаясь на выяснении причин, очевидно, что эти достижения, как правило, идут от более высокоорганизованных и позже развитых отраслей промышленности к более фундаментальным. Африканец с Западного побережья, например, который обменивает пальмовое масло и кокосовые орехи на безвкусный ситец и бирмингемских идолов, получает свой доход немедленно; английскому торговцу, напротив, приходится долго выкладывать свой товар, прежде чем он получит свою прибыль. Фермер может продать свой урожай, как только он будет собран, и за наличные; крупный производитель должен держать большие запасы, отправлять свои товары агентам на большие расстояния и, как правило, продавать вовремя. Таким образом, поскольку авансы и кредиты обычно поступают из того, что мы могли бы назвать вторичными, в то, что мы могли бы назвать первичными отраслями промышленности, отсюда следует, что любое ограничение производства, исходящее от последних, не будет немедленно проявляться в первых. Система авансов и кредитов представляет собой, так сказать, эластичную связь, которая будет значительно уступать, прежде чем порвется, но которая, когда она порвется, порвется со щелчком.

Или, чтобы проиллюстрировать по-другому, что я имею в виду: Великая пирамида в Гизе состоит из слоев каменной кладки, нижний слой, конечно, поддерживает все остальное. Если бы мы могли каким-то образом постепенно сжимать этот нижний слой, верхняя часть пирамиды некоторое время сохраняла бы свою форму, а затем, когда гравитация наконец преодолела адгезивность материала, не уменьшалась бы постепенно и регулярно, а внезапно отламывалась бы большими кусками. Теперь промышленную организацию можно сравнить с такой пирамидой. Каково соотношение, которое на данной стадии общественного развития

различные отрасли промышленности имеют друг к другу, сказать трудно, а может быть, и невозможно; но очевидно, что такое соотношение существует, точно так же, как в типографском шрифте существует определенная пропорция между различными буквами. Каждая форма промышленности, поскольку она развивается путем разделения труда, возникает из других, и все они в конечном счете опираются на землю; ибо без земли труд так же бессилён, как был бы человек в пустом пространстве. Чтобы сделать иллюстрацию ближе к состоянию прогрессивной страны, представьте пирамиду, состоящую из наложенных друг на друга слоев — целое постоянно растёт и расширяется. Представьте рост слоя, ближайшего к земле, который нужно проверить. Остальные какое-то время будут продолжать расширяться — фактически, на данный момент тенденция будет заключаться в более быстром расширении, поскольку жизненная сила, которой отказано в распространении на нижнем слое, будет стремиться найти выход в тех, что находятся выше, — пока, наконец, не произойдет решительный перевес и внезапное обрушение по всем граням пирамиды.

Я думаю, ясно, что основная причина и общее течение повторяющихся пароксизмов промышленной депрессии, которые становятся столь заметной чертой современной социальной жизни, объясняются таким образом. И пусть читатель помнит, что мы стремимся проследить только основные причины и общие направления таких явлений или что, на самом деле, это возможно проследить с какой-либо точностью. Политическая экономия может иметь дело и должна иметь дело только с общими тенденциями. Производные силы настолько многообразны, действия и реакции настолько разнообразны, что точный характер явлений предсказать невозможно. Мы знаем, что если дерево прорубить насквозь, оно упадет, но точно, в каком направлении, будет определяться наклоном ствола, раскидом ветвей, воздействием ударов, направлением и силой ветра; и даже птица, садящаяся на ветку, или испуганная белка, перепрыгивающая с ветки на ветку, не останутся без его влияния. Мы знаем, что оскорбление вызовет чувство негодования в груди человека, но для того, чтобы сказать, как далеко и каким образом оно проявится, потребовался бы синтез, который построил бы всего человека и все его окружение, прошлое и настоящее.

Способ, которым выявленная мною достаточная причина объясняет основные черты этих промышленных депрессий, находится в разительном контрасте с противоречивыми попытками объяснить их с помощью современных теорий распределения богатства. То, что спекулятивное повышение арендной платы или стоимости земли неизменно предшествует каждому из этих этапов промышленной депрессии, повсюду очевидно. То, что они связаны друг с другом причинно-следственными отношениями, очевидно для всякого, кто рассматривает необходимые отношения между землей и трудом.

И то, что нынешняя депрессия проходит своим чередом и что, как указывалось ранее, устанавливается новое равновесие, которое приведет к новому сезону сравнительной активности, уже можно наблюдать в Соединенных Штатах. Нормальная арендная плата и спекулятивная арендная плата сближаются: (1) Из-за падения спекулятивной стоимости земли, что очень очевидно по снижению арендной платы и снижению стоимости недвижимости в основных городах. (2) Повышением эффективности труда, обусловленным ростом населения и использованием новых изобретений и открытий, некоторые из которых почти так же важны, как использование пара, которые мы, кажется, вот-вот постигнем. (3) Снижением обычного стандарта процентов и заработной платы, что в отношении процентов подтверждается переговорами о правительственном займе под четыре процента, а в отношении заработной

платы является слишком общим фактом для какой-либо специальной ссылки. Когда равновесие, таким образом, будет восстановлено, наступит сезон возобновления активности, кульминацией которого станет спекулятивный рост стоимости земли.⁴² Но заработная плата и процент не восстановят утраченных позиций. Конечным результатом всех этих возмущений или волнообразных движений является постепенное доведение заработной платы и процента до минимума. На самом деле, как было замечено во вступительной главе, эти временные и повторяющиеся спады свидетельствуют лишь об усилении общего движения, сопровождающего материальный прогресс.

ГЛАВА II.

СОХРАНЕНИЕ БЕДНОСТИ НА ФОНЕ РАСТУЩЕГО БОГАТСТВА.

Великая проблема, своеобразными проявлениями которой являются эти повторяющиеся сезоны промышленной депрессии, теперь, я думаю, полностью решена, и социальные явления, которые во всем цивилизованном мире приводят в ужас филантропов и ставят в тупик государственных деятелей, которые нависают тучами над будущим самых развитых рас и наводят на сомнения в реальности и конечной цели того, что мы с любовью называем прогрессом, теперь объяснены.

Причина, по которой, несмотря на увеличение производительной силы, заработная плата постоянно стремится к минимуму, позволяющему едва прокормиться, заключается в том, что с увеличением производительной силы рента стремится к еще большему увеличению, создавая, таким образом, постоянную тенденцию к снижению заработной платы.

Во всех направлениях прямой тенденцией развивающейся цивилизации является увеличение способности человеческого труда удовлетворять человеческие желания — искоренять бедность, изгонять нужду и страх перед нуждой. Все, в чем заключается прогресс, все условия, к которым стремятся прогрессивные сообщества, имеют своим прямым и естественным результатом улучшение материального (а следовательно, интеллектуального и морального) состояния всех, кто находится под их влиянием. Рост населения, увеличение и расширение обмена, открытия науки, стремительный рост изобретений, распространение образования, совершенствование управления и улучшение нравов, рассматриваемые как материальные силы, имеют прямую тенденцию к увеличению производительной силы труда — не какого-либо труда, а всего труда; не в некоторых отраслях промышленности, а во всех отраслях промышленности; ибо закон производства богатства в обществе - это закон “каждый за всех и все для каждого”.

Но труд не может пожинать плоды, которые таким образом приносит развивающаяся цивилизация, потому что они перехватываются. Поскольку земля необходима для труда и находится в частной собственности, всякое увеличение производительной силы труда лишь увеличивает ренту — цену, которую труд должен платить за возможность использовать свои силы; и, таким образом, все преимущества, полученные в результате прогресса, достаются

владельцам земли, а заработная плата не повышается. Заработная плата не может увеличиваться, ибо чем больше заработок рабочей силы, тем большую цену рабочая сила должна заплатить из своего заработка за возможность вообще получать какой-либо заработок. Таким образом, простой рабочий заинтересован в общем росте производительной силы не больше, чем кубинский раб заинтересован в росте цен на сахар. И точно так же, как повышение цен на сахар может ухудшить положение раба, побуждая хозяина гнать его сильнее, так и положение свободного работника может быть положительно, а также относительно изменено к худшему увеличением производительной силы его труда. Ибо, порожденная непрерывным повышением ренты, возникает спекулятивная тенденция, которая обесценивает эффект будущих улучшений за счет еще большего повышения ренты и, таким образом, стремится, там, где это не произошло в результате нормального повышения ренты, снизить заработную плату до уровня рабства — уровня, на котором рабочий может просто жить.

И, таким образом, лишенный всех преимуществ увеличения производительной силы, труд подвергается определенным последствиям развивающейся цивилизации, которые без преимуществ, естественно сопутствующих им, являются положительным злом и сами по себе имеют тенденцию низводить свободного работника до беспомощного и деградированного состояния раба.

Ибо все улучшения, которые увеличивают производительную силу по мере прогресса цивилизации, заключаются в еще большем разделении труда или требуют его, и эффективность всей группы работников повышается за счет независимости составляющих. Отдельный работник приобретает знания и навыки лишь в бесконечно малой части разнообразных процессов, необходимых для удовлетворения даже самых обычных потребностей. Совокупный продукт труда дикого племени невелик, но каждый член способен к независимой жизни. Он может построить свое собственное жилище, сшить или скроить собственное каноэ, сшить собственную одежду, изготовить собственное оружие, силки, инструменты и украшения. Он обладает всеми знаниями о природе, которыми обладает его племя, — знает, какие овощи пригодны в пищу и где их можно найти; знает повадки зверей, птиц, рыб и насекомых; может ориентироваться по солнцу или звездам, по цветению цветов или мха на деревьях; короче говоря, способен удовлетворить все свои потребности. Он может быть отрезан от своих собратьев и все еще жить; и, таким образом, обладает независимой властью, которая делает его свободной договаривающейся стороной в его отношениях с сообществом, членом которого он является.

Сравните с этим дикарем рабочего из низших слоев цивилизованного общества, чья жизнь тратится на производство всего лишь одной вещи или, чаще, бесконечно малой части одной вещи из множества вещей, составляющих богатство общества и идущих на удовлетворение даже самых примитивных потребностей; который не только не может изготовить даже инструменты, необходимые для его работы, но часто работает инструментами, которыми он не владеет и никогда не может надеяться владеть. Вынужденный к еще более напряженному и непрерывному труду, чем дикарь, и получающий от него не больше, чем получает дикарь, — самое необходимое для жизни, — он теряет независимость дикаря. Он не только неспособен применить свои собственные силы для прямого удовлетворения своих собственных желаний, но и без согласия многих других, он неспособен применить их косвенно для удовлетворения своих желаний. Он - всего лишь звено в огромной цепи производителей и потребителей, беспомощное отделиться и двигаться только так, как двигаются они. Чем хуже его положение в

обществе, тем больше он зависит от общества; тем более неспособным он становится что-либо сделать для себя. Сама способность прилагать свой труд для удовлетворения своих потребностей выходит из-под его собственного контроля и может быть отнята или восстановлена действиями других или общими причинами, на которые он имеет не больше влияния, чем на движение солнечной системы. Первобытное проклятие начинает рассматриваться как благо, и люди думают, и говорят, и шумят, и издают законы, как будто монотонный ручной труд сам по себе был благом, а не злом, целью, а не средством. При таких обстоятельствах человек теряет важнейшее качество мужественности — богоподобную способность изменять условия и контролировать их. Он становится рабом, машиной, товаром — вещью, в некоторых отношениях стоящей ниже животного.

Я не сентиментальный поклонник дикого государства. Я черпаю свои представления о необразованных детях природы не у Руссо, или Шатобриана, или Купера. Я осознаю ее материальную и умственную бедность, а также ее низкий и узкий кругозор. Я верю, что цивилизация — это не только естественное предназначение человека, но и предоставление избирательных прав, возвышение и утончение всех его сил, и думаю, что только в таких настроениях, которые могут заставить его завидовать жующему жвачку скоту, человек, свободно пользующийся преимуществами цивилизации, может с сожалением смотреть на дикое состояние. Но, тем не менее, я думаю, что никто, кто откроет глаза на факты, не сможет удержаться от вывода, что в сердце нашей цивилизации существуют большие классы, с которыми самый настоящий дикарь не мог бы позволить себе поменяться местами. Я твердо убежден, что если бы человеку, стоящему на пороге бытия, был предоставлен выбор войти в жизнь жителя Огненной Земли, чернокожего жителя Австралии, эскимоса за Полярным кругом или принадлежать к низшим классам в такой высокоцивилизованной стране, как Великобритания, он сделал бы бесконечно лучший выбор, избрав участь дикаря. Ибо те классы, которые среди богатства обречены на нужду, терпят все лишения дикаря, лишенного чувства личной свободы; они обречены на большее, чем его ограниченность и ничтожество, без возможности развивать свои грубые добродетели; если их горизонт шире, то лишь для того, чтобы выявить блага, которыми они не могут наслаждаться.

Некоторым это может показаться преувеличением, но это только потому, что они никогда не позволяли себе осознать истинное положение тех классов, на которые со всей силой давит железная пята современной цивилизации. Как замечает Де Токвиль в одном из своих писем к мадам . Свитчин, “мы так скоро привыкаем к мысли о нужде, что не чувствуем, что зло, которое становится больше для страдальца по мере того, как оно длится, становится меньше для наблюдателя самим фактом его продолжительности”; и, возможно, лучшим доказательством справедливости этого наблюдения является то, что в городах, где существует класс пауперов и преступный класс, где молодые девушки дрожат, когда шьют себе на хлеб, а оборванные и босоногие дети устраивают себе приют на улицах, регулярно собираются деньги для отправки миссионеров к язычникам! Пошлите миссионеров к язычникам! это было бы смешно, если бы не было так печально. Ваал больше не протягивает своих отвратительных, скошенных рук; но в христианских землях матери убивают своих младенцев за плату за погребение! И я оспариваю создание из любых достоверных отчетов о жизни дикарей таких описаний деградации, которые можно найти в официальных документах высокоцивилизованных стран — в отчетах санитарных комиссаров и расследованиях условий жизни трудящейся бедноты.

Простая теория, которую я изложил (если, конечно, ее можно назвать теорией, которая является лишь признанием наиболее очевидных взаимосвязей), объясняет это сочетание бедности с богатством, низкой заработной платы с высокой производительной силой, деградации на фоне просвещения, фактического рабства при политической свободе. Она приводит в соответствие, как результат общего и неумолимого закона, факты, в противном случае наиболее сбивающие с толку, и демонстрирует последовательность и взаимосвязь между явлениями, которые без привязки к ней разнообразны и противоречивы. Это объясняет, почему проценты и заработная плата выше в новых сообществах, чем в старых, хотя среднее, а также совокупное производство богатства меньше. Это объясняет, почему усовершенствования, повышающие производительную силу труда и капитала, не увеличивают вознаграждения ни того, ни другого. Это объясняет то, что обычно называют конфликтом между трудом и капиталом, одновременно доказывая реальную гармонию интересов между ними. Это выбивает последний дюйм почвы из-под ложных представлений о протекционизме, одновременно показывая, почему свободная торговля не приносит постоянной пользы рабочему классу. Это объясняет, почему нужда возрастает с ростом изобилия, а богатство имеет тенденцию к все большим и большим скоплениям. Она объясняет периодически повторяющиеся спады в промышленности, не прибегая ни к абсурдности "перепроизводства", ни к абсурдности "чрезмерного потребления". Это объясняет вынужденное безделье большого числа потенциальных производителей, которое растрчивает производительную силу развитых сообществ, без абсурдного предположения, что работы слишком мало или что ее слишком много. Это объясняет пагубные последствия для трудящихся классов, которые часто следуют за внедрением машин, не отрицая естественных преимуществ, которые дает использование машин. Это объясняет порок и нищету, которые проявляются среди плотного населения, не приписывая законам Премудрых и Всеблагих недостатков, которые присущи только близоруким и эгоистичным установлениям людей.

Это объяснение соответствует всем фактам.

Посмотрите на сегодняшний мир. В странах, наиболее сильно отличающихся друг от друга — при условиях, наиболее разнообразных в том, что касается правительства, отраслей промышленности, тарифов, валюты, — вы обнаружите бедствие среди рабочих классов; но везде, где вы таким образом обнаружите бедствие и нужду среди богатства, вы обнаружите, что земля монополизирована; что вместо того, чтобы рассматриваться как общая собственность всего народа, с ней обращаются как с частной собственностью отдельных лиц; что за ее использование рабочей силой вымогаются большие доходы из заработка рабочей силы. Посмотрите на современный мир, сравнивая различные страны друг с другом, и вы увидите, что заработную плату делает высокой или низкой не изобилие капитала или производительность труда, а степень, в которой монополизаторы земли могут в виде ренты взимать дань с заработка за труд. Разве это не печально известный факт, известный самым невежественным, что новые страны, где совокупное богатство невелико, но где земля дешева, всегда являются лучшими странами для трудящихся классов, чем богатые страны, где земля дорога? Везде, где вы найдете землю с относительно низкими ценами, не найдете ли вы заработную плату относительно высокой? А там, где земли много, не найдете ли вы заработную плату низкой? По мере роста стоимости земли углубляется бедность и появляется пауперизм. В новых поселениях, где земля дешевая, вы не найдете нищих, а неравенство в положении очень

незначительное. В больших городах, где земля настолько ценна, что ее измеряют шагами, вы столкнетесь с крайностями бедности и роскоши. И это неравенство в условиях между двумя крайностями социальной шкалы всегда может быть измерено ценой земли. Земля в Нью-Йорке стоит дороже, чем в Сан-Франциско; и в Нью-Йорке сан-францисканец может увидеть убожество и нищету, которые повергнут его в ужас. Земля в Лондоне дороже, чем в Нью-Йорке; а в Лондоне убожество и нужда еще хуже, чем в Нью-Йорке.

Сравните одну и ту же страну в разное время, и та же взаимосвязь очевидна. В результате долгих исследований Халлам говорит, что он убежден в том, что заработная плата за ручной труд в Англии в средние века была выше, чем сейчас. Так это или нет, но очевидно, что их не могло быть намного меньше, если вообще могло быть. Огромный рост производительности труда, который даже в сельском хозяйстве оценивается в семьсот-восемьсот процентов, а во многих отраслях промышленности почти не поддается исчислению, только увеличил ренту. Рента с сельскохозяйственных земель в Англии сейчас, по словам профессора Роджерса, в 120 раз больше, измеряемая в деньгах, чем 500 лет назад, и в 14 раз больше, измеряемая в пшенице; в то время как в отношении ренты за застройку и полезных ископаемых аванс был чрезвычайно большим. Согласно оценке профессора Фосетта, капитализированная арендная стоимость земли Англии в настоящее время составляет 4 500 000 000 фунтов стерлингов, или 21 870 000 000 долларов, то есть несколько тысяч жителей Англии имеют право залога на труд остальных, капитализированная стоимость которого более чем в два раза выше, чем при средней цене на южных негров в 1860 году была бы стоимость всего ее населения, будь они рабами.

В Бельгии и Фландрии, Франции и Германии арендная плата и цена продажи сельскохозяйственных земель удвоились за последние тридцать лет.⁴³ Короче говоря, возросшая производительная сила повсюду увеличила стоимость земли; нигде она не увеличила стоимость рабочей силы; ибо, хотя фактическая заработная плата в некоторых местах могла несколько повыситься, этот рост явно объясняется другими причинами. Во многих местах они упали — то есть там, где у них была возможность упасть, — поскольку существует минимум, ниже которого рабочие не могут поддерживать свою численность. И повсюду заработная плата, как доля произведенной продукции, снизилась.

То, как Черная чума привела к резкому росту заработной платы в Англии в четырнадцатом веке, ясно видно по усилиям землевладельцев регулировать заработную плату законодательно. В том, что это ужасное сокращение населения, вместо того чтобы увеличиваться, на самом деле уменьшило эффективную силу рабочей силы, не может быть никаких сомнений; но ослабление конкуренции за землю еще сильнее снизило ренту, а заработная плата выросла настолько, что для ее снижения была применена сила и уголовные законы. Обратный эффект последовал за монополизацией земли, которая произошла в Англии во время правления Генриха VIII., в результате огораживания общин и раздела церковных земель между сводниками и паразитами, которые таким образом получили возможность основывать благородные семьи. Результат был таким же, как и тот, к которому ведет спекулятивное повышение стоимости земли. Согласно Мальтусу (который в своих «Принципах политической экономии» упоминает этот факт, не связывая его с землевладением), в царствование Генриха VII за половину бушеля пшеницы можно было купить немногим более одного дня обычного труда, но во второй половине царствования Елизаветы за половину бушеля пшеницы можно было купить три дня обычного труда. Я с трудом могу поверить, что снижение заработной платы могло быть столь

значительным, как показывает это сравнение; но то, что имело место снижение обычной заработной платы и большое бедствие среди трудящихся классов, очевидно из жалоб “крепких бродяг” и законов, принятых для их подавления. Быстрая монополизация земли, выход спекулятивной арендной платы за пределы обычной, привели к появлению бродяг и нищих, точно так же, как аналогичные последствия аналогичных причин в последнее время стали очевидны в Соединенных Штатах.

-Земля, которая раньше продавалась за двадцать или сорок фунтов в год, - сказал Хью Латимер, - теперь сдается за пятьдесят или сто. Мой отец был йоменом, и у него не было собственной земли; только у него была ферма, арендная плата за которую составляла самое большее три-четыре фунта в год, и после этого он обрабатывал столько, что содержал полдюжины человек. Он пас сотню овец, а моя мать доила тридцать коров; он смог найти и нашел для короля упряжь для себя и своей лошади, когда пришел на место, где должен был получить королевское жалованье. Я помню, что застегивал ему ремни безопасности, когда он ездил на Блэкхит Филд. Он отдал меня в школу; он выдал замуж моих сестер, заплатив по пять фунтов за каждую, чтобы воспитать их в благочестии и страхе Божьем. Он продолжал оказывать гостеприимство своим соседям и раздавал милостыню бедным. И все это он делал на той же ферме, где тот, у кого она сейчас есть, платит шестнадцать фунтов арендной платы или больше в год и ничего не может сделать для своего Принца, ни для себя, ни для своих детей, ни подать чашу питья бедным”.

“Таким образом, - сказал сэр Томас Мор, имея в виду изгнание мелких фермеров, которое характеризовало это повышение арендной платы, - получается, что эти бедняки, мужчины, женщины, мужья, сироты, вдовы, родители с маленькими детьми, домовладельцы, которых больше числом, чем богатством, все они эмигрируют со своих родных полей, не зная, куда податься”.

И вот из материала Латимеров и их нравов — из стойкого духа, который среди пламени оксфордского костра кричал: “Веди себя как мужчина, мастер Ридли!”, и смешанной силы и мягкости, которые не могли испортить ни процветание, ни топор палача, — выросли воры и бродяги, масса преступности и пауперизма, которые до сих пор губят самые сокровенные лепестки и гложут червяка в корне английской розы.

Но с таким же успехом можно было бы привести исторические иллюстрации притяжения. Принцип столь же универсален и очевиден. То, что рента *должна* уменьшать заработную плату, столь же ясно, как и то, что чем больше вычитаемый коэффициент, тем меньше остаток. В том, что арендная плата *действительно* снижает заработную плату, может убедиться любой человек, где бы он ни находился, просто оглядевшись вокруг.

Нет никакой тайны в причине, которая так внезапно и так сильно повысила заработную плату в Калифорнии в 1849 году и в Австралии в 1852 году. Именно открытие россыпных рудников на незастроенной земле, где труд был бесплатным, повысило заработную плату поваров в ресторанах Сан-Франциско до 500 долларов в месяц и оставило корабли гнить в гавани без офицеров и команды до тех пор, пока их владельцы не согласятся платить ставки, которые в любой другой части земного шара казались баснословными. Если бы эти рудники находились на присвоенной земле или если бы они были немедленно монополизированы, так что могла бы возникнуть арендная плата, то резко возросла бы стоимость земли, а не заработная плата. Комстокское месторождение было богаче россыпей, но Комстокское месторождение было легко монополизировано, и только благодаря сильной организации Ассоциации горняков и

опасениям по поводу ущерба, который это может нанести, люди могут получать четыре доллара в день за то, что пропариваются на глубине двух тысяч футов под землей, где воздух, которым они дышат, должен откачиваться к ним. Богатство Комстокской жилы увеличило арендную плату. Продажная цена этих рудников исчисляется сотнями миллионов, и это принесло отдельным людям состояния, ежемесячную прибыль от которых можно оценить только в сотнях тысяч, если не в миллионах. Нет никакой тайны и в причине, которая привела к снижению заработной платы в Калифорнии с максимума первых дней до почти уровня заработной платы в Восточных Штатах, и которая все еще приводит к их снижению. Производительность труда не снизилась, напротив, она возросла, как я уже показывал ранее; но из того, что он производит, труду теперь приходится платить ренту. Поскольку россыпные месторождения были исчерпаны, рабочей силе пришлось прибегнуть к более глубоким рудникам и сельскохозяйственным угодьям, но поскольку монополизация этих месторождений разрешена, теперь люди ходят по улицам Сан—Франциско, готовые работать практически за что угодно, поскольку природные возможности теперь больше не позволяют трудиться бесплатно.

Истина самоочевидна. Задайте любому, кто способен последовательно мыслить, этот вопрос:

“Предположим, что со стороны Ла-Манша или Германского океана возникнет Ничейная земля, на которой обычным трудом в неограниченном количестве можно было бы зарабатывать десять шиллингов в день и которая оставалась бы незанятой и имела свободный доступ, подобно общему достоянию, которое когда-то составляло столь значительную часть английской земли. Как это повлияет на заработную плату в Англии?”

Он бы сразу сказал вам, что обычная заработная плата по всей Англии скоро должна вырасти до десяти шиллингов в день.

И в ответ на другой вопрос: “Как это повлияет на арендную плату?” после минутного размышления он сказал бы, что рента неизбежно должна упасть; и если бы он продумал следующий шаг, он сказал бы вам, что все это произойдет без того, чтобы какая-либо значительная часть английской рабочей силы была отвлечена на новые природные возможности или формы и направление промышленности сильно изменились; был бы оставлен только тот вид производства, который теперь дает рабочему и землевладельцу вместе взятым меньше, чем труд мог бы обеспечить при новых возможностях. Значительный рост заработной платы произошел бы за счет арендной платы.

Возьмем теперь того же человека или другого — какого-нибудь трезвомыслящего бизнесмена, у которого нет теорий, но который знает, как делать деньги. Скажите ему: “Вот маленькая деревня; через десять лет она станет большим городом — через десять лет железная дорога заменит почтовую карету, электрический свет свечи; она будет изобиловать всеми механизмами и усовершенствованиями, которые так чудовищно умножают эффективную силу труда. Будут ли через десять лет проценты еще выше?”

Он скажет вам “Нет!”

“Будет ли заработная плата за обычный труд выше; будет ли легче человеку, у которого нет ничего, кроме своего труда, зарабатывать на независимую жизнь?”

Он скажет вам: “Нет; заработная плата за обычный труд не будет выше; напротив, все шансы таковы, что она будет ниже; простому рабочему не будет легче зарабатывать на независимую жизнь; скорее всего, это будет труднее”.

“Что же тогда будет выше?”

“Арендная плата; стоимость земли. Иди, найди себе участок земли и владей им”.

И если при таких обстоятельствах вы последуете его совету, вам больше ничего не нужно будет делать. Вы можете сидеть и курить свою трубку; вы можете валяться, как неаполитанские лаццарони или мексиканские леперо; вы можете подняться на воздушном шаре или спуститься в яму в земле; и, не сделав ни единого взмаха, не прибавив ни на йоту к богатству общества, через десять лет вы будете богаты! В новом городе у вас может быть роскошный особняк, но среди его общественных зданий будет богадельня.

На протяжении всего нашего долгого исследования мы продвигались к этой простой истине: поскольку земля необходима для приложения труда при производстве богатства, распоряжаться землей, которая необходима для труда, - значит распоряжаться всеми плодами труда, за исключением достаточного количества, позволяющего труду существовать. Мы продвигались как по вражеской стране, в которой должен быть обеспечен каждый шаг, укреплена каждая позиция и исследован каждый обходной путь; ибо эта простая истина в ее применении к социальным и политическим проблемам скрыта от широких масс людей отчасти самой своей простотой, а в большей части широко распространенными заблуждениями и ошибочными привычками мышления, которые заставляют их искать объяснения зла, угнетающего и угрожающего цивилизованному миру, во всех направлениях, кроме правильного. И за этими изощренными ошибками и вводящими в заблуждение теориями стоит активная, энергичная сила, сила, которая в каждой стране, какими бы ни были ее политические формы, пишет законы и формирует мышление — сила огромного и доминирующего денежного интереса.

Но эта истина так проста и так ясна, что увидеть ее полностью один раз - значит всегда признавать ее. Есть картины, которые, хотя и просматриваются снова и снова, представляют собой лишь запутанный лабиринт линий или прокрутки — пейзаж, деревья или что-то в этом роде, - пока однажды внимание не привлекается к тому факту, что эти предметы составляют лицо или фигуру. Это отношение, однажды распознанное, впоследствии всегда становится ясным. В данном случае это так. В свете этой истины все социальные факты группируются в упорядоченных отношениях, и самые разнообразные явления проистекают из одного великого принципа. Объяснение беспрецедентного развития нашей цивилизации следует искать не в отношениях капитала и труда, не в стремлении населения к существованию. Главной причиной неравенства в распределении богатства является неравенство в праве собственности на землю. Право собственности на землю является великим фундаментальным фактом, который в конечном итоге определяет социальное, политическое и, следовательно, интеллектуальное и моральное состояние людей. И так и должно быть. Ибо земля - это жилище человека, хранилище, из которого он должен черпать для всех своих нужд, материал, к которому должен быть приложен его труд для удовлетворения всех его желаний; ибо даже продукты моря нельзя добыть, наслаждаться солнечным светом или использовать какие-либо силы природы без использования земли или ее продуктов. На земле мы рождаемся, на ней мы живем, к ней мы возвращаемся снова — дети почвы так же верно, как травинка или полевой цветок. Отнимите у

человека все, что принадлежит земле, и он станет всего лишь бестелесным духом. Материальный прогресс не может избавить нас от нашей зависимости от земли; он может лишь усилить способность производить богатство из земли; и, следовательно, когда земля монополизирована, это может продолжаться до бесконечности без повышения заработной платы или улучшения положения тех, у кого есть только их труд. Это может лишь увеличить ценность земли и власть, которую дает ее обладание. Везде, во все времена, у всех народов владение землей является основой аристократии, фундаментом огромных состояний, источником власти. Как говорили брахманы, давным—давно...

“Кому бы ни принадлежала земля в любое время, ему принадлежат ее плоды. Белые зонтики и обезумевшие от гордости слоны - цветы дарованной земли.”

Это Памятное издание Сочинений
Генри Джорджа ограничено тысячей
пронумерованных экземпляров, из которых этот -
№ 4

МЕМОРИАЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
ГЕНРИ ДЖОРДЖА

Том II.

THE WRITINGS OF
HENRY GEORGE

PROGRESS AND
POVERTY

AN INQUIRY INTO THE CAUSE OF INDUS-
TRIAL DEPRESSIONS AND OF INCREASE
OF WANT WITH INCREASE OF WEALTH

THE REMEDY

II

NEW YORK : DOUBLEDAY
AND MCCLURE COMPANY

1898

ТРУДЫ
ГЕНРИ ДЖОРДЖА

ПРОГРЕСС И БЕДНОСТЬ

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРИЧИН ПРОМЫШЛЕННЫХ
ДЕПРЕССИЙ И РОСТА
НУЖДЫ С УВЕЛИЧЕНИЕМ БОГАТСТВА

ЛЕКАРСТВО
II

НЬЮ-ЙОРК: DOUBLEDAY
И MCCLURE COMPANY
1898

Авторское право, 1891,
Генри Джордж
Издательство "Де Винне Пресс".

КНИГА VI. ЛЕКАРСТВО.

ГЛАВА I. НЕДОСТАТОЧНОСТЬ СРЕДСТВ ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ, ПРЕДЛАГАЕМЫХ В НАСТОЯЩЕЕ
ВРЕМЯ.

ГЛАВА II. ИСТИННОЕ ЛЕКАРСТВО.

Новый и справедливый раздел благ и прав этого мира должен быть главной целью тех, кто управляет человеческими делами.—*De Tocqueville*.

Когда цель состоит в том, чтобы улучшить постоянное положение людей, небольшие средства не просто производят небольшие эффекты; они не производят никакого эффекта вообще.—*Джон Стюарт Милль*.

ГЛАВА I.

НЕДОСТАТОЧНОСТЬ СРЕДСТВ ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ, ОТСТАИВАЕМЫХ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ.

Проследив до источника причину растущей бедности на фоне растущего богатства, мы нашли средство; но прежде чем перейти к этой части нашего предмета, было бы неплохо рассмотреть тенденции или средства правовой защиты, на которые в настоящее время полагаются или которые пропагандируются. Средство, на которое указывают наши выводы, одновременно радикально и просто — настолько радикально, что, с одной стороны, его не будут справедливо рассматривать до тех пор, пока сохраняется хоть какая-то вера в эффективность менее едких мер; настолько просто, что, с другой стороны, его реальная эффективность и всесторонность, вероятно, будут упускаться из виду до тех пор, пока не будет оценен эффект более сложных мер.

Тенденции и меры, на которые, как показывает текущая литература и дискуссии, в большей или меньшей степени полагаются или пропагандируются как рассчитанные на уменьшение бедности и страданий среди масс, можно разделить на шесть классов. Я не имею в виду, что существует так много различных партий или школ мысли, а просто то, что для целей нашего исследования преобладающие мнения и предлагаемые меры могут быть сгруппированы таким образом для рассмотрения. Средства правовой защиты, которые для большего удобства и наглядности мы рассмотрим отдельно, часто мысленно комбинируются.

Есть много людей, которые все еще сохраняют комфортную веру в то, что материальный прогресс в конечном итоге искоренит бедность, и есть много тех, кто смотрит на благоразумное ограничение роста населения как на наиболее эффективное средство, но ошибочность этих взглядов уже была достаточно доказана. Давайте теперь рассмотрим, на что можно надеяться:

I. От большей экономии в правительстве.

II. От лучшего образования рабочего класса и улучшения привычек к трудолюбию и бережливости.

III. От объединений рабочих для повышения заработной платы.

IV. От сотрудничества труда и капитала.

V. По указанию и вмешательству правительства.

VI. Из более общего распределения земли.

Я думаю, что в рамках этих шести разделов мы можем в существенной форме рассмотреть все надежды и предложения по облегчению социальных страданий, за исключением простой, но далеко идущей меры, которую я предложу.

I.— От большей экономии в правительстве.

Еще несколько лет назад у американцев было догматом веры — убеждение, разделяемое европейскими либералами, — что бедность угнетенных масс Старого Света обусловлена аристократическими и монархическими институтами. Это убеждение быстро ушло в прошлое с

появлением в Соединенных Штатах, при республиканских институтах, социальных потрясений того же рода, если не той же интенсивности, что и в Европе. Но социальное бедствие все еще в значительной степени объясняется огромным бременем, налагаемым существующими правительствами, — огромными долгами, военными и военно-морскими учреждениями, расточительностью, которая характерна как для республиканских, так и для монархических правителей, и особенно характерна для администрации крупных городов. К этому следует добавить, что в Соединенных Штатах грабеж, связанный с защитным тарифом, который на каждые двадцать пять центов, вносимых в казну, отнимает доллар, а это может составлять четыре или пять долларов из кармана потребителя. Теперь, кажется, существует очевидная связь между огромными суммами, отнятыми таким образом у людей, и лишениями низших классов, и при поверхностном взгляде естественно предположить, что уменьшение огромного бремени, таким образом бесполезно возложенного, облегчило бы получение средств к существованию для самых бедных. Но рассмотрение этого вопроса в свете ранее изложенных экономических принципов покажет, что это не привело бы к желаемому результату. Уменьшение суммы, изъятой из совокупного продукта сообщества путем налогообложения, было бы просто эквивалентно увеличению мощности чистого производства. Фактически это увеличило бы производительную силу труда точно так же, как увеличение плотности населения и совершенствование искусства. И как преимущество в одном случае заключается и должно заключаться в повышении арендной платы для владельцев земли, так и преимущество в другом.

За счет продуктов труда и капитала Англии теперь поддерживается бремя огромного долга, учрежденная Церковь, дорогая королевская семья, большое количество синекурщиков, великая армия и великий флот. Предположим, долг погашен, Церковь упразднена, королевская семья пустилась по течению, чтобы зарабатывать себе на жизнь, синекурщиков уволили, армию распустили, офицеров и матросов военно-морского флота уволили, а корабли продали. Таким образом, стало бы возможным значительное снижение налогообложения. Это привело бы к значительному увеличению чистой продукции, которую еще предстоит распределить между участниками производства. Но это было бы лишь таким дополнением, какое в течение долгого времени постоянно вносили усовершенствования в области искусства, и не таким значительным дополнением, какое внесли пар и машины за последние двадцать или тридцать лет. И поскольку эти дополнения не уменьшили пауперизм, а только увеличили арендную плату, то и это тоже. Английские землевладельцы получили бы всю выгоду. Я не стану оспаривать, что если бы все эти вещи можно было осуществить внезапно и без разрушений и затрат, связанных с революцией, то могло бы произойти временное улучшение положения низшего класса; но такая внезапная и мирная реформа явно невозможна. И если бы это было так, любое временное улучшение в результате процесса, который мы сейчас наблюдаем в Соединенных Штатах, было бы в конечном счете поглощено повышением стоимости земли.

Итак, в Соединенных Штатах, если бы мы сократили государственные расходы до минимально возможного уровня и покрыли их за счет налогообложения доходов, выгода, безусловно, не могла бы быть больше той, которую принесли железные дороги. В руках народа в целом осталось бы больше богатства, точно так же, как железные дороги передали больше богатства в руки народа в целом, но в отношении его распределения действовали бы те же неумолимые законы. Положение тех, кто живет своим трудом, в конечном счете не улучшится.

Смутное осознание этого проникает — или, скорее, начинает проникать — в массы и представляет собой одну из серьезных политических трудностей, которые сгущаются вокруг

американской республики. Тех, у кого нет ничего, кроме своего труда, и особенно городских пролетариев — растущего класса, — мало волнует расточительность правительства, и во многих случаях они склонны рассматривать это как благо — “обеспечение занятости” или “пускание денег в обращение”. Твид, который грабил Нью-Йорк, как вождь партизан может грабить захваченный город (и который был всего лишь разновидностью новых бандитов, захвативших власть во всех наших городах), несомненно, пользовался популярностью у большинства избирателей, хотя его воровство было печально известно, а его добыча украшалась крупными бриллиантами и щедрыми личными расходами. После предъявления обвинения он был с триумфом избран в Сенат, и, даже когда его поймали как беглеца, его часто приветствовали по пути из суда в тюрьму. Он ограбил государственную казну на многие миллионы, но пролетарии чувствовали, что он не грабил их. И вердикт политической экономии такой же, как и у них.

Позвольте мне быть понятым ясно. Я не говорю, что государственная экономия нежелательна; просто сокращение государственных расходов не может иметь прямого эффекта в искоренении бедности и повышении заработной платы, пока земля монополизирована.

Хотя это и верно, но даже с единственной ссылкой на интересы низшего класса следует прилагать все усилия для сокращения бесполезных расходов. Чем более сложным и экстравагантным становится правительство, тем больше оно становится властью, отличной от народа и независимой от него, и тем труднее становится выносить вопросы реальной государственной политики на всенародное решение. Посмотрите на наши выборы в Соединенных Штатах — к чему они приводят? На нас давят самые важные проблемы, но в политике так много денег, так велики вовлеченные личные интересы, что наиболее важные вопросы управления почти не рассматриваются. У среднего американского избирателя есть предрассудки, партийные чувства, общие представления определенного рода, но он уделяет фундаментальным вопросам управления не намного больше внимания, чем запряженная в трамвай лошадь — прибылям очереди. Если бы это было не так, то не сохранилось бы так много старых злоупотреблений и не было бы добавлено так много новых. Все, что стремится сделать управление простым и недорогим, стремится поставить его под контроль народа и выдвинуть на первый план вопросы реальной важности. Но никакое сокращение государственных расходов само по себе не может излечить или смягчить зло, проистекающее из постоянной тенденции к неравномерному распределению богатства.

II.— Благодаря распространению образования и улучшению привычек к трудолюбию и бережливости.

Среди более обеспеченных классов существует и всегда было широко распространено убеждение, что бедность и страдания масс происходят из-за отсутствия у них трудолюбия, бережливости и интеллекта. Эта вера, которая одновременно успокаивает чувство ответственности и льстит своим намеком на превосходство, вероятно, даже более распространена в таких странах, как Соединенные Штаты, где все люди политически равны и где, благодаря новизне общества, разделение на классы было скорее индивидуальным, чем семейным, чем в более старых странах, где разделительные линии были длиннее и проведены более резко. Вполне естественно для тех, кто может объяснить свои собственные лучшие обстоятельства высоким трудолюбием и бережливостью, которые дали им старт, и высоким интеллектом, позволившим им использовать любую возможность,⁴⁴ воображать, что те, кто остается бедным, делают это просто из-за отсутствия этих качеств.

Но тот, кто постиг законы распределения богатства, поскольку в предыдущих главах они были прослежены, увидит ошибку в этом представлении. Логическая ошибка аналогична той, которая была бы связана с утверждением, что каждый из нескольких участников может выиграть гонку. Что *любая* возможность истинна; что *каждая* возможность невозможна.

Ибо, как только земля приобретает стоимость, заработная плата, как мы видели, зависит не от реального заработка или продукта труда, а от того, что остается трудящимся после изъятия ренты; и когда земля полностью монополизирована, как это происходит повсюду, за исключением новейших сообществ, рента должна снизить заработную плату до уровня, при котором беднейший оплачиваемый класс будет просто в состоянии жить и воспроизводиться, и, таким образом, заработная плата будет доведена до минимума, установленного так называемым стандартом комфорта, то есть количеством предметов первой необходимости и удобств, которые привычка заставляет рабочеклассы требовать как самые низкие. по которому они согласятся сохранить свою численность. В таком случае трудолюбие, мастерство, бережливость и интеллект могут принести пользу индивидууму только в той мере, в какой они превосходят общий уровень — точно так же, как в забеге скорость может принести пользу бегуну только в той мере, в какой она превосходит скорость его конкурентов. Если один человек будет работать усерднее или с превосходящими навыками или интеллектом, чем обычно, он продвинется вперед; но если средний уровень трудолюбия, навыков или интеллекта будет доведен до высшей точки, возросшая интенсивность приложения усилий обеспечит лишь прежний уровень заработной платы, и тот, кто хочет продвинуться, должен работать еще усерднее.

Один человек может сэкономить деньги из своей заработной платы, живя так, как жил доктор Франклин, когда во время своего ученичества и первых дней подмастерья решил практиковать вегетарианство; и многие бедные семьи могли бы чувствовать себя более комфортно, научившись готовить дешевые блюда, которыми Франклин пытался ограничить аппетиты своего работодателя Кеймера, в качестве условия для его принятия должности конфутера противников новой религии, пророком которой Кеймер хотел стать,⁴⁵ но если бы рабочие классы в целом стали жить таким образом, заработная плата в конечном итоге упала бы пропорционально, и кто бы ни пожелал жить так же, как он. чтобы продвинуться вперед с помощью практики экономии или смягчить бедность с помощью обучения ей, пришлось бы изобрести какой-нибудь еще более дешевый способ сохранить душу и тело вместе. Если бы при существующих условиях американские механики опустились до китайского уровня жизни, им в конечном счете пришлось бы опуститься до китайского уровня заработной платы; или если бы английские рабочие довольствовались рисовой диетой и скудной одеждой бенгальцев, вскоре труд в Англии оплачивался бы так же плохо, как и в Бенгалии. Ожидалось, что внедрение картофеля в Ирландию улучшит положение беднейших классов за счет увеличения разницы между заработной платой, которую они получали, и стоимостью их жизни. Последствиями, которые действительно последовали, были повышение арендной платы и снижение заработной платы, а вместе с картофельной фитофторозом - опустошительный голод среди населения, которое уже настолько снизило свой уровень комфорта, что следующим шагом была голодная смерть.

И, таким образом, если один индивид будет работать больше часов, чем в среднем, он увеличит свою заработную плату; но заработная плата всех не может быть увеличена таким образом. Общеизвестно, что в профессиях, где рабочее время продолжительное, заработная плата не выше, чем там, где рабочее время короче; как правило, наоборот, чем длиннее рабочий день,

тем более беспомощным становится работник — тем меньше у него времени, чтобы осмотреться вокруг и развить другие способности, кроме тех, которые проявляются в его работе; тем меньше становится его способность сменить занятие или воспользоваться обстоятельствами. И, таким образом, отдельный рабочий, который нанимает себе в помощь жену и детей, может, таким образом, увеличить свой доход; но в профессиях, где жена и дети работника стали привычными дополнять его работу, общеизвестно, что заработная плата, получаемая всей семьей, в среднем не превышает заработную плату главы семьи в профессиях, где для него обычным является только работа. Труд швейцарской семьи в производстве часов конкурирует по дешевизне с американским оборудованием. Нью-йоркские производители сигар богемы, мужчины, женщины и дети, работающие в своих многоквартирных домах, снизили цены на изготовление сигар до меньших, чем получали китайцы в Сан-Франциско.

Эти общие факты хорошо известны. Они полностью признаны в стандартных политико-экономических работах, где, однако, объясняются на основе мальтузианской теории о тенденции населения размножаться до предела прожиточного минимума. Истинное объяснение, как я достаточно показал, заключается в тенденции ренты снижать заработную плату.

Что касается последствий образования, то, возможно, стоит сказать несколько слов особо, поскольку преобладает склонность приписывать ему нечто вроде магического влияния. Итак, образование является образованием лишь постольку, поскольку оно позволяет человеку более эффективно использовать свои природные силы, а это то, чего то, что мы называем образованием, по большей части не делает. Я помню маленькую девочку, довольно хорошо успевавшую в школе по географии и астрономии, которая была очень удивлена, обнаружив, что почва на заднем дворе ее матери на самом деле была поверхностью земли, и, если вы поговорите с ними, вы обнаружите, что большая часть знаний многих выпускников колледжей во многом схожа с знаниями этой маленькой девочки. Они редко думают лучше, а иногда и не так хорошо, как мужчины, которые никогда не учились в колледже.

Один джентльмен, который провел много лет в Австралии и близко знал привычки аборигенов (преподобный доктор Блисдейл), приведя несколько примеров их удивительного мастерства в обращении с оружием, в предсказании изменений ветра и погоды и в ловле самых пугливых птиц, однажды сказал мне: “Я думаю, что было бы большой ошибкой считать этих черных парней невеждами. Их знания отличаются от наших, но в этом они, как правило, лучше образованы. Как только они начинают ходить, их учат играть с маленькими бумерангами и другим оружием, наблюдать и судить, и, когда они становятся достаточно взрослыми, чтобы позаботиться о себе, они вполне способны это делать — фактически, в соответствии с характером их знаний, они являются теми, кого я бы назвал хорошо образованными джентльменами; чего я не могу сказать о многих наших молодых парнях, которые получили то, что мы называем лучшими преимуществами, но которые вступают в зрелость, неспособные что-либо сделать ни для себя, ни для других”.

Как бы то ни было, очевидно, что интеллект, который является или должен быть целью образования, до тех пор, пока он не побудит массы обнаружить и устранить причину неравномерного распределения богатства, может влиять на заработную плату только за счет увеличения эффективной силы труда. Это имеет тот же эффект, что и повышение квалификации

или трудолюбия. И это может повысить заработную плату индивида только в той мере, в какой это ставит его выше других. Когда умение читать и писать было редким достижением, клерк пользовался большим уважением и большим жалованьем, но сейчас умение читать и писать стало настолько почти всеобщим, что не дает никаких преимуществ. Среди китайцев умение читать и писать кажется абсолютно универсальным, но заработная плата в Китае достигает самого низкого возможного уровня. Распространение интеллекта, за исключением того, что оно может вызвать у людей недовольство положением вещей, которое обрекает производителей на тяжелую жизнь, в то время как непроизводители купаются в роскоши, не может привести к повышению заработной платы в целом или каким—либо образом улучшить положение низшего класса - “грязных червей” общества, как однажды назвал их сенатор—южанин, - которые должны опираться на землю, независимо от того, насколько высока надстройка. Никакое увеличение эффективной силы труда не может увеличить общую заработную плату, пока рента поглощает всю прибыль. Это не просто вывод из принципов. Это факт, подтвержденный опытом. Рост знаний и прогресс изобретений снова и снова увеличивали эффективную силу труда без увеличения заработной платы. В Англии более миллиона бедняков. В Соединенных Штатах количество богаделен растет, а заработная плата снижается.

Верно, что большая трудолюбивость и мастерство, большая осмотрительность и более высокий интеллект, как правило, связаны с лучшим материальным положением рабочих классов; но то, что это следствие, а не причина, показано соотношением фактов. Везде, где улучшалось материальное положение трудящихся классов, следовало улучшение их личных качеств, и везде, где их материальное положение ухудшалось, результатом было ухудшение этих качеств; но нигде улучшение материального положения не может быть показано как результат роста трудолюбия, квалификации, благоразумия или интеллекта в классе, обреченном на тяжелый труд ради скудного существования, хотя однажды достигнутые эти качества (или, скорее, сопутствующее им повышение уровня комфорта) оказывают сильное и, во многих случаях, достаточное сопротивление ухудшению материального положения.

Дело в том, что качества, возвышающие человека над животным, накладываются на те, которые он разделяет с животным, и что только когда он освобождается от потребностей своей животной природы, его интеллектуальная и моральная природа может расти. Принудите человека к тяжелой работе ради удовлетворения потребностей животного существования, и он потеряет стимул к трудолюбию — прародителю мастерства - и будет делать только то, что его заставляют делать. Сделайте его состояние таким, чтобы оно не могло быть намного хуже, в то время как есть небольшая надежда на то, что все, что он может сделать, сделает его намного лучше, и он перестанет заглядывать за пределы дня. Лишите его досуга — а досуг означает не отсутствие работы, а отсутствие потребности, которая вынуждает к неподходящей работе, — и вы не сможете, даже отдав ребенка в обычную школу и снабдив мужчину газетой, сделать его умнее.

Верно, что улучшение материального положения народа или класса может не проявляться сразу в умственном и моральном совершенствовании. Повышение заработной платы может поначалу проявляться в безделье и расточительстве. Но в конечном счете они приведут к росту трудолюбия, квалификации, интеллекта и бережливости. Сравнения между разными странами; между разными классами в одной и той же стране; между одними и теми же людьми в разные периоды; и между одними и теми же людьми, когда их условия меняются в результате эмиграции, показывают, как неизменный результат, что личные качества, о которых мы

говорим, появляются по мере улучшения материальных условий и исчезают по мере ухудшения материальных условий. Бедность - это Болото Уныния, которое Баньян видел во сне и в которое можно вечно бросать хорошие книги, но безрезультатно. Чтобы сделать людей трудолюбивыми, благоразумными, умелыми и интеллигентными, они должны быть избавлены от нужды. Если вы хотите, чтобы раб продемонстрировал добродетели свободного человека, вы должны сначала сделать его свободным.

III. —От объединений рабочих.

Из законов распределения, прослеженных ранее, очевидно, что объединения рабочих *могут* повышать заработную плату, и это происходит не за счет других рабочих, как иногда говорят, и даже не за счет капитала, как принято считать; но, в конечном счете, за счет ренты. То, что общее повышение заработной платы не может быть обеспечено комбинированием; что любое повышение конкретной заработной платы, обеспеченное таким образом, должно снижать другие заработные платы или прибыль от капитала, или и то, и другое вместе, — это идеи, проистекающие из ошибочного представления, что заработная плата извлекается из капитала. Ошибочность этих идей демонстрируется не только законами распределения в том виде, в каком мы их разработали, но и опытом, насколько это возможно. Повышение заработной платы в отдельных отраслях за счет объединения рабочих, чему есть множество примеров, нигде не оказало какого-либо влияния на снижение заработной платы в других отраслях или на уменьшение нормы прибыли. За исключением тех случаев, когда это может повлиять на его основной капитал или текущие обязательства, уменьшение заработной платы может принести пользу, а повышение заработной платы наносит ущерб работодателю только в той мере, в какой это дает ему преимущество или ставит его в невыгодное положение по сравнению с другими работодателями. Работодатель, которому первому удастся снизить заработную плату своих рабочих или который первым вынужден выплатить аванс, получает преимущество или оказывается в невыгодном положении по сравнению со своими конкурентами, что прекращается, когда движение охватывает и их. Однако до тех пор, пока изменение заработной платы влияет на его контракты или имеющиеся запасы, изменяя относительные издержки производства, это может быть для него реальной выгодой или убытком, хотя эта выгода или убыток, будучи чисто относительными, исчезают, когда принимается во внимание все сообщество. И если изменение заработной платы приводит к изменению относительного спроса, это может сделать капитал, вложенный в машины, здания или что-либо иное, более или менее прибыльным. Но в этом случае вскоре достигается новое равновесие, ибо, особенно в прогрессивной стране, основной капитал лишь несколько менее подвижен, чем оборотный капитал. Если в определенной форме его слишком мало, тенденция капитала принимать эту форму вскоре доводит его до требуемого количества; если его слишком много, прекращение прироста вскоре восстанавливает уровень.

Но, хотя изменение уровня заработной платы в любой конкретной профессии может вызвать изменение относительного спроса на рабочую силу, оно не может привести к изменению совокупного спроса. Например, предположим, что объединение рабочих, занятых на каком-либо конкретном производстве, повышает заработную плату в одной стране, в то время как объединение работодателей снижает заработную плату на том же производстве в другой стране. Если изменение будет достаточно значительным, то спрос или часть спроса в первой стране теперь будет удовлетворяться за счет импорта таких изделий из второй. Но, очевидно, это увеличение импорта определенного вида должно вызывать необходимость либо

соответствующего сокращения импорта других видов, либо соответствующего увеличения экспорта. Ибо только за счет продукта своего труда и капитала одна страна может требовать или получать в обмен продукт труда и капитала другой. Идея о том, что снижение заработной платы может увеличить или повышение заработной платы может уменьшить торговлю страны, столь же безосновательна, как и идея о том, что процветание страны может быть увеличено за счет налогов на импорт или уменьшено за счет снятия ограничений на торговлю. Если бы вся заработная плата в какой-либо конкретной стране была удвоена, эта страна продолжала бы экспортировать и импортировать те же товары и в тех же пропорциях; ибо обмен определяется не абсолютными, а относительными издержками производства. Но если бы заработная плата в одних отраслях производства была удвоена, а в других не увеличена или увеличилась не так сильно, произошло бы изменение в соотношении различных импортируемых товаров, но не изменилось бы соотношение между экспортом и импортом.

Хотя большинство возражений, выдвигаемых против объединения рабочих для повышения заработной платы, таким образом, беспочвенны, хотя успех таких объединений не может снизить другие виды заработной платы, или уменьшить прибыль капитала, или пагубно повлиять на национальное процветание, все же трудности на пути эффективного объединения рабочих настолько велики, что польза, которую они могут принести, крайне ограничена, в то время как процессу присущи недостатки.

Повышение заработной платы в определенной профессии или профессиях, а это все, чего до сих пор добивалась любая комбинация рабочих, является, очевидно, задачей, трудность которой постепенно возрастает. Ибо чем выше заработная плата любого конкретного вида, поднятая выше своего нормального уровня за счет других видов заработной платы, тем сильнее тенденции вернуть ее обратно. Таким образом, если профсоюз печатников в результате успешной или угрожаемой забастовки повысит заработную плату наборщиков на десять процентов выше обычного уровня по сравнению с другими видами заработной платы, это сразу повлияет на относительный спрос и предложение. С одной стороны, существует тенденция к сокращению объема необходимого набора текста; а, с другой стороны, более высокий уровень заработной платы приводит к увеличению числа наборщиков таким образом, что даже самая сильная комбинация не может полностью предотвратить этого. Если увеличение составляет двадцать процентов, эти тенденции гораздо сильнее; если оно составляет пятьдесят процентов, они становятся еще сильнее, и так далее. Таким образом, практически — даже в таких странах, как Англия, где границы между различными профессиями гораздо более отчетливы и их труднее преодолеть, чем в таких странах, как Соединенные Штаты, — то, что профсоюзы, даже поддерживая друг друга, могут сделать для повышения заработной платы, сравнительно мало, и это немного, более того, ограничено их собственной сферой и не затрагивает низший слой неорганизованных рабочих, положение которых больше всего нуждается в облегчении и в конечном итоге определяет положение всех вышестоящих. Единственным способом, с помощью которого заработная плата могла бы быть повышена в какой-либо степени и с каким-либо постоянством с помощью этого метода, было бы общее объединение, подобное тому, к которому стремились международные организации, которое должно включать работников всех видов. Но такая комбинация может быть признана практически невозможной, поскольку трудности комбинирования, достаточно большие в наиболее высокооплачиваемых и самых мелких профессиях, становятся все больше и больше по мере того, как мы опускаемся в промышленном масштабе.

Также в борьбе на выносливость, которая является единственным методом, позволяющим добиться увеличения заработной платы путем сочетания работы не ниже определенного минимума, нельзя забывать, кто на самом деле является сторонами, противостоящими друг другу. Это не труд и капитал. Это рабочие, с одной стороны, и владельцы земли, с другой. Если бы соревнование было между трудом и капиталом, оно было бы на гораздо более равных условиях. Ибо способность капитала выделяться лишь немногим превосходит способность труда. Капитал не только перестает что-либо приносить, когда его не используют, но и растрачивается впустую, поскольку почти во всех своих формах он может поддерживаться только за счет постоянного воспроизводства. Но земля не будет голодать, как рабочие, или пропадать впустую, как капитал, — ее владельцы могут подождать. Они могут испытывать неудобства, это правда, но что для них неудобно, так это разорение капитала и голод для рабочей силы.

Сельскохозяйственные рабочие в некоторых частях Англии в настоящее время пытаются объединиться с целью добиться увеличения своей прискорбно низкой заработной платы. Если бы именно капитал получал огромную разницу между реальным продуктом их труда и теми грош-ками, которые они получают от этого, им оставалось бы только создать эффективную комбинацию, чтобы обеспечить успех; ибо фермеры, которые являются их прямыми работодателями, могут позволить себе обходиться без труда, но немногим лучше, если вообще могут позволить себе обходиться без заработной платы. Но фермеры не могут много давать без снижения арендной платы; и поэтому настоящая борьба должна развернуться именно между землевладельцами и рабочими. Предположим, что объединение должно быть настолько тщательным, чтобы охватить всех сельскохозяйственных рабочих и не допустить этого всем, у кого могло бы возникнуть искушение занять их места. Рабочие отказываются работать, кроме как за значительное повышение заработной платы; фермеры могут дать ее, только добившись значительного снижения арендной платы, и у них нет другого способа удовлетворить свои требования, кроме как рабочие удовлетворяют свои, отказываясь продолжать производство. Если обработка, таким образом, зайдет в тупик, землевладельцы потеряют только свою ренту, в то время как земля улучшится за счет залегания под паром. Но рабочие будут голодать. И если бы английские рабочие всех мастей объединились в одну великую лигу для всеобщего повышения заработной платы, реальная борьба была бы такой же и при тех же условиях. Ибо заработная плата не могла быть повышена иначе, как за счет уменьшения арендной платы; и в условиях общего тупика землевладельцы могли жить, в то время как рабочие всех мастей должны были голодать или эмигрировать. Владельцы земли Англии в силу своего права собственности являются хозяевами Англии. Так верно то, что “кому бы ни принадлежала земля в любое время, ему принадлежат и плоды ее”. Белые зонтики и обезумевшие от гордости слоны перешли вместе с дарованием английской земли, и народ в целом никогда не сможет восстановить свою власть, пока это дарование не будет возобновлено. То, что верно для Англии, верно и для всех остальных.

Можно сказать, что такой тупиковой ситуации в производстве никогда не могло возникнуть. Это верно; но верно только потому, что невозможно такое тщательное сочетание труда, которое могло бы привести к этому. Но фиксированный и определенный характер земли позволяет землевладельцам объединяться гораздо легче и эффективнее, чем рабочим или капиталистам. Насколько проста и эффективна их комбинация, известно из множества исторических примеров. Абсолютная необходимость использования земли и уверенность во всех прогрессивных странах в том, что ее стоимость должна возрасти, вызывают у землевладельцев

без какого-либо формального объединения все те эффекты, которые могли бы быть вызваны самым жестким объединением среди рабочих или капиталистов. Лишите рабочего возможности трудоустройства, и вскоре он будет стремиться получить работу на любых условиях, но когда после спада волны спекуляций номинальная стоимость земли становится явно выше реальной, любой, кто жил в развивающейся стране, знает, с каким упорством держатся землевладельцы.

И, помимо этих практических трудностей в плане принудительного повышения заработной платы с помощью выносливости, в таких методах есть присущие им недостатки, на которые рабочим не следует закрывать глаза. Я говорю без предубеждения, поскольку я по-прежнему являюсь почетным членом профсоюза, который, работая в своей профессии, я всегда преданно поддерживал. Но, видите ли: методы, с помощью которых профсоюз может действовать в одиночку, обязательно разрушительны; его организация обязательно тираническая. Забастовка, которая является единственным средством, с помощью которого профсоюз может добиться выполнения своих требований, является деструктивным соревнованием — точно таким же, как то, в котором эксцентричный человек по прозвищу “Король денег” однажды, на заре Сан-Франциско, бросил вызов человеку, который насмехался над ним, обвиняя в подлости, что они должны спуститься на пристань и поочередно бросать двадцатидолларовые монеты в залив, пока одна из них не сдастся. Борьба на выносливость, связанная с забастовкой, на самом деле является тем, с чем ее часто сравнивают, — войной; и, как и любая война, она уменьшает богатство. И организация для этого должна, как и организация для войны, быть тиранической. Как даже человек, который хотел бы бороться за свободу, должен, вступая в армию, отказаться от своей личной свободы и стать простой частью огромной машины, так должно быть и с рабочими, которые организуют забастовку. Следовательно, эти комбинации неизбежно разрушительны для тех самых вещей, которые рабочие стремятся получить с их помощью, — богатства и свободы.

Существует древний индуистский способ принуждения к уплате справедливого долга, следы чего-то сродни тому, что сэр Генри Мэн нашел в законах ирландских брехонов. Это называется *сидящая дхарна* — кредитор, добивающийся исполнения своего долга, садясь у двери должника и отказываясь есть или пить, пока ему не заплатят.

Таков метод объединения рабочих. Во время своих забастовок профсоюзы сидят *в дхарне*. Но, в отличие от индуистов, у них нет силы суеверия, которое могло бы поддержать их.

IV.—От Сотрудничества.

Сейчас и в течение некоторого времени было модно проповедовать сотрудничество как суверенное средство от недовольства трудящихся классов. Но, к несчастью для эффективности кооперации как средства от социальных зол, это зло, как мы видели, не является результатом какого-либо конфликта между трудом и капиталом; и если бы кооперация была всеобщей, она не смогла бы повысить заработную плату или уменьшить бедность. Это легко заметить.

Сотрудничество бывает двух видов — сотрудничество в области поставок и сотрудничество в производстве. Так вот, сотрудничество в сфере поставок, пусть оно заходит настолько далеко, насколько это возможно, исключая посредников, только снижает стоимость обменов. Это просто средство для экономии труда и устранения риска, и его влияние на распределение может быть только таким, какое оказывают усовершенствования и изобретения, которые в наше

время так чудесным образом удешевили и упростили обмен, а именно повысили ренту. А производственная кооперация - это просто возврат к той форме заработной платы, которая все еще преобладает на китобойном промысле и называется там “непроизводственной”. Это замена фиксированной заработной платы пропорциональной — замена, примеры которой время от времени встречаются почти во всех сферах деятельности; или, если управление предоставлено рабочим, а капиталист лишь забирает свою долю чистого продукта, то это просто система, которая в значительной степени преобладала в европейском сельском хозяйстве со времен Римской империи, — колониальная, или метапластовая, система. Все, что требуется от кооперации в производстве, — это то, что она делает рабочего более активным и трудолюбивым - другими словами, что она повышает эффективность труда. Таким образом, его действие направлено в том же направлении, что и действие паровой машины, хлопкоочистительной машины, жатвенной машины — короче говоря, всего того, в чем заключается материальный прогресс, и оно может привести только к тому же результату, а именно к увеличению ренты.

То, что в современной экономической и полужономической литературе такое большое значение придается сотрудничеству как средству повышения заработной платы и сокращения бедности, является ярким доказательством того, насколько игнорируются первичные принципы при решении социальных проблем. Очевидно, что у него не может быть такой общей тенденции.

Если отбросить все трудности, которые при нынешних условиях сопряжены с кооперацией либо в сфере снабжения, либо в производстве, и предположить, что она настолько расширилась, что вытеснила существующие методы, — что кооперативные магазины установили связь между производителем и потребителем с минимальными затратами, а кооперативные мастерские, фабрики, фермы и шахты упразднили капиталиста-работодателя, выплачивающего фиксированную заработную плату, и значительно повысили эффективность труда, — что тогда? Да просто потому, что стало бы возможным производить такое же количество богатства с меньшими затратами труда, и, следовательно, владельцы земли, источника всего богатства, могли бы распоряжаться большим количеством богатства для использования своей земли. Это не вопрос простой теории; это доказано опытом и существующими фактами.

Усовершенствованные методы и техника имеют тот же эффект, на который направлено сотрудничество, — снижение затрат на доставку товаров потребителю и повышение эффективности труда, и именно в этом отношении старые страны имеют преимущество перед новыми поселениями. Но, как наглядно показал опыт, усовершенствования в методах и механизмах производства и обмена не имеют тенденции улучшать положение низшего класса, и заработная плата ниже, а бедность глубже там, где обмен происходит при минимальных затратах, а производство осуществляется с использованием наилучшего оборудования. Преимущество, но увеличивает арендную плату.

Но предположим, что существует сотрудничество между производителями и землевладельцами? Это было бы просто равносильно уплате арендной платы натурой — той же системе, при которой большая часть земли сдается в аренду в Калифорнии и Южных штатах, где землевладелец получает долю урожая. За исключением расчетов, она ничем не отличается от господствующей в Англии системы фиксированной денежной ренты. Называйте это сотрудничеством, если хотите, условия сотрудничества по-прежнему будут устанавливаться законами, определяющими ренту, и везде, где земля была монополизирована, увеличение

производительной мощности просто дало бы владельцам земли возможность требовать большую долю.

То, что многие считают сотрудничество решением “трудового вопроса”, вытекает из того факта, что там, где оно было опробовано, оно во многих случаях заметно улучшило положение тех, кто непосредственно им занимался. Но это связано просто с тем, что эти случаи единичны. Точно так же, как промышленность, экономия или мастерство могут улучшить положение рабочих, которые обладают ими в высшей степени, но перестают оказывать это действие, когда улучшение в этих отношениях становится всеобщим, так и особое преимущество в приобретении припасов или особая эффективность, придаваемая какому-либо труду, могут обеспечить преимущества, которые были бы утрачены, как только эти улучшения стали бы настолько всеобщими, что повлияли бы на общие отношения распределения. И правда заключается в том, что, за исключением, возможно, образовательных эффектов, сотрудничество не может дать никаких общих результатов, которых не дала бы конкуренция. Точно так же, как магазины, торгующие дешево за наличные, оказывают такое же влияние на цены, как кооперативные снабженческие ассоциации, так и конкуренция в производстве приводит к такой же расстановке сил и разделению доходов, как и кооперативное производство. То, что увеличение производительной силы не увеличивает вознаграждение за труд, происходит не из-за конкуренции, а потому, что конкуренция односторонняя. Земля, без которой не может быть производства, монополизирована, и конкуренция производителей за ее использование сводит заработную плату к минимуму и дает все преимущества увеличения производительной силы землевладельцам, выражающиеся в более высокой арендной плате и повышении стоимости земли. Уничтожьте эту монополию, и конкуренция могла бы существовать только для достижения цели, к которой стремится сотрудничество, — дать каждому то, что он честно зарабатывает. Уничтожьте эту монополию, и промышленность должна превратиться в сотрудничество равных.

V.—По указанию и вмешательству правительства.

Рамки, в которых я хочу удержать эту книгу, не позволяют детально рассмотреть методы, с помощью которых предлагается смягчать или искоренять бедность путем государственного регулирования промышленности и накопления, и которые в их наиболее проработанной форме называются социалистическими. Да в этом и нет необходимости, поскольку всем им присущи одни и те же недостатки. Это замена индивидуального действия руководством правительства и попытка обеспечить с помощью ограничений то, что может быть лучше обеспечено свободой. Что касается истин, содержащихся в социалистических идеях, мне будет что сказать позже; но очевидно, что любой привкус регулирования и ограничения сам по себе плох, и его не следует заменять каким-либо другим способом достижения той же цели, если представится какой-либо другой способ. Например, возьмем одну из самых простых и мягких мер из того класса, о котором я говорю, — дифференцированный налог на доходы. Цель, на которую оно направлено, сокращение или предотвращение огромной концентрации богатства, хороша; но это средство включает в себя использование большого числа должностных лиц, облеченных инквизиторскими полномочиями; искушения к подкупу и лжесвидетельству, а также все другие средства уклонения, которые порождают деморализацию общественного мнения и делают ставку на беспринципность и налог на совесть; и, наконец, точно по мере того, как налог достигает своего эффекта, уменьшается стимул к накоплению богатства, которое является одной из мощных сил промышленного прогресса. В то время как, если бы можно было

реализовать сложные схемы регулирования всего и нахождения места для всех, у нас было бы состояние общества, напоминающее состояние древнего Перу, или то, которое, к их вечной чести, иезуиты установили и так долго поддерживали в Парагвае.

Я не скажу, что такое государство, как это, не является лучшим социальным состоянием, чем то, к которому мы сейчас, кажется, стремимся, ибо в древнем Перу, хотя производство шло в условиях величайших неудобств из-за нехватки железа и домашних животных, все же не было такого понятия, как нужда, и люди приступали к своей работе с песнями. Но это нет необходимости обсуждать. Современное общество не может успешно пытаться построить социализм в любой форме, приближающейся к такой. Единственной силе, которая когда-либо доказала свою компетентность в этом, - сильной и определенной религиозной вере - не хватает, и ее с каждым днем становится все меньше. Мы вышли из социализма племенного государства и не можем вернуться в него иначе, как путем регресса, который повлек бы за собой анархию и, возможно, варварство. Наши правительства, как уже совершенно очевидно, потерпели бы неудачу в этой попытке. Вместо разумного распределения обязанностей и заработков у нас было бы римское распределение сицилийского зерна, и демагог вскоре стал бы императором.

Идеал социализма велик и благороден; и я убежден, что его возможно реализовать; но такое состояние общества невозможно создать — оно должно расти. Общество - это организм, а не машина. Оно может жить только индивидуальной жизнью своих частей. И в свободном и естественном развитии всех частей будет обеспечена гармония целого. Все, что необходимо для общественного возрождения, включено в девиз тех русских патриотов, которых иногда называют нигилистами, — “Земля и свобода!”

VI.— Из более общего распределения земли.

Быстро растет ощущение, что владение землей каким-то образом связано с социальным бедствием, проявляющимся в наиболее прогрессивных странах; но это чувство пока что в основном проявляется в предложениях, касающихся более общего раздела земельной собственности — в Англии свободная торговля землей, право арендатора или равный раздел земельных владений между наследниками; в Соединенных Штатах ограничения на размер индивидуальных владений. В Англии также предлагалось, чтобы государство выкупало землевладельцев, а в Соединенных Штатах - чтобы выделялись денежные субсидии для создания колоний на государственных землях. Первое предложение оставим пока без внимания; последнее, поскольку речь идет о его отличительной черте, относится к категории мер, рассмотренных в предыдущем разделе. Не нужно никаких аргументов, чтобы показать, к каким злоупотреблениям и деморализации привело бы предоставление государственных денег или кредитов.

Каким образом то, что английские авторы называют “свободной торговлей землей” — отменой пошлин и ограничений на перевозки, — могло бы способствовать разделению собственности на сельскохозяйственные земли, я не вижу, хотя это могло бы в какой-то степени оказать такое влияние на городскую собственность. Снятие ограничений на куплю-продажу просто позволило бы собственности на землю быстрее принять ту форму, к которой она стремится. Итак, о том, что в Великобритании наблюдается тенденция к концентрации, свидетельствует тот факт, что, несмотря на трудности, связанные с затратами на передачу, там неуклонно концентрировалась собственность на землю, и что эта тенденция носит общий характер, свидетельствует тот факт, что тот же процесс концентрации наблюдается и в Соединенных

Штатах. Я говорю это без колебаний в отношении Соединенных Штатов, хотя статистические таблицы иногда цитируются для того, чтобы показать иную тенденцию. Но легко увидеть, каким образом в такой стране, как Соединенные Штаты, собственность на землю может действительно концентрироваться, в то время как таблицы переписи населения показывают скорее уменьшение среднего размера владений. По мере того как земля вводится в эксплуатацию и с ростом населения переходит от более низкого к более высокому или интенсивному использованию, размер владений имеет тенденцию к уменьшению. Небольшое поголовье скота было бы большой фермой, маленькая ферма была бы большим фруктовым садом, виноградником, питомником или огородом, а участок земли, который был бы мал даже для этих целей, превратился бы в очень крупную городскую собственность. Таким образом, рост населения, который приводит к увеличению или интенсивному использованию земли, естественным образом ведет к сокращению размеров владений, что очень заметно в новых странах; но вместе с этим может продолжаться тенденция к концентрации землевладения, которая, хотя и не обнаруживается таблицами, показывающими средний размер владений, столь же ясно видна. Средние владения площадью в один акр в городе могут свидетельствовать о гораздо большей концентрации землевладения, чем средние владения площадью в 640 акров в недавно заселенном городке. Я ссылаюсь на это, чтобы показать ошибочность выводов, сделанных на основе таблиц, которые часто выставляются напоказ в Соединенных Штатах, чтобы показать, что земельная монополия - это зло, которое излечивается само собой. Напротив, очевидно, что доля землевладельцев по отношению ко всему населению постоянно уменьшается.

И то, что в Соединенных Штатах, как и в Великобритании, отчетливо прослеживается сильная тенденция к концентрации землевладения в сельском хозяйстве. Как в Англии и Ирландии мелкие фермы объединяются в более крупные, так и в Новой Англии, согласно отчетам Массачусетского бюро статистики труда, размер ферм увеличивается. Эта тенденция еще более отчетливо заметна в новых Штатах и территориях. Всего несколько лет назад ферма в 320 акров при системе ведения сельского хозяйства, преобладающей в северных частях Союза, была бы где угодно большой, вероятно, настолько, насколько один человек мог бы возделывать с пользой для себя. В Калифорнии сейчас есть фермы (не пастбища для крупного рогатого скота) площадью пять, десять, двадцать, сорок и шестьдесят тысяч акров, в то время как образцовая ферма в Дакоте охватывает 100 000 акров. Причина очевидна. Это применение техники в сельском хозяйстве и общая тенденция к производству в больших масштабах. Та же тенденция, которая заменяет фабрику с ее армией рабочих множеством независимых ткачей на ручных ткацких станках, начинает проявляться и в сельском хозяйстве.

Итак, существование этой тенденции показывает две вещи: во-первых, что любые меры, которые просто разрешают или облегчают большее разделение земли, были бы неэффективны; и, во-вторых, что любые меры, которые вынудили бы к этому, имели бы тенденцию сдерживать производство. Если землю в крупных хозяйствах можно обрабатывать дешевле, чем землю в небольших хозяйствах, то ограничение владения мелкими хозяйствами приведет к сокращению совокупного производства богатства, и в той мере, в какой такие ограничения будут введены и вступят в силу, они будут иметь тенденцию снижать общую производительность труда и капитала.

Таким образом, усилия по обеспечению более справедливого раздела богатства с помощью таких ограничений сопряжены с недостатком, заключающимся в уменьшении суммы,

подлежащей разделу. Это устройство похоже на устройство обезьяны, которая, разделив сыр между кошками, уравнила положение, откусив самый большой кусок.

Но существует не только это возражение, которое выступает против любого предложения ограничить собственность на землю с силой, возрастающей по мере повышения эффективности предлагаемой меры. Существует еще одно фатальное возражение, заключающееся в том, что ограничение не обеспечит цели, к которой стоит стремиться, — справедливого раздела продукции. Оно не уменьшит ренту и, следовательно, не может повысить заработную плату. Это может увеличить количество удобных классов, но не улучшит условия для тех, кто находится в самом низком классе.

Если бы то, что известно как право арендатора Ольстера, было распространено на всю Великобританию, это означало бы всего лишь выделение из имущества землевладельца поместья для арендатора. Состояние рабочего ни на йоту не улучшилось бы. Если бы землевладельцам было запрещено требовать повышения арендной платы от своих арендаторов и увольнять арендатора до тех пор, пока не будет выплачена фиксированная арендная плата, группа производителей ничего бы не выиграла. Экономическая рента по-прежнему увеличивалась бы и по-прежнему неуклонно уменьшала бы долю продукта, идущего на оплату труда и капитала. Единственная разница заключалась бы в том, что арендаторы первых землевладельцев, которые, в свою очередь, стали бы землевладельцами, получили бы прибыль от увеличения.

Если бы путем ограничения количества земли, которой может владеть какое-либо одно лицо, путем регулирования сделок и наследования или совокупного налогообложения число нескольких тысяч землевладельцев Великобритании увеличилось на два или три миллиона, эти два или три миллиона человек выиграли бы. Но остальная часть населения ничего не выиграет. У них не будет больше преимуществ владения землей, чем раньше. И если, что явно невозможно, было бы произведено справедливое распределение земли между всем населением, раздав каждому его равную долю, и были бы приняты законы, которые поставили бы барьер тенденции к концентрации, запретив кому-либо владеть чем-либо большим, чем установленное количество, что стало бы с увеличением населения?

Именно то, чего может достичь большее разделение земель, можно увидеть в тех округах Франции и Бельгии, где преобладает мелкое разделение. В том, что такое разделение земли в целом гораздо лучше и что оно дает государству гораздо более прочную основу, чем та, которая преобладает в Англии, не может быть никаких сомнений. Но то, что это не повышает заработную плату и не улучшает положение класса, у которого есть только их труд, столь же очевидно. Эти французские и бельгийские крестьяне придерживаются жесткой экономики, неизвестной ни одному из англоговорящих народов. И если такие поразительные симптомы бедности и невзгод низшего класса не проявляются так явно, как по ту сторону ла—Манша, то, я думаю, это следует отнести не только к этому факту, но и к другому факту, который объясняет продолжение мелкого раздела земель - материальный прогресс не был таким быстрым.

Ни население не увеличивалось с такой же скоростью (напротив, оно оставалось почти неизменным), ни улучшения в способах производства не были столь значительными. Тем не менее, мосье де Лавли, все доводы которого в пользу мелких хозяйств, и чье свидетельство, следовательно, будет иметь больший вес, чем свидетельство английских наблюдателей, которые, как можно предположить, питают предубеждение к системе своей собственной

страны, утверждает в своей статье о земельных системах Бельгии и Голландии, напечатанной Кобденским клубом, что положение рабочего при этой системе мелкого деления земли хуже, чем в Англии; в то время как фермеры—арендаторы — поскольку аренда в значительной степени преобладает даже там, где *земельный участок* самый большой - арендуются с большим отрывом от производства. безжалостность, неизвестная в Англии и даже в Ирландии, и избирательное право “не только не поднимают их на социальной лестнице, но и являются для них источником унижения, поскольку они вынуждены голосовать в соответствии с требованиями землевладельца, вместо того чтобы следовать диктату своих собственных склонностей и убеждений”.

Но в то время как разделение земли, таким образом, ничего не может сделать для устранения зла земельной монополии, в то время как оно не может повлиять на повышение заработной платы или улучшение положения низших классов, его тенденция состоит в том, чтобы препятствовать принятию или даже отстаиванию более тщательных мер и укреплять существующую несправедливую систему, заинтересовывая большее число людей в ее поддержании. М. де Лавелайе, завершая статью, из которой я процитировал, настаивает на более широком разделе земли как на самом надежном средстве защиты крупных землевладельцев Англии от чего-то гораздо более радикального. Хотя в округах, где земля так мелко разделена, положение рабочего, по его словам, самое худшее в Европе, и фермер—арендатор гораздо сильнее притесняется своим землевладельцем, чем ирландский арендатор, все же “чувства, враждебные общественному порядку”, продолжает М. де Лавелай, “не проявляются”, потому что...

“Арендатор, хотя и подавленный постоянным повышением арендной платы, живет среди равных себе, таких же крестьян, как он сам, у которых есть арендаторы, которых они используют точно так же, как крупный землевладелец использует свою землю. Его отец, его брат, возможно, сам этот человек, владеет чем-то вроде акра земли, который он сдает в аренду за самую высокую арендную плату, какую только может получить. В трактире крестьяне-собственники будут хвастаться высокой арендной платой, которую они получают за свои земли, точно так же, как они могли бы хвастаться тем, что продали своих свиней или картофель очень дорого. Таким образом, сдача в аренду как можно более высокой арендной платы становится для него чем-то само собой разумеющимся, и ему и в голову не приходит придирается ни к землевладельцам как классу, ни к собственности на землю. Его разум вряд ли будет заикливаться на представлении о касте властных землевладельцев, “кровожадных тиранов”, жиреющих за счет пота обедневших арендаторов и сами ничего не делающих; ибо те, кто заключает самые трудные сделки, - это не крупные землевладельцы, а его собратья. Таким образом, распределение ряда мелких владений среди крестьянства образует своего рода бастион и надежную охрану для владельцев крупных поместий, а крестьянскую собственность без преувеличения можно назвать громоотводом, отводящим от общества опасности, которые в противном случае могли бы привести к насильственным катастрофам.

“Концентрация земли в крупных поместьях среди небольшого числа семей является своего рода провокацией нивелирующего законодательства. Положение Англии, столь завидное во многих отношениях, представляется мне в этом отношении полным опасностей для будущего”.

Мне, по той же причине, что и М. де Лавелай, позиция Англии кажется полной надежд.

Давайте оставим все попытки избавиться от зла земельной монополии путем ограничения землевладения. Равное распределение земли невозможно, и все, что не соответствует этому, было бы лишь смягчением, а не лекарством, и смягчением, которое предотвратило бы принятие лекарства. Также не стоит рассматривать ни одно средство, которое не соответствовало бы естественному направлению общественного развития и не плыло бы, так сказать, по течению времени. Эта концентрация — это порядок развития, в котором не может быть ошибки: концентрация людей в крупных городах, концентрация ремесел на крупных фабриках, концентрация перевозок по железной дороге и паровым линиям, а также сельскохозяйственных операций на больших полях. Самые тривиальные предприятия концентрируются таким же образом — корпорации выполняют поручения, а ковровые мешки несут корпорации. Все течения времени направлены на концентрацию. Чтобы успешно противостоять ему, мы должны дросселировать пар и отводить электричество из сферы обслуживания человека.

ГЛАВА II. ИСТИННОЕ ЛЕКАРСТВО.

Мы проследили неравномерное распределение богатства, которое является проклятием и угрозой современной цивилизации, до института частной собственности на землю. Мы видели, что до тех пор, пока существует этот институт, никакое увеличение производительной силы не может постоянно приносить пользу массам; напротив, оно должно еще больше ухудшать их положение. Мы рассмотрели все средства правовой защиты, за исключением отмены частной собственности на землю, которые в настоящее время используются или предлагаются для борьбы с бедностью и лучшего распределения богатства, и нашли их все неэффективными или невыполнимыми.

Есть только один способ устранить зло — а именно, устранить его причину. Бедность усугубляется по мере увеличения богатства, а заработная плата снижается по мере роста производительной силы, потому что земля, которая является источником всего богатства и полем любого труда, монополизирована. Чтобы искоренить бедность, сделать заработную плату такой, какой она должна быть по справедливости, полным заработком рабочего, мы должны, следовательно, заменить индивидуальную собственность на землю общественной собственностью. Ничто другое не послужит делу зла — ни на что другое нет ни малейшей надежды.

Итак, вот средство от несправедливого и неравномерного распределения богатства, очевидного в современной цивилизации, и от всего зла, которое проистекает из этого:

Мы должны сделать землю общей собственностью.

Мы пришли к этому выводу в результате исследования, в котором каждый шаг был доказан и закреплён. В цепи рассуждений нет недостатка ни в одном звене, и ни одно звено не является слабым. Дедукция и индукция привели нас к одной и той же истине — неравное владение

землей влечет за собой неравное распределение богатства. И поскольку по природе вещей неравное владение землей неотделимо от признания индивидуальной собственности на землю, из этого неизбежно следует, что единственным средством от несправедливого распределения богатства является превращение земли в общую собственность.

Но это истина, которая при нынешнем состоянии общества вызовет самый ожесточенный антагонизм и должна пробивать себе дорогу дюйм за дюймом. Поэтому необходимо будет встретиться с возражениями тех, кто, даже будучи вынужден признать эту истину, заявит, что она не может быть применена на практике.

При этом мы подвергнем наши предыдущие рассуждения новой и решающей проверке. Точно так же, как мы пытаемся сложить с помощью вычитания и умножить с помощью деления, так и мы можем, проверяя достаточность лекарства, доказать правильность наших выводов относительно причины зла.

Законы вселенной гармоничны. И если средство, к которому нас привели, является истинным, оно должно соответствовать справедливости; его должно быть практически возможно применить; оно должно соответствовать тенденциям общественного развития и должно гармонизировать с другими реформами.

Все это я и предлагаю показать. Я предлагаю ответить на все практические возражения, которые могут быть выдвинуты, и показать, что эту простую меру не только легко применить, но и что она является достаточным средством от всех зол, которые по мере продвижения современного прогресса возникают из—за все большего и большего неравенства в распределении богатства, что она заменит равенство неравенством, изобилие нуждой, справедливость несправедливостью, социальную силу социальной слабостью и откроет путь к более грандиозным и благородным достижениям цивилизации.

Таким образом, я предлагаю показать, что законы вселенной не отрицают естественных устремлений человеческого сердца; что прогресс общества может быть и, если он будет продолжаться, должен быть направлен к равенству, а не к неравенству; и что экономическая гармония доказывает истину, постигнутую Императором—стоиком -

“Мы созданы для сотрудничества - как ноги, как руки, как веки, как ряды верхних и нижних зубов.”

КНИГА VII. СПРАВЕДЛИВОСТЬ СРЕДСТВА ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ.

ГЛАВА I. НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬ ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ НА ЗЕМЛЮ.

ГЛАВА II. ПОРАБОЩЕНИЕ РАБОЧИХ — КОНЕЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ НА ЗЕМЛЮ.

ГЛАВА III. ТРЕБОВАНИЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕЛЬЦЕВ О КОМПЕНСАЦИИ.

ГЛАВА IV. СОБСТВЕННОСТЬ НА ЗЕМЛЮ, РАССМАТРИВАЕМАЯ ИСТОРИЧЕСКИ.

ГЛАВА V. СОБСТВЕННОСТЬ НА ЗЕМЛЮ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ.

Справедливость - это отношение соответствия, которое действительно существует между двумя вещами. Это отношение всегда одно и то же, какое бы существо ни рассматривало его, будь то Бог, или ангел, или, наконец, человек. —*Монтескье*.

ГЛАВА I.

НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬ ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ НА ЗЕМЛЮ.

Когда предлагается отменить частную собственность на землю, первый вопрос, который возникает, - это вопрос справедливости. Хотя чувство справедливости часто искажается привычкой, суеверием и эгоизмом в самые искаженные формы, оно все же является фундаментальным для человеческого разума, и какой бы спор ни разжигал страсти людей, конфликт обязательно разгорается, и не столько из-за вопроса “Разумно ли это?”, сколько из-за вопроса “Правильно ли это?”

Эта тенденция популярных дискуссий принимать этическую форму имеет свою причину. Это вытекает из закона человеческого разума; это основывается на смутном и инстинктивном признании того, что, вероятно, является глубочайшей истиной, которую мы можем постичь. Только это мудро, что справедливо; только это долговечно, что правильно. В узком масштабе индивидуальных действий и индивидуальной жизни эта истина часто может быть затемнена, но в более широкой сфере национальной жизни она повсюду выступает на первый план.

Я склоняюсь перед этим арбитражем и принимаю это испытание. Если наше исследование причины, делающей низкую заработную плату и пауперизм сопутствующими материальному прогрессу, привело нас к правильному заключению, то оно будет переведено с терминов политической экономии на термины этики и как источник социального зла окажется неправильным. Если он этого не сделает, это опровергается. Если он это сделает, это подтверждается окончательным решением. Если частная собственность на землю справедлива, то является ли предлагаемое мной средство правовой защиты ложным; если, напротив, частная собственность на землю несправедлива, то является ли это средство правовой защиты истинным?

Что составляет законную основу собственности? Что позволяет человеку справедливо сказать о вещи: “Это мое”? Из чего проистекает чувство, признающее его исключительное право против всего мира? Разве это, прежде всего, не право человека на самого себя, на использование своих собственных сил, на наслаждение плодами своих собственных усилий? Разве это не индивидуальное право, которое проистекает из естественных фактов индивидуальной организации и подтверждается ими — фактом, что каждая конкретная пара рук подчиняется определенному мозгу и связана с определенным желудком; фактом, что каждый человек представляет собой определенное, связанное, независимое целое, — которое само по себе оправдывает индивидуальную собственность? Как человек принадлежит самому себе, так и его труд, облеченный в конкретную форму, принадлежит ему.

И по этой причине то, что человек создает, является его собственностью, в отличие от всего мира — наслаждаться или разрушать, использовать, обменивать или отдавать. Никто другой не может по праву претендовать на нее, и его исключительное право на нее не влечет за собой причинения вреда никому другому. Таким образом, у всего, произведенного человеческими усилиями, есть четкое и неоспоримое право на исключительное владение и наслаждение, которое полностью согласуется со справедливостью, поскольку оно исходит от первоначального производителя, которому оно принадлежит по естественному закону. Ручка, которой я пишу, по праву принадлежит мне. Ни один другой человек не может по праву претендовать на нее, ибо во мне — титул продюсера, создавшего ее. Он стал моим, потому что передан мне продавцом канцелярских товаров, которому он был передан импортером, который получил исключительное право на него путем передачи от производителя, которому тем же способом покупки были переданы права тех, кто выкапывал материал из земли и придавал ему форму ручки. Таким образом, мое исключительное право собственности на перо вытекает из естественного права человека на использование своих собственных способностей.

Итак, это не только первоначальный источник, из которого возникают все идеи исключительной собственности — как очевидно из естественной тенденции разума возвращаться к нему, когда идея исключительной собственности ставится под сомнение, и способа развития социальных отношений, — но это обязательно единственный источник. На владение чем-либо не может быть законного титула, который не произведен от титула производителя и не основывается на естественном праве человека на самого себя. Не может быть никакого другого законного титула, потому что (1) нет другого естественного права, из которого может быть выведен какой-либо другой титул, и (2) потому что признание любого другого титула несовместимо с этим и разрушительно для него.

Ибо (1) какое другое право существует, из которого может вытекать право на исключительное владение чем-либо, кроме права человека на самого себя? Какой еще силой наделен человек от природы, кроме способности проявлять свои собственные способности? Как он может каким-либо другим способом воздействовать на материальные вещи или других людей? Парализуйте двигательные нервы, и у вашего мужчины будет не больше внешнего влияния или силы, чем у бревна или камня. Из чего же тогда еще может вытекать право владения вещами и контроля над ними? Если это происходит не от самого человека, то от чего это может произойти? Природа не признает за человеком никакой собственности или контроля, кроме как в результате усилий. Никаким другим способом нельзя извлечь ее сокровища, направить ее силы, использовать или контролировать ее силы. Она не делает различий между мужчинами, но ко всем абсолютно беспристрастна. Она не знает различия между господином и рабом, королем и подданным,

святым и грешником. Все мужчины для нее равны и имеют равные права. Она не признает никаких претензий, кроме трудовых, и признает это без уважения к истцу. Если пиратское распространение его паруса, ветер наполнил их, а также заполнения этих мирного купец или миссионерской коры; если король и простому человеку быть выброшен за борт, не может держать голову над водой, кроме как плаватьмин; птиц, не придет к расстрелу владельцем почва быстрее, чем они придут выстрел браконьера; рыба будет клевать или не клевать на крючок в полном пренебрежении, так ли это предоставляет им хороший мальчик, который ходит в воскресную школу, или плохой маленький мальчик, который играет прогульщик; зерно будут только расти, так как подготавливается почва и семя сеется, а только по зову труда, что руда может быть поднят из шахты светит солнце и идет дождь, так и на праведных и неправедных. Законы природы - это постановления Творца. В них не признается никакого права, кроме права на труд; и в них широко и ясно написано равное право всех людей на использование природы и наслаждение ею; обращаться к ней своими усилиями и получать ее вознаграждение и владеть им. Следовательно, поскольку природа дает только труду, применение труда в производстве является единственным правом на исключительное владение.

2d. Это право собственности, проистекающее из труда, исключает возможность любого другого права собственности. Если человек имеет законное право на продукт своего труда, то никто не может иметь законного права собственности на что-либо, что не является продуктом его труда или труда кого-либо другого, от кого это право перешло к нему. Если производство дает производителю право на исключительное владение и наслаждение, то по праву не может быть исключительного владения и наслаждения чем-либо, не являющимся продуктом труда, и признание частной собственности на землю является неправильным. Ибо правом на продукт труда нельзя пользоваться без права на свободное использование возможностей, предлагаемых природой, и признавать право собственности на них - значит отрицать право собственности на продукт труда. Когда непроизводители могут претендовать в качестве ренты на часть богатства, созданного производителями, в этой степени отрицается право производителей на плоды своего труда.

Из этого положения нет выхода. Утверждать, что человек может по праву претендовать на исключительную собственность на свой собственный труд, воплощенный в материальных вещах, - значит отрицать, что кто-либо может по праву претендовать на исключительную собственность на землю. Утверждать законность собственности на землю - значит утверждать притязание, которое не имеет оснований по своей природе, в противовес притязанию, основанному на организации человека и законах материальной вселенной.

Что больше всего препятствует осознанию несправедливости частной собственности на землю, так это привычка относить все вещи, являющиеся предметом собственности, к одной категории, как собственность, или, если проводится какое-либо различие, проводить границу, согласно нефилософскому разграничению юристов, между личной собственностью и недвижимостью, или между движимыми и недвижимыми вещами. Реальное и естественное различие заключается между вещами, которые являются продуктом труда, и вещами, которые являются безвозмездными приношениями природы; или, если воспользоваться терминами политической экономии, между богатством и землей.

Эти два класса вещей по своей сути и отношениям сильно различаются, и объединять их в категорию собственности - значит путать все мысли, когда мы начинаем рассматривать

справедливость или несправедливость, правильное или неправильное отношение к собственности.

Дом и участок, на котором он стоит, являются одинаковым имуществом, являясь предметом собственности, и одинаково классифицируются юристами как недвижимость. Тем не менее, по своей природе и отношениям они сильно различаются. Один производится человеческим трудом и принадлежит к классу, который в политической экономии называется богатством. Другой является частью природы и принадлежит к классу, который в политической экономии называется землей.

Сущностный характер одного класса вещей заключается в том, что они воплощают в себе труд, создаются человеческими усилиями, их существование или несуществование, их увеличение или уменьшение зависят от человека. Существенный характер другого класса вещей заключается в том, что они не воплощают труд и существуют независимо от человеческих усилий и независимо от человека; они являются полем или средой, в которой находится человек; хранилищем, из которого должны удовлетворяться его потребности, сырьем, на которое может воздействовать только его труд.

В тот момент, когда осознается это различие, становится ясно, что санкция, которую естественное правосудие дает одному виду собственности, отрицается для другого; что законность, присущая индивидуальной собственности на продукты труда, подразумевает незаконность индивидуальной собственности на землю; что, в то время как признание одного ставит всех людей в равные условия, обеспечивая каждому должное вознаграждение за его труд, признание другого является отрицанием равных прав людей, позволяя тем, кто не трудится, получать естественное вознаграждение от тех, кто трудится.

Что бы ни говорили об институте частной собственности на землю, поэтому очевидно, что его нельзя защищать с точки зрения справедливости.

Равное право всех людей на пользование землей так же очевидно, как и их равное право дышать воздухом — это право провозглашается самим фактом их существования. Ибо мы не можем предполагать, что у одних людей есть право существовать в этом мире, а у других - нет.

Если мы все находимся здесь с равного разрешения Создателя, то мы все здесь с равным правом пользоваться его щедростями — с равным правом использовать все, что так беспристрастно предлагает природа.⁴⁶ Это право является естественным и неотчуждаемым; это право, которым наделяется каждое человеческое существо, когда оно приходит в мир, и которое во время его пребывания в мире может быть ограничено только равными правами других. В природе не существует такой вещи, как плата просто за землю. На земле нет власти, которая могла бы по праву предоставить исключительное право собственности на землю. Если бы все существующие люди объединились, чтобы отказаться от своих равных прав, они не смогли бы отказаться от прав тех, кто следует за ними. Ибо кто мы, как не арендаторы на один день? Разве мы создали землю для того, чтобы определять права тех, кто после нас, в свою очередь, будет ее занимать? Всемогущий, сотворивший землю для человека и человека для земли, возложил это на все поколения детей человеческих указом, начертанным на устройстве всего сущего, — указом, которому никакое человеческое действие не может помешать и никакое предписание не определяет. Пусть пергаментов будет очень много, а владение - очень долгим, естественная справедливость не может признать за одним человеком права на

владение землей и пользование ею, которое не является в равной степени правом всех его собратьев. Хотя поколение за поколением наследуют его титулы, на земельные владения герцога Вестминстерского самый бедный ребенок, родившийся сегодня в Лондоне, имеет такие же права, как и его старший сын.⁴⁷ Хотя суверенный народ штата Нью-Йорк соглашается на хваленую собственность Асторов, самый щедушный младенец, который с плачем появляется на свет в самой убогой комнате самого убогого многоквартирного дома, в этот момент получает равные права с миллионерами. И его лишают, если в этом праве отказывают.

Таким образом, наши предыдущие выводы, неотразимые сами по себе, выдерживают самую высокую и окончательную проверку. Переведенные с терминов политической экономии на термины этики, они показывают зло как источник зла, которое увеличивается по мере продвижения материального прогресса.

Массы людей, которые среди изобилия терпят нужду; которые, облеченные политической свободой, обречены на заработную плату рабства; которым трудосберегающие изобретения не приносят облегчения, а, скорее, лишают их привилегий, инстинктивно чувствуют, что “здесь что-то не так”. И они правы.

Широко распространяющееся социальное зло, которое повсюду угнетает людей в условиях развивающейся цивилизации, проистекает из великого первичного зла — присвоения в качестве исключительной собственности некоторых людей земли, на которой все должны жить. Из этой фундаментальной несправедливости проистекают все несправедливости, которые искажают современное развитие и ставят под угрозу его, которые обрекают производителей богатства на бедность и балуют непроизводителей роскошью, которые возводят доходный дом вместе с дворцом, устраивают публичный дом позади церкви и вынуждают нас строить тюрьмы по мере открытия новых школ.

В явлениях, которые сейчас ставят мир в тупик, нет ничего странного или необъяснимого. Дело не в том, что материальный прогресс сам по себе не является благом; дело не в том, что природа произвела на свет детей, которых она не смогла обеспечить; дело не в том, что Творец наложил на законы природы налет несправедливости, от которого возмущается даже человеческий разум, что материальный прогресс приносит такие горькие плоды. То, что среди нашей высочайшей цивилизации люди падают в обморок и умирают от нужды, происходит не из-за скупости природы, а из-за несправедливости человека. Порок и нищета, нищета и пауперизм не являются законными результатами увеличения численности населения и промышленного развития; они следуют только за увеличением численности населения и промышленного развития, потому что земля рассматривается как частная собственность — они являются прямыми и необходимыми результатами нарушения высшего закона справедливости, связанного с предоставлением некоторым людям исключительного владения тем, что природа предоставляет всем людям.

Признание индивидуальной собственности на землю является отрицанием естественных прав других людей — это зло, которое должно проявляться в несправедливом разделе богатства. Ибо, поскольку труд не может производить без использования земли, отрицание равного права на использование земли неизбежно является отрицанием права труда на свой собственный продукт. Если один человек может распоряжаться землей, на которой должны трудиться другие, он может присвоить продукты их труда в качестве платы за свое разрешение трудиться. Таким образом, нарушается фундаментальный закон природы, согласно которому пользование ею

человеком зависит от его усилий. Один получает, не производя; другие производят, не получая. Один несправедливо обогащен, другие ограблены. К этому фундаментальному злу мы привели несправедливое распределение богатства, которое разделяет современное общество на очень богатых и очень бедных. Постоянное повышение ренты — цены, которую рабочая сила вынуждена платить за использование земли, — лишает многих справедливо заработанного богатства, которое скапливается в руках немногих, которые ничего не делают, чтобы его заработать.

Почему те, кто страдает от этой несправедливости, должны хоть на мгновение колебаться, прежде чем смести ее? Кто такие землевладельцы, чтобы им, таким образом, было позволено собирать урожай там, где они не сеяли?

Задумайтесь на мгновение о полной абсурдности титулов, с помощью которых мы серьезно разрешаем передавать от Джона Доу Ричарду Роу право исключительного владения землей, дающее абсолютное господство над всеми остальными. В Калифорнии наши земельные права восходят к Верховному правительству Мексики, которое отняло у испанского короля, а тот отнял у папы Римского, когда тот одним росчерком пера разделил еще не открытые земли между испанцами или португальцами — или, если вам угодно, они основаны на завоевании. В Восточных Штатах они возвращаются к договорам с индейцами и грантам английских королей; в Луизиане — к правительству Франции; во Флориде — к правительству Испании; в то время как в Англии они возвращаются к нормандским завоевателям. Везде — не к праву, которое обязывает, а к силе, которая принуждает. И когда титул основан только на силе, никакая жалоба не может быть подана, когда сила аннулирует его. Всякий раз, когда народ, обладающий властью, решает аннулировать эти титулы, во имя справедливости не может быть никаких возражений. Существовали люди, которые имели власть удерживать или передавать в исключительное владение участки земной поверхности, но когда и где существовал человек, который имел на это право?

Право исключительной собственности на все, что создано человеком, очевидно. Независимо от того, через сколько рук она прошла, в начале очереди был человеческий труд — кто-то, кто, добыв или изготовив ее своими усилиями, имел на нее четкое право в отличие от всего остального человечества и которая могла по праву переходить от одного к другому путем продажи или дарения. Но в конце какой цепочки передач или дарований можно показать или предположить подобное право собственности на какую-либо часть материальной вселенной? На улучшения может быть показан такой первоначальный титул; но это титул только на улучшения, а не на саму землю. Если я расчищаю лес, осушаю болото или засыпаю трясину, все, на что я могу справедливо претендовать, — это ценность, приносимая этими усилиями. Они не дают мне никаких прав на саму землю, никаких притязаний, кроме как на мою равную долю с каждым другим членом сообщества в стоимости, которая добавляется к ней за счет роста сообщества.

Но скажут: есть улучшения, которые со временем становятся неотличимыми от самой земли! Очень хорошо; тогда право собственности на улучшения смешивается с правом собственности на землю; индивидуальное право теряется в общем праве. Именно большее поглощает меньшее, а не меньшее поглощает большее. Природа исходит не от человека, а человек от природы, и именно в лоно природы он и все его творения должны вернуться снова.

Тем не менее, будет сказано: поскольку каждый человек имеет право использовать природу и наслаждаться ею, человеку, использующему землю, должно быть предоставлено исключительное право на ее использование, чтобы он мог получать полную выгоду от своего труда. Но нет никаких трудностей в том, чтобы определить, где заканчивается индивидуальное право и начинается общее право. Ценность служит тонким и точным критерием, и с ее помощью нет никаких трудностей, независимо от того, насколько плотным может стать население, в определении и обеспечении точных прав каждого, равных прав всех. Стоимость земли, как мы видели, - это цена монополии. Ее стоимость определяется не абсолютными, а относительными возможностями земли. Независимо от того, каковы могут быть ее внутренние качества, земля, которая ничем не лучше другой земли, которая может быть использована, не может иметь никакой ценности. А стоимость земли всегда измеряется разницей между ней и лучшей землей, которая может быть использована. Таким образом, стоимость земли выражает в точной и осязаемой форме право общины на землю, находящуюся во владении отдельного лица; а арендная плата выражает точную сумму, которую индивид должен платить сообществу для удовлетворения равных прав всех других членов сообщества. Таким образом, если мы уступаем приоритет владения беспрепятственному использованию земли, конфискуя арендную плату в интересах общества, мы примиряем фиксированность владения, которая необходима для улучшения, с полным признанием равных прав всех на использование земли.

Что касается исключения полного и исключительного индивидуального права на землю из приоритета занятия, то это, по возможности, самое абсурдное основание, на котором может быть защищено право собственности на землю. Приоритет занятия дает исключительное и бессрочное право на поверхность земного шара, на котором, в порядке вещей, бесчисленные поколения сменяют друг друга! Имели ли люди прошлого поколения больше прав на использование этого мира, чем мы, живущие в этом? или люди столетней давности? или тысячелетней давности? Были ли строители курганов или пещерные жители современниками мастодонта и трехпалой лошади или еще более далекими поколениями, которые в течение неопределенных эонов, которые мы можем рассматривать только как геологические периоды, сменяли друг друга на земле, которую мы сейчас занимаем в течение нашего короткого дня?

Имеет ли право первый пришедший на банкет отодвинуть все стулья и заявить, что никто из других гостей не должен есть поданную еду, за исключением тех случаев, когда они заключат с ним соглашение? Получает ли первый человек, предъявивший билет у дверей театра и вошедший внутрь, в силу своего приоритета право закрыть двери и позволить спектаклю продолжаться только для него? Получает ли первый пассажир, входящий в вагон, право разбросать свой багаж по всем сиденьям и заставить пассажиров, которые входят в вагон после него, встать?

Эти случаи совершенно аналогичны. Мы прибываем и отбываем, гости на банкете постоянно пополняются, зрители и участники развлечений, где есть место для всех, кто приходит; пассажиры от станции к станции на орбите, которая вращается в пространстве — наши права брать и обладать не могут быть исключительными; они должны быть повсюду ограничены равными правами других. Точно так же, как пассажир в железнодорожном вагоне может разместить себя и свой багаж на стольких местах, сколько ему заблагорассудится, пока не войдут другие пассажиры, так и поселенец может брать и использовать столько земли, сколько захочет, пока она не понадобится другим — факт, о котором свидетельствует приобретающая ценность земля, — когда его право должно быть ограничено равными правами других, и

никакой приоритет присвоения не может дать права, которое лишит этих равных прав других. Если бы это было не так, то в порядке очередности присвоения один человек мог бы приобрести и передать кому пожелает не просто исключительное право на 160 или 640 акров, но и на целый городок, целый штат, целый континент.

И к такому явному абсурду приводит признание права личности на землю, доведенное до своего предела — что любое отдельное человеческое существо, если бы оно могло сосредоточить в себе индивидуальные права на землю любой страны, могло бы изгнать оттуда всех остальных ее жителей; и если бы оно таким образом могло сосредоточить индивидуальные права на всей поверхности земного шара, он один из всего многочисленного населения земли имел бы право на жизнь.

И то, что при таком предположении могло бы произойти, в меньшем масштабе реализуется на самом деле. Территориальные лорды Великобритании, которым земельные наделы подарили “белые зонтики и обезумевших от гордости слонов”, снова и снова изгоняли из крупных районов коренное население, чьи предки жили на этой земле с незапамятных времен - вынуждали их эмигрировать, стать пауперами или умирать с голоду. А на невозделанных участках земли в новом штате Калифорния можно увидеть почерневшие трубы домов, из которых поселенцев изгнали силой законов, игнорирующих естественное право, и огромные участки земли, которые могли бы быть населены, находятся в запустении, потому что признание исключительного права собственности дало возможность одному человеческому существу запретить своим собратьям использовать ее. Сравнительно небольшая горстка собственников, владеющих поверхностью Британских островов, делала бы только то, на что английский закон дает им полную власть, и то, что многие из них уже сделали в меньших масштабах, если бы они изгнали миллионы британцев с их родных островов. И такое исключение, в результате которого несколько сотен тысяч человек по своей воле изгнали бы тридцать миллионов человек из их родной страны, хотя и было бы более поразительным, не было бы ни на йоту более противным естественному праву, чем представшее сейчас зрелище, когда огромная часть британского народа вынуждена платить такие огромные суммы немногим из своего числа за привилегию жить и пользоваться землей, которую они с такой любовью называют своей собственной; которая вызывает у них такие нежные и такие славные воспоминания, и за которую они считают своим долгом, если понадобится, пролить свою кровь. проливают кровь и отдают свои жизни.

Я имею в виду только Британские острова, потому что, поскольку там землевладение более сконцентрировано, они представляют собой более яркую иллюстрацию того, что обязательно включает в себя частная собственность на землю. “Кому бы ни принадлежала земля в любое время, ему принадлежат и плоды ее” — это истина, которая становится все более очевидной по мере того, как население становится плотнее, а изобретения и усовершенствования увеличивают производительную силу; но это истина повсюду - как в наших новых Штатах, так и на Британских островах или на берегах Инда.

ГЛАВА II.

ПОРАБОЩЕНИЕ РАБОЧИХ - КОНЕЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ НА ЗЕМЛЮ.

Если рабство движимого имущества несправедливо, то несправедлива ли и частная собственность на землю.

Ибо какими бы ни были обстоятельства — право собственности на землю всегда будет принадлежать людям, в той степени, которая измеряется необходимостью (реальной или искусственной) использования земли. Это всего лишь изложение закона о ренте в иной форме.

И когда эта необходимость становится абсолютной — когда альтернативой использованию земли становится голодная смерть, - тогда право собственности людей, участвующих во владении землей, становится абсолютным.

Разместите сто человек на острове, с которого нет выхода, и сделаете ли вы одного из этих людей абсолютным владельцем остальных девяноста девяти или абсолютным владельцем земли острова, не будет иметь значения ни для него, ни для них.

Как в одном, так и в другом случае единый будет абсолютным хозяином девяноста девяти - его власть распространяется даже на жизнь и смерть, поскольку просто отказать им в разрешении жить на острове означало бы столкнуть их в море.

В большем масштабе и посредством более сложных отношений та же причина должна действовать тем же образом и с той же целью — конечный результат, порабощение работников, становится очевидным по мере того, как усиливается давление, вынуждающее их жить на земле и за ее счет, которая рассматривается как исключительная собственность других. Возьмем страну, в которой земля разделена между несколькими собственниками, вместо того чтобы находиться в руках одного, и в которой, как и в современном производстве, капиталист отделен от рабочего, а мануфактура и обмен во всех их многочисленных отраслях отделены от сельского хозяйства. Хотя отношения между владельцами земли и рабочими будут менее прямыми и очевидными, с увеличением населения и развитием искусств они будут стремиться к тому же абсолютному господству, с одной стороны, и к той же крайней беспомощности - с другой, как в случае с островом, который мы предположили. Рента будет расти, в то время как заработная плата будет падать. Из совокупного продукта землевладелец будет получать постоянно увеличивающуюся, а рабочий - постоянно уменьшающуюся долю. Точно так же, как переезд на более дешевую землю становится трудным или невозможным, рабочие, независимо от того, что они производят, будут вынуждены жить впроголодь, а свободная конкуренция между ними, когда земля монополизирована, поставит их в условия, которые, хотя над ними могут насмехаться титулами и знаками отличия свободы, фактически будут рабством.

Нет ничего странного в том факте, что, несмотря на огромный рост производительной силы, свидетелем которого стало это столетие и который все еще продолжается, заработная плата в низших и более широких слоях промышленности повсюду стремится к заработной плате рабов - ровно настолько, чтобы поддерживать работника в рабочих условиях. Ибо право собственности на землю, на которой должен жить человек, фактически является собственностью самого человека, и, признавая право некоторых людей на исключительное пользование землей, мы

обрекаем других людей на рабство так же полно и безраздельно, как если бы мы формально сделали их движимым имуществом.

В более простой форме общества, где производство состоит главным образом в непосредственном применении труда к почве, рабство, являющееся необходимым результатом, по мнению некоторых, исключительного права на землю, на которой все должны жить, ясно проявляется в бесправии, в виллачестве, в крепостном праве.

Рабство движимого имущества возникло при захвате военнопленных на войне, и, хотя оно существовало в той или иной степени в каждой части земного шара, его площадь была небольшой, а последствия тривиальными по сравнению с формами рабства, которые возникли при присвоении земли. Ни один народ в массе своей никогда не был низведен до рабства у людей своей собственной расы, и все же в сколь-нибудь крупных масштабах ни один народ никогда не был низведен до рабства такого рода путем завоевания. Всеобщее подчинение многих немногим, с которым мы встречаемся везде, где общество достигло определенного развития, произошло в результате присвоения земли в индивидуальную собственность. Именно право собственности на землю повсюду дает право собственности людям, которые на ней живут. Именно о таком рабстве свидетельствуют сохранившиеся пирамиды и колоссальные памятники Египта, и об учреждении этого рабства у нас есть, возможно, смутное предание в библейской истории о голоде, во время которого фараон скупал земли народа. Именно в такого рода рабство на закате истории завоеватели Греции превратили коренных жителей этого полуострова, превратив их в илотов, заставив платить арендную плату за свои земли. Именно *ростлатифундий*, или крупных земельных владений, превратил население древней Италии из расы отважных земледельцев, чьи могучие добродетели покорили мир, в расу раболепствующих рабов; именно присвоение земли как абсолютной собственности их вождей постепенно превратило потомков свободных и равноправных галльских, тевтонских и гуннских воинов в колонистов и злодеев, и превратило независимых бюргеров славянских деревенских общин в хамов России и крепостных Польши. ; который установил феодализм в Китае и Японии, а также в Европе и который сделал Верховных Вождей Полинезии почти абсолютными хозяевами своих собратьев. Как случилось, что арийские пастухи и воины, которые, как говорит нам сравнительная филология, спустились с общей родины индогерманской расы в низменности Индии, превратились в просящих и пресмыкающихся индусов, намекает санскритский стих, который я процитировал ранее. Белые зонтики и обезумевшие от гордости слоны индийского раджи - цветы дарованных земель. И если бы мы могли найти ключ к летописям давно похороненных цивилизаций, погребенных в гигантских руинах Юкатана и Гватемалы, рассказывающий одновременно о гордыне правящего класса и безответном труде, на который были обречены массы, мы бы прочитали, по всей вероятности, о рабстве, навязанном огромной массе народа путем присвоения земли в собственность немногих - еще одна иллюстрация универсальной истины о том, что те, кто владеет землей, являются хозяевами людей, которые на ней живут.

Необходимая связь между трудом и землей, абсолютная власть, которую собственность на землю дает людям, которые не могут жить иначе, как используя ее, объясняет то, что иначе необъяснимо, — рост и стойкость институтов, нравов и идей, столь радикально противоречащих естественному чувству свободы и равенства.

Когда идея индивидуальной собственности, которая так справедливо и естественно присуща вещам человеческого производства, распространяется на землю, все остальное становится просто вопросом развития. Самые сильные и хитрые легко приобретают превосходящую долю в этом виде собственности, которую можно получить не путем производства, а путем присвоения, и, становясь хозяевами земли, они неизбежно становятся хозяевами своих собратьев. Собственность на землю является основой аристократии. Не дворянство давало землю, а владение землей давало дворянство. Все огромные привилегии знати средневековой Европы вытекали из их положения собственников земли. Простой принцип собственности в почве, на одной стороне Господь, на другой, вассал—один гавИнг всех прав, другие нет. Право господина на землю признавалось и поддерживалось, и те, кто жил на ней, могли делать это только на его условиях. Нравы и условия того времени заставляли эти термины включать услуги и сервитуты, а также ренту в виде продукции или денег, но существенной вещью, которая их навязывала, была собственность на землю. Эта власть существует везде, где существует собственность на землю, и может быть реализована везде, где конкуренция за использование земли достаточно велика, чтобы позволить землевладельцу выдвигать свои собственные условия. Современный английский землевладелец обладает, согласно закону, признающему его исключительное право на землю, практически всей властью, которой обладал его предшественник, феодальный барон. Он может требовать ренту в виде услуг или сервитутов. Он мог бы заставить своих арендаторов одеваться определенным образом, исповедовать определенную религию, отправлять своих детей в определенную школу, подчинять свои разногласия его решению, падать на колени, когда он заговаривает с ними, повсюду следовать за ним, одетым в его ливрею, или приносить ему в жертву женскую честь, если они предпочли бы все это изгнанию с его земли. Короче говоря, он мог требовать любых условий, на которых люди по-прежнему соглашались бы жить на его земле, и закон не мог помешать ему до тех пор, пока это не квалифицировало его право собственности, поскольку соблюдение их приняло бы форму свободного договора или добровольного акта. И английские землевладельцы действительно пользуются теми из этих полномочий, которые соответствуют нравам того времени, о котором они заботятся. Избавившись от обязанности обеспечивать оборону страны, они больше не нуждаются в военной службе своих арендаторов, а поскольку обладание богатством и властью теперь демонстрируется иными способами, чем длинными вереницами слуг, они больше не заботятся о личном обслуживании. Но они обычно контролируют голоса своих арендаторов и диктуют им многие мелочи. Этот “достопочтенный отец в Боге”, епископ лорд Плункетт, выселил нескольких своих бедных ирландских арендаторов, потому что они не хотели отправлять своих детей в протестантские воскресные школы; а графу Литриму, для которого Немезида так долго медлила, прежде чем ее ускорила пуля убийцы, вменяются еще более тяжкие преступления; в то время как по холодному побуждению алчности сносился коттедж за коттеджем и семья за семьей вытеснялись на дороги. Принцип, который допускает это, - это тот же самый принцип, который в более грубые времена и при более простом социальном государстве приводил в восторг огромные массы простых людей и создавал такую широкую пропасть между дворянами и крестьянами. Там, где крестьянина превращали в крепостного, ему просто запрещали покидать поместье, в котором он родился, таким образом искусственно создавая условия, которые мы предполагали на острове. В малонаселенных странах это необходимо для создания абсолютного рабства, но там, где земля полностью занята, конкуренция может создать практически те же условия. При сравнении положения ирландского крестьянина, арендованного на дыбу, и русского крепостного преимущество во многом было на стороне крепостного. Крепостной не голодал.

Теперь, как я думаю, я убедительно доказал, это та же самая причина, которая во все века унижала и порабощала трудящиеся массы, которые работают сегодня в цивилизованном мире. Личная свобода, то есть свобода передвижения, признается повсюду, в то время как от политического и правового неравенства в Соединенных Штатах нет и следа, а в самых отсталых цивилизованных странах их совсем немного. Но великая причина неравенства остается и проявляется в неравномерном распределении богатства. Суть рабства состоит в том, что оно отнимает у работника все, что он производит, за исключением того, что этого достаточно для поддержания животного существования, и к этому минимуму при существующих условиях безошибочно стремится заработная плата свободного труда. Каким бы ни было увеличение производительной силы, рента неуклонно стремится поглотить прибыль, и даже больше, чем саму прибыль.

Таким образом, состояние масс в каждой цивилизованной стране является или стремится стать состоянием фактического рабства при формах свободы. И вполне вероятно, что из всех видов рабства это самый жестокий и безжалостный. Ибо у рабочего отнимают плоды его труда и заставляют трудиться ради простого пропитания; но его надсмотрщики, вместо человеческих существ, принимают форму непреодолимых потребностей. Те, кому оказывается его труд и от кого он получает заработную плату, часто, в свою очередь, оказываются вытесненными — контакт между работниками и конечными получателями выгоды от их труда прерывается, и индивидуальность теряется. Прямая ответственность господина перед рабом, ответственность, которая оказывает смягчающее влияние на подавляющее большинство людей, не возникает; кажется, что не один человек толкает другого на неустанный и неоплачиваемый труд, а "неизбежные законы спроса и предложения", за которые никто в частности не несет ответственности. Максимумы Катона Цензора — максимумы, к которым относились с отвращением даже в эпоху жестокости и всеобщего рабовладения, — что после того, как от раба получено как можно больше работы, его следует отправить на смерть, становятся общим правилом; и даже эгоистический интерес, побуждающий хозяина заботиться о комфорте и благополучии раба, утрачивается. Труд стал товаром, а работник — машиной. Нет господ и рабов, нет владельцев и находящихся в собственности, а есть только покупатели и продавцы. Колебания рынка вытесняют все остальные настроения.

Когда рабовладельцы Юга посмотрели на положение бесплатно трудящейся бедноты в самых передовых цивилизованных странах, неудивительно, что они легко убедили себя в божественном институте рабства. В том, что полевые рабочие Юга как класс были лучше накормлены, лучше обеспечены жильем, лучше одеты; что у них было меньше заботы больше развлечений и радостей жизни, чем у сельскохозяйственных рабочих Англии, не может быть никаких сомнений; и даже в северных городах приезжие рабовладельцы могли видеть и слышать о вещах, невозможных при том, что они называли своей организацией труда. В Южных Штатах, во времена рабства, хозяин, который заставил бы своих негров работать и жить так, как в свободных странах вынуждены работать и жить большие классы свободных белых мужчин и женщин, считался бы позорным, и если бы общественное мнение не сдерживало его, то это сделал бы его собственный эгоистичный интерес в поддержании здоровья и силы своего имущества. Но в Лондоне, Нью-Йорке и Бостоне, среди людей, которые отдавали и будут отдавать снова деньги и кровь, чтобы освободить раба, где никто не мог публично надругаться над животным без ареста и наказания, можно увидеть босоногих и оборванных детей, бегающих

по улицам даже зимой, а на убогих чердаках и в зловонных подвалах женщины тратят свою жизнь за зарплату, которая не позволяет им должным образом согреться и питаться. Стоит ли удивляться, что рабовладельцам Юга требование отмены рабства казалось верхом лицемерия?

И теперь, когда рабство отменено, плантаторы Юга обнаруживают, что они не понесли никаких потерь. Их право собственности на землю, на которой должны жить вольноотпущенники, дает им практически такое же право распоряжаться трудом, как и раньше, в то время как они освобождены от ответственности, иногда очень дорогостоящей. У негров пока что есть альтернатива эмиграции, и, похоже, сейчас начинается масштабное движение такого рода, но по мере роста населения и дороговизны земли плантаторы будут получать пропорционально большую долю заработка своих работников, чем при системе движимого рабства, а рабочие меньшую долю — поскольку при системе движимого рабства рабы всегда получали по крайней мере достаточно для поддержания своего хорошего физического здоровья, но в таких странах, как Англия, есть большие классы рабочих, которые этого не получают.⁴⁸

Влияние, которое везде, где существуют личные отношения между хозяином и рабом, проникает, чтобы видоизменить рабство движимого имущества и помешать хозяину в полной мере использовать свою власть над рабом, также проявилось в более грубых формах крепостного права, которые характеризовали более ранние периоды европейского развития, и которым способствовала религия, и, возможно, как и в случае с рабством движимого имущества, более просвещенные, но все еще эгоистичные интересы господина, и, закрепившись в обычае, повсеместно установили пределы тому, что владелец земли мог вымогать у крепостного или крестьянина, так что конкуренция между владельцами земли и рабами была ограничена. Люди без средств к существованию, борющиеся друг с другом за доступ к средствам существования, нигде не были допущены к тому, чтобы проявить всю свою мощь лишений и деградации. Илоты Греции, метайеры Италии, крепостные России и Польши, крестьяне феодальной Европы предоставляли своим землевладельцам фиксированную долю либо своего продукта, либо своего труда и, как правило, не превышали этого предела. Но влияние, которое, таким образом, изменило грабительскую власть землевладения и которое все еще можно увидеть в английских поместьях, где землевладелец и его семья считают своим долгом посылать лекарства и удобства больным и заботиться о благополучии своих дачников, точно так же, как плантатор с Юга привык заботиться о своих неграх, теряется в более утонченной и менее очевидной форме, которую крепостное право принимает в более сложных процессах современного производства, которые так широко разделяют и по стольким промежуточным ступеням индивидуума, чей труд присваивается. от того, кто присваивает его и делает отношения между членами двух классов не прямыми и частными, а косвенными и общими. В современном обществе конкуренция имеет полную свободу действий, чтобы выжать из работника максимум, на что он способен, и с какой потрясающей силой она действует, можно увидеть на примере положения низшего класса в центрах богатства и промышленности. То, что положение этого низшего класса еще не стало более распространенным, следует отнести за счет огромных площадей плодородных земель, которые до сих пор были открыты на этом континенте и которые не просто предоставили убежище растущему населению старых частей Союза, но и значительно ослабили давление в Европе - в одной стране, Ирландии, эмиграция была настолько велика, что фактически привела к сокращению населения. Этот путь к облегчению не может длиться вечно. Он уже быстро сужается, и по мере того, как он закрывается, давление должно становиться все сильнее и сильнее.

Недаром мудрый ворон в Рамаяне, ворон Бушанда, “который жил во всех частях вселенной и знает все события от начала времен”, заявляет, что, хотя презрение к мирским преимуществам необходимо для высшего счастья, все же самую острую боль причиняет крайняя бедность. Бедность, на которую в условиях развивающейся цивилизации обречены огромные массы людей, - это не свобода от развлечений и искушений, к которой стремились мудрецы и которую восхваляли философы; это унижительное и всеобъемлющее рабство, которое сковывает высшую природу, притупляет тонкие чувства и своей болью толкает людей на поступки, от которых отказались бы животные. Именно в эту беспомощную, безнадежную нищету, которая подавляет мужественность и уничтожает женственность, которая лишает даже детство невинности и радости, рабочие классы загоняет сила, действующая на них как неумолимая и безжалостная машина. Бостонский производитель воротничков, который платит своим девушкам два цента в час, может посочувствовать их положению, но он, как и они, подчиняется закону конкуренции и не может платить больше и продолжать свой бизнес, поскольку обмен не регулируется чувствами. И таким образом, на всех промежуточных ступенях, вплоть до тех, кто получает безвозмездный заработок в виде земельной ренты, именно неумолимые законы спроса и предложения, сила, с которой индивид может ссориться не больше, чем с ветрами и приливами, по-видимому, загоняют низшие классы в рабство нужды.

Но на самом деле причиной является то, что всегда приводило и всегда должно приводить к рабству — монополизации кем-то того, что природа создала для всех.

Наша хваленая свобода неизбежно влечет за собой рабство, пока мы признаем частную собственность на землю. Пока это не отменено, декларации независимости и акты эмансипации тщетны. До тех пор, пока один человек может претендовать на исключительное владение землей, на которой должны жить другие люди, рабство будет существовать, и по мере продвижения материального прогресса оно должно расти и углубляться!

Это — а в предыдущих главах этой книги мы шаг за шагом проследили процесс — и есть то, что происходит в цивилизованном мире сегодня. Частная собственность на землю - нижний жернов. Материальный прогресс - верхний жернов. Между ними с возрастающим давлением перемалываются рабочие классы.

ГЛАВА III.

ТРЕБОВАНИЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕЛЬЦЕВ О КОМПЕНСАЦИИ.

Правда такова, и от этой правды никуда не деться, что нет и не может быть справедливого права на исключительное владение землей и что частная собственность на землю - это смелое, голое, чудовищное зло, подобное рабству движимого имущества.

Большинство мужчин в цивилизованных сообществах не признают этого просто потому, что большинство мужчин не мыслят. Для них все, что есть, является правильным, пока на его неправомерность часто не указывают, и в целом они готовы распять любого, кто первым попытается это сделать.

Но никто не может изучать политическую экономию, даже в том виде, в каком она преподается в настоящее время, или вообще размышлять о производстве и распределении богатства, не видя, что собственность на землю существенно отличается от собственности на вещи, произведенные человеком, и что она не имеет основания в абстрактной справедливости.

Это признается, прямо или молчаливо, в каждом стандартном труде по политической экономии, но в целом просто путем туманного признания или умолчания. Внимание, как правило, отвлекается от истины, поскольку лектор по философии морали в рабовладельческом сообществе может отвлечь внимание от слишком пристального рассмотрения естественных прав людей, а частная собственность на землю принимается без комментариев, как существующий факт, или предполагается необходимой для надлежащего использования земли и существования цивилизованного государства.

Исследование, через которое мы прошли, убедительно доказало, что частная собственность на землю не может быть оправдана на основании полезности — что, напротив, это великая причина, с которой следует связывать бедность, убожество и деградацию, социальные болезни и политическую слабость, которые так угрожающе проявляются на фоне развивающейся цивилизации. Таким образом, целесообразность присоединяется к справедливости, требуя, чтобы мы ее отменили.

Когда целесообразность, таким образом, присоединяется к справедливости, требуя, чтобы мы упразднили институт, который не имеет более широкой базы или более веских оснований, чем простое муниципальное регулирование, какие могут быть причины для колебаний?

Соображение, которое, по-видимому, вызывает колебания даже у тех, кто ясно видит, что земля по праву является общей собственностью, заключается в идее о том, что, разрешив так долго обращаться с землей как с частной собственностью, мы, отменив ее, причинили бы зло тем, кто был вынужден основывать свои расчеты на ее постоянстве; что, разрешив владеть землей как законной собственностью, мы, восстановив общие права, поступили бы несправедливо по отношению к тем, кто купил ее на то, что, несомненно, было их законной собственностью. Таким образом, считается, что если мы отменим частную собственность на землю, справедливость требует, чтобы мы полностью выплатили компенсацию тем, кто сейчас ею владеет, как британское правительство, отменив куплю-продажу военных орденов, посчитало себя обязанным выплатить компенсацию тем, кто владел орденами, которые они приобрели в надежде, что смогут продать их снова, или как при отмене рабства в Британской Вест-Индии рабовладельцам было выплачено 100 000 000 долларов.

Даже Герберт Спенсер, который в своей “Социальной статике” так ясно продемонстрировал недействительность любого титула, претендующего на исключительное владение землей, поддерживает эту идею (хотя она кажется мне непоследовательной), заявляя, что справедливая оценка и ликвидация претензий нынешних землевладельцев, “которые либо своими собственными действиями, либо действиями своих предков отдали за свои поместья эквиваленты честно заработанного богатства”, является “одной из самых сложных проблем, которые обществу когда-нибудь придется решать”.

Именно эта идея наводит на мысль, которая находит сторонников в Великобритании, о том, что правительство должно приобрести по рыночной цене индивидуальную собственность на землю страны, и именно эта идея побудила Джона Стюарта Милля, хотя и ясно осознававшего

сущностную несправедливость частной собственности на землю, выступать не за полное возобновление использования земли, а только за возобновление накопления преимуществ в будущем. Его план состоял в том, что рыночная стоимость всей земли в королевстве должна быть оценена справедливо и даже либерально, и что будущие увеличения этой стоимости, не за счет улучшений собственника, должны осуществляться государством.

Не говоря уже о практических трудностях, связанных с такими громоздкими планами, с расширением функций правительства, которых они потребуют, и коррупцией, которую они породят, их неотъемлемый и существенный недостаток заключается в невозможности преодолеть каким-либо компромиссом радикальное различие между неправильным и правильным. Точно в той же пропорции, в какой соблюдаются интересы землевладельцев, точно в такой же пропорции должны игнорироваться общие интересы и общие права, и если землевладельцы ничего не потеряют из своих особых привилегий, народ в целом ничего не выиграет. Выкупить права индивидуальной собственности означало бы просто предоставить землевладельцам в другой форме право требования того же рода и в том же размере, которое дает им теперь владение землей; это означало бы повысить для них путем налогообложения ту же долю доходов от труда и капитала, которую они теперь могут присваивать в виде ренты. Их несправедливое преимущество было бы сохранено, а несправедливое невыгодное положение землевладельцев, не являющихся землевладельцами, сохранялось бы по-прежнему. Безусловно, для широких слоев населения была бы выгода, если бы повышение арендной платы сделало сумму, которую землевладельцы получали бы при нынешней системе, большей, чем проценты с покупной цены земли по нынешним ставкам, но это была бы только будущая выгода, а тем временем не только не было бы облегчения, но и значительно возросло бы бремя, налагаемое на труд и капитал в интересах нынешних землевладельцев. Ибо одним из элементов текущей рыночной стоимости земли является ожидание будущего повышения стоимости, и, таким образом, скупать земли по рыночным ставкам и выплачивать проценты на покупные деньги означало бы обременять производителей не только выплатой фактической арендной платы, но и выплатой в полном объеме спекулятивной ренты. Или, выражаясь по-другому: земля была бы куплена по ценам, рассчитанным исходя из более низкой, чем обычная норма процента (поскольку предполагаемое повышение стоимости земли всегда делает рыночную цену земли намного выше, чем была бы цена чего-либо другого, приносящего такую же текущую доходность), и проценты на покупные деньги выплачивались бы по обычной ставке. Таким образом, землевладельцам пришлось бы выплачивать не только все, что дает им земля сейчас, но и значительно большую сумму. Фактически это было бы взятием государством бессрочной аренды у нынешних землевладельцев со значительным превышением арендной платы над тем, что они получают сейчас. В настоящее время государство стало бы просто агентом землевладельцев по сбору их арендной платы и должно было бы выплачивать им не только то, что они получали, но и значительно больше.

План мистера Милля по национализации будущего “незаработанного увеличения стоимости земли” путем установления текущей рыночной стоимости всех земель и передачи государству будущего увеличения стоимости не усугубит несправедливость нынешнего распределения богатства, но и не исправит ее. Дальнейшее спекулятивное повышение арендной платы прекратилось бы, и в будущем люди в целом получили бы разницу между увеличением арендной платы и суммой, в которую это увеличение было оценено при установлении текущей стоимости земли, в которой, конечно, предполагаемая, а также текущая стоимость является элементом. Но это оставило бы на все будущее за одним классом то огромное преимущество

перед другими, которым они обладают сейчас. Все, что можно сказать об этом плане, это то, что это может быть лучше, чем ничего.

О таких неэффективных и неосуществимых схемах можно говорить там, где любое более эффективное предложение в настоящее время не было бы принято во внимание, и их обсуждение является обнадеживающим знаком, поскольку показывает приближение тонкого кончика клина истины. Справедливость в устах мужчин звучит пугающе смиренно, когда она впервые начинает протестовать против освященной веками несправедливости, и мы, англоговорящие нации, все еще носим ошейник саксонского раба и были воспитаны смотреть на “законные права” землевладельцев со всем суеверным почтением, с каким древние египтяне смотрели на крокодила. Но когда для них наступает время, идеи разрастаются, даже если на первый взгляд они кажутся незначительными. Однажды Третье сословие покрыло свои головы, когда король надел шляпу. Немного погодя с эшафота скатилась голова сына Людовика Святого. Движение против рабства в Соединенных Штатах началось с разговоров о компенсации владельцам, но когда четыре миллиона рабов были освобождены, владельцы не получили никакой компенсации и не требовали ее. И к тому времени, когда жители любой такой страны, как Англия или Соединенные Штаты, будут достаточно осведомлены о несправедливости и невыгодах индивидуального владения землей, чтобы побудить их предпринять попытку ее национализации, они будут достаточно осведомлены, чтобы национализировать ее гораздо более прямым и легким способом, чем путем покупки. Они не будут беспокоиться о выплате компенсации владельцам земли.

Также неправильно, что должно быть какое-либо беспокойство о владельцах земли. То, что такой человек, как Джон Стюарт Милль, придавал такое большое значение компенсации землевладельцам, что настаивал на конфискации только будущего увеличения арендной платы, объясняется только его согласием с существующими доктринами, согласно которым заработная плата берется из капитала и что население постоянно стремится к существованию. Они ослепили его относительно всех последствий частного присвоения земли. Он видел, что “притязания землевладельца полностью подчинены общей политике государства” и что “когда частная собственность на землю нецелесообразна, это несправедливо”, [49](#) но, запутавшись в сетях мальтузианской доктрины, он приписал, как он прямо заявляет в абзаце, который я цитировал ранее, нужду и страдания, которые он видел вокруг себя, “скупости природы, а не несправедливости человека”, и, таким образом, для него национализация земли казалась сравнительно незначительной вещью, которая ничего не могла сделать для человечества. искоренение пауперизма и ликвидация нужды — цели, которые могли быть достигнуты только тогда, когда люди научились подавлять естественный инстинкт. Каким бы великим и чистым он ни был — с горячим сердцем и благородным умом, — он все же никогда не видел истинной гармонии экономических законов и не понимал, как из этого одного великого фундаментального зла проистекают нужда и несчастье, порок и стыд. Иначе он никогда бы не написал эту фразу: “Земля Ирландии, как и земли любой другой страны, принадлежит народу этой страны. Лица, называемые землевладельцами, не имеют морального и справедливого права ни на что, кроме арендной платы или компенсации за ее товарную стоимость”.

Во имя Пророка — фиги! Если земля какой-либо страны принадлежит народу этой страны, какое право с точки зрения морали и справедливости имеют отдельные лица, называемые землевладельцами, на получение арендной платы? Если земля принадлежит народу, то почему

во имя морали и справедливости люди должны платить ее товарную стоимость за свою собственную?

Герберт Спенсер говорит:⁵⁰ *“Если бы нам пришлось иметь дело с теми, кто изначально лишил человечество его наследия, мы могли бы быстро разобраться с этим вопросом?”* Почему бы все-таки не покончить с этим делом побыстрее? Ибо этот грабеж не похож на кражу лошади или денежной суммы, которая прекращается с совершением деяния. Это новое и непрерывное ограбление, которое продолжается каждый день и каждый час. Рента извлекается не из продуктов прошлого, а из продуктов настоящего. Это плата, взимаемая с рабочей силы постоянно. Каждый удар молотка, каждый взмах кирки, каждый толчок челнока, каждое биение паровой машины отдают ей должное. Она облагает налогом заработка людей, которые глубоко под землей рискуют своей жизнью, и тех, кто над белыми волнами цепляется за шатающиеся мачты; она требует справедливого вознаграждения капиталиста и плодов терпеливых усилий изобретателя; она отрывает маленьких детей от игр и от школы и заставляет их работать до того, как их кости затвердеют или мускулы окрепнут; она лишает дрожащих тепла; голодных - еды; больных - лекарств; встревоженных - покоя. Это унижает, обнимает и озлобляет. Это загоняет семьи из восьми и десяти человек в одну убогую комнату; это загоняет, как свиней, сельскохозяйственные бригады мальчиков и девочек; это наполняет джин-палас и гроггери теми, кому неуютно в своих домах; это делает парней, которые могли бы быть полезными людьми, кандидатами в тюрьмы и исправительные учреждения; это наполняет бордели девушками, которые могли бы познать чистую радость материнства; это распространяет жадность и все порочные страсти по обществу, как суровая зима загоняет волков в жилища мужчин; это затемняет веру в человеческую душу и затмевает отражение справедливого и ответственного человека. милосердный Творец приоткрывает завесу суровой, слепой и жестокой судьбы!

Это не просто грабеж в прошлом; это грабеж в настоящем — грабеж, который лишает права первородства младенцев, которые сейчас появляются на свет! Почему мы должны сомневаться в том, чтобы быстро освоить такую систему? Из-за того, что меня ограбили вчера, и позавчера, и позапрошлым днем, есть ли какая-то причина, по которой я должен позволять грабить себя сегодня и завтра? есть ли какие-либо причины, по которым я должен сделать вывод, что грабитель приобрел законное право ограбить меня?

Если земля принадлежит народу, зачем продолжать разрешать землевладельцам брать арендную плату или каким-либо образом компенсировать им потерю арендной платы? Рассмотрим, что такое арендная плата. Это не возникает спонтанно из-за земли; это не связано ни с чем, что сделали землевладельцы. Это представляет собой ценность, созданную всем сообществом. Предоставьте землевладельцам, если вам угодно, все, что могло бы дать им владение землей в отсутствие остальной части общины. Но рента, создание всего сообщества, обязательно принадлежит всему сообществу.

Судите дело землевладельцев на основании принципов общего права, согласно которым права человека и индивидуальности человека прекращаются. Нам говорят, что общее право - это совершенство разума, и, конечно, землевладельцы не могут жаловаться на его решение, поскольку оно было создано землевладельцами и для них. Итак, что закон позволяет невинному владельцу, когда земля, за которую он заплатил свои деньги, по праву принадлежит другому лицу? Вообще ничего. То, что он совершил покупку добросовестно, не

дает ему никаких прав или претензий. Закон не касается “сложного вопроса о компенсации” невинному покупателю. Закон не гласит, как говорит Джон Стюарт Милль: “Земля принадлежит А, следовательно, Б, считающий себя владельцем, не имеет права ни на что, кроме арендной платы или компенсации ее товарной стоимости”. Ибо это действительно было бы похоже на знаменитое решение по делу о беглых рабах, в котором суд, как говорили, отдал закон Северу, а негра - Югу. Закон просто гласит: “Земля принадлежит А., пусть шериф передаст ее ему во владение!” Это не дает невинному покупателю незаконного титула права собственности никаких претензий, это не дает ему никакой компенсации. И не только это, это отнимает у него всеулучшения, которые он добросовестно сделал на земле. Возможно, вы заплатили высокую цену за землю, прилагая все усилия, чтобы убедиться, что титул на нее законен; возможно, вы годами владели ею в неприкосновенности, не думая и не намекая на враждебного претендента; сделали ее плодородной своим трудом или возвели на ней дорогостоящее здание большей ценности, чем сама земля, или скромный дом, в котором вы надеетесь, в окружении посаженных вами фиговых деревьев и выращенных вами виноградных лоз, скоротать свои преклонные дни; и все же, если Quirk, Gammon & Snap смогут обнаружить технический изъян в ваших пергаментных документах или разыскать какого-нибудь забытого наследника. Кто никогда не мечтал о своих правах, не только на землю, но и на все ваши улучшения, может быть отнят у вас. И не только это. Согласно общему праву, когда вы передадите землю и откажетесь от своих улучшений, вас могут призвать к ответу за прибыль, которую вы получили от земли за то время, пока она была у вас.

Теперь, если мы применим это к делу "Люди *против* Землевладельцы руководствуясь теми же принципами справедливости, которые были сформулированы землевладельцами в законе и ежедневно применяются в английских и американских судах при разрешении споров между людьми, мы не только не будем думать о предоставлении землевладельцам какой-либо компенсации за землю, но и заберем все улучшения и все остальное, что у них может быть.

Но я не предлагаю и не предполагаю, что кто-то другой предложит зайти так далеко. Достаточно, если люди вернут себе право собственности на землю. Пусть землевладельцы сохраняют свои улучшения и личную собственность в надежном владении.

И в этой мере справедливости не было бы ни угнетения, ни нанесения ущерба какому-либо классу. Великая причина нынешнего неравномерного распределения богатства со страданиями, деградацией и расточительством, которые оно влечет за собой, была бы сметена. Даже землевладельцы разделили бы общую выгоду. Выгода даже крупных землевладельцев была бы реальной. Выгода мелких землевладельцев была бы огромной. Ибо, приветствуя Справедливость, люди приветствуют служанку Любви. Мир и Изобилие следуют за ней по пятам, принося свои благие дары не некоторым, а всем.

Насколько это верно, мы увидим позже.

Если в этой главе я говорил о справедливости и целесообразности так, как будто справедливость - это одно, а целесообразность - другое, то это было просто для того, чтобы ответить на возражения тех, кто так говорит. В справедливости заключается высшая и истиннейшая целесообразность.

ГЛАВА IV.

ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ НА ЗЕМЛЮ, РАССМАТРИВАЕМАЯ ИСТОРИЧЕСКИ.

Что больше, чем что-либо другое, препятствует осознанию существенной несправедливости частной собственности на землю и стоит на пути искреннего рассмотрения любого предложения об ее отмене, так это та ментальная привычка, которая заставляет все, что существовало долгое время, казаться естественным и необходимым.

Мы так привыкли относиться к земле как к частной собственности, это так тщательно признано в наших законах, нравах и обычаях, что подавляющему большинству людей и в голову не приходит подвергать это сомнению; но они рассматривают это как необходимое условие использования земли. Они неспособны представить себе, или, по крайней мере, им не приходит в голову представить, что общество существует или возможно без передачи земли в частную собственность. Им кажется, что первый шаг к обработке или улучшению земли заключается в том, чтобы получить для нее определенного владельца, и земля человека рассматривается ими как полностью и по праву принадлежащая человеку для продажи, сдачи в аренду, дарения или завещания, как и его дом, его скот, его товары или его мебель. “Священность собственности” проповедовалась так постоянно и эффективно, особенно теми “консерваторами древнего варварства”, как Вольтер называл юристов, что большинство людей смотрят на частную собственность на землю как на самую основу цивилизации, и если предлагается возвращение земли в общую собственность, на первый взгляд, воспринимайте это либо как химерический каприз, который никогда не был и никогда не может быть реализован, либо как предложение свергнуть общество с его основания и вызвать возврат к варварству.

Если бы было правдой, что земля всегда рассматривалась как частная собственность, это не доказывало бы справедливости или необходимости продолжать относиться к ней таким образом, так же как всеобщее существование рабства, которое когда-то могло быть безопасно подтверждено, не доказывало бы справедливости или необходимости превращения человеческой плоти и крови в собственность.

Не так давно монархия казалась практически универсальной, и не только короли, но и большинство их подданных действительно верили, что ни одна страна не сможет обойтись без короля. И все же, не говоря уже об Америке, Франция сейчас обходится без короля; королева Англии и императрица Индии имеют примерно такое же отношение к управлению своими королевствами, как деревянная фигура на носу корабля определяет его курс, а другие коронованные особы Европы восседают, образно говоря, на бочках с нитроглицерином.

Около ста лет назад епископ Батлер, автор знаменитой аналогии, заявил, что “создание гражданского правительства без какого-либо религиозного учреждения - это химерический проект, примера которому нет”. Что касается отсутствия примера, то он был прав. В то время не существовало правительства, и было бы легко назвать то, которое когда-либо существовало, без какой-либо установленной религии; однако с тех пор в Соединенных Штатах мы вековой

практикой доказали, что гражданское правительство может существовать без государственной церкви.

Но хотя, если бы это было правдой, то тот факт, что земля всегда и везде рассматривалась как частная собственность, не доказывал бы, что к ней всегда следует так относиться, это *не* верно. Напротив, общее право на землю повсеместно признавалось в первую очередь, и частная собственность нигде не возникла, кроме как в результате узурпации. Первичные и устойчивые представления человечества заключаются в том, что все имеют равное право на землю, а мнение о том, что частная собственность на землю необходима обществу, является всего лишь порождением невежества, которое не может смотреть дальше своего непосредственного окружения — идеей сравнительно современного роста, такой же искусственной и безосновательной, как идея божественного права королей.

Наблюдения путешественников, исследования критически настроенных историков, которые за недавний период так много сделали для восстановления забытых летописей народа, исследования таких людей, как сэр Генри Мэйн, Эмиль де Лавли, профессор Нассе из Бонна, и других, касающиеся роста институтов, доказывают, что везде, где формировалось человеческое общество, признавалось общее право людей на использование земли и что нигде не допускалась неограниченная индивидуальная собственность. Исторически, как и с этической точки зрения, частная собственность на землю - это грабеж. Оно нигде не проистекает из договора; его нигде нельзя проследить до представлений о справедливости или целесообразности; оно повсюду зародилось в войне и завоеваниях, а также в эгоистичном использовании, которое хитрецы сделали из суеверий и закона.

Везде, где мы можем проследить раннюю историю общества, будь то в Азии, Европе, Африке, Америке или Полинезии, земля рассматривалась, поскольку необходимые отношения, которые имеет к ней человеческая жизнь, привели бы к ее рассмотрению — как общая собственность, в которой права всех, кто признавал права, были равны. Это означает, что все члены общины, все граждане, как мы должны были бы сказать, имели равные права на пользование землей общины. Это признание общего права на землю не помешало полному признанию особого и исключительного права на вещи, являющиеся результатом труда, и от него не отказались, когда развитие сельского хозяйства привело к необходимости признания исключительного владения землей, чтобы обеспечить исключительное пользование результатами труда, затраченного на ее обработку. Разделение земли между промышленными единицами, будь то семьи, совместные предприятия или отдельные лица, распространялось лишь настолько, насколько это было необходимо для этой цели, пастбища и лесные угодья оставались общими, а равенство в отношении сельскохозяйственных земель обеспечивалось либо периодическим переделом, как среди тевтонских рас, либо запретом отчуждения, как в законе Моисея.

Это первичное приспособление все еще существует в более или менее нетронутой форме в деревенских общинах Индии, России и славянских стран, еще или до недавнего времени находившихся под турецким владычеством; в горных кантонах Швейцарии; среди кабил на севере Африки и кафров на юге; среди коренного населения Явы и аборигенов Новой Зеландии - то есть везде, где посторонние влияния оставили нетронутой форму примитивной социальной организации. То, что она существовала повсюду, было в последние годы убедительно доказано исследованиями многих независимых студентов и наблюдателей, которые, насколько мне известно, лучше всего обобщены в “Системах землепользования в различных странах”,

опубликованных под эгидой Кобден-клуба, и в “Примитивной собственности” М. Эмиля де Лавелье, к которым я бы отсылал читателя, желающего увидеть эту истину во всех деталях.

“Во всех первобытных обществах, ” говорит месье де Лавелье в результате исследования, которое не оставляет неисследованной ни одну часть мира, — во всех первобытных обществах земля была совместной собственностью племен и подлежала периодическому распределению между всеми семьями, чтобы все могли жить своим трудом, как предписано природой. Комфорт каждого, таким образом, был пропорционален его энергии и интеллекту; во всяком случае, никто не был лишен средств к существованию, и неравенство, увеличивающееся от поколения к поколению, было преодолено”.

Если г-н де Лавелай прав в этом заключении, а в том, что он прав, сомнений быть не может, то каким образом, спросят, передача земли в частную собственность стала столь повсеместной?

Причины, которые привели к вытеснению этой первоначальной идеи равного права на использование земли идеями исключительных и неравных прав, могут, я думаю, быть повсюду смутно, но определенно прослежены. Они везде одни и те же, которые привели к отрицанию равных прав личности и созданию привилегированных классов.

Эти причины можно резюмировать как концентрацию власти в руках вождей и военного сословия, ставшую следствием состояния войны, позволившего им монополизировать общие земли; эффект завоевания, заключающийся в низведении побежденных до состояния хищнического рабства и разделе их земель между завоевателями и непропорциональной доле вождям; дифференциация и влияние класса священнослужителей, а также дифференциация и влияние класса профессиональных юристов, интересам которых служила замена исключительной собственности на землю общей⁵¹ — неравенство, однажды породившее всегда стремящийся к большему неравенству, по закону притяжения.

Именно борьба между этой идеей равных прав на землю и тенденцией монополизировать ее в индивидуальном владении вызвала внутренние конфликты Греции и Рима; именно сдерживание этой тенденции — в Греции такими институтами, как институты Ликурга и Солона, а в Риме Законом Лициния и последующими разделами земли — дало каждому из них дни силы и славы; и именно окончательный триумф этой тенденции уничтожил обоих. Большие поместья погубили Грецию, как впоследствии “большие поместья погубили Италию”,⁵² и поскольку почва, несмотря на предупреждения великих законодателей и государственных деятелей, в конце концов перешла во владение немногих, население сократилось, искусство пришло в упадок, интеллект выхолостился, а раса, в которой человечество достигло своего наиболее блестящего развития, стала притчей во языцах и поношением среди людей.

Идея абсолютной индивидуальной собственности на землю, которую современная цивилизация унаследовала от Рима, достигла там своего полного развития в исторические времена. Когда будущая владычица мира впервые появилась на горизонте, у каждого гражданина был свой маленький приусадебный участок, который был неотчуждаем, а общая собственность — “хлебная земля, имеющая общественное право” — подлежала общему пользованию, несомненно, в соответствии с правилами или обычаями, которые обеспечивали равенство, как в тевтонской марке и швейцарском альменде. Именно из этого общественного достояния, постоянно расширявшегося в результате завоеваний, патрицианским семьям

удалось получить свои огромные поместья. Эти крупные поместья благодаря силе, которой великие привлекают меньших, несмотря на временные ограничения законом и повторяющиеся разделения, в конце концов вытеснили всех мелких собственников, присоединив их небольшие владения *клатифундиям* неимоверно богатых, в то время как сами они были загнаны в банды рабов, стали колониями, выплачивающими ренту, или же были изгнаны в недавно завоеванные иностранные провинции, где земля была роздана ветеранам легионов; или в метрополию, чтобы пополнить ряды пролетариата, которому нечего было продавать, кроме своих голосов.

Цезаризм, вскоре перешедший в необузданный деспотизм восточного типа, был неизбежным политическим результатом, и империя, даже когда она охватывала весь мир, в действительности превратилась в оболочку, удерживаемую от разрушения только более здоровой жизнью на границах, где земля была разделена между военными поселенцами или более сохранились примитивные обычаи. *Нолатифундии*, поглотившие мощь Италии, неуклонно расползались наружу, превращая поверхность Сицилии, Африки, Испании и Галлии в огромные поместья, возделываемые рабами или арендаторами. Отважные добродетели, порожденные личной независимостью, угасли, изнурительное земледелие истощило почву, дикие звери вытеснили людей, пока, наконец, с силой, возвращенной в равенстве, варвары не прорвались; Рим погиб; и от цивилизации, некогда столь гордой, не осталось ничего, кроме руин.

Так произошло то чудесное событие, которое во времена величия Рима казалось бы столь же невозможным, как нам кажется сейчас, что команчи или Плоскоголовые завоевали Соединенные Штаты или лапландцы опустошили Европу. Фундаментальную причину следует искать во владении землей. С одной стороны, отрицание общего права на землю привело к упадку; с другой стороны, равенство придало сил.

“Свобода, ” говорит М. де Лавелье (“Первобытная собственность”, стр. 116), “ свобода и, как следствие, владение безраздельной долей общей собственности, на которую глава каждой семьи в клане имел равные права, были в немецкой деревне неотъемлемыми правами. Эта система абсолютного равенства придавала личности замечательный характер, что объясняет, как небольшие группы варваров стали хозяевами Римской империи, несмотря на ее умелое управление, совершенную централизацию и гражданское право, сохранившее название письменного разума ”.

С другой стороны, у этой великой империи было выедено сердце. “Рим погиб, - говорит профессор Сили, - из-за неурожая среди людей”.

В своих лекциях “История цивилизации в Европе” и более подробно в своих лекциях “История цивилизации во Франции” Гизо живо описал хаос, воцарившийся в Европе после падения Римской империи, — хаос, который, как он говорит, “носил все в своих недрах” и из которого медленно развилась структура современного общества. Это картина, которую невозможно сжать в несколько строк, но достаточно сказать, что результатом этого вливания грубой, но энергичной жизни в романизированное общество стала дезорганизация германской, а также римской структуры — смешение идеи общих прав на землю с идеей исключительной собственности, в значительной степени как это произошло в тех провинциях Восточной империи, которые впоследствии были захвачены турками. Феодальная система, которая была так легко принята и так широко распространена, была результатом такого смешения; но под ней и бок о бок с феодальной системой укоренилась или возродилась более примитивная

организация, основанная на общих правах земледельцев, и оставила свои следы по всей Европе. Эта примитивная организация, которая распределяет равные доли обрабатываемой земли и совместно использует невозделанную землю, и которая существовала в Древней Италии, как и в саксонской Англии, сохранила себя при абсолютизме и крепостничестве в России, при мусульманском угнетении в Сербии, а в Индии была сметена, но не уничтожена полностью, волной за волной завоеваний и столетием за столетием угнетения.

Феодальная система, которая не характерна для Европы, но, по-видимому, является естественным результатом завоевания оседлой страны расой, среди которой все еще сильны равенство и индивидуальность, четко признавала, по крайней мере теоретически, что земля принадлежит обществу в целом, а не отдельному человеку. Грубый итог эпохи, в которой сила стояла за право настолько близко, насколько это вообще возможно (ибо идея права неискоренима в человеческом разуме и должна в той или иной форме проявляться даже в сообществе пиратов и разбойников), феодальная система еще ни за кем не признавала бесконтрольного и исключительного права на землю. Феод был, по сути, трастом, и к пользованию им прилагалось обязательство. Суверен, теоретически представитель коллективной власти и прав всего народа, был, с точки зрения феодалов, единственным абсолютным собственником земли. И хотя земля была предоставлена в индивидуальное владение, все же с ее владением были связаны повинности, посредством которых получатель ее доходов должен был возвращать государству эквивалент выгод, которые он получал от передачи общего права.

В феодальной схеме земли короны поддерживали государственные расходы, которые теперь включены в гражданский список; церковные земли покрывали расходы на общественное богослужение и обучение, уход за больными и обездоленными и содержали класс людей, которые должны были посвящать свою жизнь общественному благу и, без сомнения, в значительной степени таковыми и были; в то время как военная служба обеспечивала общественную оборону. В обязанности военного арендатора вводить в бой такие-то силы, когда возникнет необходимость, а также в помощи, которую он должен был оказывать, когда старший сын государя был посвящен в рыцари, его дочь выходила замуж или сам государь попадал в плен, было грубое и неэффективное признание, но все же бесспорное признание факта, очевидного для естественного восприятия всех людей, что земля является не индивидуальной, а общей собственностью.

И все же контроль владельца земли не позволялось выходить за рамки его собственной жизни. Хотя принцип наследования вскоре вытеснил принцип отбора, поскольку там, где сосредоточена власть, это всегда должно быть так, все же феодальный закон требовал, чтобы всегда был какой-нибудь представитель феода, способный выполнять обязанности, а также получать выгоды, которые прилагались к земельному владению, и кто это должен быть, не зависело от индивидуального каприза, а строго определялось заранее. Отсюда опека и другие феодальные инциденты. Система первородства и вытекающее из нее право наследования изначально не были такими абсурдными, какими они стали впоследствии.

Основой феодальной системы была абсолютная собственность на землю - идея, которую варвары с готовностью усвоили среди покоренного населения, которому она была знакома; но поверх этого феодализм установил преимущественное право, и процесс феодализации состоял в подчинении индивидуального владычества высшему владычеству, которое представляло

более крупную общину или нацию. Его единицами были землевладельцы, которые в силу своей собственности были абсолютными хозяевами в своих собственных владениях и которые там выполняли функции защиты, которые г-н Тэн так наглядно описал, хотя, возможно, и слишком ярко, во вступительной главе своего “Древнего режима”. Работа феодальной системы заключалась в том, чтобы объединить эти единицы в нации и подчинить полномочия и права отдельных землевладельцев полномочиям и правам коллективного общества, представленного сюзереном или королем.

Таким образом, феодальная система в период своего возникновения и развития была триумфом идеи общего права на землю, превращавшей абсолютное владение в условное и налагавшей особые обязательства в обмен на привилегию получения ренты. И в то же время власть землевладения была подорвана, так сказать, снизу, аренда по желанию земледельцев, как правило, превращалась в аренду по обычаю, а рента, которую лорд мог взимать с крестьянина, становилась фиксированной.

И среди феодальной системы сохранились или выросли сообщества земледельцев, более или менее облагаемых феодальными налогами, которые обрабатывали землю как общую собственность; и хотя лорды, где и когда у них была власть, претендовали практически на все, на что, по их мнению, стоило претендовать, все же идея общего права была достаточно сильна, чтобы закрепиться обычаем за значительной частью земли. В феодальные времена палата общин, должно быть, занимала очень большую часть территории большинства европейских стран. Ибо во Франции (хотя присвоение этих земель аристократией, иногда сдерживаемое и отменяемое королевским указом, продолжалось за несколько столетий до революции, а во время Революции и Первой империи производились крупные раздачи и продажи), общие или общинные земли по-прежнему составляют, по словам М. де Лавелье, 4 000 000 гектаров, или 9 884 400 акров. О размерах общинных земель Англии в феодальные эпохи можно судить из того факта, что, хотя огораживания земельной аристократией начались во время правления Генриха VII, утверждается, что не менее 7 660 413 акров общинных земель были огорожены в соответствии с Законами, принятыми между 1710 и 1843 годами, из которых 600 000 акров были огорожены с 1845 года; и, по оценкам, в Англии все еще остается 2 000 000 акров общинных земель, хотя, конечно, это самые бесполезные участки почвы.

В дополнение к этим общим землям во Франции до революции и в некоторых частях Испании до наших дней существовал обычай, имеющий силу закона, согласно которому обработанные земли после сбора урожая становились общими для выпаса скота или путешествий, пока не приходило время снова использовать землю; а в некоторых местах существовал обычай, по которому любой человек имел право ступить на землю, которую ее владелец пренебрегал обработкой, и там в безопасности сеять и собирать урожай. И если он решил использовать навоз для первого урожая, он получил право посеять и собрать второй урожай без разрешения или препятствий со стороны владельца.

Дело не только в швейцарском альменде, марке Дитмарша, сербских и русских деревенских общинах; не только в длинных грядках, которые на английской земле, ныне являющейся исключительной собственностью отдельных лиц, все еще позволяют антиквару проследить огромные поля, в древности отведенные под трехгодичный севооборот и на которых каждому сельскому жителю ежегодно отводился равный участок; не только в документальных свидетельствах, которые внимательные исследователи за последние годы извлекли из старых

записей; но и в самих институтах, под влиянием которых развивалась современная цивилизация, которые доказывают универсальность и долговечность признания общего права. право на использование почвы.

В наших правовых системах все еще остаются пережитки, утратившие свое значение, которые, подобно все еще существующим остаткам древней общины Англии, указывают на это. Доктрина выдающегося владения, существующая также в мусульманском праве, которая теоретически делает суверена единственным абсолютным владельцем земли, проистекает не из чего иного, как из признания суверена представителем коллективных прав народа; первородство и влекомство, которые все еще существуют в Англии и которые существовали в некоторых американских штатах сто лет назад, являются всего лишь искаженными формами того, что когда-то было результатом восприятия земли как общей собственности. Само различие, проводимое в юридической терминологии между недвижимой и личной собственностью, является всего лишь пережитком примитивного различия между тем, что первоначально рассматривалось как общая собственность, и тем, что по своей природе всегда считалось особой собственностью индивида. И большая осторожность и церемонии, которые все еще требуются для передачи земли, являются всего лишь остатком, теперь бессмысленным и бесполезным, более общего и церемонного согласия, которое когда-то требовалось для передачи прав, которые считались принадлежащими не какому-то одному члену, а каждому члену семьи или племени.

Общий курс развития современной цивилизации со времен феодального периода заключался в ниспровержении этих естественных и первичных идей коллективной собственности на землю. Как это ни парадоксально, появление свободы от феодальных уз сопровождалось тенденцией к обращению с землей в форму собственности, которая влечет за собой порабощение трудящихся классов и которая сейчас начинает сильно ощущаться во всем цивилизованном мире под давлением железного ярма, которое не может быть освобождено никаким расширением простой политической власти или личной свободы, и которое политэкономисты ошибочно принимают за давление законов природы, а рабочих - за гнет капитала.

Очевидно, что в Великобритании сегодня право народа в целом на землю своей родной страны признается гораздо менее полно, чем это было в феодальные времена. Гораздо меньшая доля людей владеет землей, и их собственность гораздо более абсолютна. Община, некогда столь обширная и вносившая такой значительный вклад в независимость и поддержку низших классов, теперь, за исключением небольшого остатка еще ничего не стоящей земли, была передана в индивидуальную собственность и огорожена; огромные поместья церкви, которые были по сути общей собственностью, предназначенной для общественных целей, были выведены из-под этого контроля для обогащения отдельных лиц; взносы военных арендаторов были сняты, а расходы на содержание военного ведомства и выплату процентов по огромному долгу, накопленному в результате войн, легли на плечи всего народа в виде налогов на предметы первой необходимости и удобства жизни. . Земли короны в основном перешли в частное владение, и для поддержки королевской семьи и всех мелких принцев, которые вступают в нее в брак, британский рабочий должен платить за свою кружку пива и трубку табака. Английский йомен — крепкая порода, завоевавшая Креси, Пуатье и Азенкур, — вымер, как мастодонт. Шотландский член клана, чье право на землю его родных холмов было тогда столь же неоспоримым, как и право его вождя, был изгнан, чтобы освободить место для пастбищ для овец или оленьих стоянок потомка этого вождя; племенное право ирландца было

превращено в право аренды по желанию. Тридцать тысяч человек имеют законную власть изгнать все население с пяти шестых Британских островов, и подавляющее большинство британцев не имеет никаких прав на свою родную землю, за исключением права ходить по улицам или тащиться по дорогам. К ним уместно применить слова трибуна римского народа: *“Мужи Рима, — сказал Тиберий Гракх, -мужи Рима, вас называют владыками мира, но вы не имеете права ни на квадратный фут его земли! У диких зверей есть свои логова, но у солдат Италии есть только вода и воздух!”*

Результат, возможно, был более заметен в Англии, чем где-либо еще, но тенденция наблюдается повсюду, поскольку в Англии она продвинулась дальше благодаря обстоятельствам, которые развили ее с большей скоростью.

Я полагаю, причина того, что с распространением идеи личной свободы продолжилось распространение идеи частной собственности на землю, заключается в том, что по мере развития цивилизации более грубые формы господства, связанные с землевладением, были отброшены, или отменены, или стали менее очевидными, внимание было отвлечено от более коварных, но на самом деле более потенциальных форм, и землевладельцам было легко создавать собственность на землю на той же основе, что и на другую собственность.

Рост национальной мощи, будь то в форме королевской власти или парламентского правления, лишил великих лордов личной власти и значимости, а также их юрисдикции и власти над личностями и, таким образом, подавил поразительные злоупотребления, подобно тому как рост римского империализма подавил более поразительные жестокости рабства. Распад крупных феодальных поместий, который до тех пор, пока тенденция к концентрации, вытекающая из современной тенденции к крупномасштабному производству, не стала сильно ощущаться, способствовал увеличению числа землевладельцев, и отмена ограничений, с помощью которых землевладельцы при малочисленности населения пытались заставить рабочих оставаться в своих поместьях, также способствовали отвлечению внимания от существенной несправедливости, связанной с частной собственностью на землю; в то время как неуклонный прогресс правовых идей, почерпнутых из римского права, которое было великой сокровищницей современной юриспруденции, имел тенденцию нивелировать естественное различие между собственностью на землю и собственностью в других вещах. Таким образом, с расширением личной свободы продолжалось расширение индивидуальной собственности на землю.

Более того, политическая власть баронов не была сломлена восстанием классов, которые ясно ощущали несправедливость землевладения. Такие восстания происходили снова и снова, но снова и снова они подавлялись с ужасающей жестокостью. Что подорвало могущество баронов, так это рост ремесленного и торгового классов, между заработной платой которых и арендной платой нет такой же очевидной связи. Эти классы также развивались в рамках системы тесных гильдий и корпораций, которые, как я объяснял ранее в разделе "Рассмотрение торговых объединений и монополий", позволяли им в некоторой степени отгородиться от действия общего закона заработной платы и которые было гораздо легче поддерживать, чем сейчас, когда эффект улучшенных методов передвижения, распространение элементарного образования и текущих новостей неуклонно делают население более мобильным. Эти классы не видели и до сих пор не видят, что владение землей является фундаментальным фактом, который в конечном счете должен определять условия промышленной, социальной и

политической жизни. Таким образом, наметилась тенденция к ассимиляции идеи собственности на землю с идеей собственности на предметы человеческого производства, и даже были предприняты шаги назад, которые приветствовались как шаги вперед. Французское учредительное собрание в 1789 году считало, что оно уничтожает пережиток тирании, когда отменило десятину и ввело поддержку духовенства при общем налогообложении. Аббат Сийес остался в одиночестве, когда сказал им, что они просто перечисляют владельцам налог, который был одним из условий, на которых они владели своими землями, и перекладывают его на труд нации. Но тщетно. Аббат Сийес, будучи священником, считался защищающим интересы своего ордена, хотя на самом деле он защищал права человека. За счет этих десятин французский народ мог бы сохранить большой государственный доход, который не отнял бы ни сантима из заработной платы или доходов от капитала.

Итак, отмена военной службы в Англии Долгим парламентом, ратифицированная после восшествия на престол Карла II., хотя и представляла собой простое присвоение государственных доходов феодальными землевладельцами, которые таким образом избавились от соображения, на основании которого они владели общим достоянием нации, и возложили его на народ в целом при налогообложении всех потребителей, долгое время характеризовалась и до сих пор сохраняется в юридических книгах как триумф духа свободы. И все же именно здесь кроется источник огромного долга и высоких налогов Англии. Если бы форма этих феодальных повинностей была просто изменена на форму, более приспособленную к изменившимся временам, английские войны никогда не привели бы к возникновению долга в размере одного фунта, а труд и капитал Англии не нужно было бы облагать налогом ни на один фартинг для содержания военного учреждения. Все это происходило бы от ренты, которую землевладельцы с тех пор присвоили себе, — от налога, которым землевладельцы облагают доходы от труда и капитала. Землевладельцы Англии получили свою землю на условиях, которые требовали от них даже при редком населении нормандских времен выставлять в поле по первому зову шестьдесят тысяч прекрасно экипированных всадников,⁵³ и на дополнительных условиях различных штрафов и инцидентов, составлявших значительную часть арендной платы. Вероятно, было бы заниженной оценкой оценивать денежную стоимость этих различных услуг и сборов в половину арендной стоимости земли. Если бы землевладельцы соблюдали этот договор и не разрешалось бы отчуждать землю иначе, как на аналогичных условиях, доход, получаемый нацией от английской земли, был бы сегодня на много миллионов больше, чем все государственные доходы Соединенного Королевства. Сегодняшняя Англия могла бы наслаждаться абсолютной свободой торговли. Не было необходимости вводить таможенные пошлины, акцизы, лицензии или подоходный налог, однако все нынешние расходы можно было покрыть, и значительный излишек можно было направить на любые цели, которые способствовали бы комфорту или благосостоянию всего народа.

Оглядываясь назад, везде, где есть свет, который ведет нас, мы можем повсюду увидеть, что в своем первоначальном восприятии все народы признали общую собственность на землю и что частная собственность - это узурпация, создание силы и мошенничества.

Как сказала мадам де Сталь, “Свобода - это древнее”. Справедливость, если мы обратимся к самым древним записям, всегда будет называться предписанием.

ГЛАВА V.

О СОБСТВЕННОСТИ НА ЗЕМЛЮ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ.

На более ранних стадиях цивилизации мы видим, что земля повсеместно рассматривалась как общая собственность. И, обращаясь от смутного прошлого к нашим собственным временам, мы можем увидеть, что естественные представления все те же и что, оказавшись в условиях, когда влияние воспитания и привычки ослабевает, люди инстинктивно признают равенство прав на щедроты природы.

Открытие золота в Калифорнии объединило в новой стране людей, которые привыкли смотреть на землю как на законный предмет индивидуальной собственности, и из которых, вероятно, ни одному из тысячи никогда не приходило в голову проводить какое-либо различие между собственностью на землю и собственностью на что-либо еще. Но впервые в истории англосаксонской расы эти люди соприкоснулись с землей, из которой можно было добывать золото путем простой операции его промывки.

Если бы земля, с которой им таким образом приходилось иметь дело, была сельскохозяйственной, или пастбищной, или лесной, особенно богатой; если бы это была земля, которая имела особую ценность из-за своего местоположения для коммерческих целей или из-за энергии воды, которую она предоставляла; или даже если бы на ней были богатые залежи угля, железа или свинца, была бы применена земельная система, к которой они пользовались, и она была бы передана в частную собственность на больших участках, как даже земли пуэбло в Сан-Франциско, действительно самые ценные в штате, которые по испанскому законодательству были выделены для строительства домов. Для будущих жителей этого города были сокращены без какого-либо протеста, о котором стоило бы говорить. Но новизна дела нарушила привычные представления и отбросила людей назад к основным принципам, и по общему согласию было объявлено, что эта золотоносная земля должна оставаться общей собственностью, из которой никто не может брать больше, чем он может разумно использовать, или удерживать дольше, чем он продолжает ее использовать. Такое восприятие естественной справедливости было одобрено правительством общей юрисдикции и судами, и, хотя добыча россыпей оставалась важной, не было предпринято никаких попыток отменить этот возврат к примитивным идеям. Право собственности на землю оставалось за правительством, и ни одно частное лицо не могло приобрести ничего, кроме права собственности. Шахтеры в каждом районе определили, количество земли, которое может взять человек, и объем работ, которые необходимо выполнить, чтобы обеспечить использование. Если эта работа не была выполнена, любой мог изменить местоположение земли. Таким образом, никому не было позволено предотвращать или запирать природные ресурсы. Труд был признан создателем богатства, ему было предоставлено свободное поле деятельности и обеспечено вознаграждение. Это устройство не обеспечило бы полного равенства прав в условиях, которые преобладают в большинстве стран; но в условиях, которые существовали тогда — редкое население, неисследованная страна и занятие, по своей природе похожее на лотерею, — оно обеспечило существенную справедливость. Один человек мог найти невероятно богатое месторождение, а другие могли тщетно искать его месяцами и годами, но у всех были равные шансы. Никому не разрешалось играть в "собаку на сене" с щедростью Создателя. Основная идея правил добычи полезных ископаемых заключалась в предотвращении

опережения и монополизации. На том же принципе основаны законы Мексики о добыче полезных ископаемых; и тот же принцип был принят в Австралии, Британской Колумбии и на алмазных месторождениях Южной Африки, поскольку он соответствует естественным представлениям о справедливости.

С упадком добычи россыпей в Калифорнии привычная идея частной собственности, наконец, восторжествовала при принятии закона, разрешающего патентование земель с полезными ископаемыми. Единственный эффект заключается в ограничении возможностей — дать владельцу *mining ground* право заявить, что никто другой не может использовать то, что он сам не хочет использовать. И есть много случаев, когда таким образом земли для добычи полезных ископаемых не используются в спекулятивных целях, точно так же, как не используются ценные участки под застройку и сельскохозяйственные угодья. Но, препятствуя таким образом использованию, распространение на земли с полезными ископаемыми того же принципа частной собственности, который определяет владение другими землями, ничего не сделало для обеспечения безопасности улучшений. Наибольшие капитальные затраты на открытие и разработку рудников — затраты, которые в некоторых случаях достигали миллионов долларов, — были произведены на основании владельческих титулов.

Если бы обстоятельства, обрушившиеся на первых английских поселенцев в Северной Америке, были такими, чтобы привлечь их внимание *de novo* к вопросу о собственности на землю, не может быть сомнений, что они вернулись бы к основным принципам, точно так же, как они вернулись к основным принципам в вопросах управления; и индивидуальная собственность на землю была бы отвергнута, точно так же, как были отвергнуты аристократия и монархия. Но хотя в стране, из которой они приехали, эта система еще не была полностью развита и ее последствия не ощущались в полной мере, тот факт, что в новой стране огромный континент требовал заселения, препятствовал возникновению каких-либо вопросов о справедливости и политике частной собственности на землю. Ибо в новой стране равенство кажется достаточно гарантированным, если никому не разрешается забирать землю в ущерб остальным. Поначалу кажется, что обращение с этой землей как с абсолютной собственностью не наносит никакого вреда. Для тех, кто решит воспользоваться землей, осталось много земли, и рабство, которое на более поздней стадии развития неизбежно проистекает из индивидуальной собственности на землю, не ощущается.

В Виргинии и на юге, где поселения носили аристократический характер, естественным дополнением к большим поместьям, на которые была поделена земля, стали негры-рабы. Но первые поселенцы Новой Англии разделили землю так же, как двенадцать веков назад их предки разделили землю Британии, отдав каждому главе семьи свой городской участок и участок для посева, в то время как за ним лежал свободный пашенный участок. Что касается крупных собственников, которых английские короли пытались создать с помощью патентных писем, то поселенцы достаточно ясно видели несправедливость попытки установить монополию, и никто из этих собственников не получил многого от своих даров; но изобилие земли помешало привлечь внимание к монополии, которую должна обеспечивать индивидуальная собственность на землю, даже когда участки невелики, когда земли становится мало. И вот так случилось, что великая республика современного мира в начале своего развития приняла институт, который разрушил республики древности; что народ, провозглашающий неотъемлемые права всех людей на жизнь, свободу и стремление к счастью, безоговорочно принял принцип, который, отрицая равное и неотъемлемое право на землю, в

конечном итоге отрицает равное право на жизнь и свободу; что народ, который ценой кровопролитной войны отменил рабство движимого имущества, все же допускает укоренение рабства в более широко распространенной и опасной форме.

Континент казался таким широким, территория, на которой еще могло бы расселиться население, такой обширной, что, привыкнув к идее частной собственности на землю, мы не осознали ее существенной несправедливости. Ибо не только этот фон незаселенных земель препятствовал полному ощущению эффекта частного присвоения даже в старых районах, но и позволять человеку брать больше земли, чем он мог использовать, чтобы он мог заставить тех, кто впоследствии нуждался в ней, платить ему за привилегию пользоваться ею, не казалось таким уж несправедливым, когда другие, в свою очередь, могли бы сделать то же самое, продвинувшись дальше. И более того, те самые состояния, которые появились в результате присвоения земли и которые, таким образом, действительно были извлечены из налогов, взимаемых с заработной платы за труд, казались призами, вручаемыми рабочему, и о них возвещали. Во всех новых государствах и даже в значительной степени в старых наша земельная аристократия находится еще в первом поколении. Те, кто извлек выгоду из повышения стоимости земли, были в основном людьми, которые начали жизнь без единого цента. Их огромные состояния, многие из которых исчисляются миллионами, кажутся им и многим другим лучшим доказательством справедливости существующих социальных условий в вознаграждении благоразумия, предусмотрительности, трудолюбия и бережливости; тогда как истина заключается в том, что эти состояния являются всего лишь приобретениями монополии и обязательно наживаются за счет труда. Но тот факт, что те, кто таким образом обогатился, начинали как чернорабочие, скрывает это, и то же чувство, которое заставляет каждого обладателя лотерейного билета восхищаться в воображении величиной выигрышей, не позволило даже беднякам поспорить с системой, которая таким образом сделала многих бедных людей богатыми.

Короче говоря, американский народ не смог увидеть существенной несправедливости частной собственности на землю, потому что пока еще не ощутил ее последствий в полной мере. Это общественное достояние — огромные просторы земли, которые еще предстоит передать в частное владение, огромное общее, к которому всегда были обращены лица энергичных людей, — было тем великим фактом, который с тех пор, как первые поселения начали появляться на Атлантическом побережье, формировал наш национальный характер и окрашивал нашу национальную мысль. Дело не в том, что мы отказались от титулованной аристократии и отменили первородство; что мы избираем всех наших должностных лиц, от директора школы до президента; что наши законы действуют от имени народа, а не от имени принца; что государство не знает религии, а наши судьи не носят париков — что мы избавлены от болезней, на которые ораторы Четвертого июля указывали как на характеристику изнеженного деспотизма Старого Света. Общий интеллект, общий комфорт, активное изобретательство, способность к адаптации и ассимиляции, свободный, независимый дух, энергия и надежда, отличающие наш народ, являются не причинами, а результатами — они возникли на незащищенной земле. Это общественное достояние стало преобразующей силой, превратившей небогатого, лишенного амбиций европейского крестьянина в уверенного в себе западного фермера; оно дало сознание свободы даже жителю перенаселенных городов и стало источником надежды даже для тех, кто никогда не думал искать в нем прибежища. Дитя народа, взрослея в Европе, обнаруживает, что все лучшие места на пиру жизни помечены как “занятые”, и вынужден бороться со своими собратьями за падающие крошки, не имея ни

одного шанса из тысячи пробраться к месту силой или прокрасться тайком. В Америке, каким бы ни было его положение, всегда существовало сознание того, что за ним стоит общественное достояние; и знание этого факта, действия и реакции пронизывали всю нашу национальную жизнь, придавая ей щедрость и независимость, гибкость и честолюбие. Все, чем мы гордимся в американском характере; все, что делает наши условия и институты лучше, чем в старых странах, мы можем объяснить тем фактом, что земля в Соединенных Штатах была дешевой, потому что эмигранту были открыты новые земли.

Но наше продвижение достигло Тихого океана. Дальше на запад мы продвинуться не можем, и растущее население может только расширяться на север и юг и заполнять то, что было упущено. На севере он уже заполняет долину Ред-Ривер, вторгаясь в долину Саскачевана и вытесняя территорию Вашингтона; на юге он охватывает Западный Техас и захватывает пахотные долины Нью-Мексико и Аризоны.

Республика вступила в новую эру, эру, в которой монополия на землю будет сказываться все ускоряющимся образом. Великий факт, который был таким могущественным, перестает существовать. Общественное достояние почти исчезло — через несколько лет его влияние прекратится, и без того быстро ослабевающее. Я не хочу сказать, что общественного достояния не будет. В течение долгого времени миллионы акров общественных земель будут числиться в книгах Земельного департамента. Но следует помнить, что лучшая часть континента для сельскохозяйственных целей уже захвачена, и что это самая бедная земля, которая осталась. Следует помнить, что то, что осталось, включает в себя огромные горные хребты, бесплодные пустыни, высокогорные равнины, пригодные только для выпаса скота. И следует помнить, что большая часть этой земли, которая фигурирует в отчетах как открытая для заселения, является неиспользуемой землей, которая была присвоена на основании притязаний на владение или местоположений, которые не появляются до тех пор, пока земля не будет возвращена в соответствии с результатами обследования. Калифорния фигурирует в бухгалтерских книгах Земельного департамента как самый крупный земельный штат Союза, содержащий почти 100 000 000 акров общественных земель — что-то вроде одной двенадцатой всего общественного достояния. И все же так много из этого покрывается железнодорожными субсидиями или удерживается способом, о котором я говорил; так много состоит из невозделываемых гор или равнин, требующих орошения; так много монополизировано местами, где есть доступ к воде, что на самом деле иммигранту трудно указать какую-либо часть штата, где он мог бы построить ферму, на которой он мог бы поселиться и содержать семью, и поэтому люди, устав от поисков, в конце концов покупают землю или сдают ее в аренду на паях. Дело не в том, что в Калифорнии действительно не хватает земли — поскольку Калифорния, сама по себе империя, когда-нибудь будет содержать население, такое же большое, как во Франции, - но присвоение опередило поселенца и умудряется опережать его.

Примерно двенадцать или пятнадцать лет назад покойный Бен Уэйд из Огайо сказал в речи в Сенате Соединенных Штатов, что к концу нынешнего столетия каждый акр обычной сельскохозяйственной земли в Соединенных Штатах будет стоить 50 долларов золотом. Уже ясно, что если он и допустил ошибку, то только в завышении сроков. За двадцать один год, оставшийся от нынешнего столетия, если наше население продолжит увеличиваться теми темпами, которые оно поддерживало с момента учреждения правительства, за исключением десятилетия, которое включало гражданскую войну, к нашему нынешнему населению прибавится что-то около сорока пяти миллионов, что примерно на семь миллионов больше, чем

общее население Соединенных Штатов, как показала перепись 1870 года, и почти вдвое меньше, чем нынешнее население Великобритании. Нет никаких сомнений в способности Соединенных Штатов прокормить такое население и многие сотни миллионов других и, при соответствующих социальных корректировках, обеспечить им повышенный комфорт; но ввиду такого увеличения численности населения, что становится с не присвоенным общественным достоянием? Практически скоро таковых вообще перестанет быть. Пройдет очень много времени, прежде чем все это будет использовано; но пройдет очень мало времени, как мы и предполагаем, прежде чем у всего, что люди смогут использовать, появится владелец.

Но пагубные последствия превращения земли целого народа в исключительную собственность некоторых людей не дожидаются окончательного присвоения общественного достояния, чтобы проявить себя. Нет необходимости размышлять о них в будущем; мы можем увидеть их в настоящем. Они росли вместе с нашим ростом и продолжают расти.

Мы распахиваем новые поля, мы открываем новые шахты, мы основываем новые города; мы изгоняем индейцев и истребляем бизонов; мы опоясываем землю железными дорогами и оплетаем воздух телеграфными проводами; мы добавляем знание к знанию и используем изобретение за изобретением; мы строим школы и финансируем колледжи; однако массам нашего народа не становится легче зарабатывать на жизнь. Напротив, это становится все труднее. Богатый класс становится все более богатым; но более бедный класс становится все более зависимым. Пропасть между работодателем и работником становится шире; социальные контрасты становятся резче; по мере появления экипажей в ливреях появляются и босоногие дети. Мы привыкаем говорить о рабочих и имущих классах; попрошайки становятся настолько обычным явлением, что там, где когда-то отказ в еде тому, кто ее просит, считался преступлением, чуть ли не грабежом на большой дороге, теперь ворота заперты и бульдога выпустили на волю, а против бродяг приняты законы, напоминающие законы Генриха VIII.

Мы называем себя самыми прогрессивными людьми на земле. Но какова цель нашего прогресса, если это его побочные плоды?

Таковы результаты частной собственности на землю — следствия принципа, который должен действовать со все возрастающей силой. Дело не в том, что число рабочих увеличивалось быстрее, чем капитал; дело не в том, что население остро нуждается в средствах к существованию; дело не в том, что машины сделали “работу дефицитной”; дело не в том, что существует какой-либо реальный антагонизм между трудом и капиталом — просто земля становится более ценной; что условия, на которых труд может получить доступ к природным возможностям, которые единственно позволяют ему производить, становятся все труднее и труднее. Общественное достояние сокращается. Собственность на землю концентрируется. Доля наших людей, не имеющих законных прав на землю, на которой они живут, неуклонно увеличивается.

Пишет *New York World*: “Собственность нерезидентов, подобная собственности Ирландии, становится характерной чертой крупных фермерских округов Новой Англии, ежегодно увеличивая номинальную стоимость арендуемых ферм; ежегодно повышая требуемую арендную плату и неуклонно ухудшая характер арендаторов”. А в “*Нации*”, ссылаясь на тот же раздел, говорится: “Возросшая номинальная стоимость земли, более высокая арендная плата, меньше ферм, занятых владельцами; уменьшившийся объем производства; более низкая заработная плата; более невежественное население; растущее число женщин, занятых

тяжелым трудом на открытом воздухе (вернейший признак упадка цивилизации), и неуклонное ухудшение стиля ведения сельского хозяйства — вот условия, описываемые совокупной массой доказательств, которым совершенно невозможно противостоять".

Та же тенденция наблюдается и в новых государствах, где большие масштабы земледелия напоминают *латифундии*, разорившие древнюю Италию. В Калифорнии очень большая часть сельскохозяйственных угодий сдается в аренду из года в год по ставкам, варьирующимся от четвертой до даже половины урожая.

Трудные времена, более низкая заработная плата, растущая бедность, заметные в Соединенных Штатах, являются всего лишь результатами прослеженных нами естественных законов — законов столь же универсальных и непреодолимых, как закон всемирного тяготения. Мы не основывали республику, когда перед лицом княжеств и державмы бросили декларацию неотъемлемых прав человека; мы никогда не установим республику, пока практически не осуществим эту декларацию, обеспечив самому бедному ребенку, родившемуся среди нас, равное право на его родную землю! Мы не отменяли рабство, когда ратифицировали Четырнадцатую поправку; чтобы отменить рабство, мы должны отменить частную собственность на землю! Пока мы не вернемся к основным принципам, пока мы не признаем естественное восприятие справедливости, пока мы не признаем равное право всех на землю, наши свободные институты будут напрасны; наши общие школы будут напрасны; наши открытия и изобретения лишь увеличат силу, которая давит на массы!

КНИГА VIII. ПРИМЕНЕНИЕ ЛЕКАРСТВА.

ГЛАВА I. ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ НА ЗЕМЛЮ НЕСОВМЕСТИМА С НАИЛУЧШИМ ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЗЕМЛИ.

ГЛАВА II. КАК МОГУТ БЫТЬ ЗАЯВЛЕНЫ И ОБЕСПЕЧЕНЫ РАВНЫЕ ПРАВА НА ЗЕМЛЮ.

ГЛАВА III. ПРЕДЛОЖЕНИЕ, ПРОВЕРЕННОЕ КАНОНАМИ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ.

ГЛАВА IV.—УТВЕРЖДЕНИЯ И ВОЗРАЖЕНИЯ.

Почему вы колеблетесь? Вы бородатые мужчины,

С присущей Богу волей и мужеством, если

Посмей только показать это. Уилла еще не было

Но нашел какой-то способ или средство справиться с этим,

И никогда Фортуна не хмурилась над тем, кто осмеливался.
Должны ли мы, учитывая это вопиющее нарушение,
В этот величайший момент всех времен,
Стой, дрожа, съежившись, когда одним смелым ударом
Эти стонущие миллионы, возможно, когда—нибудь станут свободными?—
И этот единственный штрих так справедлив, так безмерно хорош,
Так что сравняйся со счастьем человека,
Что все ангелы будут аплодировать этому поступку.
—Э. Р. Тейлор.

ГЛАВА I. ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ НА ЗЕМЛЮ НЕСОВМЕСТИМА С НАИЛУЧШИМ ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЗЕМЛИ.

Существует заблуждение, возникающее в результате тенденции смешивать случайное с существенным — заблуждение, которое законодатели изо всех сил старались распространить, а политические экономисты, как правило, скорее соглашались, чем пытались разоблачить, — что частная собственность на землю необходима для надлежащего использования земли и что снова сделать землю общей собственностью означало бы разрушить цивилизацию и вернуться к варварству.

Это заблуждение можно сравнить с идеей, которая, по словам Чарльза Лэмба, так долго господствовала среди китайцев после того, как вкус жареной свинины был случайно обнаружен при поджоге хижины Хо-ти, — что для приготовления поросенка необходимо поджечь дом. Но, хотя в очаровательной диссертации Лэмба требовалось, чтобы появился мудрец, чтобы научить людей, что они могут жарить свиней, не сжигая дома дотла, не нужно быть мудрецом, чтобы понять, что для улучшения земли требуется не абсолютное владение землей, а гарантия улучшений. Это будет очевидно любому, кто оглянется вокруг. Хотя необходимости в том, чтобы сделать человека абсолютным и исключительным владельцем земли, чтобы побудить его улучшить ее, не больше, чем в том, чтобы сжечь дом, чтобы приготовить свинью; в то время как передача земли в частную собственность является таким же грубым, расточительным и ненадежным способом обеспечения улучшения, как поджог дома - грубым, расточительным и ненадежным способом запекания свиньи, у нас нет того оправдания для упорства в одном, которое китайцы Lamb имели для упорства в другом. До появления мудреца, который изобрел грубую решетку, которая, согласно Лэмбу, предшествовала вертелу и духовке, никто не знал и не слышал о том, чтобы жарили свинью, за исключением сожженного дома. Но среди нас нет ничего более распространенного, чем то, что земля улучшается теми, кто ею не владеет.

Большая часть земель Великобритании обрабатывается арендаторами, большая часть зданий Лондона построена на арендованной земле, и даже в Соединенных Штатах та же система в большей или меньшей степени преобладает повсюду. Таким образом, обычным делом является отделение использования от владения.

Разве вся эта земля не обрабатывалась бы так же хорошо, если бы арендная плата поступала государству или муниципалитету, как сейчас, когда она достается частным лицам? Если бы частная собственность на землю не признавалась, но вся земля удерживалась таким образом, чтобы арендатор или пользователь платил арендную плату государству, разве земля не использовалась бы и не улучшалась бы так же хорошо и надежно, как сейчас? Ответ может быть только один: конечно, так и было бы. Тогда возвращение земли в общую собственность никоим образом не помешало бы надлежащему использованию и благоустройству земли.

Что необходимо для использования земли, так это не ее частная собственность, а надежность улучшений. Нет необходимости говорить человеку: “Эта земля твоя”, чтобы побудить его возделывать или улучшать ее. Необходимо только сказать ему: “Все, что ваш труд или капитал произведет на этой земле, будет вашим”. Дайте человеку уверенность в том, что он может пожать, и он посеет; заверьте его в обладании домом, который он хочет построить, и он его построит. Таковы естественные награды за труд. Люди сеют ради получения урожая; люди строят дома ради обладания ими. Право собственности на землю не имеет к этому никакого отношения.

Именно ради получения этой гарантии в начале феодального периода так много мелких землевладельцев передали право собственности на свои земли военному вождю, получив их обратно в пользование в виде феода или траста, и, преклонив колени с непокрытой головой перед господином, со своими руками между его ладонями, поклялись служить ему жизнью, здоровьем и мирскими почестями. Аналогичные случаи отказа от права собственности на землю ради безопасности пользования ею можно наблюдать в Турции, где на *вакуф*, или церковные земли, распространяется особое освобождение от налогов и вымогательств, и где землевладелец обычно продает свою землю мечети за номинальную цену при том понимании, что он может остаться на ней арендатором за фиксированную арендную плату.

Не магия собственности, как сказал Артур Янг, превратила пески фламандии в плодородные поля. Это магия безопасности труда. Это может быть обеспечено другими способами, помимо превращения земли в частную собственность, точно так же, как тепло, необходимое для жарки свиньи, может быть обеспечено другими способами, кроме сжигания домов. Простое обещание ирландского землевладельца, что в течение двадцати лет он не будет требовать в качестве арендной платы никакой доли в их возделывании, побудило ирландских крестьян превратить бесплодную гору в сады; просто под залог фиксированной арендной платы за землю на несколько лет на арендованной земле возводятся самые дорогостоящие здания таких городов, как Лондон и Нью-Йорк. Если мы дадим улучшителям такую гарантию, мы сможем спокойно отменить частную собственность на землю.

Полное признание общих прав на землю никоим образом не должно мешать полному признанию индивидуальных прав на улучшения или продукцию. Два человека могут владеть кораблем, не распиливая его пополам. Собственность на железную дорогу может быть разделена на сто тысяч акций, и все же поезда управляются с такой системой и точностью, как если бы был только один владелец. В Лондоне были созданы акционерные общества для

владения недвижимостью и управления ею. Все могло бы продолжаться, как сейчас, и все же общее право на землю было бы полностью признано путем распределения арендной платы на общую пользу. В центре Сан-Франциско есть много такого, на что законно признаны общие права жителей этого города. Этот участок не разрезан на бесконечно малые части и пока не является неиспользуемым мусором. Он покрыт прекрасными зданиями, принадлежащими частным лицам, которые стоят там в полной безопасности. Единственная разница между этим участком и теми, что его окружают, заключается в том, что арендная плата за один из них идет в общий школьный фонд, а арендная плата за другие - в частные карманы. Что может помешать тому, чтобы земля целой страны находилась в руках народа этой страны таким образом?

Было бы трудно выбрать какую-либо часть территории Соединенных Штатов, на которой условия, обычно приводящие к необходимости передачи земли в частную собственность, существуют в большей степени, чем на маленьких островках Святого Петра и Святого Павла в Алеутском архипелаге, приобретенных в результате покупки Аляски у России. Эти острова являются местами размножения морского котика, животного настолько робкого и осторожного, что малейший испуг заставляет его покидать свое привычное пристанище и никогда не возвращаться. Чтобы предотвратить полное уничтожение этого промысла, без которого острова бесполезны для человека, необходимо избегать не только убийства самок и детенышей, но даже таких звуков, как выстрел из пистолета или лай собаки. Люди, которые убивают, не должны спешить, а спокойно разгуливать среди тюленей, которые выстилают скалистые пляжи, до тех пор, пока робкие животные, такие неуклюжие на суше, но такие грациозные в воде, не проявят больше признаков страха, чем лениво уберутся с дороги. Затем тех, кого можно убить без уменьшения будущего прироста, тщательно отделяют и мягко отгоняют вглубь страны, подальше от глаз и слуха стад, где их расправляются дубинками. Предоставить такой промысел, как этот, любому, кто решит пойти и убивать, — что отвечало бы интересам каждой стороны убивать как можно больше людей в данный момент, без оглядки на будущее, — означало бы полностью уничтожить его за несколько сезонов, как были уничтожены аналогичные промыслы в других океанах. Но поэтому нет необходимости делать эти острова частной собственностью. Хотя по причинам гораздо менее убедительным огромное общественное достояние американского народа было передано в частную собственность так быстро, как только кто-либо мог это воспринять, эти острова были сданы в аренду по арендной плате в размере 317 500 долларов в год, [54](#) вероятно, не намного меньше, чем они могли быть проданы на момент покупки Аляски. Они уже принесли два с половиной миллиона в национальную казну и до сих пор в неизменном виде (поскольку под тщательным управлением Аляскинской меховой компании количество тюленей увеличивается, а не уменьшается) являются общим достоянием народа Соединенных Штатов.

Что касается признания частной собственности на землю необходимой для надлежащего использования земли, то дело обстоит как раз наоборот. Отношение к земле как к частной собственности препятствует ее надлежащему использованию. Если бы земля рассматривалась как общественная собственность, она использовалась бы и улучшалась, как только возникала необходимость в ее использовании или улучшении, но поскольку она рассматривается как частная собственность, индивидуальному владельцу разрешается препятствовать другим использовать или улучшать то, что он не может или не будет использовать или улучшать сам. Когда право собственности оспаривается, наиболее ценная земля годами остается неулучшенной; во многих частях Англии благоустройство прекращается, потому что, поскольку поместья переходят в собственность, улучшающим не может быть предоставлено никаких

гарантий; и большие участки земли, которые, если бы они считались общественной собственностью, были бы покрыты зданиями и посевами, остаются незанятыми для удовлетворения прихоти владельца. В густонаселенных частях Соединенных Штатов достаточно земли, чтобы прокормить население, в три или четыре раза превышающее наше нынешнее, и она остается неиспользуемой, потому что ее владельцы удерживают ее по более высоким ценам, и иммигранты вынуждены покидать эту неиспользуемую землю в поисках домов, где их труд будет гораздо менее продуктивным. В каждом городе по той же причине можно увидеть пустующие ценные участки. Если критерием является наилучшее использование земли, то частная собственность на землю осуждается, как и все остальные соображения. Это такой же расточительный и ненадежный способ обеспечения надлежащего использования земли, как поджог домов или запекание свиней.

ГЛАВА II.

КАК МОГУТ БЫТЬ ЗАЯВЛЕНЫ И ГАРАНТИРОВАНЫ РАВНЫЕ ПРАВА НА ЗЕМЛЮ.

Мы проследили за нуждой и страданиями, которые повсюду преобладают среди рабочих классов, повторяющимися пароксизмами промышленной депрессии, нехваткой рабочих мест, застоём капитала, стремлением заработной платы к голодной точке, которые проявляются все сильнее по мере продвижения материального прогресса, вплоть до того факта, что земля, на которой все должны жить, стала исключительной собственностью некоторых.

Мы видели, что от этих зол нет иного средства, кроме устранения их причины; мы видели, что частная собственность на землю не имеет гарантии справедливости, но осуждается как отрицание естественного права — нарушение закона природы, который по мере развития общества должен обречь массы людей на самое тяжелое и унижительное рабство.

Мы взвесили все возражения и увидели, что ни по соображениям справедливости, ни по соображениям целесообразности ничто не удерживает нас от превращения земли в общую собственность путем конфискации арендной платы.

Но остается вопрос метода. Как нам это сделать?

Мы должны удовлетворить закон справедливости, мы должны удовлетворить все экономические требования, одним махом отменив все частные права собственности, объявив всю землю общественной собственностью и раздав ее лотами тем, кто предложит самую высокую цену, на таких условиях, которые свято охраняли бы частное право на улучшения.

Таким образом, при более сложном состоянии общества мы могли бы обеспечить такое же равенство прав, которое в более грубом государстве обеспечивалось равным разделом земли, и, предоставляя землю в пользование тому, кто мог бы извлечь из нее больше всего, мы обеспечили бы наибольшее производство.

Такой план, вместо того чтобы быть дикой, невыполнимой причудой, получил одобрение (за исключением того, что он предлагает компенсацию нынешним владельцам земли —

несомненно, небрежная уступка, которую он, поразмыслив, пересмотрит) не менее выдающегося мыслителя, чем Герберт Спенсер, который (“Социальная статика”, гл. IX, раздел 8) говорит об этом:

“Такая доктрина соответствует высшему уровню цивилизации; может осуществляться без привлечения сообщества благ и не должна вызывать очень серьезной революции в существующих порядках. Требуемым изменением будет просто смена арендодателей. Раздельная собственность сольется с акционерной собственностью общества. Вместо того, чтобы находиться во владении отдельных лиц, страна находилась бы в руках огромной корпорации - общества. Вместо того, чтобы арендовать свои акры у изолированного собственника, фермер арендовал бы их у нации. Вместо того чтобы платить арендную плату агенту сэра Джона или его светлости, он платил бы ее агенту или заместителю местного агента. Управляющими были бы государственные чиновники, а не частные, а аренда - единственное землевладение. Такое положение вещей находилось бы в совершенной гармонии с моральным законом. При нем все люди были бы в равной степени землевладельцами, все люди были бы одинаково свободны становиться арендаторами. * *

* Следовательно, очевидно, что при такой системе земля могла бы быть огорожена, заселена и возделана в полном подчинении закону равной свободы”.

Но такой план, хотя и вполне осуществимый, не кажется мне лучшим. Или, скорее, я предлагаю сделать то же самое более простым, облегченным и тихим способом, чем формальная конфискация всей земли и официальная сдача ее тем, кто предложит самую высокую цену.

Это привело бы к ненужному потрясению нынешних обычаев и привычек мышления, чего следует избегать.

Для этого потребовалось бы ненужное расширение правительственного механизма, чего следует избегать.

Это аксиома государственной мудрости, которую успешные основатели тирании поняли и действовали в соответствии с ней, — что великие перемены лучше всего можно осуществить при старых формах. Мы, желающие освободить людей, должны прислушаться к той же истине. Это естественный метод. Когда природа хочет создать более высокий тип, она берет более низкий и развивает его. Это также закон социального роста. Давайте действовать в соответствии с ним. С течением мы можем скользить быстро и далеко. Вопреки этому, это тяжелое вытягивание и медленный прогресс.

Я не предлагаю ни покупать, ни конфисковывать частную собственность на землю. Первое было бы несправедливо; второе - излишне. Пусть люди, которые сейчас владеют ею, по-прежнему сохраняют, если хотят, владение тем, что они с удовольствием называют *своей* землей. Пусть они продолжают называть это *своей* землей. Пусть они покупают и продают, завещают и разрабатывают это. Мы можем спокойно оставить им скорлупу, если возьмем ядро. *Нет необходимости конфисковывать землю; необходимо только конфисковать арендную плату.*

Также для получения арендной платы для общественных нужд нет необходимости, чтобы государство беспокоилось о сдаче земель в аренду и допускало вероятность фаворитизма, сговора и коррупции, которые это может повлечь. Нет необходимости создавать какое-либо

новое оборудование. Оборудование уже существует. Вместо того, чтобы расширять его, все, что нам нужно сделать, это упростить и сократить его. Оставляя землевладельцам процент от арендной платы, который, вероятно, был бы намного меньше затрат и потерь, связанных с попыткой арендовать земли через государственное агентство, и используя этот существующий механизм, мы можем без потрясения отстаивать общее право на землю, беря арендную плату для общественных нужд.

Мы уже получаем некоторую налоговую ренту. Нам нужно только внести некоторые изменения в наши методы налогообложения, чтобы получить все.

Поэтому я предлагаю в качестве простого, но действенного средства, которое повысит заработную плату, увеличит доходность капитала, искоренит пауперизм, искоренит бедность, даст щедрую работу любому, кто пожелает, предоставит свободу человеческим силам, уменьшит преступность, повысит мораль, вкус и интеллект, очистит правительство и поднимет цивилизацию на еще более благородные высоты, — это *присвоение ренты путем налогообложения*.

Таким образом, государство может стать универсальным землевладельцем, не называя себя таковым и не беря на себя ни одной новой функции. По форме собственность на землю оставалась бы такой же, как сейчас. Ни один владелец земли не должен быть лишен собственности, и не нужно накладывать никаких ограничений на количество земли, которой кто-либо может владеть. Поскольку арендная плата, взимаемая государством в виде налогов, земля, независимо от того, на чье имя она записана или на каких участках находится, была бы действительно общей собственностью, и каждый член сообщества пользовался бы преимуществами ее владения.

Теперь, поскольку налогообложение ренты или стоимости земли неизбежно должно быть увеличено точно так же, как мы отменяем другие налоги, мы можем облечь это предложение в практическую форму, предложив:

Отменить все налоги, кроме налога на стоимость земли.

Как мы видели, ценность земли в начале становления общества равна нулю, но по мере развития общества за счет увеличения численности населения и развития искусств она становится все больше и больше. В каждой цивилизованной стране, даже самой новой, стоимость земли, взятой в целом, достаточна для покрытия всех государственных расходов. В более развитых странах этого более чем достаточно. Следовательно, недостаточно будет просто обложить все налоги стоимостью земли. Там, где арендная плата превышает нынешние государственные доходы, необходимо будет соразмерно увеличить сумму, требуемую в виде налогообложения, и продолжать это увеличение по мере развития общества и увеличения ренты. Но это настолько естественный и легкий вопрос, что его можно рассматривать как включенный или, по крайней мере, понятый в предложении облагать все налоги на стоимость земли. Это первый шаг, после которого должна быть предпринята практическая борьба. Когда заяц однажды пойман и убит, его приготовление становится само собой разумеющимся. Когда общее право на землю ценится настолько высоко, что отменяются все налоги, за исключением тех, которые относятся к арендной плате, нет опасности того, что государственные доходы, превышающие те, которые необходимы для побуждения их собирать, будут оставлены отдельным землевладельцам.

Опыт научил меня (ибо я в течение нескольких лет пытался популяризировать это положение), что везде, где идея сосредоточения всех налогов на стоимости земли находит себе место в достаточной степени, чтобы вызвать рассмотрение, она неизменно уступает место, но среди тех классов, которые больше всего выиграют от нее, мало тех, кто сначала или даже долгое время спустя осознает ее всю значимость и силу. Рабочим трудно свыкнуться с мыслью, что существует реальный антагонизм между капиталом и трудом. Мелким фермерам и владельцам приусадебных участков трудно смириться с мыслью, что привязывать все налоги к стоимости земли означало бы необоснованно облагать их налогом. Обоим классам трудно смириться с мыслью, что освобождение капитала от налогообложения означало бы сделать богатых еще богаче, а бедных - еще беднее. Эти идеи возникают в результате путаницы мышления. Но за невежеством и предрассудками скрывается мощный интерес, который до сих пор доминировал в литературе, образовании и общественном мнении. Великое зло всегда умирает тяжело, а великое зло, которое в каждой цивилизованной стране обрекает массы людей на бедность и нужду, не умрет без ожесточенной борьбы.

Я не думаю, что идеи, о которых я говорю, могут быть усвоены читателем, который следил за мной до сих пор; но поскольку любая популярная дискуссия должна касаться конкретного, а не абстрактного, позвольте мне попросить его последовать за мной немного дальше, чтобы мы могли попробовать предложенное мной средство, основанное на общепринятых канонах налогообложения. При этом может быть замечено множество случайных опор, которые в противном случае могли бы ускользнуть от внимания.

ГЛАВА III.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ, ПРОВЕРЕННОЕ КАНОНАМИ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ.

Очевидно, что наилучшим налогом, с помощью которого могут быть увеличены государственные доходы, является тот, который будет наиболее точно соответствовать следующим условиям:

1. Чтобы это как можно меньше сказывалось на производстве — хотя бы для того, чтобы сдерживать увеличение общего фонда, из которого должны выплачиваться налоги и содержаться общины.
2. Чтобы ее можно было легко и дешево собирать и чтобы она ложилась как можно более непосредственно на конечных плательщиков, чтобы как можно меньше брать у народа в дополнение к тому, что она дает правительству.
3. Чтобы это было надежно — чтобы дать наименьшую возможность для произвола или коррупции со стороны должностных лиц и наименьший соблазн к нарушению закона и уклонению от уплаты налогов со стороны налогоплательщиков.
4. Чтобы это было в равной степени — чтобы не давать ни одному гражданину преимущества или не ставить никого в невыгодное положение по сравнению с другими.

Давайте рассмотрим, какая форма налогообложения наилучшим образом соответствует этим условиям. Как бы то ни было, это, очевидно, будет лучшим способом увеличения государственных доходов.

I. Влияние налогов на производство.

Очевидно, что все налоги должны взиматься с продуктов земли и труда, поскольку нет другого источника богатства, кроме объединения усилий человека с материальными ресурсами и силами природы. Но способ, которым могут устанавливаться равные суммы налогообложения, может совершенно по-разному влиять на производство богатства. Налогообложение, уменьшающее вознаграждение производителя, неизбежно уменьшает стимул к производству; налогообложение, обусловленное производственным актом или использованием любого из трех факторов производства, неизбежно препятствует производству. Таким образом, налогообложение, которое уменьшает заработок рабочего или доходность капиталиста, имеет тенденцию делать одного менее трудолюбивым и интеллектуальным, а другого менее склонным к сбережению и инвестированию. Налогообложение, которое ложится на производственные процессы, создает искусственное препятствие для создания богатства. Налогообложение, которое ложится на труд, *когда* он применяется, на богатство, *когда* оно используется как капитал, и на *то время*, *когда* оно обрабатывается, будет явно иметь тенденцию препятствовать производству гораздо сильнее, чем налогообложение в том же размере, взимаемое с работников, работают они или развлекаются, с богатства, независимо от того, используются ли они производительно или непроизводительно, или с земли, обрабатываемой или заброшенной.

Способ налогообложения, по сути, столь же важен, как и сумма. Как небольшая ноша, неправильно установленная, может привести в смятение лошадь, которая могла бы с легкостью нести гораздо большую, должным образом отрегулированную, так и народ может обнищать, а его способность производить богатство может быть уничтожена налогами, которые, если бы взимались другим способом, можно было бы переносить с легкостью. Налог на финиковые пальмы, введенный Мохаммедом Али, заставил египетских феллахов вырубать их деревья; но налог в размере, вдвое превышающем сумму, взимаемую с земли, не привел к такому результату. Налог в размере десяти процентов. запрет на все продажи, введенный герцогом Альва в Нидерландах, если бы он был сохранен, практически прекратил бы обмен, принося лишь небольшой доход.

Но нам не нужно ехать за границу за иллюстрациями. Производство богатства в Соединенных Штатах в значительной степени сокращается из-за налогообложения, которое влияет на его процессы. Судостроение, в котором мы преуспели, было почти уничтожено, что касается внешней торговли, и многие отрасли производства и обмена серьезно пострадали из-за налогов, которые отвлекают промышленность от более производительных форм к менее производительным.

Это сдерживание производства в большей или меньшей степени характерно для большинства налогов, с помощью которых увеличиваются доходы современных правительств. Все налоги на мануфактуры, все налоги на торговлю, все налоги на капитал, все налоги на улучшения относятся к этому виду. Их тенденция та же, что и у налога Мохаммеда Али на финиковые деревья, хотя их эффект может быть не так отчетливо виден.

Все подобные налоги имеют тенденцию сокращать производство материальных благ, и поэтому к ним никогда не следует прибегать, когда есть возможность собрать деньги с помощью налогов, которые не сдерживают производство. Это становится возможным по мере развития общества и накопления богатства. Налоги, взимаемые с показухи, просто превратили бы в общественную казну то, что в противном случае было бы растрачено впустую на показуху ради показухи; а налоги на волю и изобретения богатых, вероятно, не оказали бы большого эффекта в сдерживании стремления к накоплению, которое, после того, как оно полностью овладело человеком, становится слепой страстью. Но основной класс налогов, из которых можно извлекать доход без вмешательства в производство, — это налоги на монополии, поскольку прибыль от монополии сама по себе является налогом, взимаемым с производства, и облагать ее налогом - значит просто перенаправлять в государственную казну то, что производство должно платить в любом случае.

Среди нас существуют различные виды монополий. Например, существуют временные монополии, созданные законами о патентах и авторском праве. облагать их налогом было бы крайне несправедливо и неразумно, поскольку они являются всего лишь признанием права труда на его нематериальные продукты и представляют собой вознаграждение, полагающееся за изобретение и авторство.⁵⁵ Существуют также обременительные монополии, упомянутые в главе IV Книги III, которые являются результатом объединения капитала в предприятия, носящие характер монополий. Но хотя было бы чрезвычайно трудно, если не совсем невозможно, взимать налоги в соответствии с общим правом таким образом, чтобы они приходились исключительно на доходы от такой монополии, а не становились налогами на производство или обмен, гораздо лучше, чтобы эти монополии были упразднены. В значительной степени они проистекают из законодательных актов или бездействия, поскольку, например, конечную причину того, что торговцы из Сан-Франциско вынуждены платить больше за товары, отправляемые непосредственно из Нью-Йорка в Сан-Франциско по маршруту Истмус, чем стоит их доставка из Нью-Йорка в Ливерпуль или Саутгемптон, а оттуда в Сан-Франциско, следует искать в “защитных” законах, которые делают столь дорогостоящим строительство американских пароходов и которые запрещают иностранным пароходам перевозить товары между американскими портами. Причина, по которой жители Невады вынуждены платить за перевозку с Востока столько же, сколько если бы их товары были доставлены в Сан-Франциско и обратно, заключается в том, что полномочия, препятствующие вымогательству со стороны наемного водителя, не применяются в отношении железнодорожной компании. И в целом можно сказать, что предприятия, которые по своей природе являются монополиями, должным образом являются частью функций государства и должны быть взяты на себя государством. Существует та же причина, по которой правительство должно передавать телеграфные сообщения, что и письма; что железные дороги должны принадлежать обществу, как и дороги общего пользования.

Но все другие монополии ничтожны по своим масштабам по сравнению с монополией на землю. А стоимость земли, выражающая монополию в чистом виде, во всех отношениях подлежит налогообложению. Иными словами, хотя стоимость железной дороги или телеграфной линии, цена газа или патентованного лекарства могут выражать цену монополии, они также выражают нагрузку труда и капитала; но стоимость земли, или экономическая рента, как мы видели, ни в коей мере не складывается из этих факторов и выражает не что иное, как преимущество присвоения. Налоги, взимаемые со стоимости земли, не могут ни в малейшей степени сдерживать производство, пока они не превысят ренту или стоимость земли,

взимаемую ежегодно, поскольку в отличие от налогов на товары, или обмен, или капитал, или любые орудия или процессы производства, они не влияют на производство. Стоимость земли не выражает вознаграждение за производство, как это делает стоимость урожая, скота, зданий или любых других вещей, которые называются личной собственностью и улучшениями. Она выражает меновую стоимость монополии. Это ни в коем случае не является творением отдельного человека, владеющего землей; это создается ростом сообщества. Следовательно, сообщество может взять все это себе, никоим образом не уменьшая стимул к совершенствованию или ни в малейшей степени не уменьшая производство богатства. Налоги могут налагаться на стоимость земли до тех пор, пока вся рента не будет взята государством, ни на йоту не снижая заработную плату за труд или вознаграждение за капитал; ни на йоту не повышая цену ни на один товар или каким-либо образом не затрудняя производство.

Но не только это. Налоги на стоимость земли не только не сдерживают производство, как большинство других налогов, но и имеют тенденцию увеличивать производство, уничтожая спекулятивную ренту. То, как спекулятивная рента сдерживает производство, можно увидеть не только по ценным землям, изъятым из использования, но и по пароксизмам промышленной депрессии, которые, беря начало в спекулятивном росте стоимости земли, распространяются по всему цивилизованному миру, повсеместно парализуя промышленность и вызывая больше потерь и, вероятно, больше страданий, чем могла бы вызвать всеобщая война. Налогообложение, которое взимало бы арендную плату для общественных нужд, предотвратило бы все это; в то время как если бы земля облагалась налогом в размере, близком к ее арендной стоимости, никто не мог бы позволить себе владеть землей, которой он не пользуется, и, следовательно, неиспользуемая земля была бы открыта для тех, кто хотел бы ее использовать. Заселение было бы более тесным, и, следовательно, труд и капитал получили бы возможность производить гораздо больше при тех же усилиях. Собака на сене, которая, особенно в этой стране, так растрчивает производительную силу, была бы задушена.

Существует еще более важный способ, с помощью которого изъятие ренты для общественных нужд путем налогообложения стимулировало бы производство богатства благодаря своему влиянию на распределение. Но ссылку на это можно оставить при себе. Достаточно очевидно, что в отношении производства налог на стоимость земли является наилучшим налогом, который может быть введен. Обложите налогом производство, и результатом будет сдерживание производства; облагайте налогом улучшения, и результатом будет уменьшение улучшений; облагайте налогом торговлю, и результатом будет предотвращение обмена; облагайте налогом капитал, и результатом будет его вытеснение. Но вся стоимость земли может быть взята в качестве налога, и единственным результатом будет стимулирование промышленности, открытие новых возможностей для капитала и увеличение производства материальных ценностей.

II.—Относительно простоты и дешевизны сбора.

Возможно, за исключением определенных лицензий и гербовых сборов, которые могут взиматься практически сами по себе, но на которые можно рассчитывать лишь в виде незначительной суммы дохода, налог на стоимость земли из всех налогов может взиматься наиболее легко и дешево. Ибо землю нельзя спрятать или увезти; ее стоимость можно легко установить, и после проведения оценки для сбора не требуется ничего, кроме получателя.

И поскольку при всех фискальных системах некоторая часть государственных доходов собирается за счет налогов на землю, и механизм для этой цели уже существует, и с таким же успехом его можно было бы использовать для сбора всех налогов как часть, затраты на сбор доходов, которые сейчас получаются за счет других налогов, можно было бы полностью сэкономить, заменив все другие налоги налогом на стоимость земли. О том, какую огромную экономию можно было бы получить таким образом, можно судить по толпе чиновников, которые сейчас занимаются сбором этих налогов.

Эта экономия в значительной степени сократила бы разницу между тем, во что сейчас обходится людям налогообложение, и тем, что оно дает, но замена всех других налогов налогом на стоимость земли привела бы к сокращению этой разницы еще более важным образом.

Налог на стоимость земли не увеличивает цены и, таким образом, уплачивается непосредственно лицами, на которых он падает; в то время как все налоги на вещи в неустановленном количестве повышают цены и в процессе обмена переходят от продавца к покупателю, увеличиваясь по мере продвижения. Если мы введем налог на одолженные деньги, как это часто пытались сделать, кредитор взимает налог с заемщика, и заемщик должен заплатить его или не получать ссуду. Если заемщик использует его в своем бизнесе, он, в свою очередь, должен вернуть налог со своих клиентов, иначе его бизнес станет убыточным. Если мы введем налог на здания, пользователи зданий должны, в конце концов, заплатить его, поскольку возведение зданий прекратится до тех пор, пока арендная плата за здания не станет достаточно высокой, чтобы выплачивать регулярную прибыль и налог в придачу. Если мы введем налог на производимые или импортируемые товары, производитель или импортер установит более высокую цену для продавца, продавец - для розничного торговца, а розничный торговец - для потребителя. Теперь потребитель, на которого, таким образом, в конечном счете падает налог, должен уплатить не только сумму налога, но и прибыль с этой суммы каждому, кто таким образом авансировал ее, — ибо прибыль с капитала, который он авансировал на уплату налогов, так же необходима каждому дилеру, как прибыль с капитала, который он авансировал на оплату товаров. Стоимость манильских сигар при покупке у импортера в Сан-Франциско составляет 70 долларов за тысячу, из которых 14 долларов - стоимость сигар, заложенных в этом порту, и 56 долларов - таможенная пошлина. Но дилер, который покупает эти сигары для повторной продажи, должен взимать прибыль не с 14 долларов, реальной стоимости сигар, а с 70 долларов, стоимости сигар плюс пошлина. Таким образом, все налоги, повышающие цены, переходят из рук в руки, увеличиваясь по мере их поступления, пока в конечном итоге не лягут на плечи потребителей, которые, таким образом, платят намного больше, чем получает правительство. Итак, способ, которым налоги повышают цены, заключается в увеличении стоимости производства и сдерживании предложения. Но земля не является продуктом человеческого производства, и налоги на аренду не могут сдерживать предложение. Следовательно, хотя налог на арендную плату вынуждает землевладельцев платить больше, он не дает им возможности получать больше за использование своей земли, поскольку никоим образом не ведет к сокращению предложения земли. Напротив, заставляя тех, кто владеет землей в результате спекуляций, продавать или сдавать в аренду за то, что они могут получить, налог на стоимость земли усиливает конкуренцию между владельцами и, таким образом, снижает цену на землю.

Таким образом, во всех отношениях налог на стоимость земли является самым дешевым налогом, с помощью которого можно получить большой доход, принося правительству наибольший чистый доход пропорционально сумме, отнятой у народа.

III.—Что касается определенности.

Определенность является важным элементом налогообложения, поскольку точно так же, как сбор налога зависит от усердия и добросовестности сборщиков, а также от общественного духа и честности тех, кто должен его платить, откроются возможности для тирании и коррупции с одной стороны, и для уклонений от уплаты налогов и мошенничества - с другой.

Методы, с помощью которых собирается основная часть наших доходов, осуждаются именно на этом основании, если ни на каком другом. Грубая коррупция и мошенничество, вызванные в Соединенных Штатах налогами на виски и табак, хорошо известны; постоянные занижения цен Таможней, смехотворная неправдивость налоговых деклараций о доходах и абсолютная невозможность получить что-либо похожее на справедливую оценку личной собственности, пользуются дурной славой. Материальные потери, которые наносят такие налоги — статья расходов, которую эта неопределенность добавляет к сумме, выплачиваемой народом, но не получаемой правительством, — очень велики. Когда во времена защитной системы Англии вдоль ее берегов стояла армия людей, пытавшихся предотвратить контрабанду, а другая армия людей была занята уклонением от нее, очевидно, что содержание обеих армий должно было обеспечиваться за счет продукта труда и капитала; что расходы и прибыли контрабандистов, а также жалованье и взятки таможенников составляли налог на промышленность страны в дополнение к тому, что получало правительство. Итак, все помощники ассессоров; все взятки таможенным чиновникам; все деньги, потраченные на избрание сговорчивых должностных лиц или на совершение действий или решений, уклоняющихся от налогообложения; вседорогостоящие способы ввоза товаров, позволяющие уклоняться от пошлин, и производства, позволяющего уклоняться от налогов; все расходы на сыщиков и шпионов; все судебные разбирательства и наказания не только правительства, но и лиц, привлеченных к ответственности, - вот то, что эти налоги забирают из общего фонда благосостояния, не добавляя к доходам.

Однако это наименьшая часть затрат. Налоги, которым не хватает элемента определенности, самым страшным образом сказываются на морали. Наше налоговое законодательство как орган вполне могло бы называться “Акты, способствующие коррупции государственных должностных лиц, подавляющие честность и поощряющие мошенничество, устанавливающие премию за лжесвидетельство и подкуп лжесвидетелей, а также отделяющие идею закона от идеи справедливости”. Таков их истинный характер, и они превосходно преуспевают. Таможенная клятва - это правило; наши оценщики регулярно клянутся оценивать все имущество по его полной, истинной денежной стоимости и обычно ничего подобного не делают; люди, которые гордятся своей личной и коммерческой честью, подкупают чиновников и делают ложные декларации; и постоянно демонстрируется деморализующее зрелище, когда один и тот же суд в один день судит убийцу, а на следующий - продавца спичек без марок!

Эти способы налогообложения настолько неопределенны и деморализующи, что Нью-Йоркская комиссия в составе Дэвида А. Уэллса, Эдвина Доджа и Джорджа У. Кайлер, который исследовал тему налогообложения в этом штате, предложил заменить большинство налогов, взимаемых в настоящее время, за исключением налога на недвижимость, произвольным

налогом на каждого человека, исчисляемым исходя из арендной стоимости занимаемого им помещения.

Но нет необходимости прибегать к какой-либо произвольной оценке. Налог на стоимость земли, который является наименее произвольным из налогов, обладает в высшей степени элементом определенности. Она может быть оценена и собрана с определенностью, которая отражает недвижимый и неуловимый характер самой земли. Налоги, взимаемые с земли, могут быть собраны до последнего цента, и хотя оценка земли в настоящее время часто неравномерна, оценка личной собственности гораздо более неравномерна, и это неравенство в оценке земли в значительной степени возникает из-за налогообложения улучшений, связанных с землей, и из-за деморализации, которая, проистекая из причин, на которые я ссылался, влияет на всю систему налогообложения. Если бы все налоги взимались с стоимости земли, независимо от улучшений, схема налогообложения была бы настолько простой и понятной, а внимание общественности было бы настолько направлено на нее, что оценка налогообложения могла бы производиться с такой же уверенностью, с какой агент по недвижимости может определить цену, которую продавец может получить за лот.

IV.—Что касается равенства.

Канон Адама Смита гласит, что “подданные каждого штата должны вносить свой вклад в поддержку правительства настолько, насколько это возможно, пропорционально их соответствующим способностям; то есть пропорционально доходам, которыми они соответственно пользуются под защитой государства”. Далее он говорит, что любой налог, который падает только на ренту, или только на заработную плату, или только на проценты, неизбежно неравен. В соответствии с этим существует общая идея, которую тщетно пытаются реализовать наши системы налогообложения всего сущего, — что каждый должен платить налоги пропорционально своим средствам или своему доходу.

Но, если отбросить все непреодолимые практические трудности, связанные с обложением каждого налогом в соответствии с его возможностями, очевидно, что справедливость таким образом не может быть достигнута.

Вот, например, два человека с равными средствами или доходами, у одного большая семья, другому некого содержать, кроме самого себя. На этих двух людей косвенные налоги ложатся весьма неравномерно, поскольку один не может избежать налогов на продукты питания, одежду и т.д., потребляемые его семьей, в то время как другой должен платить только за предметы первой необходимости, потребляемые им самим. Но, предположим, налоги взимаются напрямую, так что каждый платит одинаковую сумму. Тем не менее, несправедливость существует. Доход одного исчисляется с содержания шести, восьми или десяти человек; доход другого исчисляется с содержания только одного человека. И если мальтузианская доктрина не будет доведена до такой степени, чтобы рассматривать воспитание нового гражданина как нанесение ущерба государству, то это будет вопиющей несправедливостью.

Но можно сказать, что это трудность, которую невозможно преодолеть; что это сама Природа производит на свет беспомощных людей и возлагает их поддержку на родителей, предоставляя в качестве компенсации свои собственные сладкие и великие награды. Что ж, тогда давайте обратимся к Природе и прочтем предписания справедливости в ее законе.

Природа дает труду; и только труду. В самом Эдемском саду человек умер бы с голоду, если бы не человеческие усилия. Итак, перед нами два человека с равными доходами— один получает их от своего труда, другой - от земельной ренты. Справедливо ли, что они должны в равной степени участвовать в расходах государства? Очевидно, что нет. Доход одного представляет собой богатство, которое он создает и добавляет к общему богатству государства; доход другого представляет собой просто богатство, которое он берет из общего запаса, ничего не возвращая. Право одного на пользование своим доходом основывается на гарантии природы, которая возвращает богатство труду; право другого на пользование своим доходом - это всего лишь фиктивное право, создание муниципального регулирования, которое неизвестно и непризнано природой. Отец, которому говорят, что своим трудом он должен содержать своих детей, должен согласиться, ибо таково естественное предписание; но он может справедливо потребовать, чтобы из дохода, полученного его трудом, не было изъято ни пенни, пока хоть пенни остается от доходов, которые получаются благодаря монополии на естественные возможности, которые Природа беспристрастно предоставляет всем, и в которых его дети имеют равную долю по праву рождения.

Адам Смит говорит о доходах как о том, что они “находятся под защитой государства”; и это основание, на котором обычно настаивают на равном налогообложении всех видов собственности — что она в равной степени защищена государством. В основе этой идеи, очевидно, лежит то, что пользование собственностью становится возможным благодаря государству — что существует ценность, создаваемая и поддерживаемая сообществом, которая справедливо призвана покрывать общественные расходы. Итак, в отношении каких ценностей это верно? Только в отношении стоимости земли. Это ценность, которая не возникает до тех пор, пока не сформировано сообщество, и которая, в отличие от других ценностей, растет с ростом сообщества. Оно существует только потому, что существует сообщество. Снова рассеять самое большое сообщество, и земля, которая сейчас так ценна, не имела бы никакой ценности вообще. С каждым увеличением населения стоимость земли возрастает; с каждым уменьшением она падает. Это верно только для вещей, которые, подобно собственности на землю, по своей природе являются монополиями.

Таким образом, налог на стоимость земли является наиболее справедливым и равноправным из всех налогов. Она ложится только на тех, кто получает от общества особую и ценную выгоду, и на них пропорционально той выгоде, которую они получают. Это получение сообществом для использования сообществом той ценности, которая является созданием сообщества. Это применение общей собственности для общих целей. Когда вся рента будет взиматься путем налогообложения для нужд общества, тогда будет достигнуто равенство, предопределенное природой. Ни один гражданин не будет иметь преимущества перед любым другим гражданином, кроме того, которое дают его трудолюбие, навыки и интеллект; и каждый получит то, что он честно зарабатывает. Тогда, но не раньше, труд получит свое полное вознаграждение, а капитал - свою естественную отдачу.

ГЛАВА IV.

УТВЕРЖДЕНИЯ И ВОЗРАЖЕНИЯ.

Основания, на основании которых мы пришли к выводу, что налог на стоимость земли или арендную плату является наилучшим методом увеличения государственных доходов, были прямо или молчаливо признаны всеми авторитетными экономистами с момента определения природы и закона ренты.

Рикардо говорит (глава I. X), “налог на ренту полностью ложился бы на землевладельцев и не мог быть перенесен ни на один класс потребителей”, поскольку он “оставлял бы неизменной разницу между продуктом, получаемым с наименее продуктивной обрабатываемой земли, и продуктом, получаемым с земли любого другого качества. * * * Налог на арендную плату не препятствовал бы возделыванию свежих земель, поскольку такая земля не платит арендной платы и не облагалась бы налогами”.

Маккалох (Примечание XXIV к “Богатству наций”) заявляет, что “с практической точки зрения налоги на земельную ренту являются одними из самых несправедливых и неполитичных, какие только можно себе представить”, но он делает это утверждение исключительно на основании своего предположения, что практически невозможно провести различие в налогообложении между суммой, уплачиваемой за использование земли, и суммой, уплачиваемой за счет затраченного на нее капитала. Но, предполагая, что такое разделение могло бы быть осуществлено, он допускает, что сумма, выплачиваемая землевладельцам за использование природных ресурсов почвы, могла бы быть полностью уничтожена налогом без того, чтобы они могли переложить какую-либо часть бремени на кого-либо другого и без влияния на цену продукта.

Джон Стюарт Милль не только признает все это, но и прямо заявляет о целесообразности и справедливости особого налога на ренту, спрашивая, какое право имеют землевладельцы на приумножение богатств, которые достаются им в результате общего прогресса общества без труда, риска или экономии с их стороны, и хотя он явно не одобряет вмешательства в их притязания на текущую стоимость земли, он предлагает считать весь будущий прирост принадлежащим обществу по естественному праву.

Миссис Фосетт в небольшом сборнике трудов своего мужа, озаглавленном “Политическая экономия для начинающих”, говорит: “Земельный налог, независимо от того, велик он или мал по размеру, имеет характер арендной платы, выплачиваемой владельцем земли государству. В большей части Индии земля находится в государственной собственности, и поэтому земельный налог представляет собой арендную плату, выплачиваемую непосредственно государству. Экономическое совершенство этой системы владения жильем может быть легко воспринято”.

Фактически, то, что рента должна быть, как по соображениям целесообразности, так и справедливости, особым объектом налогообложения, включено в общепринятую доктрину ренты и может быть найдено в зародыше в работах всех экономистов, принявших закон Рикардо. То, что эти принципы не были доведены до необходимых выводов, как это сделал я, очевидно, проистекает из нежелания подвергать опасности или оскорблять огромный интерес, связанный с частной собственностью на землю, и из ложных теорий относительно заработной платы и причин бедности, которые доминировали в экономической мысли.

Но существовала школа экономистов, которые ясно понимали то, что ясно естественному восприятию людей, когда они не подвержены влиянию привычки, — что доходы от общей собственности, земли, должны быть направлены на общее служение. Французские экономисты прошлого века, возглавляемые Кенэ и Тюрго, предложили именно то, что предложил я, — отменить все налоги, за исключением налога на стоимость земли. Поскольку я знаком с доктринами Кенэ и его учеников только из вторых рук через английских писателей, я не могу сказать, насколько его своеобразные идеи относительно того, что сельское хозяйство является единственным производительным занятием и т.д., являются ошибочными представлениями или просто особенностями терминологии. Но в этом я уверен из положения, в котором его теория достигла кульминации, — что он увидел фундаментальную связь между землей и трудом, которая с тех пор была упущена из виду, и что он пришел к практической истине, хотя, возможно, и путем неверно выраженных рассуждений. Причины, оставляющие в руках землевладельца "продуктовую сетку", были объяснены физиократами не лучше, чем всасывание насоса объяснялось предположением, что природа не терпит вакуума, но факт в его практическом отношении к общественной экономике был признан, и выгода, которая могла бы возникнуть в результате полной свободы, предоставленной промышленности и торговле заменой налога на ренту всеми поборами, которые затрудняют и искажают применение труда, несомненно, была так же ясно видна ими, как и мной. Одна из вещей, о которой больше всего следует сожалеть во Французской революции, заключается в том, что она сокрушила идеи экономистов как раз в тот момент, когда они набирали силу среди мыслящих классов и, по-видимому, собирались повлиять на налогово-бюджетное законодательство.

Ничего не зная о Кенэ или его доктринах, я пришел к тому же практическому выводу путем, который невозможно оспорить, и основал его на основаниях, которые не могут быть подвергнуты сомнению общепринятой политической экономией.

Единственное возражение против налога на арендную плату или стоимость земли, с которым можно столкнуться в стандартных политико-экономических работах, — это то, которое умаляет его преимущества, поскольку оно заключается в том, что из-за трудности разделения мы могли бы, облагая налогом земельную ренту, обложить налогом что-то еще. Мак-Каллох, например, объявляет налоги на земельную ренту неполитичными и несправедливыми, поскольку доход, получаемый за естественные и неотъемлемые свойства почвы, нельзя четко отличить от дохода, получаемого от улучшений и мелиораций, которые, таким образом, могут быть обескуражены. Маколей где-то говорит, что если бы признание притяжения противоречило какому-либо значительному денежному интересу, не было бы недостатка в аргументах против тяготения — истина, иллюстрацией которой является это возражение. Признавая, что невозможно неизменно отделять стоимость земли от стоимости улучшений, является ли эта необходимость продолжать облагать налогом *некоторые* улучшения какой-либо причиной, по которой мы должны продолжать облагать налогом *все* улучшения? Если это препятствует производству облагать налогом ценности, которые труд и капитал тесно соединили с ценностями земли, то насколько большее обескураживание связано с обложением налогом не только их, но и всех четко различимых ценностей, которые создают труд и капитал?

Но, на самом деле, стоимость земли всегда можно легко отличить от стоимости улучшений. В таких странах, как Соединенные Штаты, есть много ценных земель, которые никогда не облагораживались; и во многих Штатах оценщики обычно оценивают стоимость земли и стоимость улучшений отдельно, хотя впоследствии объединяют их под термином

"недвижимость". Также и там, где земля была занята с незапамятных времен, нет никаких трудностей с определением стоимости голыи земли, поскольку часто земля принадлежит одному лицу, а здания - другому, и когда происходит пожар и улучшения уничтожаются, у земли остается четкая и определенная ценность. В старейшей стране мира разделение не может сопровождаться никакими трудностями, если все, что будет предпринято, - это отделить стоимость четко различимых улучшений, произведенных в течение умеренного периода, от стоимости земли, если она будет уничтожена. Очевидно, что это все, чего требует правосудие или политика. Абсолютная точность невозможна ни в одной системе, и пытаться отделить все, что сделала человеческая раса, от того, что изначально предоставила природа, было бы столь же абсурдно, сколь и неосуществимо. Осушенное римлянами болото или холм, возведенный террасами, теперь составляют такую же часть природных преимуществ Британских островов, как если бы это было сделано землетрясением или ледником. Тот факт, что по прошествии определенного времени стоимость таких постоянных улучшений будет считаться равной стоимости земли и будет облагаться соответствующим налогом, не может оказать сдерживающего влияния на такие улучшения, поскольку такие работы часто проводятся на условиях аренды на годы. Дело в том, что каждое поколение строит и совершенствует для себя, а не для отдаленного будущего. И еще один факт заключается в том, что каждое поколение является наследником не только природных сил земли, но и всего того, что осталось от работы прошлых поколений.

Однако может быть выдвинуто возражение иного рода. Можно сказать, что там, где политическая власть распылена, крайне желательно, чтобы налогообложение падало не на один класс, такой как землевладельцы, а на всех; для того чтобы все, кто осуществляет политическую власть, могли чувствовать надлежащий интерес к экономическому управлению. Будет сказано, что налогообложение и представительство не могут быть безопасно разделены.

Но как бы ни было желательно сочетать с политической властью осознание общественного бремени, нынешняя система, безусловно, не обеспечивает этого. Косвенные налоги в основном взимаются с тех, кто сознательно платит мало или вообще ничего. В Соединенных Штатах быстро растет класс людей, которые не только не проявляют интереса к налогообложению, но и не заботятся о хорошем правительстве. В наших крупных городах выборы в значительной степени определяются не соображениями общественного интереса, а такими влияниями, как решительные выборы в Риме, когда массы перестали заботиться о чем-либо, кроме хлеба и цирка.

Замена многочисленных налогов, которые сейчас взимаются, единым налогом на стоимость земли вряд ли уменьшила бы число сознательных налогоплательщиков, поскольку раздел земли, которым сейчас занимаются спекулянты, значительно увеличил бы число землевладельцев. Но это настолько выровняло бы распределение богатства, что подняло бы даже самых бедных из состояния крайней нищеты, в котором общественные соображения не имеют никакого значения; в то же время это сократило бы те чрезмерно разросшиеся состояния, которые ставят их обладателей выше беспокойства правительства. Политически опасные классы - это очень богатые и очень бедные. Не налоги, которые он сознательно платит, придают человеку долю в стране, заинтересованность в ее правительстве; это сознание того, что он является неотъемлемой частью общества; что его процветание - это его процветание, а его позор - его позор. Пусть только гражданин почувствует это; пусть он будет окружен всеми влияниями, которые исходят из уютного дома и группируются вокруг него, и общество сможет

положиться на него, даже в том, что касается здоровья или жизни. Мужчины голосуют не из патриотических побуждений, так же как и воюют не из патриотических побуждений, из-за уплаты налогов. Все, что способствует комфортному и независимому материальному состоянию масс, наилучшим образом укрепит общественный дух, сделает высшую руководящую силу более разумной и добродетельной.

Но можно спросить: если налог на стоимость земли является таким выгодным способом увеличения доходов, то почему все правительства предпочитают использовать так много других налогов?

Ответ очевиден: налог на стоимость земли - единственный сколько-нибудь важный налог, который не распространяется сам по себе. Это ложится на плечи владельцев земли, и они никоим образом не могут переложить это бремя на кого-либо другого. Следовательно, многочисленный и могущественный класс непосредственно заинтересован в снижении налога на стоимость земли и замене его в качестве средства получения требуемого дохода налогами на другие товары, точно так же, как землевладельцы Англии двести лет назад преуспели в установлении акциза, который ложился на всех потребителей, вместо сборов при феодальном владении, которые ложились только на них.

Таким образом, существует определенный и могущественный интерес, выступающий против налогообложения стоимости земли; но против других налогов, на которые так сильно полагаются современные правительства, особого противодействия нет. Изобретательность государственных деятелей проявилась в разработке схем налогообложения, которые истощают заработную плату за труд и доходы от капитала, подобно тому как летучая мышь-вампиры, как говорят, высасывает жизненную силу из своей жертвы. Почти все эти налоги в конечном счете уплачиваются тем неопределимым существом, потребителем; и он платит их способом, который не привлекает его внимания к тому факту, что он платит налог, — платит их в таких небольших суммах и такими коварными способами, что он этого не замечает и вряд ли потрудится эффективно протестовать. Те, кто платит деньги непосредственно сборщику налогов, не только не заинтересованы в противодействии налогу, который они так легко перекладывают со своих плеч, но очень часто заинтересованы в его введении и поддержании, как и другие влиятельные круги, которые получают прибыль или рассчитывают получить прибыль от повышения цен, вызванного такими налогами.

Почти все разнообразные налоги, которыми сейчас обременен народ Соединенных Штатов, были введены скорее с целью получения частной выгоды, чем для увеличения доходов, и большим препятствием на пути упрощения налогообложения являются эти частные интересы, представители которых собираются в лобби всякий раз, когда предлагается снижение налогообложения, чтобы проследить за тем, чтобы налоги, от которых они получают прибыль, не снижались. Введение защитного тарифа в Соединенных Штатах было вызвано этими влияниями, а не принятием абсурдных теорий защиты на основе их собственных достоинств. Большие доходы, которые сделала необходимыми гражданская война, были прекрасной возможностью для этих особых интересов, и налоги накапливались на все возможное, не столько для увеличения доходов, сколько для того, чтобы позволить определенным классам пользоваться преимуществами сбора налогов и прикармливания их. И после войны эти заинтересованные стороны представляли собой большое препятствие на пути снижения налогообложения; по этой причине оказалось, что те налоги, которые обходятся народу меньше

всего, легче отменить, чем те налоги, которые обходятся народу больше всего. И, таким образом, даже народные правительства, общепризнанным принципом которых является обеспечение наибольшего блага для наибольшего числа людей, в своей важнейшей функции используются для обеспечения сомнительного блага для небольшого числа людей за счет большого зла для многих.

Лицензионные налоги, как правило, одобряются теми, на кого они налагаются, поскольку они, как правило, удерживают других от входа в бизнес; налоги, взимаемые с производителей, часто выгодны крупным производителям по аналогичным причинам, как это было видно на примере противодействия дистилляторов снижению налога на виски; пошлины на импорт не только имеют тенденцию давать определенным производителям особые преимущества, но и приносят пользу импортерам или дилерам, имеющим большие запасы в наличии; и таким образом, в случае всех таких налогов существуют особые интересы, способные к быстрой организации и согласованным действиям, которые выступают за введение налога, в то время как, в случае налога на стоимость земли существует солидный и чувствительный интерес постоянно и ожесточенно выступать против него.

Но если однажды истина, которую я пытаюсь донести, будет понята массами, легко увидеть, как становится возможным объединение политических сил, достаточно сильных, чтобы претворить ее в жизнь.

КНИГА IX. ДЕЙСТВИЕ ЛЕКАРСТВА.

ГЛАВА I. О ВЛИЯНИИ НА ПРОИЗВОДСТВО БОГАТСТВА.

ГЛАВА II. О ВЛИЯНИИ НА РАСПРЕДЕЛЕНИЕ, А СЛЕДОВАТЕЛЬНО, И НА ПРОИЗВОДСТВО.

ГЛАВА III. О ВОЗДЕЙСТВИИ НА ИНДИВИДОВ И КЛАССЫ.

ГЛАВА IV. ОБ ИЗМЕНЕНИЯХ, КОТОРЫЕ ПРОИЗОЙДУТ В СОЦИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

Я не умею играть ни на одном струнном инструменте, но я могу рассказать вам, как из маленькой деревни сделать большой и славный город.—*Фемистокл.*

Вместо терновника вырастет ель, а вместо шиповника вырастет миртовое дерево.

И они будут строить дома и жить в них; и они будут насаждать виноградники и есть плоды их. Они не будут строить, чтобы другой жил; они не будут сажать, чтобы другой ел.—*Исайя.*

ГЛАВА I.

О ВЛИЯНИИ На ПРОИЗВОДСТВО БОГАТСТВА.

Мирабо-старший, как нам говорят, оценил предложение Кенэ о замене всех других налогов единым налогом на ренту (*единственным налогом на прибыль*) как открытие, равное по полезности изобретению письменности или замене бартера деньгами.

Тому, кто задумается над этим вопросом, это высказывание покажется свидетельством проницательности, а не экстравагантности. Преимущества, которые можно было бы получить, заменив многочисленные налоги, с помощью которых в настоящее время увеличиваются государственные доходы, единым налогом, взимаемым со стоимости земли, будут казаться тем более важными, чем больше они будут рассматриваться. Это секрет, который превратит маленькую деревню в большой город. Когда будут сняты все тяготы, которые сейчас угнетают промышленность и препятствуют обмену, производство богатства пойдет с такой скоростью, о которой сейчас и не мечтают. Это, в свою очередь, привело бы к увеличению стоимости земли — новому излишку, который общество могло бы использовать для общих целей. Избавившись от трудностей, связанных со сбором доходов, которые порождают коррупцию и превращают законодательство в инструмент особых интересов, общество могло бы взять на себя функции, которые возрастающая сложность жизни делает желательными, но от которых перспектива политической деморализации при нынешней системе заставляет теперь уклоняться вдумчивых людей.

Рассмотрим влияние на производство богатства.

Отменить налогообложение, которое, действуя и противодействуя, теперь тормозит каждое колесо обмена и давит на каждую форму промышленности, было бы подобно снятию огромного груза с мощной пружины. Наполненное свежей энергией производство зародилось бы новой жизнью, а торговля получила бы стимул, который ощущался бы в самых отдаленных артериях. Нынешний метод налогообложения воздействует на обмен подобно искусственным пустыням и горам; прохождение товаров через таможеню обходится дороже, чем их перевозка по всему миру. Это воздействует на энергию, трудолюбие, мастерство и бережливость, как штраф на эти качества. Если я работал усерднее и построил себе хороший дом, в то время как вы довольствовались жизнью в лачуге, то теперь ежегодно приходит сборщик налогов, чтобы заставить меня заплатить штраф за мою энергию и трудолюбие, взимая с меня налоги больше, чем с вас. Если я сэкономил, в то время как вы потратили впустую, я свободен, в то время как вы освобождены. Если человек строит корабль, мы заставляем его заплатить за свою безрассудность, как если бы он нанес ущерб государству; если открывается железная дорога, сборщик налогов обрушивается на это, как если бы это было нарушением общественного порядка; если строится мануфактура, мы ежегодно взимаем с нее сумму, которая принесла бы немалую прибыль. Мы говорим, что нам нужен капитал, но если кто-то накапливает его или приносит к нам, мы берем с него за это плату, как если бы мы давали ему привилегию. Мы наказываем налогом человека, который засеивает бесплодные поля созревающим зерном; мы

штрафуем того, кто устанавливает технику, и того, кто осушает болото. Насколько тяжело эти налоги ложатся на производство, понимают только те, кто пытался проследить за нашей системой налогообложения во всех ее разветвлениях, ибо, как я уже говорил ранее, самая тяжелая часть налогообложения - это та, которая падает при повышении цен. Но очевидно, что эти налоги по своей природе сродни налогу египетского паши на финиковые деревья. Если они не приводят к вырубке деревьев, то, по крайней мере, препятствуют посадке.

Отмена этих налогов означала бы снятие всего огромного бремени налогообложения с производительной промышленности. Игла швеи и крупная мануфактура; ломовая лошадь и локомотив; рыбацкая лодка и пароход; плуг фермера и товар торговца - были бы одинаково необлагаемы налогом. Все были бы свободны создавать или сберегать, покупать или продавать, не обремененные налогами, без предупреждения со стороны сборщика налогов. Вместо того чтобы говорить производителю, как это делается сейчас: "Чем больше вы добавляете к общему богатству, тем больше с вас будут взимать налоги!", государство сказало бы производителю: "Будь таким трудолюбивым, таким бережливым, таким предприимчивым, каким пожелаешь, и ты получишь свое полное вознаграждение! Вы не будете оштрафованы за то, что заставили две травинки вырасти там, где раньше росла одна; вы не будете облагаться налогом за увеличение совокупного богатства".

И не выиграет ли общество, отказавшись убивать курицу, несущую золотые яйца; воздержавшись от надевания намордника на быка, вытапывающего кукурузу; предоставив трудолюбию, бережливости и мастерству их естественную награду, полную и неповрежденную? Ибо для сообщества также существует естественная награда. Закон общества гласит: каждый за всех, равно как и все за каждого. Никто не может оставить при себе то хорошее, что он может совершить, так же как и плохое. Каждое продуктивное предприятие, помимо отдачи тем, кто за него берется, приносит другим побочные преимущества. Если человек сажает фруктовое дерево, его выгода заключается в том, что он собирает плоды в положенное время. Но в дополнение к его выгоде есть выгода для всего общества. Увеличившийся запас фруктов приносит пользу не только владельцу; птицы, которых он укрывает, разлетаются повсюду; дождь, который он помогает привлечь, падает не только на его поле; и даже глаз, который смотрит на него издали, это приносит ощущение красоты. И так со всем остальным. Строительство дома, фабрики, корабля или железной дороги приносит пользу другим, помимо тех, кто получает прямую прибыль. Природа смеется над скупцами. Он подобен белке, которая зарывает свои орехи и воздерживается от того, чтобы выкопать их снова. О чудо! они прорастают и превращаются в деревья. Мумию укладывают в тонкое полотно, пропитанное дорогими специями. Тысячи и тысячи лет спустя бедуины готовят себе пищу на огне из его оболочек, он вырабатывает пар, который кружит путешественника в пути, или он отправляется в далекие страны, чтобы удовлетворить любопытство другой расы. Пчела наполняет дупло дерева медом, и в нем появляется медведь или человек.

Пусть общество оставит отдельному производителю все, что побуждает его к напряжению; пусть оно позволит рабочему получить полное вознаграждение за свой труд, а капиталисту - полную отдачу от своего капитала. Ибо чем больше труд и капитал производят, тем больше растет общее богатство, которым все могут пользоваться. И в стоимости земли, или земельной ренте, эта общая выгода выражается в определенной и конкретизированной форме. Вот фонд, который может забрать государство, оставляя труду и капиталу их полное вознаграждение. С увеличением производственной активности это будет соразмерно увеличиваться.

И перенести бремя налогообложения с производства и обмена на стоимость или ренту земли означало бы не просто придать новый стимул производству богатства; это означало бы открыть новые возможности. Ибо при такой системе никто не захотел бы владеть землей, если бы не пользовался ею, а земли, которые сейчас изъяты из употребления, повсюду были бы открыты для улучшения.

Продажная цена земли упала бы; спекуляция землей получила бы смертельный удар; монополизация земли больше не приносила бы прибыли. Миллионы и миллионы акров, от которых поселенцы сейчас отрезаны высокими ценами, были бы брошены их нынешними владельцами или проданы поселенцам на номинальных условиях. И это не только на границах, но и в пределах тех районов, которые сейчас считаются хорошо заселенными. Таким образом, в радиусе ста миль от Сан-Франциско было бы достаточно открытой земли, чтобы прокормить, даже при нынешних способах возделывания, сельскохозяйственное население, равное тому, которое сейчас рассеяно от границы с Орегоном до границы с Мексикой — на расстоянии 800 миль. В такой же степени это было бы верно для большинства Западных штатов и в значительной степени для старых Восточных штатов, поскольку даже в Нью-Йорке и Пенсильвании население все еще невелико по сравнению с вместимостью земель. И даже в густонаселенной Англии такая политика открыла бы для возделывания многие сотни тысяч акров, которые сейчас отведены под частные парки, оленьи заповедники и охотничьи угодья.

Ибо этот простой прием взимания всех налогов со стоимости земли фактически означал бы выставление земли на аукцион тому, кто заплатит государству самую высокую арендную плату. Спрос на землю определяет ее стоимость, и, следовательно, если бы налоги были установлены так, чтобы почти полностью потреблять эту стоимость, человек, желающий владеть землей, не используя ее, должен был бы платить почти столько же, сколько она стоила бы любому, кто хотел бы ею пользоваться.

И следует помнить, что это применимо не только к сельскохозяйственным угодьям, но и ко всем землям. Земли с полезными ископаемыми были бы открыты для использования точно так же, как сельскохозяйственные угодья; и в центре города никто не мог позволить себе удерживать землю от ее наиболее прибыльного использования, а на окраинах требовать за нее больше, чем того требовало бы использование, для которого она могла быть использована в то время. Везде, где земля приобрела определенную ценность, налогообложение, вместо того чтобы действовать, как сейчас, в виде штрафа за улучшение, будет действовать, чтобы форсировать улучшение. Тот, кто посадил фруктовый сад, или засеял поле, или построил дом, или возвел мануфактуру, какой бы дорогостоящей она ни была, должен был платить налогов не больше, чем если бы он держал столько земли без дела. Монополист сельскохозяйственных земель будет облагаться таким же налогом, как если бы его земля была покрыта домами и амбарами, посевами и скотом. Владельцу пустующего городского участка пришлось бы платить столько же за привилегию не пускать на него других людей, пока он сам не захочет им воспользоваться, сколько и его соседу, у которого на его участке есть прекрасный дом. Содержать ряд полуразрушенных лачуг на ценной земле обошлось бы так же дорого, как если бы на ней был построен большой отель или нагромождение огромных складов, заполненных дорогостоящими товарами.

Таким образом, исчезла бы премия, согласно которой везде, где труд наиболее производителен, теперь должна быть выплачена до того, как он может быть применен. Фермеры

не пришлось бы выплачивать половину своих средств или закладывать свой труд на годы, чтобы получить землю для обработки; строителю городской усадьбы не пришлось бы выкладывать столько за небольшой участок, сколько за дом, который он на нем ставит; компании, которая предложила возвести мануфактуру, не пришлось бы тратить большую часть своего капитала на участок. И то, что из года в год выплачивалось бы государству, заменяло бы все налоги, взимаемые сейчас с улучшений, машин и инвентаря.

Рассмотрим влияние такого изменения на рынок труда. Конкуренция больше не была бы односторонней, как сейчас. Вместо того чтобы рабочие конкурировали друг с другом за работу и в своем соперничестве урезали заработную плату до уровня прожиточного минимума, работодатели повсюду боролись бы за рабочих, и заработная плата выросла бы до уровня справедливого заработка за труд. Ибо на рынок труда вышел бы величайший из всех конкурентов в области найма рабочей силы, конкурент, спрос на который не может быть удовлетворен до тех пор, пока не будет удовлетворена нужда, — спрос на саму рабочую силу. Работодателям рабочей силы пришлось бы не просто участвовать в торгах против других работодателей, которые все ощущают стимул расширения торговли и увеличения прибылей, но и против способности рабочих становиться самими себе работодателями, используя естественные возможности, свободно открывающиеся перед ними благодаря налогу, предотвращающему монополизацию.

С естественными возможностями, такими свободными для труда; с капиталом и усовершенствованиями, освобожденными от налогов, и с обменом, освобожденным от ограничений, зрелище желающих людей, неспособных превратить свой труд в то, за что они страдают, стало бы невозможным; повторяющиеся пароксизмы, парализующие промышленность, прекратились бы; все колеса производства были бы приведены в движение; спрос шел бы в ногу с предложением, а предложение - со спросом; торговля росла бы во всех направлениях, и богатство увеличивалось бы повсюду.

ГЛАВА II.

О ВЛИЯНИИ НА РАСПРЕДЕЛЕНИЕ, А СЛЕДОВАТЕЛЬНО, И НА ПРОИЗВОДСТВО.

Но какими бы значительными они ни казались, преимущества переноса всего общественного бремени на налог на стоимость земли не могут быть полностью оценены, пока мы не рассмотрим влияние на распределение богатства.

Проследивая причину неравномерного распределения богатства, которое наблюдается во всех цивилизованных странах с постоянной тенденцией ко все большему неравенству по мере материального прогресса, мы обнаружили ее в том факте, что по мере развития цивилизации собственность на землю, находящуюся сейчас в частных руках, дает все большую и большую возможность присваивать богатства, произведенные трудом и капиталом.

Таким образом, освободить труд и капитал от всякого налогообложения, прямого и косвенного, и возложить бремя на ренту означало бы, насколько это возможно, противодействовать этой

тенденции к неравенству, и, если бы дело дошло до того, что налогом была облагана вся рента, причина неравенства была бы полностью уничтожена. Рента, вместо того чтобы вызывать неравенство, как сейчас, тогда способствовала бы равенству. Труд и капитал тогда получали бы весь продукт за вычетом той части, которая забирается государством при налогообложении стоимости земли, которая, будучи применена для общественных целей, была бы равномерно распределена в виде общественных благ.

Иными словами, богатство, произведенное в каждом сообществе, было бы разделено на две части. Одна часть будет распределяться в виде заработной платы и процентов между отдельными производителями в соответствии с тем участием, которое каждый принимал в производственном труде; другая часть пойдет обществу в целом, чтобы быть распределенной в виде общественных благ среди всех его членов. В этом все будут участвовать поровну — слабые с сильными, маленькие дети и дряхлые старики, увечные, хромы и слепые, а также энергичные. И это справедливо, поскольку, в то время как одна часть представляет собой результат индивидуальных усилий в производстве, другая представляет возросшую мощь, с которой сообщество в целом помогает индивиду.

Таким образом, поскольку материальный прогресс имеет тенденцию увеличивать ренту, если бы рента взималась сообществом для общих целей, то та самая причина, которая сейчас имеет тенденцию порождать неравенство по мере продвижения материального прогресса, имела бы тогда тенденцию порождать все большее и большее равенство. Чтобы полностью понять этот эффект, давайте вернемся к ранее разработанным принципам.

Мы видели, что заработная плата и процент повсюду должны определяться линией ренты, или пределом обработки, то есть вознаграждением, которое труд и капитал могут обеспечить на земле, за которую рента не выплачивается; что совокупная сумма богатства, которую получит совокупность труда и капитала, занятых в производстве, будет количеством произведенного богатства (или, скорее, когда мы рассматриваем налоги, чистой суммой) за вычетом того, что принимается за ренту.

Мы видели, что при материальном прогрессе, как он происходит в настоящее время, наблюдается двоякая тенденция к повышению ренты. И то, и другое ведет к увеличению доли производимого богатства, которая поступает в виде ренты, и к уменьшению доли, которая поступает в виде заработной платы и процента. Но первая, или естественная тенденция, вытекающая из законов общественного развития, заключается в увеличении ренты как величины без уменьшения заработной платы и процента как величин или даже с их количественным увеличением. Другая тенденция, проистекающая из неестественного присвоения земли в частную собственность, заключается в увеличении ренты как величины за счет уменьшения заработной платы и процента как величин.

Итак, очевидно, что взимание ренты при налогообложении для общественных целей, которое фактически уничтожает частную собственность на землю, означало бы уничтожение тенденции к абсолютному снижению заработной платы и процентов путем уничтожения спекулятивной монополизации земли и спекулятивного увеличения арендной платы. Это было бы в значительной степени связано с повышением заработной платы и процентов за счет открытия природных возможностей, которые в настоящее время монополизированы, и снижения цен на землю. Таким образом, труд и капитал не просто получили бы то, что сейчас отнимается у них в виде налогообложения, но выиграли бы от положительного снижения арендной платы,

вызванного снижением спекулятивной стоимости земли. Установилось бы новое равновесие, при котором общая норма заработной платы и процента была бы намного выше, чем сейчас.

Но это установившееся новое равновесие, дальнейший рост производительной силы, а тенденция в этом направлении значительно ускорила бы, привели бы к еще большему увеличению ренты, но не за счет заработной платы и процента, а за счет новых прибылей в производстве, которые, поскольку рента бралась бы сообществом для общественных нужд, приносили бы пользу каждому члену сообщества. Таким образом, по мере развития материального прогресса положение масс будет постоянно улучшаться. Не только один класс стал бы богаче, но и все стали бы богаче; не только у одного класса было бы больше предметов первой необходимости, удобств и элегантности жизни, но у всех было бы больше. Ибо растущая производительная мощь, которая приходит с увеличением численности населения, с каждым новым открытием в производительных искусствах, с каждым трудосберегающим изобретением, с каждым расширением и облегчением обмена, не может быть монополизирована никем. Та часть выгоды, которая не пошла бы непосредственно на увеличение вознаграждения за труд и капитал, досталась бы государству, то есть всему обществу. При всех огромных материальных и умственных преимуществах плотного населения были бы объединены свобода и равенство, которые сейчас можно найти только в новых и малонаселенных районах.

А затем рассмотрим, как выравнивание в распределении богатства отразилось бы на производстве, повсеместно предотвращая расточительство, повсеместно увеличивая власть.

Если бы можно было выразить в цифрах прямые материальные потери, которые несет общество из-за социальных нарушений, обрекающих большие классы населения на бедность и порок, оценка была бы ужасающей. Англия содержит более миллиона бедняков на официальную благотворительность; только город Нью-Йорк тратит подобным образом более семи миллионов долларов в год. Но то, что расходуется из государственных средств, то, что расходуется благотворительными обществами и то, что расходуется на индивидуальную благотворительность, в совокупности было бы лишь первой и самой маленькой статьёй в счете. Потенциальные доходы от труда, которые таким образом пропадают впустую, стоимость порожденных таким образом безрассудных, расточительных и праздных привычек; материальные потери, не говоря уже о чем—либо большем, о чем свидетельствует ужасающая статистика смертности, и особенно детской смертности, среди беднейших классов; расточительство, о котором свидетельствуют джиновые дворцы или низкопробные грегери, которые увеличиваются по мере углубления бедности; ущерб, наносимый паразитами общества, порожденными бедностью и разорением - ворами, проститутками, попрошайками и бродягами; затраты на защиту общества от них, - все это пункты повестки дня. сумма, которую нынешнее несправедливое и неравномерное распределение богатства отнимает у совокупности, которой могло бы пользоваться общество при существующих средствах производства. Мы также еще не завершили этот отчет. Невежество и порок, безрассудство и аморальность, порожденные неравенством в распределении богатства, проявляются в слабоумии и коррумпированности правительства; а растрата государственных доходов и еще большая растрата, связанная с невежественным и коррумпированным злоупотреблением государственной властью и функциями, являются их законными последствиями.

Но повышение заработной платы и открытие новых путей трудоустройства, которые стали бы результатом использования арендной платы на общественные цели, не просто остановили бы

эти расточительства и избавили общество от этих огромных потерь; к труду добавилась бы новая сила. Общеизвестно, что труд наиболее производителен там, где его заработная плата самая высокая. Во всем мире низкооплачиваемый труд является неэффективным.

То, что замечено между эффективностью труда в сельскохозяйственных районах Англии, где преобладают разные уровни заработной платы; то, что Брасси заметил как разницу между работой, выполняемой его более высокооплачиваемыми английскими землекопами, и работой, выполняемой хуже оплачиваемыми рабочими континента; то, что было очевидно в Соединенных Штатах как разницу между рабским и свободным трудом; то, что видно по поразительному количеству механиков или прислуги, требуемых в Индии или Китае для выполнения чего-либо, является универсальной истиной. Эффективность труда всегда повышается вместе с обычной оплатой труда— поскольку высокая заработная плата означает повышение самоуважения, интеллекта, надежды и энергии. Человек - это не машина, которая сделает столько-то и не более; он не животное, чьи возможности могут простираются так далеко и не дальше. Именно разум, а не мускулы, является великим фактором производства. Физическая мощь, развившаяся в организме человека, является одной из самых слабых сил, но для человеческого интеллекта непреодолимые потоки природы текут, и материя становится пластичной по отношению к человеческой воле. Повышать комфорт, досуг и независимость масс - значит повышать их интеллект; это значит привлекать мозг на помощь рукам; это значит привлекать к обычной жизненной работе способность, которая измеряет численность животных и отслеживает орбиты звезд!

Кто может сказать, до каких бесконечных пределов способность труда создавать богатство не может быть повышена социальными приспособлениями, которые дадут производителям богатства их справедливую долю его преимуществ и наслаждений! При существующих процессах выигрыш был бы просто неисчислимым, но точно так же, как заработная плата высока, изобретение и использование усовершенствованных процессов и оборудования происходит с большей быстротой и легкостью. То, что посевы пшеницы на Юге России все еще собирают косой и выбивают цепом, объясняется просто тем, что там очень низкая заработная плата. Американские изобретения, американская склонность к трудосберегающим процессам и оборудованию являются результатом сравнительно высокой заработной платы, которая преобладает в Соединенных Штатах. Если бы наши производители были обречены на низкое вознаграждение египетского феллаха или китайского кули, мы черпали бы воду вручную и перевозили товары на плечах мужчин. Увеличение вознаграждения за труд и капитал еще больше стимулировало бы изобретательства и ускорило бы внедрение усовершенствованных процессов, и они действительно оказались бы тем, чем они на самом деле являются, — несмешанным благом. Пагубное воздействие трудосберегающих машин на рабочий класс, которое сейчас так часто становится очевидным и которое, несмотря на все доводы, заставляет так много людей рассматривать машины как зло, а не как благо, исчезло бы. Каждая новая сила, задействованная на службе человеку, улучшала бы положение всех. И из общего интеллекта и ментальной активности, проистекающих из этого общего улучшения состояния, произошли бы новые проявления силы, о которых мы пока и мечтать не можем.

Но я не стану отрицать и не хочу упускать из виду тот факт, что, предотвращая таким образом расточительство и повышая эффективность труда, выравнивание в распределении богатства, которое стало бы результатом предлагаемого мной простого плана налогообложения, должно уменьшить интенсивность погони за богатством. Мне кажется, что в условиях общества, в

котором никому не нужно бояться бедности, никто не стал бы желать большого богатства — по крайней мере, никто не взял бы на себя труд стремиться к нему, как это делают люди сейчас. Ибо, конечно, зрелище людей, которым осталось жить всего несколько лет, поработавших свое время ради того, чтобы умереть богатыми, само по себе настолько неестественно и абсурдно, что в состоянии общества, где уничтожение страха нужды рассеяло завистливое восхищение, с которым массы людей теперь относятся к обладанию огромными богатствами, на любого, кто трудился бы, чтобы приобрести больше, чем он хотел бы использовать, смотрели бы так, как мы сейчас смотрели бы на человека, который нацепил бы на голову полдюжины шляп или разгуливал под палящим солнцем в пальто. Когда каждый уверен в том, что сможет получить достаточно, никто не захочет строить из себя вьючную лошадь.

И хотя этот стимул к производству будет отменен, не можем ли мы пощадить его? Каким бы ни было его назначение на более ранней стадии развития, сейчас оно не нужно. Опасности, угрожающие нашей цивилизации, проистекают не из слабости механизмов производства. От чего он страдает и от чего, если не применить лекарство, он должен умереть, так это от неравномерного распределения!

И устранение этого стимула, рассматриваемое только с точки зрения производства, не было бы несмешанной потерей. Ибо тот факт, что совокупный объем производства значительно сокращается из-за жадности, с которой люди стремятся к богатству, является одним из самых бросающихся в глаза фактов современного общества. Хотя, если бы это безумное желание разбогатеть любой ценой уменьшилось, умственная деятельность, направленная сейчас на накопление богатства, была бы переведена в гораздо более высокие сферы полезности.

ГЛАВА III. О ВОЗДЕЙСТВИИ НА ИНДИВИДОВ И КЛАССЫ.

Когда впервые предлагается обложить налогами стоимость земли и, таким образом, конфисковать арендную плату, все землевладельцы, вероятно, забудут тревогу, и не будет недостатка в апелляциях к страхам владельцев небольших ферм и приусадебных участков, которым скажут, что это предложение направлено на то, чтобы отнять у них с трудом заработанное имущество. Но минутное размышление покажет, что это предложение должно понравиться всем, чьи интересы как землевладельцев не в значительной степени превышают их интересы как рабочих или капиталистов, или и тех, и других. И дальнейшее рассмотрение покажет, что, хотя крупные землевладельцы могут проиграть относительно, все же даже в их случае будет абсолютный выигрыш. Ибо рост производства будет настолько велик, что рабочая сила и капитал получают гораздо больше, чем будет потеряно из-за частной собственности на землю, в то время как в этих выгодах и в более значительных, связанных с более здоровыми социальными условиями, будет участвовать все сообщество, включая самих землевладельцев.

В предыдущей главе я рассмотрел вопрос о том, что причитается нынешним землевладельцам, и показал, что они не претендуют на компенсацию. Но есть еще одно основание, по которому мы можем отвергнуть всякую идею компенсации. На самом деле они не пострадают.

Очевидно, конечно, что изменение, которое я предлагаю, принесет огромную пользу всем тем, кто живет за счет заработной платы, будь то рабочие руки или головы — разнорабочим, операторам, механикам, клеркам, профессионалам всех мастей. Очевидно также, что это принесет пользу всем тем, кто живет частично за счет заработной платы и частично за счет доходов от своего капитала — владельцам магазинов, торговцам, фабрикантам, нанимающим или предпринимаящим производителей и обменников всех видов — от корабельника или извозчика до владельца железной дороги или парохода, — и столь же очевидно, что это увеличит доходы тех, чьи доходы извлекаются из доходов от капитала или от инвестиций, отличных от инвестиций в землю, за исключением, возможно, держателей государственных облигаций или других ценных бумаг с фиксированными процентными ставками, которые, вероятно, обесценятся в продажной стоимости из-за повышения общего уровня инфляции. проценты, хотя доход от них останется прежним.

Возьмем теперь случай с владельцем усадьбы — механиком, кладовщиком или профессионалом, который обзавелся домом и участком земли, где он живет и который он с удовлетворением рассматривает как место, откуда его семья не может быть изгнана в случае его смерти. Он не пострадает; напротив, он выиграет. Продажная стоимость его лота уменьшится — теоретически он полностью исчезнет. Но его полезность для него не исчезнет. Это послужит его цели так же хорошо, как и прежде. Хотя, поскольку стоимость всех других лотов уменьшится или исчезнет в том же соотношении, он сохраняет ту же уверенность в том, что всегда будет владеть лотом, который у него был раньше. Иными словами, он является неудачником только в том случае, если о человеке, купившем себе пару сапог, можно сказать, что он проиграл из-за последующего падения цен на сапоги. Его ботинки будут ему так же полезны, а следующую пару ботинок он сможет приобрести дешевле. Таким образом, для владельца усадьбы его участок будет столь же полезен, и если он надеется получить больший участок или чтобы его дети, когда они вырастут, обзавелись собственными усадьбами, он, даже в вопросе о участках, окажется в выигрыше. И в настоящем, учитывая другие обстоятельства, он будет в значительной степени в выигрыше. Ибо, хотя ему придется платить больше налогов за свою землю, он будет освобожден от налогов на свой дом и улучшения, на свою мебель и личное имущество, на все, что он и его семья едят, пьют и носят, в то время как его заработок в значительной степени увеличится за счет повышения заработной платы, постоянной занятости и увеличения оживленности торговли. Его единственной потерей будет, если он захочет продать свой участок, не получив другого, и это будет небольшая потеря по сравнению с большим выигрышем.

То же самое и с фермером. Я говорю сейчас не о фермерах, которые никогда не прикасаются к ручкам плуга, которые обрабатывают тысячи акров и получают доходы, подобные доходам богатых плантаторов Юга до войны; но о фермерах—работниках, которые составляют такой многочисленный класс в Соединенных Штатах - мужчинах, владеющих небольшими фермами, которые они обрабатывают с помощью своих мальчиков и, возможно, какой-нибудь наемной прислуги, и которых в Европе называли бы крестьянами-собственниками. Каким бы парадоксальным это ни казалось этим людям, пока они не поймут всего смысла этого утверждения, из всех классов, стоящих выше простого рабочего, они больше всего выиграют, обложив всеми налогами стоимость земли. Они обычно чувствуют, что сейчас они живут не так хорошо, как должна была бы обеспечивать их тяжелая работа, хотя, возможно, и не в состоянии проследить причину. Дело в том, что налоги в том виде, в каком они взимаются сейчас, ложатся на них с особой суровостью. Они облагаются налогом на все свои улучшения — дома, амбары,

заборы, урожай, скот. Личную собственность, которой они обладают, не так легко скрыть или недооценить, как более ценные виды собственности, сосредоточенные в городах. Они облагаются налогом не только на личную собственность и улучшения, которых избегают владельцы неиспользуемой земли, но и их земля, как правило, облагается налогом по более высокой ставке, чем земля, находящаяся в спекулятивном владении, просто потому, что она улучшена. Но, кроме этого, все налоги, взимаемые с товаров, и особенно налоги, которые, подобно нашим покровительственным пошлинам, вводятся с целью повышения цен на товары, ложатся на фермера без каких-либо смягчений. Ибо в такой стране, как Соединенные Штаты, которые экспортируют сельскохозяйственную продукцию, фермер не может быть защищен. Кто бы ни выиграл, он обязательно проиграет. Несколько лет назад Лига свободной торговли Нью-Йорка опубликовала брошюру, содержащую вырезки из различных предметов первой необходимости, помеченные пошлинами, налагаемыми тарифом, и которая гласила примерно следующее: “Фермер встает утром и натягивает свои панталоны, облагаемые 40-процентным налогом. и его ботинки облагались налогом в размере 30%, чирканье спичкой облагалось налогом в размере 200%”, и так далее, следуя за ним в течение дня и всей жизни, пока, убитый налогом, он не будет опущен в могилу на веревке, облагаемой налогом в 45%. Это всего лишь наглядная иллюстрация того, как в конечном итоге снижаются такие налоги. Фермер получил бы большую выгоду, заменив все эти налоги единым налогом на стоимость земли, поскольку налогообложение стоимости земли обрушилось бы с наибольшей тяжестью не на сельскохозяйственные районы, где стоимость земли сравнительно невелика, а на поселки, где стоимость земли высока; тогда как налоги на личную собственность и улучшения падают так же сильно в деревне, как и в городе. А в малонаселенных районах фермер вообще не должен был бы платить никаких налогов. Ибо налоги, взимаемые со стоимости голой земли, падали бы так же сильно на неулучшенную землю, как и на улучшенную. Акр за акром улучшенная и возделываемая ферма с ее постройками, заборами, фруктовым садом, посевами и скотом могла облагаться налогом не больше, чем неиспользуемая земля такого же качества. Результатом было бы то, что спекулятивная стоимость была бы снижена, а возделываемые и улучшаемые фермы не должны были бы платить налоги до тех пор, пока страна вокруг них не была бы хорошо заселена. На самом деле, каким бы парадоксальным это ни показалось им на первый взгляд, результатом применения всех налогов к стоимости земли было бы освобождение от всех налогов более трудолюбивых фермеров.

Но огромную выгоду работающего фермера можно увидеть только тогда, когда будет рассмотрено влияние на распределение населения. Уничтожение спекулятивной стоимости земли привело бы к рассеиванию населения там, где оно слишком густое, и к его концентрации там, где оно слишком редкое; к замене многоквартирных домов домами, окруженными садами, и полному заселению сельскохозяйственных районов до того, как людей отогнали подальше от соседей в поисках земли. Таким образом, жители городов получали бы больше чистого воздуха и солнечного света страны, а жители страны - больше информации об экономике и социальной жизни города. Если, как это, несомненно, имеет место, применение техники имеет тенденцию к большим полям, сельскохозяйственное население примет примитивную форму и будет группироваться в деревнях. Жизнь среднего фермера сейчас неоправданно уныла. Он не только вынужден работать рано или поздно, но и из-за малочисленности населения отрезан от удобств, развлечений, образовательных учреждений, а также социальных и интеллектуальных возможностей, которые появляются при более тесном контакте человека с человеком. Ему было бы намного лучше во всех этих отношениях, и его труд был бы намного продуктивнее, если бы у

него и тех, кто его окружает, было не больше земли, чем они хотели бы использовать.⁵⁶ В то время как его дети, когда они вырастут, не были бы так сильно вынуждены искать развлечений в городе, и их не увозили бы так далеко в поисках собственных ферм. Их средства к существованию были бы в их собственных руках и дома.

Короче говоря, работающий фермер является одновременно рабочим и капиталистом, а также землевладельцем, и именно его трудом и капиталом он зарабатывает на жизнь. Его потеря была бы номинальной; его выигрыш был бы реальным и большим.

В той или иной степени это верно для всех землевладельцев. Многие землевладельцы являются работниками того или иного рода. И было бы трудно найти землевладельца, не являющегося чернорабочим, который также не является капиталистом — в то время как общее правило таково, что чем крупнее землевладелец, тем крупнее капиталист. Это настолько верно, что, по общему мнению, персонажи смешиваются. Таким образом, обложение всех налогов стоимостью земли, хотя это в значительной степени уменьшило бы все крупные состояния, ни в коем случае не оставило бы богатого человека без гроша в кармане. Герцог Вестминстерский, которому принадлежит значительная часть территории Лондона, вероятно, является самым богатым землевладельцем в мире. Взимание всей его земельной ренты путем налогообложения в значительной степени уменьшило бы его огромный доход, но все равно оставило бы ему его здания и весь доход от них, а также, несомненно, большую личную собственность в различных других формах. У него по-прежнему было бы все, чем он мог бы наслаждаться, и гораздо лучшее состояние общества, в котором можно было бы наслаждаться этим.

Так что Астори из Нью-Йорка остались бы очень богатыми. И поэтому, я думаю, это будет видно повсюду — эта мера никого не сделает беднее, кроме тех, кого можно было бы сделать намного беднее, не причинив при этом реального вреда. Это сократило бы огромные состояния, но никого бы не обнищало.

Богатство не только значительно увеличилось бы; оно было бы равномерно распределено. Я не имею в виду, что каждый человек получил бы одинаковое количество богатства. Это не было бы равным распределением, пока разные люди обладают разными способностями и разными желаниями. Но я имею в виду, что богатство было бы распределено в соответствии со степенью, в которой трудолюбие, навыки, знания или благоразумие каждого внесли свой вклад в общий фонд. Великое дело, которое концентрирует богатство в руках тех, кто не производит, и забирает его из рук тех, кто производит, исчезло бы. Неравенство, которое продолжало бы существовать, было бы неравенством природы, а не искусственным неравенством, порожденным отрицанием естественного закона. Непроизводитель больше не будет купаться в роскоши, в то время как производителю достанется лишь самое необходимое для существования животного.

Монополия на землю исчезла, и можно не опасаться больших состояний. Ибо тогда богатство любого человека должно состоять из богатства, так называемого в собственном смысле слова, - из богатства, которое является продуктом труда и которое постоянно имеет тенденцию к растрате, поскольку государственные долги, я полагаю, недолго пережили бы отмену системы, из которой они проистекают. Всякий страх перед большим состоянием может быть отброшен, ибо, когда каждый получает то, что он честно зарабатывает, никто не может получить больше, чем он честно зарабатывает. Сколько существует мужчин, которые честно зарабатывают миллион долларов?

ГЛАВА IV.

ОБ ИЗМЕНЕНИЯХ, КОТОРЫЕ ПРОИЗОЙДУТ В СОЦИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

Мы имеем дело только с общими принципами. Есть некоторые детали — например, те, которые возникают в связи с разделением доходов между местными и общими органами власти, — которые могут возникнуть при применении этих принципов, но их здесь нет необходимости обсуждать. Как только принципы будут установлены, детали будут легко скорректированы.

Невозможно также заметить все изменения, которые были бы вызваны или стали бы возможными благодаря изменениям, которые скорректировали бы саму основу общества, без излишней детализации, но позвольте мне обратить внимание на некоторые основные черты.

Среди них следует отметить великую простоту, которая стала бы возможной в правительстве. Сбор налогов, предотвращение уклонений от уплаты налогов и наказание за них, проверка и перепроверка доходов, поступающих из стольких различных источников, в настоящее время составляют, вероятно, три четверти, возможно, семь восьмых деятельности правительства, помимо поддержания порядка, содержания вооруженных сил и отправления правосудия. Таким образом, можно было бы обойтись без огромной и сложной сети правительственных механизмов.

При отправлении правосудия было бы такое же сокращение нагрузки. Большая часть гражданских дел в наших судах связана со спорами о праве собственности на землю. Они прекратились бы, когда государство было бы фактически признано единственным владельцем земли, а все арендаторы стали практически арендаторами, платящими арендную плату. Рост нравственности, вытекающий из прекращения нужды, привел бы к аналогичному сокращению других гражданских дел в судах, которое можно было бы ускорить, приняв исходящее из здравого смысла предложение Бентама об отмене всех законов о взыскании долгов и исполнении частных контрактов. Повышение заработной платы, открытие для всех возможностей легко и комфортно зарабатывать на жизнь, сразу же уменьшило бы количество воров, мошенников и других классов преступников, которые возникают из-за неравномерного распределения богатства, а вскоре и вовсе устранило бы их из общества. Таким образом, применение уголовного права со всеми его атрибутами в виде полицейских, детективов, тюрем и исправительных учреждений, подобно применению гражданского права, перестало бы так истощать жизненную силу и внимание общества. Нам следовало бы избавиться не только от многих судей, судебных приставов, клерков и тюремных надзирателей, но и от огромного количества юристов, которые сейчас содержатся за счет продюсеров; и талант, который сейчас растрачивается на юридические тонкости, был бы обращен к более высоким занятиям.

Таким образом, законодательные, судебные и исполнительные функции правительства были бы значительно упрощены. Я также не могу думать, что государственные долги и постоянные армии, которые исторически являются результатом перехода от феодального к аллодиальному

режиму правления, долго сохранялись бы после возвращения к старой идее, что земля страны является общим правом народа страны. Первое могло бы быть легко погашено налогом, который не уменьшил бы заработную плату и не остановил бы производство, а второе вскоре должно исчезнуть из-за роста интеллекта и независимости масс, которым, возможно, способствует прогресс изобретений, революционизирующих военное искусство.

Таким образом, общество приблизилось бы к идеалу джефферсоновской демократии, земле обетованной Герберта Спенсера, упразднению правительства. Но о правительстве только как о направляющей и репрессивной силе. В то же время и в той же степени для него стало бы возможным осуществить мечту о социализме. Все это упрощение и отмена нынешних функций правительства сделали бы возможным принятие на себя некоторых других функций, которые сейчас требуют признания. Правительство могло бы взять на себя передачу сообщений по телеграфу, а также по почте; строительство и эксплуатацию железных дорог, а также открытие и содержание дорог общего пользования. При таком упрощении и урезании нынешних функций подобные функции можно было бы выполнять без опасности или напряжения и они находились бы под наблюдением общественного внимания, которое сейчас отвлечено. Был бы большой и постоянно увеличивающийся избыточный доход от налогообложения стоимости земли, поскольку материальный прогресс, который шел бы со значительно ускорившейся быстротой, имел бы тенденцию постоянно увеличивать ренту. Этот доход, получаемый от общей собственности, мог быть направлен на общее благо, как и доходы Спарты. Мы могли бы не устанавливать общественные столы — в них не было бы необходимости; но мы могли бы создать общественные бани, музеи, библиотеки, сады, лекционные залы, музыкальные и танцевальные залы, театры, университеты, технические школы, тир, игровые площадки, спортзалы и т.д. Тепло, свет и движущая сила, а также вода могли бы быть проведены по нашим улицам за государственный счет; наши дороги были бы обсажены фруктовыми деревьями; первооткрыватели и изобретатели были бы вознаграждены, научные исследования поддерживались; и государственные доходы тысячью способов направлялись бы на стимулирование усилий на благо общества. Мы должны достичь идеала социализма, но не через правительственные репрессии. Правительство изменило бы свой характер и стало бы администрацией великого кооперативного общества. Это стало бы просто учреждением, с помощью которого общая собственность управлялась бы для общего блага.

Вам это не кажется невыполнимым? Задумайтесь на мгновение об огромных изменениях, которые произойдут в общественной жизни в результате перемен, которые обеспечат труду полное вознаграждение; которые изгонят нужду и страх перед нуждой; и дадут самым скромным свободу развиваться в естественной симметрии.

Размышляя о возможностях социальной организации, мы склонны предполагать, что жадность является сильнейшим из человеческих мотивов, и что системы управления могут быть безопасно основаны только на идее, что страх наказания необходим для сохранения честности людей, что эгоистические интересы всегда сильнее общих интересов. Ничто не может быть дальше от истины.

Откуда возникает эта жажда наживы, ради удовлетворения которой люди попирают ногами все чистое и благородное; ради которой они жертвуют всеми высшими возможностями жизни; которая превращает вежливость в пустое притворство, патриотизм - в притворство, а религию -

в лицемерие; которая превращает столь значительную часть цивилизованного существования в измаильтскую войну, оружием которой являются хитрость и обман?

Разве это не проистекает из существования нужды? Карлейль где-то сказал, что бедность - это ад, которого современный англичанин больше всего боится. И он прав. Бедность - это разверстый, безжалостный ад, который зияет под цивилизованным обществом. И этого ада достаточно. Веды не провозглашают ничего более правдивого, чем то, что мудрый ворон Бушанда говорит орлу-носителю Вишну, что самая острая боль - в бедности. Ибо бедность - это не просто лишения; она означает стыд, деградацию; выжигание наиболее чувствительных частей нашей моральной и ментальной природы, как каленым железом; отказ от самых сильных импульсов и самых сладких привязанностей; выворачивание самых жизненных нервов. Вы любите свою жену, вы любите своих детей; но разве не было бы легче видеть, как они умирают, чем видеть, как они терпят крайнюю нужду, в которой живут большие классы в каждом высокоразвитом сообществе? Самая сильная из животных страстей - это та, с помощью которой мы цепляемся за жизнь, но в цивилизованных обществах люди каждый день подносят яд ко рту или приставляют пистолеты к голове из страха перед нищетой, и на одного, кто делает это, приходится, вероятно, сотня тех, у кого есть желание, но их сдерживает инстинктивная боязнь, религиозные соображения или семейные узы.

Вполне естественно, что люди должны прилагать все усилия, чтобы вырваться из этого ада нищеты. С импульсом к самосохранению и самоудовлетворению сочетаются более благородные чувства, и любовь, так же как и страх, побуждает к борьбе. Многие мужчины совершают подлые поступки, нечестные поступки, жадные, алчные и несправедливые поступки в попытке поставить выше нужды или страха нужды мать, жену или детей.

И из такого положения вещей возникает общественное мнение, которое использует в качестве движущей силы в борьбе за то, чтобы ухватить и удержать одну из сильнейших — возможно, для многих людей самую сильную — пружин человеческих действий. Желание одобрения, чувство, которое побуждает нас завоевывать уважение, восхищение или симпатию окружающих, является инстинктивным и универсальным. Иногда искаженное до самых ненормальных проявлений, оно, тем не менее, может быть воспринято повсюду. Оно действует как на самого настоящего дикаря, так и на самого высокообразованного члена самого утонченного общества; оно проявляется с первым проблеском интеллекта и сохраняется до последнего вздоха. Оно торжествует над любовью к легкости, над чувством боли, над страхом смерти. Оно диктует самые тривиальные и самые важные действия.

Ребенок, только начинающий ходить или говорить, будет прилагать новые усилия, поскольку его маленькие хитрости привлекают внимание и смех; умирающий властелин мира закутывается в свои одежды, чтобы уйти, став королем; китайские матери будут уродовать ноги своих дочерей жестокими колодками, европейские женщины жертвуют собственным комфортом и комфортом своих семей ради подобных требований моды; полинезиец, чтобы вызвать восхищение своей красивой татуировкой, будет стоять неподвижно, пока его плоть разрывают акулы зубы; североамериканский индеец, привязанный к столбу, будет нести на руках оружие. подвергнется самым жестоким пыткам без единого стога и, чтобы его уважали и восхищались как великим храбрецом, будет подталкивать своих мучителей к новым жестокостям. Именно это порождает безнадежную надежду; именно это зажигает светильник бледного ученика; именно

это побуждает людей бороться, напрягаться, изнурять себя и умирать. Именно он воздвиг пирамиды и зажег Эфесский купол.

Теперь мужчины восхищаются тем, чего они желают. Какой сладкой для пострадавшего от шторма кажется безопасная гавань; пища для голодного, питье для изнывающего от жажды, тепло для дрожащего, отдых для уставшего, сила для слабого, знание для того, в ком пробудились интеллектуальные стремления души. И таким образом, жало нужды и страх нужды заставляют людей превыше всего восхищаться обладанием богатством, а стать богатым - значит стать уважаемым, вызывать восхищение и быть влиятельным. Добывай деньги — честно, если можешь, но в любом случае добывай деньги! Это урок, который общество ежедневно и ежечасно вдальбывает в уши своим членам. Люди инстинктивно восхищаются добродетелью и правдой, но укол нужды и страх перед нуждой заставляют их еще сильнее восхищаться богатыми и сочувствовать удачливым. Хорошо быть честным и справедливым, и люди будут это одобрять; но тот, кто обманом и несправедливостью получит миллион долларов, будет пользоваться большим уважением, восхищением и влиянием, большим вниманием со стороны и на словах, если не сердцем, чем тот, кто откажется от этого. Один может получить свою награду в будущем; он может знать, что его имя записано в Книге Жизни и что для него это белое одеяние и пальмовая ветвь победителя над искушением; но другой получает свою награду в настоящем. Его имя внесено в список “наших состоятельных граждан”; за ним ухаживают мужчины и льстят женщины; лучшая скамья в церкви и личное уважение красноречивого священника, который во имя Христа проповедует Евангелие Погружений и превращает в бессмысленный цветок восточной речи суровую метафору верблюда и игольного ушка. Он может быть покровителем искусств, Меценатом для литераторов; может извлекать пользу из общения умных людей и совершенствоваться за счет истощения утонченных. Его милостыня может накормить бедных, помочь борющимся и принести солнечный свет в безлюдные места; а благородные общественные учреждения увековечат после его ухода его имя и его славу. Не в облике отвратительного чудовища с рогами и хвостом Сатана искушает детей человеческих, но как ангел света. Его обетования касаются не только царств мира, но и ментальных и нравственных начал и сил. Он призывает не только к животным аппетитам, но и к страстным желаниям, которые пробуждаются в человеке, потому что он больше, чем животное.

Возьмем случай с теми несчастными “людьми с грязными руками”, которых можно увидеть в каждом сообществе так же ясно, как Баньян видел их тип в своем видении — которые еще долго после того, как они накопили богатство, достаточное для удовлетворения любого желания, продолжают работать, плести интриги, стремясь приумножить богатство к богатству. Именно желание “кем-то стать”; более того, во многих случаях желание совершать благородные и великодушные поступки положило начало их карьере добывания денег. И то, что побуждает их к этому спустя долгое время после того, как все возможные потребности удовлетворены, что все еще побуждает их к неудовлетворенной и ненасытной жадности, — это не просто сила тиранической привычки, но и более утонченное удовлетворение, которое дает обладание богатством, - чувство власти и влияния, чувство, что на них смотрят снизу вверх и уважают, чувство, что их богатство не просто поднимает их над нуждой, но и делает их заметными людьми в обществе, в котором они живут. Именно это заставляет богатого человека так неохотно расставаться со своими деньгами, так стремиться получить больше.

Санкции закона и предписания религии мало что могут сделать против искушений, которые таким образом вызывают к сильнейшим импульсам нашей природы; и удивительно не то, что люди так эгоистичны, а то, что они не намного более эгоистичны. То, что в нынешних обстоятельствах люди не стали более алчными, более неверными, более эгоистичными, чем они есть на самом деле, доказывает доброту и плодотворность человеческой натуры, непрерывный поток неиссякаемых источников, из которых питаются ее моральные качества. У всех нас есть матери; у большинства из нас есть дети, и поэтому вера, чистота и бескорыстие никогда не могут быть полностью изгнаны из мира, какими бы плохими ни были социальные изменения.

Но все, что способно ко злу, может стать мощным и для добра. Изменение, которое я предложил, разрушило бы условия, искажающие благотворные импульсы сами по себе, и превратило бы силы, которые сейчас стремятся разложить общество, в силы, которые стремятся объединить и очистить его.

Предоставьте трудящимся свободное поле деятельности и полный заработок; используйте на благо всего сообщества тот фонд, который создает рост сообщества, и нужда и страх перед нуждой исчезли бы. Пружины производства были бы высвобождены, и огромный рост богатства обеспечил бы беднейшим достаточный комфорт. Мужчины будут беспокоиться о поиске работы не больше, чем о поиске воздуха для дыхания; им нужно заботиться о физических потребностях не больше, чем полевым лилиям. Прогресс науки, шествие изобретений, распространение знаний принесли бы свои выгоды всем.

С этим уничтожением нужды и страха перед нуждой восхищение богатством пришло бы в упадок, и люди стали бы добиваться уважения и одобрения своих собратьев другими способами, а не путем приобретения и демонстрации богатства. Таким образом, к управлению общественными делами и распоряжению общими фондами были бы привлечены навыки, внимание, верность и неподкупность, которые сейчас могут быть обеспечены только в частных интересах, и железная дорога или газовый завод могли бы эксплуатироваться за государственный счет не только более экономично и результативно, чем в настоящее время, при совместном управлении акциями, но и настолько экономно и результативно, насколько это было бы возможно при единоличном владении. Призом олимпийских игр, которые потребовали самых напряженных усилий всей Греции, был всего лишь венок из дикой оливы; за кусочек ленточки мужчины снова и снова оказывали услуги, которые нельзя было купить ни за какие деньги.

Близорукой является философия, которая рассчитывает на эгоизм как на главный мотив человеческих действий. Она слепа к фактам, которыми полон мир. Оно не видит настоящего и неправильно читает прошлое. Если вы хотите побудить людей к действию, к чему вы будете апеллировать? Не к их карманам, а к их патриотизму; не к эгоизму, а к сочувствию. Личный интерес - это, так сказать, механическая сила - мощная, это правда; способная к большим и масштабным результатам. Но в природе человека есть то, что можно сравнить с химической силой; которая плавит, сплавляет и сокрушает; для которой нет ничего невозможного. "Все, что есть у человека, он отдаст за свою жизнь" — это эгоизм. Но в верности высшим побуждениям люди отдадут даже жизнь.

Это не эгоизм, который обогащает летопись каждого народа героями и святыми. Это не эгоизм, который на каждой странице мировой истории вспыхивает внезапным блеском благородных

поступков или проливает мягкое сияние доброжелательной жизни. Не эгоизм повернул Гаутаму спиной к его королевскому дому или приказал Орлеанской деве снять меч с алтаря; не он удерживал Триста человек при Фермопильском проходе; не Винкельрид спрятал за пазухой связку копий; не он приковал Винсента де Поля к скамье галеры; не он приводил маленьких голодающих детей во время индийского голода, ковыляющих к станциям помощи с еще более слабыми голодающими на руках. Называйте это религией, патриотизмом, сочувствием, энтузиазмом по отношению к человечеству или любовью к Богу — называйте как хотите; но все же есть сила, которая преодолевает и изгоняет эгоизм; сила, которая является электричеством моральной вселенной; сила, перед которой все остальные слабы. Повсюду, где жили люди, она проявляла свою силу, и сегодня, как никогда, мир полон ею. Достоин жалости тот, кто никогда не видел и не чувствовал этого. Оглянитесь вокруг! среди обычных мужчин и женщин, среди забот и борьбы повседневной жизни, в толчее шумной улицы и среди убожества, где прячется нужда, — повсюду темнота, освещенная трепетной игрой ее мерцающего пламени. Тот, кто не видел этого, ходил с закрытыми глазами. Тот, кто присмотрится, может увидеть, как говорит Плутарх, что “душа имеет в себе принцип доброты и рождена любить, а также воспринимать, думать или помнить”.

И эту совокупность сил, которая сейчас растрачивается впустую или принимает извращенные формы, мы можем использовать для укрепления, созидания и облагораживания общества, если только захотим, точно так же, как сейчас мы используем физические силы, которые когда-то казались всего лишь силами разрушения. Все, что нам нужно сделать, это всего лишь дать ему свободу и размах. Зло, порождающее неравенство; зло, которое посреди изобилия мучает людей нуждой или изводит их страхом перед нуждой; которое задерживает их физически, унижает интеллектуально и искажает морально, — это единственное, что препятствует гармоничному социальному развитию. Ибо “все, что исходит от богов, полно провидения. Мы созданы для сотрудничества — как ноги, как руки, как веки, как ряды верхних и нижних зубов”.

Есть люди, которым и в голову не приходит представить себе какое—либо лучшее состояние общества, чем то, которое существует сейчас, — которые воображают, что идея о том, что могло бы быть такое состояние общества, при котором жадность была бы изгнана, тюрьмы пустовали, индивидуальные интересы были бы подчинены общим интересам, и никто не стремился грабить или угнетать своего ближнего, является всего лишь мечтой непрактичных мечтателей, к которым эти практичные уравновешенные люди, гордящиеся признанием фактов такими, какие они есть, питают искреннее презрение. Но такие люди — хотя некоторые из них пишут книги, некоторые из них занимают кафедры в университетах, а некоторые стоят за кафедрами — не думают.

Если бы они привыкли обедать в таких забегаловках, какие можно найти в нижних кварталах Лондона и Парижа, где ножи и вилки прикованы цепями к столу, они сочли бы естественным, неискоренимым свойством человека таскать с собой нож и вилку, которыми он ел.

Возьмите компанию хорошо воспитанных мужчин и женщин, обедающих вместе. Здесь нет борьбы за пищу, нет попыток со стороны кого-либо получить больше, чем его сосед; нет попыток наесться или что-то утащить. Напротив, каждый стремится помочь своему ближнему, прежде чем тот отведаст сам; предлагать другим лучшее, а не выбирать самому; и если кто-либо проявит малейшую склонность предпочитать удовлетворение собственного аппетита аппетиту других или каким-либо образом вести себя как свинья или воришка, быстрое и суровое

наказание в виде общественного презрения и остракизма покажет, насколько такое поведение осуждается общим мнением.

Все это настолько обыденно, что не вызывает никаких замечаний и кажется естественным положением вещей. И все же то, что люди не должны быть жадными до еды, не более естественно, чем то, что они не должны быть жадными до богатства. Они *становятся* жадными до еды, когда не уверены, что будет справедливое распределение, при котором каждому достанется достаточно. Но когда эти условия обеспечены, они перестают быть жадными до еды. И вот в обществе, как оно устроено в настоящее время, люди жадны до богатства, потому что условия распределения настолько несправедливы, что вместо того, чтобы каждый был уверен в достаточности, многие наверняка будут обречены на нужду. Это “дьявольская уловка сзади” нынешних социальных преобразований, которая вызывает гонку и борьбу за богатство, в которой попираются все соображения справедливости, милосердия, религии и чувства; в которой люди забывают о своих собственных душах и борются на самом краю могилы за то, что они не могут вынести за пределы. Но справедливое распределение богатства, которое освободило бы всех от страха нужды, уничтожило бы алчность к богатству, точно так же, как в приличном обществе была уничтожена алчность к еде.

На переполненных пароходах ранних калифорнийских линий часто наблюдалась заметная разница в манерах пассажиров третьего класса и салона, что иллюстрирует этот принцип человеческой природы. В третьем классе, как и в каюте, было в изобилии накормлено, но в первом не было правил, гарантирующих эффективное обслуживание, и прием пищи превратился в перебранку. Напротив, в каюте, где каждому было отведено свое место и можно было не опасаться, что каждый не насытится, не было такой суматохи и расточительства, какие наблюдались в третьем классе. Разница заключалась не в характере людей, а просто в этом факте. Пассажир, переведенный в каюту третьего класса, участвовал бы в жадном порыве, а пассажир, переведенный в каюту третьего класса, сразу же стал бы благопристойным и вежливым. Такое же различие проявилось бы и в обществе в целом, если бы нынешнее несправедливое распределение богатства было заменено справедливым распределением.

Подумайте об этом существующем факте культурного и утонченного общества, в котором все более грубые страсти сдерживаются не силой, не законом, а общим мнением и обоюдным желанием доставить удовольствие. Если это возможно для части сообщества, то возможно и для всего сообщества. Существуют состояния общества, в которых каждый должен быть вооружен - в которых каждый должен держать себя в готовности защищать личность и собственность сильной рукой. Если мы продвинулись дальше этого, мы можем продвинуться еще дальше.

Но можно сказать, что искоренить нужду и страх перед нуждой означало бы уничтожить стимул к напряжению; люди стали бы просто бездельниками, и такое счастливое состояние общего комфорта и довольства стало бы смертью прогресса. Это старый аргумент рабовладельцев, что мужчин можно заставить работать только плетью. Нет ничего более неправдивого.

Нужда может быть изгнана, но желание останется. Человек - неудовлетворенное животное. Он только начал исследовать, и вселенная лежит перед ним. Каждый шаг, который он делает, открывает новые перспективы и разжигает новые желания. Он - созидательное животное; он строит, он совершенствует, он изобретает и собирает воедино, и чем грандиознее то, что он делает, тем грандиознее то, что он хочет сделать. Он больше, чем животное. Каким бы ни был

разум, которым дышит природа, именно по этому подобию создан человек. Пароход, движимый своими пульсирующими двигателями по морю, по своей сути, хотя и не в такой степени, является таким же творением, как кит, который плавает под ним. Телескоп и микроскоп - что это, как не дополнительные глаза, которые мужчина создал для себя сам; мягкие опашала и светлые расцветки, в которые одеваются наши женщины, разве они не соответствуют оперению, которым природа наделила птицу? Человек, должно быть, что-то делает или воображает, что он что-то делает, ибо в нем пульсирует творческий импульс; простой греющийся на солнышке человек - не естественный, а ненормальный.

Как только ребенок научится управлять своими мускулами, он начнет лепить пироги из грязи или наряжать куклу; его игра - всего лишь имитация работы старших; сама его деструктивность проистекает из желания что-то делать, из удовлетворения от того, что он сам чего-то добился. Не существует такой вещи, как погоня за удовольствием ради самого удовольствия. Сами наши развлечения забавляют только такими, какие они есть, или имитируют изучение или выполнение чего-либо. В тот момент, когда они перестают взывать либо к нашей любознательности, либо к нашим конструктивным способностям, они перестают забавлять. Читателю романа будет неинтересно, если ему расскажут, чем именно закончится история; только шанс и мастерство, задействованные в игре, позволяют игроку в карты "убивать время", перетасовывая кусочки картона. Роскошное легкомыслие Версаля было возможно для людей только потому, что король думал, что управляет королевством, а придворные стремились к новым почестям и пенсиям. Люди, ведущие так называемую жизнь в моде и удовольствиях, должны иметь в виду какую-то другую цель, иначе они умрут от скуки; они поддерживают это только потому, что воображают, что таким образом добиваются положения, заводят друзей или повышают шансы своих детей. Заприте человека и откажите ему в работе, и он должен либо умереть, либо сойти с ума.

Человеку противен не труд сам по себе; не естественная необходимость прилагать усилия является проклятием. Это всего лишь труд, который ничего не производит, усилие, результатов которого он не может видеть. Трудиться день за днем и при этом получать лишь самое необходимое для жизни - это действительно тяжело; это похоже на адское наказание, когда человека заставляют качать насос, чтобы он не утонул, или тащиться по беговой дорожке, чтобы его не раздавило. Но, освобожденные от этой необходимости, люди работали бы только усерднее и лучше, ибо тогда они работали бы так, как подсказывали им их склонности; тогда казалось бы, что они действительно делают что-то для себя или для других. Была ли жизнь Гумбольдта праздной? Франклин не нашел себе занятия, когда ушел из типографии, имея достаточно средств к существованию? Герберт Спенсер - отстающий? Рисовал ли Микеланджело для досок и одежды?

Дело в том, что работа, улучшающая состояние человечества, работа, расширяющая знания и увеличивающая власть, обогащающая литературу и возвышающая мысль, делается не для того, чтобы обеспечить себе жизнь. Это не работа рабов, которых подгоняет к выполнению своей задачи либо кнут хозяина, либо животная потребность. Это работа людей, которые выполняют ее ради нее самой, а не для того, чтобы получить больше еды или питья, одежды или напоказ. В обществе, где была бы ликвидирована нужда, объем работы такого рода был бы чрезвычайно увеличен.

Я склонен думать, что результатом конфискации ренты предложенным мной способом было бы принятие организацией труда, где бы ни использовались крупные капиталы, кооперативной формы, поскольку более равномерное распределение богатства объединило бы капиталиста и рабочего в одном лице. Но будет ли это так или нет, не имеет большого значения. Исчезнет тяжелый рутинный труд. Заработная плата была бы слишком высока, а возможности слишком велики, чтобы заставить любого человека скупиться и морить голодом высшие качества своей натуры, и в каждом деле ум помогал бы руке. Работа, даже более грубая, стала бы легким занятием, и тенденция современного производства к разделению не повлекла бы за собой монотонности или сокращения способностей работника; но облегчалась бы коротким рабочим днем, переменами, чередованием интеллектуальных занятий с физическими. Это привело бы не только к растрате производительных сил, которые сейчас расходуются впустую; не только к полному использованию наших нынешних знаний, которые сейчас применяются так несовершенно; но и к появлению мобильности рабочей силы и умственной деятельности, которые привели бы к прогрессу в методах производства, который мы сейчас не можем себе представить.

Ибо величайшая из всех огромных потерь, с которыми сопряжено нынешнее устройство общества, - это потеря умственной силы. Как бесконечно малы силы, способствующие развитию цивилизации, по сравнению с силами, которые лежат в скрытом состоянии! Как мало мыслителей, первооткрывателей, изобретателей, организаторов по сравнению с огромной массой людей! И все же таких людей рождается много; именно условия позволяют столь немногим развиваться. Среди людей существуют бесконечные различия в способностях и склонностях, как существуют такие бесконечные различия в физическом строении, что среди миллиона не найдется двух, которых нельзя было бы отличить друг от друга. Но как на основании наблюдений, так и размышлений я склонен думать, что различия в природной мощи не больше, чем различия в росте или физической силе. Обратитесь к жизнеописаниям великих людей и посмотрите, как легко о них можно было бы никогда не слышать. Если бы Цезарь происходил из пролетарской семьи; если бы Наполеон появился на свет несколькими годами раньше; если бы Колумб пошел в церковь вместо того, чтобы отправиться в море; если бы Шекспир был учеником сапожника или трубочиста; если бы сэр Исаак Ньютон получил волею судьбы образование и тяжкий труд сельскохозяйственного рабочего; если бы доктор Адам Смит родился на угольных копях или Герберт Спенсер был вынужден зарабатывать на жизнь рабочим на фабрике, какую пользу принесли бы их таланты? Но, скажут, были бы другие цезари или Наполеоны, Колумбы или Шекспиры, Ньютоны, Смиты или Спенсеры. Это правда. И это показывает, насколько плодотворна наша человеческая природа. Как обычный работник по нужде превращается в пчелиную матку, так и, когда обстоятельства благоприятствуют его развитию, то, что в противном случае могло бы сойти за обычного человека, превращается в героя или лидера, первооткрывателя или учителя, мудреца или святого. Так широко сеятель разбросал семя, так велика зародышевая сила, которая заставляет его распускаться. Но, увы, каменистая почва, птицы и плевелы! Для того, кто достигает своего полного роста, сколько людей низкорослы и деформированы.

Воля внутри нас - это высший факт сознания. И все же, как мало у лучших из нас в приобретениях, в положении, даже в характере того, что можно приписать исключительно самим себе; как много - влияниям, которые сформировали нас. Кто здесь есть, мудрый, образованный, сдержанный или сильный, кто не смог бы, если бы он проследил внутреннюю историю своей жизни, обратиться, подобно Императору-Стоику, к благодарности богам за то,

что тот, другой, здесь и там подавали ему хорошие примеры, его посещали благородные мысли и перед ним открывались счастливые возможности? Кто здесь, кто, оглядевшись вокруг, достиг расцвета жизни, кто иногда не повторял мысль благочестивого англичанина, когда преступник шел на виселицу: “Если бы не милость Божья, вот и я”. Как мало значит наследственность по сравнению с условиями? Этот, как мы говорим, является результатом тысячи лет европейского прогресса, а тот - результатом тысячи лет китайского окаменения; тем не менее, помести младенца в сердце Китая, и, если бы не угол наклона глаз или оттенок волос, европеец вырос бы таким же, как окружающие его, используя ту же речь, думая те же мысли, проявляя те же вкусы. Измените леди Вер де Вер в ее колыбели с младенцем из трущоб, и даст ли вам кровь сотни графов утонченную и культурную женщину?

Устранить нужду и страх перед нуждой, дать всем классам досуг, комфорт и независимость, благопристойность и утонченность жизни, возможности умственного и нравственного развития - все равно что превратить воду в пустыню. Бесплодная пустошь покроется зеленью, а бесплодные места, где, казалось, жизнь под запретом, вскоре будут покрыты тенью деревьев и музыкальны пением птиц. Скрытые ныне таланты, о которых никто не подозревал, проявятся, чтобы сделать человеческую жизнь богаче, полнее, счастливее, благороднее. Ибо в этих круглых людях, которых засовывают в треугольные дыры, и в треугольных людях, которых засовывают в круглые дыры; в этих людях, которые растрачивают свою энергию в борьбе за богатство; в тех, кого на фабриках превращают в китайцев или по необходимости приковывают к верстаку или плугу; в этих детях, растущих в нищете, пороке и невежестве, заключены силы высшего порядка, таланты самые великолепные. Им нужна лишь возможность проявить себя.

Подумайте о возможностях общества, которое предоставило такую возможность всем. Позвольте воображению заполнить картину; ее краски становятся слишком яркими, чтобы их можно было описать словами. Подумайте о нравственном возвышении, интеллектуальной деятельности, социальной жизни. Подумайте о том, как посредством тысячи действий и взаимодействий члены каждого сообщества связаны друг с другом, и как при нынешнем положении вещей даже те немногие счастливицы, которые стоят на вершине социальной пирамиды, должны страдать, хотя и не знают этого, от нужды, невежества и деградации, которые находятся внизу. Обдумайте все это, а затем скажите, не пойдет ли изменение, которое я предлагаю, на пользу каждому, даже самому крупному землевладельцу? Разве он не был бы в большей безопасности для будущего своих детей, оставив их без гроша в кармане при таком состоянии общества, чем оставив им самое большое состояние в этом? Если бы такое состояние общества где-нибудь существовало, разве он не купил бы вход в него дешево, отказавшись от всего своего имущества?

Теперь я проследил их источник - социальную слабость и болезнь. Я показал лекарство. Я рассмотрел каждый пункт и ответил на каждое возражение. Но проблемы, которые мы рассматривали, какими бы великими они ни были, переходят в проблемы еще более масштабные - в величайшие проблемы, с которыми может справиться человеческий разум. Я собираюсь попросить читателя, который зашел со мной так далеко, пойти со мной дальше, в еще более высокие области. Но я прошу его помнить, что в том небольшом пространстве, которое остается от пределов, которыми должна быть ограничена эта книга, я не могу полностью осветить возникающие вопросы. Я могу лишь предложить некоторые мысли, которые, возможно, послужат подсказками для дальнейших размышлений.

КНИГА X. ЗАКОН ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПРОГРЕССА.

ГЛАВА I. СОВРЕМЕННАЯ ТЕОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПРОГРЕССА —ЕЕ НЕДОСТАТОЧНОСТЬ.

ГЛАВА II. РАЗЛИЧИЯ В ЦИВИЛИЗАЦИИ — С ЧЕМ СВЯЗАНЫ.

ГЛАВА III. ЗАКОН ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПРОГРЕССА.

ГЛАВА IV. КАК СОВРЕМЕННАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ МОЖЕТ ПРИЙТИ В УПАДОК.

ГЛАВА V. — ГЛАВНАЯ ИСТИНА.

Что во мне темного

Просветите, что такое низкий подъем и поддержка;

Это в разгар этого великого спора

Я могу утверждать, что вечное Провидение

И оправдывать пути Божьи перед людьми.

—Милтон.

ГЛАВА I. СОВРЕМЕННАЯ ТЕОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПРОГРЕССА —ЕЕ НЕДОСТАТОЧНОСТЬ.

Если выводы, к которым мы пришли, верны, они подпадают под более широкое обобщение.

Поэтому давайте возобновим наше исследование с более высокой точки зрения, откуда мы сможем обозревать более широкую область.

Каков закон человеческого прогресса?

Это вопрос, который, если бы не то, что было сказано ранее, я бы не решился рассматривать в том кратком пространстве, которое я могу сейчас посвятить ему, поскольку он затрагивает, прямо или косвенно, некоторые из самых серьезных проблем, с которыми может заниматься

человеческий разум. Но этот вопрос возникает естественным образом. Согласуются ли выводы, к которым мы пришли, с великим законом, по которому продолжается развитие человечества?

Что это за закон? Мы должны найти ответ на наш вопрос; ибо современная философия, хотя и ясно признает существование такого закона, дает о нем не более удовлетворительное объяснение, чем современная политическая экономия о сохранении нужды на фоне растущего богатства.

Давайте, насколько это возможно, придерживаться твердой почвы фактов. Нет необходимости выяснять, произошел человек от животного или нет. Какой бы тесной ни была связь между вопросами, относящимися к человеку таким, каким мы его знаем, и вопросами, относящимися к его происхождению, только от первого можно пролить свет на последнее. Вывод не может идти от неизвестного к известному. Только из фактов, которые нам известны, мы можем сделать вывод о том, что предшествовало осознанию.

Как бы ни возник человек, все, что мы знаем о нем, — это как о человеке - именно таком, каким его можно найти сейчас. Нет никаких записей или следов о нем в каком-либо более низком состоянии, чем то, в котором до сих пор встречаются дикари. По какому бы мосту он ни пересек широкую пропасть, которая теперь отделяет его от зверей, от нее не осталось и следа. Между низшими дикарями, о которых мы знаем, и высшими животными существует непримиримое различие — различие не только в степени, но и в роде. Многие из характеристик, действий и эмоций человека проявляются низшими животными; но человек, независимо от того, насколько низко он стоит на шкале человечности, еще никогда не был обнаружен лишенным чего-то, чего ни у одного животного нет ни малейшего следа, чего-то четко узнаваемого, но почти неопределимого, что дает ему способность к совершенствованию - что делает его прогрессивным животным.

Бобр строит плотину, птица - гнездо, а пчела - ячейку; но в то время как плотины бобров, птичьи гнезда и пчелиные соты всегда строятся по одному и тому же образцу, дом человека превращается из грубой хижины из листьев и веток в великолепный особняк, изобилующий современными удобствами. Собака может в определенной степени связывать причину и следствие, и ее можно научить некоторым трюкам; но ее способности в этих отношениях ни на йоту не возросли за все те века, что она была помощником в совершенствовании человека, и собака цивилизации ни на йоту не более опытна или умна, чем собака бродячего дикаря. Мы не знаем ни одного животного, которое пользовалось бы одеждой, готовило бы себе пищу, изготавливало бы себе инструменты или оружие, разводило бы других животных, которых оно хотело бы съесть, или обладало членораздельным языком. Но людей, которые не делают подобных вещей, еще никто не находил и о них не слышали, разве что в баснях. Иными словами, человек, где бы мы его ни знали, проявляет эту способность — дополнять то, что природа сделала для него, тем, что он делает для себя сам; и, фактически, физические способности человека настолько низки, что нет ни одной части мира, за исключением, возможно, некоторых небольших островов Тихого океана, где без этой способности он мог бы поддерживать существование.

Человек везде и во все времена проявляет эту способность — везде и во все времена, о которых нам известно, он каким-то образом использовал ее. Но степень, в которой это было сделано, сильно различается. Между грубым каноэ и пароходом; между бумерангом и самозарядной винтовкой; между грубо вырезанным деревянным идолом и дышащим мрамором греческого

искусства; между первобытным знанием и современной наукой; между диким индейцем и белым поселенцем; между женщиной-готтентоткой и красавицей изысканного общества существует огромная разница.

Различную степень использования этой способности нельзя приписать различиям в первоначальных способностях — наиболее высокоразвитые народы наших дней были дикарями в исторические времена, и мы сталкиваемся с широчайшими различиями между народами одного и того же происхождения. Их также нельзя полностью списать на различия в физической среде — колыбели образования и искусств сейчас во многих случаях принадлежат варварам, и в течение нескольких лет на охотничьих угодьях диких племен вырастают большие города. Все эти различия, очевидно, связаны с социальным развитием. Помимо, возможно, самых элементарных черт, для человека становится возможным совершенствоваться только тогда, когда он живет со своими собратьями. Таким образом, все эти улучшения в силах и состоянии человека мы обобщаем термином "цивилизация". Люди совершенствуются по мере того, как они становятся цивилизованными или учатся сотрудничать в обществе.

Каков закон этого совершенствования? С помощью какого общего принципа мы можем объяснить различные стадии цивилизации, на которые пришли разные сообщества? В чем по существу заключается прогресс цивилизации, так что мы можем сказать о различных социальных приспособлениях, что это способствует ему, а что нет; или объяснить, почему институт или условие, которые могут в одно время продвинуть его, в другое время могут его затормозить?

В настоящее время преобладает мнение, что прогресс цивилизации — это развитие, в ходе которого силы человека возрастают, а его качества улучшаются под действием причин, сходных с теми, на которые полагаются как на объяснение генезиса видов, а именно, выживания наиболее приспособленных и наследственной передачи приобретенных качеств.

В том, что цивилизация есть эволюция — что это, выражаясь языком Герберта Спенсера, прогресс от неопределенной, бессвязной однородности к определенной, когерентной гетерогенности, — сомнений нет; но утверждать это не значит объяснять или идентифицировать причины, которые продвигают или замедляют ее. Насколько широкие обобщения Спенсера, которые стремятся объяснить все явления в терминах материи и силы, могут, при правильном понимании, включать все эти причины, я сказать не могу; но в научном изложении философия развития либо еще не ответила определенно на этот вопрос, либо породила, или, скорее, связала, мнение, которое не согласуется с фактами.

Вульгарное объяснение прогресса, я думаю, очень похоже на точку зрения, естественно принятую делателем денег на причины неравномерного распределения богатства. Его теория, если она у него есть, обычно заключается в том, что те, у кого есть воля и способности, могут заработать много денег, и что именно невежество, или праздность, или расточительность делают разницу между богатыми и бедными. Таким образом, общепринятое объяснение различий в цивилизациях заключается в различиях в способностях. Цивилизованные расы являются высшими расами, и прогресс цивилизации соответствует этому превосходству — точно так же, как английские победы были, по общему мнению англичан, обусловлены естественным превосходством англичан над французами, поедающими лягушек; а народное правительство, активная изобретательность и большой средний комфорт, по общему мнению

американцев, обусловлены или были до недавнего времени большей “сообразительностью нации янки”.

Итак, точно так же, как политико-экономические доктрины, с которыми мы познакомились в начале этого исследования и которые мы опровергли, согласуются с общим мнением людей, которые видят, что капиталисты платят заработную плату, а конкуренция снижает заработную плату; точно так же, как мальтузианская теория согласуется с существующими предрассудками как богатых, так и бедных; так и объяснение прогресса как постепенного улучшения расы согласуется с вульгарным мнением, объясняющим расовые различия различиями в цивилизации. Это придало согласованность и научную формулировку мнениям, которые уже преобладали. Его удивительное распространение с тех пор, как Дарвин впервые поразил мир своим “Происхождением видов”, было не столько завоеванием, сколько ассимиляцией.

Точка зрения, которая сейчас господствует в мире мысли, такова: борьба за существование, точно по мере того, как она становится интенсивной, побуждает людей к новым усилиям и изобретениям. Что это улучшение и способность к совершенствованию закрепляются наследственной передачей и расширяются за счет тенденции наиболее адаптированного индивидуума или наиболее усовершенствованного индивидуума выживать и размножаться среди индивидуумов, а также наиболее адаптированного или наиболее усовершенствованного племени, нации или расы выживать в борьбе между социальными совокупностями. Согласно этой теории, различия между человеком и животными и различия в относительном прогрессе людей теперь объясняются так же уверенно и почти так же обобщенно, как некоторое время назад они объяснялись на основе теории особого творения и божественного вмешательства.

Практическим результатом этой теории является своего рода обнадеживающий фатализм, которым полна современная литература.⁵⁷ С этой точки зрения прогресс является результатом сил, которые медленно, неуклонно и безжалостно работают над возвышением человека. Война, рабство, тирания, суеверия, голод и эпидемии, нужда и убожество, которые царят в современной цивилизации, являются движущими причинами, которые движут человеком вперед, устраняя более бедные типы и распространяя более высокие; а наследственная передача - это сила, с помощью которой фиксируется прогресс, а прошлые достижения создают основу для новых достижений. Индивид является результатом изменений, таким образом запечатленных и увековеченных в длинном ряду прошлых индивидов, а социальная организация черпает свою форму из индивидов, из которых она состоит. Таким образом, хотя эта теория, как говорит Герберт Спенсер⁵⁸, “радикальна” в степени, превосходящей все, что постигает современный радикализм”; поскольку она ищет изменений в самой природе человека; в то же время она “консервативна в степени, превосходящей все, что постигает современный консерватизм”, поскольку утверждает, что никакие изменения не могут принести пользы, кроме этих медленных изменений в природе людей. Философы могут учить, что это не умаляет обязанности пытаться исправить злоупотребления, точно так же, как теологи, проповедовавшие предопределение, настаивали на обязанности всех бороться за спасение; но, как обычно понимается, результатом является фатализм— “что бы мы ни делали, мельницы богов продолжают работать, независимо от нашей помощи или помех”. Я упоминаю об этом только для иллюстрации того, что я считаю мнением, которое сейчас быстро распространяется и пронизывает обычную мысль; не то, чтобы в поисках истины какое-либо отношение к ее последствиям могло повлиять на разум. Но я полагаю, что это современный взгляд на цивилизацию: что она является результатом действия

сил, действующих указанным образом, которые медленно меняют характер, улучшают и возвышают способности человека; что разница между цивилизованным человеком и дикарем заключается в длительном расовом воспитании, которое надолго закрепилось в психической организации; и что это совершенствование имеет тенденцию продолжаться все дальше, к все более и более высокой цивилизации. Мы достигли такой точки, когда прогресс кажется для нас естественным, и мы с уверенностью ожидаем великих достижений грядущей расы — некоторые даже считают, что прогресс науки, наконец, даст людям бессмертие и позволит им совершать телесные путешествия не только по планетам, но и по неподвижным звездам и, наконец, создавать солнца и системы для себя.⁵⁹

Но, не паря к звездам, в тот момент, когда эта теория прогресса, которая кажется нам такой естественной среди развивающейся цивилизации, осматривает мир, она сталкивается с огромным фактом — неподвижными, окаменевшими цивилизациями. Большинство людей сегодня не имеют представления о прогрессе; большинство людей сегодня смотрят (как еще несколько поколений назад смотрели наши собственные предки) на прошлое как на время человеческого совершенства. Разницу между дикарем и цивилизованным человеком можно объяснить, исходя из теории, что первый еще настолько несовершенно развит, что его прогресс едва заметен; но как, исходя из теории, что человеческий прогресс является результатом общих и непрерывных причин, мы можем объяснить цивилизации, которые продвинулись так далеко, а затем остановились? Нельзя сказать об индусе и китайце, как можно сказать о дикарях, что наше превосходство является результатом более длительного воспитания; что мы, так сказать, взрослые люди природы, в то время как они - дети. Индусы и китайцы были цивилизованными, когда мы были дикарями. У них были большие города, высокоорганизованные и могущественные правительства, литература, философия, изысканные манеры, значительное разделение труда, крупная торговля и сложные искусства, в то время как наши предки были кочующими варварами, живущими в хижинах и кожаных палатках, ни на йоту не более развитыми, чем американские индейцы. Пока мы продвигались от этого дикого состояния к цивилизации девятнадцатого века, они стояли на месте. Если прогресс является результатом неизменных законов, неизбежных и вечных, которые толкают людей вперед, то как мы должны это объяснить?

Один из лучших популярных толкователей философии развития, Уолтер Бейджхот (“Физика и политика”), признает силу этого возражения и пытается объяснить его следующим образом: первое, что необходимо для цивилизования человека, - это приручить его; побудить его жить в обществе своих братьев, подчиняясь закону; и, следовательно, растет совокупность или “пирог” законов и обычаев, усиливающийся и расширяющийся естественным отбором, племя или нация, связанные таким образом, имеют преимущество перед теми, кто таковыми не является. Что этот пирог из обычаев и законов в конце концов становится слишком толстым и твердым, чтобы допустить дальнейший прогресс, который может продолжаться только по мере возникновения обстоятельств, вызывающих дискуссию и, таким образом, обеспечивающих свободу и мобильность, необходимые для совершенствования.

Это объяснение, которое мистер Бейджхот предлагает, как он говорит, с некоторыми опасениями, я думаю, в ущерб общей теории. Но об этом не стоит говорить, поскольку это, очевидно, не объясняет фактов.

Тенденция к ожесточению, о которой говорит м-р Бейджхот, проявилась бы в очень ранний период развития, и его иллюстрации к ней почти все взяты из дикой или полудикой жизни. Принимая во внимание, что эти остановленные цивилизации прошли большое расстояние, прежде чем остановились. Должно быть, было время, когда они были очень развиты по сравнению с диким состоянием, и все же были пластичными, свободными и прогрессирующими. Эти остановившиеся цивилизации остановились на точке, которая едва ли в чем-то уступала, а во многих отношениях и превосходила европейскую цивилизацию, скажем, шестнадцатого или, по крайней мере, пятнадцатого века. До этого момента, должно быть, шло обсуждение, приветствие того, что было новым, и всевозможная умственная деятельность. У них были архитекторы, которые довели искусство строительства, обязательно с помощью ряда инноваций или усовершенствований, до очень высокой точки; кораблестроители, которые таким же образом, внедряя новшество за новшеством, в конце концов создали судно такого же качества, как военные корабли Генриха VIII; изобретатели, которые остановились только на пороге наших самых важных усовершенствований, и у некоторых из которых мы все еще можем учиться; инженеры, которые построили огромные ирригационные сооружения и судоходные каналы; соперничающие философские школы и противоречивые религиозные идеи. Одна великая религия, во многих отношениях напоминающая христианство, возникла в Индии, вытеснила старую религию, проникла в Китай, захлестнув эту страну, и снова была вытеснена на свои старые места, точно так же, как христианство было вытеснено на свои первые места. Была жизнь, и активная жизнь, и инновации, которые порождают улучшения, задолго до того, как люди научились жить вместе. И, более того, и Индия, и Китай получили вливание новой жизни от рас-завоевателей с различными обычаями и образом мышления.

Самой застывшей и окаменевшей из всех цивилизаций, о которых мы что-либо знаем, была египетская, где даже искусство в конце концов приняло условную и негибкую форму. Но мы знаем, что за этим, должно быть, стояло время жизни и энергии — свежеразвивающаяся и расширяющаяся цивилизация, подобная нашей сейчас, — иначе искусство и науки никогда не достигли бы такого уровня. А недавние раскопки выявили из-под того, что мы раньше знали о Египте, еще более ранний Египет — в статуях и резьбе, которые вместо жесткого и формального шрифта излучают жизнь и экспрессию, которые показывают искусство борющимся, пылким, естественным и свободным, верный признак активной и расширяющейся жизни. Так, должно быть, было когда-то со всеми ныне не прогрессирующими цивилизациями.

Но современная теория развития не учитывает не только эти остановленные цивилизации. Дело не просто в том, что люди зашли так далеко по пути прогресса, а затем остановились; дело в том, что люди зашли далеко по пути прогресса, а затем вернулись назад. Таким образом, теории противостоит не просто изолированный случай — *это универсальное правило*. Каждая цивилизация, которую когда-либо видел мир, переживала свой период энергичного роста, остановки и застоя; свой упадок. Из всех цивилизаций, которые возникали и процветали, сегодня остались только те, которые были остановлены, и наша собственная, которая еще не так стара, как были пирамиды, когда Авраам смотрел на них, в то время как за пирамидами стояли двадцать веков письменной истории.

То, что наша собственная цивилизация имеет более широкую базу, относится к более высокоразвитому типу, движется быстрее и взлетает выше, чем любая предшествующая цивилизация, несомненно верно; но в этих отношениях она едва ли опережает греко-римскую цивилизацию больше, чем та, которая опережала азиатскую цивилизацию; и если бы это было

так, это ничего не доказывало бы относительно ее постоянства и будущего прогресса, если только не будет показано, что она превосходит в тех вещах, которые привели к окончательному провалу ее предшественников. Современная теория этого не предполагает.

По правде говоря, ничто не может быть дальше от объяснения фактов всеобщей истории, чем теория о том, что цивилизация является результатом естественного отбора, направленного на улучшение и возвышение способностей человека. То, что цивилизация возникла в разное время в разных местах и прогрессировала с разной скоростью, не противоречит этой теории; ибо это могло быть результатом неравномерного уравнивания движущих и сопротивляющихся сил; но тот прогресс, который повсюду начинается, ибо даже среди низших племен считается, что был некоторый прогресс, нигде не был непрерывным, но везде приводил к остановке или регрессу, *is* абсолютно непоследователен. Ибо, если бы прогресс действовал, чтобы зафиксировать улучшение в природе человека и, таким образом, произвести дальнейший прогресс, хотя иногда могли бы быть перерывы, все же общим правилом было бы то, что прогресс был бы непрерывным — что прогресс вел бы за собой прогресс, и цивилизация переросла бы в более высокую цивилизацию.

Не просто общее правило, но *универсальное правило*, противоположное этому. Земля - это могила мертвых империй, не меньше, чем мертвых людей. Вместо того чтобы прогресс способствовал еще большему прогрессу людей, каждая цивилизация, которая в свое время была такой же энергичной и развивающейся, как наша сейчас, сама по себе остановилась. Снова и снова искусство приходило в упадок, знания угасали, власть ослабевала, население сокращалось, пока люди, которые строили великие храмы и могущественные города, поворачивали реки и пронзали горы, возделывали землю, как сад, и вносили предельную утонченность в мельчайшие жизненные дела, не остались всего лишь жалкими варварами, которые потеряли даже память о том, что делали их предки, и считали уцелевшие фрагменты своего величия работой гениев или могущественной расы до потопа. Это настолько верно, что, когда мы думаем о прошлом, оно кажется неумолимым законом, от которого мы можем надеяться освободиться не больше, чем молодой человек, который “чувствует свою жизнь каждой клеточкой тела”, может надеяться избежать распада, которое является общей судьбой всех. “Даже это, о Рим, должно однажды стать твоей судьбой!” - рыдал Сципион над руинами Карфагена, а картина Маколея, изображающая новозеландца, размышляющего над сломанной аркой Лондонского моста, будоражит воображение даже тех, кто видит, как в пустыне вырастают города и закладываются основы новой империи. И вот, когда мы возводим общественное здание, мы делаем углубление в самом большом краеугольном камне и тщательно запечатываем в нем некоторые памятные вещи наших дней, с нетерпением ожидая того времени, когда наши труды превратятся в руины, а мы сами будем забыты.

Также не имеет значения, является ли этот попеременный взлет и падение цивилизации, этот регресс, который всегда следует за прогрессией, ритмичным движением восходящей линии или нет (и я думаю, хотя и не буду раскрывать этот вопрос, что доказать положительное утверждение было бы гораздо труднее, чем обычно предполагается); ибо текущая теория в любом случае опровергнута. Цивилизации умерли и не оставили никаких следов, и с таким трудом достигнутый прогресс был потерян для расы навсегда, но, даже если признать, что каждая волна прогресса делала возможной более высокую волну, и каждая цивилизация передавала факел более великой цивилизации, теория о том, что цивилизация развивается за счет изменений, произведенных в природе человека, не объясняет факты; ибо в каждом случае

не раса, получившая образование и наследственно модифицированная старой цивилизацией, дает начало новой, а новая раса, происходящая с более низкого уровня. Именно варвары одной эпохи были цивилизованными людьми следующей; им, в свою очередь, на смену пришли новые варвары. Ибо до сих пор всегда было так, что люди под влиянием цивилизации, хотя сначала и совершенствовались, впоследствии вырождались. Современный цивилизованный человек значительно превосходит нецивилизованных; но таким же во времена своего расцвета был цивилизованный человек любой умершей цивилизации. Но есть такие вещи, как пороки, развращенность, ослабление цивилизации, которые после определенного момента всегда проявляли себя до сих пор. Каждая цивилизация, которая была сокрушена варварами, действительно погибла от внутреннего разложения.

Этот универсальный факт, как только он признается, опровергает теорию о том, что прогресс происходит путем передачи по наследству. Оглядываясь на мировую историю, можно заметить, что линия наибольшего прогресса ни на какой отрезок времени не совпадает ни с одной линией наследственности. На любой конкретной линии наследственности регресс, по-видимому, всегда следует за прогрессом.

Должны ли мы поэтому сказать, что существует национальная или расовая жизнь, как существует индивидуальная жизнь, — что каждая социальная совокупность обладает, так сказать, определенным количеством энергии, расходование которой неизбежно приводит к распаду? Это старая и широко распространенная идея, которой все еще в значительной степени придерживаются, и которую можно постоянно видеть неуместно встречающейся в трудах толкователей философии развития. В самом деле, я не понимаю, почему это не может быть сформулировано в терминах материи и движения, чтобы четко вписать это в рамки обобщений эволюции. Рассматривая своих индивидуумов как атомы, рост общества представляет собой “интеграцию материи и сопутствующее ослабление движения; в течение которого материя переходит от неопределенной, некогерентной однородности к определенной, когерентной неоднородности, и в течение которого сохраняемое движение претерпевает параллельную трансформацию”.⁶⁰ И, таким образом, можно провести аналогию между жизнью общества и жизнью солнечной системы в соответствии с гипотезой туманности. Как тепло и свет солнца вырабатываются совокупностью атомов, развивающих движение, которое окончательно прекращается, когда атомы наконец приходят в состояние равновесия или покоя, и сменяется состоянием неподвижности, которое может быть снова нарушено только воздействием внешних сил, которые обращают процесс эволюции вспять, объединяя движение и рассеивая материю в форме газа, чтобы снова развить движение путем ее конденсации; так и можно сказать, что объединение индивидов в сообщество развивает силу, производящую свет и тепло цивилизации, но когда этот процесс прекращается, и отдельные компоненты приводятся в состояние равновесия, занимая свои фиксированные места, наступает окаменение, а распад и распространение, вызванные вторжением варваров, необходимы для возобновления процесса и нового роста цивилизации.

Но аналогии - это наиболее опасные способы мышления. Они могут выявлять сходства и в то же время маскировать истину. И все такие аналогии поверхностны. В то время как его члены постоянно воспроизводятся во всей свежей силе детства, сообщество не может стареть, как это делает человек, из-за упадка своих сил. Хотя его совокупная сила должна быть суммой сил его отдельных компонентов, сообщество не может потерять жизненную силу, если жизненная сила его компонентов не уменьшится.

Однако как в общепринятой аналогии, которая сравнивает жизненную силу нации с жизненной силой отдельного человека, так и в той, которую я предположил, скрывается признание очевидной истины — истины о том, что препятствия, которые в конечном итоге останавливают прогресс, возникают в ходе прогресса; что то, что разрушило все предыдущие цивилизации, было условиями, созданными ростом самой цивилизации.

Это истина, которая игнорируется современной философией; но это истина в высшей степени содержательная. Любая обоснованная теория человеческого прогресса должна учитывать это.

ГЛАВА II. РАЗЛИЧИЯ В ЦИВИЛИЗАЦИИ — С ЧЕМ СВЯЗАНЫ.

В попытке открыть закон человеческого прогресса первым шагом должно быть определение сущностной природы тех различий, которые мы называем различиями в цивилизации.

Мы уже видели, что современная философия, которая приписывает социальный прогресс изменениям, происходящим в природе человека, не согласуется с историческими фактами. И мы также можем увидеть, если рассмотрим их, что различия между сообществами на разных стадиях цивилизации не могут быть объяснены врожденными различиями в индивидах, составляющих эти сообщества. То, что существуют естественные различия, верно, и то, что существует такая вещь, как наследственная передача особенностей, несомненно, верно; но большие различия между людьми в разных состояниях общества не могут быть объяснены таким образом. Влияние наследственности, которое сейчас модно так высоко оценивать, ничто по сравнению с теми влияниями, которые формируют человека после того, как он появляется на свет. Что более укоренилось в привычке, чем язык, который становится не просто автоматической игрой мускулов, но средством выражения мысли? Что сохраняется дольше или быстрее проявит национальность? И все же мы не рождаемся с предрасположенностью к какому-либо языку. Наш родной язык является нашим родным языком только потому, что мы выучили его в младенчестве. Хотя его предки думали и говорили на одном языке на протяжении бесчисленных поколений, ребенок, который с самого начала не слышит ничего другого, с такой же легкостью выучит любой другой язык. То же самое с другими национальными, местными или классовыми особенностями. По-видимому, это вопрос воспитания и привычки, а не передачи. Примеры белых детей, захваченных индейцами в младенчестве и воспитанных в вигваме, показывают это. Они становятся чистокровными индейцами. То же самое, я полагаю, происходит и с детьми, воспитанными цыганами.

То, что это не так верно в отношении детей индейцев или других ярко выраженных рас, воспитанных белыми, я думаю, связано с тем фактом, что с ними никогда не обращаются именно как с белыми детьми. Джентльмен, преподававший в школе для цветных, однажды сказал мне, что, по его мнению, цветные дети до десяти-двенадцати лет действительно были сообразительнее и учились легче, чем белые дети, но после этого возраста они, казалось, становились скучными и беспечными. Он считал это доказательством врожденной расовой неполноценности, и я в то время тоже так думал. Но позже я случайно услышал, как один

высокоинтеллектуальный негритянский джентльмен (епископ Хиллери) сделал замечание, которое, на мой взгляд, кажется достаточным объяснением. Он сказал: “Наши дети, когда они маленькие, полностью такие же сообразительные, как белые дети, и учатся так же легко. Но как только они становятся достаточно взрослыми, чтобы оценить свой статус - осознать, что на них смотрят как на представителей низшей расы, и они никогда не смогут надеяться стать кем-то большим, чем поварами, официантами или кем-то в этом роде, они теряют свои амбиции и перестают идти в ногу со временем”. И к этому он мог бы добавить, что, поскольку они дети бедных, некультурных и неамбициозных родителей, домашнее влияние сказалось против них. Ибо, я полагаю, общеизвестно, что на начальном этапе образования дети невежественных родителей столь же восприимчивы, как и дети интеллигентных родителей, но постепенно последние, как правило, выходят вперед и из них получаются самые умные мужчины и женщины. Причина проста. Что касается первых простых вещей, которые они изучают только в школе, то они на одном уровне, но по мере усложнения учебы ребенок, который дома привык к хорошему английскому языку, слышит интеллектуальные беседы, имеет доступ к книгам, может получить ответы на вопросы и т.д., имеет преимущество, которое говорит само за себя.

То же самое можно увидеть позже в жизни. Возьмите человека, который поднялся из рядов простого рабочего, и точно так же, как он соприкасается с людьми культуры и делами, он станет более умным и утонченным. Возьмем двух братьев, сыновей бедных родителей, воспитанных в одном доме и одинаковым образом. Один занимается грубым ремеслом и никогда не выходит за рамки необходимости зарабатывать на жизнь тяжелым повседневным трудом; другой, начав с мальчика на побегушках, начинает в другом направлении и в конце концов становится преуспевающим юристом, торговцем или политиком. В сорок или пятьдесят лет контраст между ними будет разительным, и те, кто не задумывается, приписывают это большим природным способностям, которые позволили одному из них продвигаться вперед. Но столь же разительная разница в манерах и интеллекте проявится между двумя сестрами, одна из которых, выйдя замуж за человека, который остался бедным, прожила свою жизнь, обремененную мелкими заботами и лишенную возможностей, а другая вышла замуж за человека, последующее положение которого привело ее в культурное общество и открыло ей возможности, которые утончают вкус и расширяют интеллект. И поэтому можно наблюдать ухудшение. То, что “злые связи портят хорошие манеры”, является всего лишь выражением общего закона, согласно которому человеческий характер глубоко изменяется под влиянием условий и окружения.

Я помню, как однажды видел в бразильском морском порту негра, одетого по последнему слову моды, но без обуви и чулок. У одного из матросов, с которыми я был в компании и который немного поднатерел в работоторговле, была теория, что негр - это не человек, а что-то вроде обезьяны, и он указал на это как на доказательство, утверждая, что для негра неестественно носить обувь, и что в своем диком состоянии он вообще не носил одежды. Позже я узнал, что там не считалось “в порядке вещей”, чтобы рабы носили обувь, точно так же, как в Англии не считается в порядке вещей, чтобы безупречно одетый дворецкий носил украшения, хотя, если уж на то пошло, с тех пор я видел, как белые мужчины, вольно одевающиеся, как им заблагорассудится, вели себя так же нелепо, как бразильские рабыни. Но огромное количество фактов, приводимых как свидетельствующие о передаче по наследству, на самом деле имеют не больше отношения, чем к нашему дарвинистскому взгляду на кубрик.

Тот факт, что, например, было доказано, что большое количество преступников и получателей государственной помощи в Нью-Йорке произошли от нищих три или четыре поколения назад, широко упоминается как свидетельство наследственной передачи. Но это не показывает ничего подобного, поскольку адекватное объяснение фактов ближе. Нищие будут растить нищих, даже если дети им не родные, точно так же, как фамильярный контакт с преступниками сделает преступниками детей добродетельных родителей. Научиться полагаться на благотворительность - значит неизбежно потерять самоуважение и независимость, необходимые для уверенности в себе в условиях тяжелой борьбы. Это настолько верно, что, как хорошо известно, благотворительность приводит к увеличению спроса на благотворительность, и остается открытым вопрос, не приносят ли таким образом общественная помощь и частная милостыня гораздо больше вреда, чем пользы. И так же о склонности детей проявлять те же чувства, вкусы, предрассудки или таланты, что и у их родителей. Они перенимают эти склонности точно так же, как перенимают их от своих обычных товарищей. И исключения подтверждают правило, поскольку могут возникать неприязнь или отвращение.

И я думаю, что существует более тонкое влияние, которое часто объясняет то, что считается атавизмом характера, — то самое влияние, которое заставляет мальчика, читающего дешевые романы, хотеть стать пиратом. Когда-то я знал джентльмена, в жилах которого текла кровь индейских вождей. Он часто рассказывал мне о традициях, унаследованных от его деда, которые иллюстрировали то, что трудно понять белому человеку, — индейскую привычку мыслить, сильную, но терпеливую жажду крови на тропе и стойкость костра. Судя по тому, как он рассуждал об этом, я не сомневаюсь, что при определенных обстоятельствах высокообразованный, цивилизованный человек, каким бы он ни был, проявил бы черты, которые считались бы следствием его индейской крови; но которые в действительности были бы в достаточной степени объяснены размышлениями его воображения о деяниях его предков.⁶¹

В любом большом сообществе мы можем видеть, как между различными классами и группами, различия того же рода, что и те, которые существуют между сообществами, о которых мы говорим как о различающихся цивилизациями, — различия в знаниях, верованиях, обычаях, вкусах и речи, которые в своей крайности проявляются у людей одной расы, живущих в одной стране, различия почти такие же большие, как между цивилизованными и дикими сообществами. Поскольку все стадии социального развития, начиная с каменного века и выше, еще предстоит обнаружить в одновременно существующих сообществах, то в одной и той же стране и в одном и том же городе можно найти бок о бок группы, демонстрирующие сходное разнообразие. В таких странах, как Англия и Германия, дети одной и той же расы, родившиеся и воспитанные в одном и том же месте, вырастут, говоря на разных языках, придерживаясь разных верований, следуя разным обычаям и проявляя разные вкусы; и даже в такой стране, как Соединенные Штаты, различия того же рода, хотя и разной степени, могут наблюдаться между разными кругами или группами.

Но эти различия, безусловно, не являются врожденными. Ни один ребенок не рождается методистом или католиком, чтобы произносить "н" или произносить их вслух. Все эти различия, которые отличают разные группы или круги, являются производными от общения в этих кругах.

Янычары состояли из юношей, оторванных от родителей-христиан в раннем возрасте, но они тем не менее были фанатичными мусульманами и тем не менее проявляли все турецкие черты;

иезуиты и другие ордена демонстрируют особый характер, но он, конечно, не закрепляется наследственной передачей; и даже такие объединения, как школы или полки, где компоненты сохраняются недолго и постоянно меняются, демонстрируют общие характеристики, которые являются результатом ментальных впечатлений, закрепленных ассоциацией.

Итак, именно эта совокупность традиций, верований, обычаев, законов, привычек и ассоциаций, которые возникают в каждом сообществе и которые окружают каждого человека — эта “сверхорганическая среда”, как называет ее Герберт Спенсер, которая, как я понимаю, является важнейшим элементом, определяющим национальный характер. Именно это, а не наследственная передача, отличает англичанина от француза, немца от итальянца, американца от китайца и цивилизованного человека от дикаря. Именно таким образом сохраняются, расширяются или изменяются национальные черты.

В определенных пределах или, если хотите, без ограничений сама по себе наследственная передача может развивать или изменять качества, но это гораздо более верно для физической, чем для ментальной части человека, и гораздо более верно для животных, чем даже для физической части человека. Выводы, сделанные из разведения голубей или крупного рогатого скота, неприменимы к человеку, и причина ясна. Жизнь человека, даже в его самом грубом состоянии, бесконечно сложнее. На него постоянно воздействует бесконечно большее число влияний, среди которых относительное влияние наследственности становится все меньше и меньше. Я не сомневаюсь, что раса людей, обладающая не большей умственной активностью, чем животные, — людей, которые только ели, пили, спали и размножались, — могла бы, путем тщательного обращения и селекционного отбора при разведении, со временем проявить такое же большое разнообразие в форме тела и характере, какое аналогичные средства произвели у домашних животных. Но таких людей нет; и у таких людей, как они есть, ментальные влияния, действующие через разум на тело, постоянно прерывали бы этот процесс. Вы не сможете откормить человека, чей разум находится в напряжении, заперев его в клетке и кормя так, как откармливали бы свинью. По всей вероятности, люди существуют на земле дольше, чем многие виды животных. Они были отделены друг от друга различиями в климате, которые приводят к наиболее заметным различиям у животных, и все же физические различия между различными человеческими расами едва ли больше, чем разница между белыми и черными лошадьми — они, конечно, не так велики, как между собаками одного и того же подвида, как, например, между различными разновидностями терьера или спаниеля. И даже эти физические различия между человеческими расами, по мнению тех, кто объясняет их естественным отбором и наследственной передачей, проявились, когда человек был намного ближе к животному, то есть когда у него было меньше разума.

И если это верно в отношении физического строения человека, то в насколько большей степени это верно в отношении его ментального строения? Все наши физические части мы приносим с собой в мир, но ум развивается позже.

В развитии каждого организма есть стадия, на которой невозможно определить, кроме как по окружающей среде, будет ли это животное рыбой или рептилией, обезьяной или человеком. То же самое и с новорожденным младенцем; будет ли ум, которому еще предстоит пробудиться к сознанию и силе, английским или немецким, американским или китайским, умом цивилизованного человека или умом дикаря, — всецело зависит от социальной среды, в которую он помещен.

Возьмите несколько младенцев, рожденных от наиболее цивилизованных родителей, и перевезите их в необитаемую страну. Предположим, что их каким-то чудесным образом можно поддерживать до тех пор, пока они не достигнут возраста, когда смогут сами о себе позаботиться, и что бы вы получили? Более беспомощных дикарей, чем мы знаем. Им предстояло открыть огонь, изобрести самые грубые инструменты и оружие, сконструировать язык. Короче говоря, им пришлось бы, спотыкаясь, пробираться к простейшему знанию, которым сейчас обладают низшие расы, подобно тому, как ребенок учится ходить. В том, что они со временем сделали бы все это, у меня нет ни малейшего сомнения, ибо все эти возможности скрыты в человеческом разуме точно так же, как способность ходить скрыта в человеческом организме, но я не верю, что они делали бы это лучше или хуже, медленнее или быстрее, чем дети родителей-варваров, помещенные в те же условия. Учитывая высочайшие умственные способности, которые когда-либо проявляли исключительные личности, и чем могло бы стать человечество, если бы одно поколение было отделено от следующего промежутком времени, как семнадцатилетняя саранча? Один такой интервал привел бы человечество не к дикости, а к состоянию, по сравнению с которым дикость, какой мы ее знаем, казалась бы цивилизацией.

И, наоборот, предположим, что некоторое количество младенцев-дикарей можно было бы, без ведома матерей, ибо даже это было бы необходимо для того, чтобы эксперимент прошел честно, заменить таким же количеством детей цивилизации, можем ли мы предположить, что, вырастая, они показали бы какую-либо разницу? Я думаю, что никто из тех, кто много общался с разными народами и классами, так не подумает. Великий урок, который извлекается таким образом, заключается в том, что “человеческая природа остается человеческой природой во всем мире”. И этот урок тоже можно усвоить в библиотеке. Я говорю не столько о рассказах путешественников, ибо рассказы о дикарях, данные цивилизованными людьми, пишущими книги, очень часто являются именно такими рассказами, которые дикари рассказали бы о нас, если бы они совершали краткие визиты, а затем писали книги; но о тех воспоминаниях о жизни и мыслях других времен и других народов, которые в переводе на наш современный язык подобны проблескам нашей собственной жизни и наших собственных мыслей. Чувство, которое они вызывают, - это ощущение сущностного сходства людей. “На этом, — говорит Эмануэль Дойч, - заканчиваются все исследования в области истории или искусства. Они были такими же, как мы.”

Во всех частях света можно найти людей, которые хорошо иллюстрируют, какие особенности обусловлены наследственной передачей, а какие - ассоциативной. Евреи поддерживали чистоту своей крови более тщательно и гораздо дольше, чем любая из европейских рас, и все же я склонен думать, что единственная характеристика, которую можно приписать этому, - это физиономия, а она в действительности гораздо менее выражена, чем принято считать, в чем любой, кто потрудится убедиться при наблюдении. Хотя они постоянно вступали в браки между собой, евреи повсюду претерпевали изменения под влиянием своего окружения — английские, русские, польские, немецкие и восточные евреи отличаются друг от друга во многих отношениях так же сильно, как и другие народы этих стран. И все же у них много общего, и они везде сохранили свою индивидуальность. Причина ясна. Именно еврейская религия — и, конечно, религия передается не из поколения в поколение, а по ассоциации, — повсюду сохранила самобытность еврейской расы. Эта религия, которую дети усваивают не по мере того, как они усваивают свои физические характеристики, а по предписанию и ассоциации, не просто исключительна в своем учении, но, порождая подозрительность и неприязнь, произвела

мощное внешнее давление, которое, даже в большей степени, чем ее предписания, повсеместно превратило евреев в общину внутри общины. Таким образом, была создана и поддерживалась определенная особая среда, придающая ей отличительный характер. Еврейские смешанные браки были следствием, а не причиной этого. То, чего не смогли достичь преследования, которые ограничились тем, что отняли еврейских детей у их родителей и воспитывали их вне этой специфической среды, будет достигнуто за счет уменьшения интенсивности религиозной веры, как это уже очевидно в Соединенных Штатах, где различие между евреем и неевреем быстро стирается.

И мне кажется, что влияние этой социальной сети или окружения объяснит то, что так часто принимается за доказательство расовых различий — трудности, которые демонстрируют менее цивилизованные расы в получении более высокой цивилизации, и то, как некоторые из них тают перед ней. Точно так же, как сохраняется одно социальное окружение, оно затрудняет или делает невозможным для тех, кто подвержен ему, принятие другого.

Китайский иероглиф является фиксированным, если таковой имеется у какого-либо народа. И все же китайцы в Калифорнии усваивают американские методы работы, торговли, использования машин и т.д. С такой легкостью, что доказывают, что у них нет недостатка в гибкости или природных способностях. То, что они не меняются в других отношениях, связано с китайской средой, которая все еще сохраняется и по-прежнему окружает их. Приехав из Китая, они с нетерпением ждут возвращения в Китай и живут пока здесь, в своем собственном маленьком Китае, точно так же, как англичане в Индии поддерживают маленькую Англию. Дело не только в том, что мы естественным образом стремимся к общению с теми, кто разделяет наши особенности, и что, таким образом, язык, религия и обычаи имеют тенденцию сохраняться там, где индивиды не находятся в абсолютной изоляции; но и в том, что эти различия провоцируют внешнее давление, которое вынуждает к такому общению.

Эти очевидные принципы полностью объясняют все явления, которые наблюдаются при встрече одной стадии или совокупности культур с другой, не прибегая к теории укоренившихся различий. Например, как показала сравнительная филология, индус принадлежит к той же расе, что и его английский завоеватель, и отдельные примеры убедительно показали, что если бы его можно было поместить полностью и исключительно в английскую среду (что, как уже говорилось, можно было бы полностью осуществить, только поместив младенцев в английские семьи таким образом, чтобы ни они, когда вырастут, ни окружающие их люди не осознавали никакого различия), потребовалось бы всего одно поколение, чтобы основательно внедрить европейскую цивилизацию. Но распространение английских идей и привычек в Индии неизбежно должно быть очень медленным, потому что они сталкиваются там с паутиной идей и привычек, постоянно сохраняемых огромным населением и переплетающихся с каждым жизненным актом.

М-р Бейджхот (“Физика и политика”) пытается объяснить причину, по которой варвары чахнут раньше нашей цивилизации, в то время как они не чахли раньше древних, предполагая, что прогресс цивилизации дал нам более жесткое физическое строение. Сославшись на тот факт, что ни у одного классического писателя нет сетований на варваров, но что везде варвар терпел контакт с римлянином, а римлянин вступал в союз с варваром, он говорит (стр. 47-8):

“Дикари в первый год христианской эры были почти такими же, какими они были в тысяча восемьсот первом году; и если они выдержали контакт с древними цивилизованными людьми и не могут вынести наш, то из этого следует, что наша раса предположительно более вынослива, чем древняя; ибо мы должны нести и несли семена более серьезных болезней, чем те, которые несли с собой древние. Возможно, мы можем использовать неизменного дикаря в качестве измерителя силы организма, контакту с которым он подвергается”.

Мистер Бейджхот не пытается объяснить, почему восемнадцать столетий назад цивилизация не давала такого же относительного преимущества перед варварством, как сейчас. Но нет смысла говорить об этом или об отсутствии доказательств того, что конституция человека была хоть на йоту улучшена. Любому, кто видел, как контакт нашей цивилизации влияет на низшие расы, придет в голову гораздо более понятное, хотя и менее лестное объяснение.

Не потому, что наше телосложение от природы более жесткое, чем у дикаря, болезни, которые для нас сравнительно безвредны, для него являются верной смертью. Дело в том, что мы знаем и располагаем средствами лечения этих болезней, в то время как он лишен как знаний, так и средств. Те же болезни, которыми отбросы цивилизации, продвигающиеся вперед, заражают дикарей, оказались бы столь же разрушительными для цивилизованных людей, если бы они не знали ничего лучшего, кроме как позволить им бежать, как и он в своем невежестве вынужден позволить им бежать; и на самом деле они были столь же разрушительными, пока мы не узнали, как их лечить. И не только это, но и эффект вторжения цивилизации в варварство заключается в ослаблении власти дикаря, не ставя его в условия, которые дают власть цивилизованному человеку. В то время как его привычки и обычаи все еще имеют тенденцию сохраняться, и сохраняются настолько, насколько это возможно, условия, к которым они были приспособлены, насильственно изменены. Он охотник на земле, лишенный дичи; воин, лишенный своего оружия и призванный отстаивать свои права в юридических формальностях. Он не просто помещен между культурами, но, как говорит мистер Бейджхот о европейских полукровках в Индии, он помещен между моралью и познает пороки цивилизации без ее достоинств. Он теряет привычные средства к существованию, он теряет самоуважение, он теряет мораль; он деградирует и отмирает. Жалкие создания, которых можно увидеть слоняющимися вокруг пограничных городов или железнодорожных станций, готовыми просить милостыню, или воровать, или заниматься более гнусной торговлей, не являются честными представителями индейцев до того, как белый человек вторгся в их охотничьи угодья. Они утратили силу и добродетели своего прежнего состояния, не обретая таковых более высокого. Фактически, цивилизация, поскольку она подталкивает красного человека, не проявляет никаких добродетелей. Для англосаксов фронта, как правило, абориген не имеет прав, которые белый человек обязан уважать. Он обнищал, его неправильно поняли, надули и подверглись насилию. Он вымирает, как при аналогичных условиях должны были бы вымирать и мы. Он исчезает раньше цивилизации, чем романизированные бритты исчезли раньше саксонского варварства.

Истинную причину, по которой ни у одного классического писателя нет сетований на варваров, но то, что римская цивилизация ассимилировала, а не разрушала, я полагаю, следует искать не только в том факте, что древняя цивилизация была гораздо более близка к варварам, с которыми она встречалась, но и в более важном факте, что она не была распространена так, как наша. Это было продвинуто вперед не наступающей вереницей колонистов, а завоеванием, которое просто привело новую провинцию ко всеобщему подчинению, оставив социальную и

вообще политическую организацию народа в значительной степени нетронутой, так что процесс ассимиляции продолжался без разрушения или ухудшения. Примерно таким же образом японская цивилизация, похоже, сейчас ассимилируется с европейской цивилизацией.

В Америке англосакс истребил индейцев, вместо того чтобы цивилизовать их, просто потому, что он не привнес индейцев в свое окружение, и при этом контакт не был таким, чтобы побудить или позволить индийской системе привычного мышления и обычаев измениться быстро, достаточно быстро, чтобы соответствовать новым условиям, в которые он попал из-за близости новых и могущественных соседей. То, что нет никаких врожденных препятствий для восприятия нашей цивилизации этими нецивилизованными расами, было показано снова и снова в отдельных случаях. И это также было показано, насколько позволяли эксперименты, иезуитами в Парагвае, францисканцами в Калифорнии и протестантскими миссионерами на некоторых островах Тихого океана.

Предположение о физическом улучшении расы в любое время, о котором нам известно, совершенно необоснованно, и в то время, о котором говорит мистер Бейджхот, оно абсолютно опровергнуто. Мы знаем из классических статуй, из переносимого груза и марш-бросков древних солдат, из записей бегунов и подвигов гимнастов, что ни пропорции, ни сила расы не улучшились за две тысячи лет. Но предположение об умственном улучшении, которое высказывается еще более уверенно и широко, еще более нелепо. Как поэты, художники, архитекторы, философы, риторы, государственные деятели или солдаты, может ли современная цивилизация продемонстрировать людям большую умственную мощь, чем древняя? Нет смысла вспоминать имена — их знает каждый школьник. В поисках наших моделей и олицетворений ментальной силы мы возвращаемся к древним, и если мы сможем на мгновение представить себе возможность того, чего придерживается это древнейшее и наиболее распространенное из всех верований — вера, которую Лессинг объявил по этому поводу наиболее вероятной истинной, хотя он принимал ее на метафизических основаниях, — и предположим, что Гомер или Вергилий, Демосфен или Цицерон, Александр, Ганнибал или Цезарь, Платон или Лукреций, Евклид или Аристотель снова вернутся в эту жизнь в девятнадцатом веке, можем ли мы предположить, что они снова вернутся в эту жизнь в девятнадцатом веке? продемонстрировать какую-либо неполноценность по отношению к современным мужчинам? Или, если мы возьмем любой период, начиная с классической эпохи, даже самый темный, или любой предыдущий период, о котором мы что-либо знаем, разве мы не найдем людей, которые в условиях и при уровне знаний своего времени демонстрировали умственные способности такого же высокого порядка, какие люди демонстрируют сейчас? И среди менее развитых рас разве мы сегодня, когда бы ни обратили на них наше внимание, не находим людей, которые в своих условиях проявляют умственные качества, столь высокие, какие только может продемонстрировать цивилизация? Доказало ли изобретение железной дороги, появившееся тогда, когда оно произошло, какую-либо большую изобретательскую силу, чем изобретение тачки, когда тачек еще не было? Мы, представители современной цивилизации, поднялись намного выше тех, кто был до нас, и тех, кто принадлежит к менее развитым расам, которые являются нашими современниками. Но это потому, что мы стоим на пирамиде, а не потому, что мы выше. Столетия сделали для нас не увеличение нашего роста, а создание структуры, на которую мы можем опереться.

Позвольте мне повторить: я не хочу сказать, что все люди обладают одинаковыми способностями или одинаковы умственно, так же как я не хочу сказать, что они похожи

физически. Среди всех бесчисленных миллионов людей, которые приходили и уходили на этой земле, вероятно, не было двух человек, которые физически или ментально были бы точными копиями друг друга. Я также не хочу сказать, что расовые различия в психике не так четко выражены, как расовые различия в теле. Я не отрицаю влияния наследственности на передачу особенностей ума таким же образом и, возможно, в той же степени, как передаются особенности тела. Но, тем не менее, мне кажется, что существует общий стандарт и естественная симметрия ума, как и тела, к которому имеют тенденцию возвращаться все отклонения. Условия, в которые мы попадаем, могут вызвать такие же искажения, какие вызывают плоскоголовые, сдавливая головы своим младенцам' или китайцы, связывая ноги своим дочерям. Но по мере того, как плоскоголовые младенцы продолжают рождаться с головами естественной формы, а китайские младенцы - с ногами естественной формы, природа, похоже, возвращается к нормальному типу мышления. Ребенок наследует знания своего отца не больше, чем он наследует стеклянный глаз или искусственную ногу своего отца; ребенок самых невежественных родителей может стать пионером науки или лидером мысли.

Но это тот важный факт, который нас беспокоит: что различия между людьми из сообществ в разных местах и в разное время, которые мы называем различиями цивилизации, - это различия, присущие не отдельным людям, а обществу; что они не являются, как считает Герберт Спенсер, различиями, возникающими в результате различий в единицах; но что это различия, возникающие в результате условий, в которых эти единицы создаются в обществе. Короче говоря, я полагаю, что объяснение различий, отличающих сообщества, заключается в следующем: каждое общество, малое или великое, обязательно плетет для себя паутину знаний, верований, обычаев, языка, вкусов, институтов и законов. В эту паутину, сотканную каждым обществом, или, скорее, в эти сети, ибо каждое сообщество, стоящее выше простейшего, состоит из второстепенных обществ, которые накладываются друг на друга, индивид попадает при рождении и продолжает существовать до своей смерти. Это матрица, в которой развивается разум и от которой он берет свой отпечаток. Это способ, которым обычаи, религии, предрассудки, вкусы и языки растут и увековечиваются. Именно таким образом передаются навыки и накапливаются знания, а открытия одного времени становятся общим достоянием и ступенькой в следующем. Хотя именно это часто создает наиболее серьезные препятствия на пути прогресса, именно это делает прогресс возможным. Именно это позволяет любому школьнику в наше время узнать за несколько часов о вселенной больше, чем знал Птолемей; это ставит самого заурядного ученого намного выше уровня, достигнутого гигантским умом Аристотеля. Это для расы то же, что память для отдельного человека. Наше замечательное искусство, наша далеко идущая наука, наши изумительные изобретения - они прошли через это.

Человеческий прогресс продолжается по мере того, как достижения одного поколения таким образом закрепляются как общее достояние следующего и становятся отправной точкой для новых достижений.

ГЛАВА III.

ЗАКОН ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПРОГРЕССА.

В чем же тогда заключается закон человеческого прогресса — закон, по которому развивается цивилизация?

Это должно объяснить ясно и определенно, а не с помощью расплывчатых обобщений или поверхностных аналогий, почему, хотя человечество предположительно начинало с одних и тех же способностей и в одно и то же время, сейчас существуют такие большие различия в социальном развитии. Это должно объяснить остановленные цивилизации и пришедшие в упадок и разрушенные цивилизации; общие факты, касающиеся подъема цивилизации, и окаменевающую или ослабляющую силу, которую прогресс цивилизации до сих пор всегда проявлял. Это должно учитывать как регресс, так и прогресс; различия в общем характере азиатской и европейской цивилизаций; разницу между классической и современной цивилизациями; разные темпы, с которыми продолжается прогресс; и те всплески, начала и остановки прогресса, которые столь заметны как незначительные явления. И, таким образом, она должна показать нам, каковы существенные условия прогресса, и какие социальные приспособления продвигают его, а какие тормозят.

Открыть такой закон нетрудно. Нам нужно только посмотреть, и мы сможем его увидеть. Я не претендую на научную точность, а просто указываю на это.

Стимулами к прогрессу являются желания, присущие природе человека — желание удовлетворять потребности животной природы, потребности интеллектуальной природы и потребности сочувствующей природы; желание быть, знать и делать — желания, которые, за исключением бесконечности, никогда не могут быть удовлетворены, поскольку они растут за счет того, чем питаются.

Разум - это инструмент, с помощью которого человек продвигается вперед, и с помощью которого обеспечивается каждое продвижение и создается выгодная почва для новых достижений. Хотя он не может, задумавшись, увеличить свой рост ни на локоть, человек может, задумавшись, расширить свои знания о вселенной и свою власть над ней в том, что, насколько мы можем видеть, является бесконечной степенью. Ограниченный промежуток человеческой жизни позволяет индивидууму пройти лишь небольшое расстояние, но, хотя каждое поколение может сделать немного, все же поколения, продолжающие достижения своих предшественников, могут постепенно повышать статус человечества, подобно тому, как коралловые полипы, создавая одно поколение на основе работы другого, постепенно поднимаются со дна моря.

Следовательно, движущей силой прогресса является умственная сила, и люди склонны продвигаться пропорционально умственной силе, затрачиваемой на прогресс, — умственной силе, которая направляется на расширение знаний, совершенствование методов и улучшение социальных условий.

Итак, умственная сила — это фиксированная величина, то есть существует предел работе, которую человек может выполнять своим умом, как и работе, которую он может выполнять своим телом; следовательно, умственная сила, которая может быть направлена на прогресс, - это только то, что остается после того, что требуется для непрогрессивных целей.

Эти непрогрессивные цели, на которые расходуется умственная энергия, могут быть классифицированы как поддержание и конфликт. Под поддержанием я подразумеваю не только поддержание существования, но и поддержание социальных условий и удержание уже достигнутых успехов. Под конфликтом я подразумеваю не просто войну и подготовку к войне, но любое расходование умственных сил на поиск удовлетворения желания за счет других и на сопротивление такой агрессии.

Сравнить общество с лодкой. Ее продвижение по воде будет зависеть не от усилий экипажа, а от усилий, затраченных на приведение ее в движение. Это будет уменьшено любыми затратами силы, необходимыми для вычерпывания воды, или любыми затратами силы на борьбу между собой или на растягивание в разных направлениях.

Теперь, поскольку в разделенном государстве все силы человека требуются для поддержания существования, а умственные способности высвобождаются для более высокого использования только благодаря объединению людей в сообщества, что допускает разделение труда и всю экономику, которая возникает при сотрудничестве растущего числа людей, объединение является первым необходимым условием прогресса. Улучшение становится возможным по мере того, как люди объединяются в мирное объединение, и чем шире и теснее это объединение, тем больше возможностей для улучшения. И по мере того, как расточительная трата умственных сил в конфликте становится больше или меньше по мере того, как игнорируется или признается моральный закон, предоставляющий каждому равные права, равенство (или справедливость) становится второй существенной частью прогресса.

Таким образом, объединение в духе равенства является законом прогресса. Общине высвобождает умственные силы для самосовершенствования, а равенство, или справедливость, или свобода — поскольку термины здесь означают одно и то же, признание морального закона, — предотвращает растрату этих сил в бесплодной борьбе.

Вот закон прогресса, который объяснит все различия, все достижения, все остановки и регрессы. Люди склонны прогрессировать по мере того, как они сближаются и, сотрудничая друг с другом, увеличивают умственную силу, которая может быть направлена на совершенствование, но как только провоцируется конфликт или объединение приводит к неравенству условий и власти, эта тенденция к прогрессу уменьшается, сдерживается и, наконец, обращается вспять.

Учитывая те же врожденные способности, очевидно, что социальное развитие будет идти быстрее или медленнее, остановится или повернет вспять, в зависимости от сопротивления, которое оно встречает. В общем виде эти препятствия на пути совершенствования применительно к самому обществу можно классифицировать как внешние и внутренние — первые действуют с большей силой на ранних стадиях цивилизации, вторые становятся более важными на более поздних стадиях.

Человек по своей природе общителен. Ему не нужно, чтобы его поймали и приручили, чтобы заставить жить со своими собратьями. Крайняя беспомощность, с которой он вступает в мир, и длительный период, необходимый для созревания его сил, обуславливают необходимость семейных отношений; которые, как мы можем заметить, шире и в своих проявлениях сильнее у более грубых народов, чем у более культурных. Первые общества - это семьи, разрастающиеся

в племена, все еще поддерживающие кровное родство, и даже когда они стали великими нациями, претендующими на общее происхождение.

Учитывая существование такого рода, размещенных на земном шаре с такой разнообразной поверхностью и климатом, как этот, очевидно, что даже при равных возможностях и равном начале социальное развитие должно быть очень разным. Первое ограничение или сопротивление объединению будет исходить из условий физической природы, а поскольку они сильно различаются в зависимости от местности, должны проявиться соответствующие различия в социальном прогрессе. Чистая скорость роста и сплоченность, с которой люди по мере роста могут держаться вместе, будут, на примитивном уровне знаний, при котором средства к существованию должны основываться главным образом на спонтанных дарах природы, в значительной степени зависеть от климата, почвы и физического состояния. Там, где требуется много животной пищи и теплой одежды; где земля кажется бедной и скупой; где буйная жизнь тропических лесов высмеивает ничтожные попытки варварского человека контролировать ее; где горы, пустыни или морские рукава разделяют и изолируют людей; объединение и сила совершенствования, которую оно развивает, могут поначалу принести лишь небольшую пользу. Но на богатых равнинах с теплым климатом, где человеческое существование может поддерживаться с меньшими затратами сил и на гораздо меньшей территории, люди могут держаться ближе друг к другу, и умственных сил, которые поначалу могут быть направлены на совершенствование, гораздо больше. Следовательно, цивилизация естественным образом зарождается в больших долинах и плоскогорьях, где мы находим ее самые ранние памятники.

Но эти различия в природных условиях не только таким образом непосредственно порождают различия в социальном развитии, но, вызывая различия в социальном развитии, выявляют в самом человеке препятствие или, скорее, активную противодействующую силу на пути совершенствования. По мере того как семьи и племена отделяются друг от друга, социальное чувство перестает действовать между ними, и возникают различия в языке, обычаях, традициях, религии - короче говоря, во всей социальной сети, которую постоянно плетет каждое сообщество, каким бы маленьким или большим оно ни было. Из-за этих различий растут предрассудки, возникает вражда, контакт легко приводит к ссорам, агрессия порождает агрессию, а несправедливость разжигает месть.⁶² И таким образом, между этими отдельными социальными совокупностями возникает чувство Измаила и дух Каина, война становится постоянной и кажущейся естественной связью обществ друг с другом, а силы людей расходуются на нападение или защиту, на взаимную резню и взаимное уничтожение богатств или на военные приготовления. О том, как долго сохраняется эта враждебность, свидетельствуют сегодняшние защитные тарифы и постоянные армии цивилизованного мира; насколько трудно смириться с мыслью, что красть у иностранца - это не воровство, покажет трудность принятия международного закона об авторском праве. Можем ли мы удивляться вечной вражде племен и кланов? Можем ли мы удивляться тому, что, когда каждое сообщество было изолировано от других — когда каждое, не подверженное влиянию других, плело свою отдельную паутину социальной среды, из которой ни один индивид не мог вырваться, война должна была быть правилом, а мир - исключением? “Они были такими же, как и мы”.

Итак, война - это отрицание ассоциации. Разделение людей на различные племена из-за усиления боевых действий, таким образом, препятствует совершенствованию; в то время как в местностях, где значительное увеличение численности возможно без особого разделения,

цивилизация получает преимущество освобождения от межплеменной войны, даже когда сообщество в целом ведет боевые действия за пределами своих границ. Таким образом, там, где сопротивление природы тесному объединению людей является наименьшим, противодействующая сила войны, вероятно, поначалу будет ощущаться в наименьшей степени; и на богатых равнинах, где зарождается цивилизация, она может достичь большой высоты, в то время как разрозненные племена все еще находятся в состоянии варварства. И таким образом, когда маленькие, разрозненные сообщества существуют в состоянии хронической войны, которая препятствует продвижению вперед, первым шагом к их цивилизации является появление какого-нибудь племени-завоевателя или нации, которые объединяют эти меньшие сообщества в более крупное, в котором сохраняется внутренний мир. Там, где эта сила мирного объединения разрушается либо в результате внешних нападений, либо внутренних разногласий, продвижение прекращается и начинается регресс.

Но не только завоевания способствовали развитию ассоциации и, освобождая умственные способности от необходимости ведения войны, способствовали развитию цивилизации. Если различия климата, почвы и конфигурации земной поверхности поначалу приводят к разделению человечества, то они же способствуют и обмену. А торговля, которая сама по себе является формой ассоциации или сотрудничества, способствует развитию цивилизации не только напрямую, но и путем формирования интересов, противоположных войне, и рассеивания невежества, которое является плодородной матерью предрассудков и вражды.

То же самое и с религией. Хотя формы, которые она принимала, и враждебность, которую она вызывала, часто разделяли людей и приводили к войнам, все же в других случаях она была средством поощрения объединения. Общее богослужение часто, как, например, у греков, смягчало войну и создавало основу союза, в то время как современная цивилизация возникла из триумфа христианства над европейскими варварами. Если бы христианская церковь не существовала, когда Римская империя распалась на куски, Европа, лишенная каких-либо уз ассоциации, могла бы оказаться в положении, немногим превышающем положение североамериканских индейцев, или получила цивилизацию только с азиатским оттенком от победоносных ятаганов вторгшихся орд, которые были объединены в могущественную державу религией, возникшей в пустынях Аравии, объединившей племена, разделенные с незапамятных времен, и, возникнув оттуда, объединившую в общей вере значительную часть человеческой расы.

Просматривая то, что мы знаем об истории мира, мы, таким образом, видим, что цивилизация повсюду возникает там, где люди объединяются, и повсюду исчезает по мере того, как это объединение распадается. Таким образом, римская цивилизация, распространившаяся по Европе благодаря завоеваниям, обеспечившим внутренний мир, была сокрушена вторжениями северных народов, которые снова разбили общество на разрозненные фрагменты; и прогресс, который сейчас происходит в нашей современной цивилизации, начался с того, что феодальная система снова начала объединять людей в более крупные сообщества, а духовное превосходство Рима привело эти сообщества к общим отношениям, как это делали ее легионы раньше. По мере того, как феодальные узы перерастали в национальные автономии, а христианство улучшало нравы, приносило знание, которое в темные дни оно скрывало, связывало нити мирного союза в своей всепроникающей организации и учило объединению в своих религиозных орденах, стал возможен больший прогресс, который, по мере того как люди

вступали во все более тесную ассоциацию и сотрудничество, продолжался со все большей и большей силой.

Но мы никогда не поймем ход развития цивилизации и многообразные явления, которые представляет ее история, без рассмотрения того, что я мог бы назвать внутренним сопротивлением, или противодействующими силами, которые возникают в сердце развивающегося общества и которые одни могут объяснить, как цивилизация, однажды успешно возникшая, должна либо остановиться сама по себе, либо быть уничтожена варварами.

Умственная сила, являющаяся двигателем социального прогресса, высвобождается благодаря ассоциации, которую, возможно, правильнее было бы назвать интеграцией. Общество в этом процессе становится более сложным; его индивиды становятся более зависимыми друг от друга. Профессии и функции специализируются. Вместо того, чтобы кочевать, население становится постоянным. Вместо того чтобы каждый человек пытался удовлетворить все свои потребности, различные профессии и отрасли разделены — один человек приобретает навыки в одном, а другой - в другом. То же самое относится и к знаниям, объем которых постоянно стремится стать больше, чем может охватить один человек, и разделен на различные части, которые приобретают и преследуют разные индивиды. Точно так же исполнение религиозных церемоний имеет тенденцию переходить в руки группы людей, специально преданных этой цели, а сохранение порядка, отправление правосудия, распределение общественных обязанностей и наград, ведение войны и т.д. Превращаются в особые функции организованного правительства. Короче говоря, используя язык, которым Герберт Спенсер определил эволюцию, развитие общества по отношению к составляющим его индивидам представляет собой переход от неопределенной, некогерентной однородности к определенной, когерентной гетерогенности. Чем ниже ступень общественного развития, тем больше общество напоминает один из тех низших животных организмов, у которых нет органов или конечностей и от которых часть может быть отрезана и все же остаться живой. Чем выше стадия социального развития, тем больше общество напоминает те высшие организмы, в которых функции и способности специализированы, а каждый член жизненно зависит от других.

Итак, этот процесс интеграции, специализации функций и полномочий, происходящий в обществе, в силу того, что, вероятно, является одним из глубочайших законов человеческой природы, сопровождается постоянной склонностью к неравенству. Я не имею в виду, что неравенство является необходимым результатом социального роста, но что это постоянная тенденция социального роста, если она не сопровождается изменениями в социальной адаптации, которые в новых условиях, порождаемых ростом, обеспечат равенство. Я имею в виду, так сказать, что одоление законов, обычаев и политических институтов, которое каждое общество ткет для себя само, постоянно имеет тенденцию становиться слишком тесным по мере развития общества. Я имею в виду, так сказать, что человек, продвигаясь вперед, попадает в лабиринт, в котором, если он будет держаться прямолинейно, он безошибочно заблудится, и благодаря которому только разум и справедливость могут постоянно удерживать его на восходящем пути.

Ибо, в то время как интеграция, сопровождающая рост, сама по себе имеет тенденцию высвобождать умственные силы для улучшения работы, как с увеличением численности, так и с

усложнением социальной организации возникает противоположная тенденция, направленная на создание состояния неравенства, которое растрчивает умственные силы и, по мере их увеличения, останавливает улучшение.

Проследить до его высшего выражения закон, действующий таким образом, чтобы вместе с прогрессом развивалась сила, останавливающая прогресс, значило бы, как мне кажется, далеко продвинуться к решению проблемы, более глубокой, чем проблема происхождения материальной вселенной, — проблемы происхождения зла. Позвольте мне ограничиться указанием на то, каким образом по мере развития общества возникают тенденции, сдерживающие развитие.

Однако в человеческой природе есть два качества, о которых не мешало бы сначала вспомнить. Первая — это сила привычки - склонность продолжать делать что-то тем же способом; другая - это возможность умственного и морального ухудшения. Результатом первого в социальном развитии является сохранение привычек, обычаев, законов и методов еще долгое время после того, как они утратили свою первоначальную полезность, а результатом второго является разрешение роста институтов и способов мышления, от которых нормальное восприятие людей инстинктивно восстает.

Итак, рост и развитие общества не просто имеют тенденцию делать каждого все более и более зависимым от всех и уменьшать влияние индивидов, даже на их собственные условия, по сравнению с влиянием общества; но результатом объединения или интеграции является возникновение коллективной силы, которая отличается от суммы индивидуальных сил. Аналогии или, возможно, скорее иллюстрации одного и того же закона можно найти во всех направлениях. По мере усложнения животных организмов над жизнью и мощью частей возникают жизнь и мощь интегрированного целого; над способностью к произвольным движениям - способность к произвольным движениям. Действия и импульсы человеческих тел, как часто наблюдалось, отличаются от тех, которые при тех же обстоятельствах были бы вызваны у отдельных людей. Боевые качества полка могут сильно отличаться от качеств отдельных солдат. Но в иллюстрациях нет необходимости. В наших исследованиях природы и роста арендной платы мы проследили именно то, на что я намекаю. Там, где население малочисленно, земля не имеет ценности; точно так же, как люди собираются вместе, ценность земли появляется и повышается — вещь, четко отличимая от ценностей, создаваемых индивидуальными усилиями; ценность, возникающая из ассоциации, которая увеличивается по мере расширения ассоциации и исчезает по мере распада ассоциации. И то же самое верно в отношении власти в других формах, отличных от тех, которые обычно выражаются в терминах богатства.

Теперь, по мере роста общества, склонность к продолжению предыдущих социальных преобразований имеет тенденцию передавать эту коллективную власть, по мере ее возникновения, в руки части сообщества; и это неравномерное распределение богатства и власти, приобретаемых по мере развития общества, имеет тенденцию порождать большее неравенство, поскольку агрессия растет за счет того, чем она питается, а идея справедливости размывается привычной терпимостью к несправедливости.

Таким образом, патриархальная организация общества может легко перерасти в наследственную монархию, в которой король подобен богу на земле, а массы людей всего лишь рабы его прихоти. Естественно, что отец должен быть руководящим главой семьи, и что после его смерти старший сын, как самый старый и опытный член маленькой общины, должен унаследовать главенство. Но продолжать такое устройство по мере расширения семьи - значит передавать власть по определенной линии, и передаваемая таким образом власть неизбежно продолжает увеличиваться по мере того, как общий запас становится все больше и больше, а могущество сообщества растет. Глава семьи превращается в наследственного короля, который начинает смотреть на себя и на то, чтобы на него смотрели другие, как на существо с высшими правами. С ростом коллективной власти по сравнению с властью отдельного человека возрастает его способность вознаграждать и наказывать, и, таким образом, усиливаются стимулы льстить ему и бояться его; пока, наконец, если процессу не помешать, нация не пресмыкается у подножия трона, и сто тысяч человек пятьдесят лет трудятся, чтобы подготовить могилу для одного из себе подобных смертных.

Итак, военный вождь небольшого отряда дикарей - всего лишь один из их числа, за которым они следуют как за самым храбрым и осторожным. Но когда большие группы начинают действовать сообща, личный отбор становится более трудным, становится необходимым слепое повиновение, которое может быть принудительным, и из самой необходимости ведения войны в крупном масштабе возникает абсолютная власть.

И так далее о специализации функций. Очевидный выигрыш в производительной силе наблюдается, когда общественный рост зашел так далеко, что вместо того, чтобы каждого производителя отрывать от работы для боевых действий, можно выделить регулярные вооруженные силы; но это неизбежно ведет к концентрации власти в руках военного класса или их вождей. Сохранение внутреннего порядка, отправление правосудия, строительство общественных сооружений и уход за ними, и, в частности, соблюдение религиозных обрядов, все это аналогичным образом имеет тенденцию переходить в руки особых классов, склонных усиливать свои функции и расширять свою власть.

Но главная причина неравенства кроется в естественной монополии, которая обеспечивается владением землей. Первое восприятие людей, по-видимому, всегда сводится к тому, что земля является общей собственностью; но грубые приемы, с помощью которых это поначалу осознается, такие как ежегодные разделы или совместное возделывание, соответствуют лишь низкой стадии развития. Идея собственности, которая естественным образом возникает по отношению к предметам человеческого производства, легко переносится на землю, и институт, который при малочисленности населения просто обеспечивает улучшителю и пользователю должное вознаграждение за его труд, в конце концов, когда население становится плотным и возникает рента, действует, чтобы лишить производителя его заработной платы. Не только это, но и присвоение ренты для общественных целей, что является единственным способом, которым при чем-либо подобном высокому развитию земля может быть легко сохранена в качестве общей собственности, становится, когда политическая и религиозная власть переходит в руки класса, собственностью на землю этого класса, а остальная часть сообщества становится просто арендаторами. А войны и завоевания, которые ведут к концентрации политической власти и институту рабства, естественным образом приводят там, где социальный рост придал земле ценность, к присвоению почвы. Господствующий класс, сосредоточивший власть в своих руках, вскоре точно так же сконцентрирует собственность на земле. К ним

перейдут большие участки завоеванной земли, которые бывшие жители будут обрабатывать в качестве арендаторов или крепостных, а общественное достояние, или общие земли, которые в ходе естественного общественного роста остаются на некоторое время в каждой стране и в которых примитивная система деревенской культуры оставляет пастбища и леса, легко приобретаются, как мы видим на современных примерах. А после установления неравенства собственность на землю имеет тенденцию к концентрации по мере развития.

Я просто пытаюсь изложить общий факт, что по мере развития общества неравенство имеет тенденцию утверждаться, а не указывать на конкретную последовательность, которая обязательно должна меняться в зависимости от различных условий. Но этот главный факт делает понятными все явления окаменения и регресса. Неравномерное распределение власти и богатства, приобретаемых в результате интеграции людей в общество, имеет тенденцию сдерживать и, в конечном счете, уравнивать силу, с помощью которой осуществляются улучшения и развивается общество. С одной стороны, массы общества вынуждены тратить свои умственные силы просто на поддержание существования. С другой стороны, умственная сила расходуется на поддержание и усиление системы неравенства, на показуху, роскошь и войны. Сообщество, разделенное на класс, который правит, и класс, которым управляют, — на очень богатых и очень бедных, может “строить как гиганты и отделять как ювелиры”; но это будут памятники безжалостной гордыни и бесплодного тщеславия, или религии, превратившейся из возвышающей человека в инструмент для его подавления. Изобретения могут какое-то время в какой-то степени продолжаться; но это будет изобретение изысков в роскоши, а не изобретений, облегчающих тяжелый труд и увеличивающих власть. В тайниках храмов или в кабинетах придворных врачей знания все еще можно искать; но они будут сокрыты как тайна, или, если они осмелятся выйти наружу, чтобы возвысить обычную мысль или украсить обычную жизнь, их растопчут как опасных новаторов. Ибо, как это имеет тенденцию уменьшать умственные силы, направленные на совершенствование, так и неравенство имеет тенденцию делать людей препятствующими совершенствованию. Насколько сильна склонность придерживаться старых методов среди классов, которых держат в неведении, вынуждая тяжело трудиться ради простого существования, слишком хорошо известно, чтобы нуждаться в иллюстрациях, и, с другой стороны, столь же очевиден консерватизм классов, которым существующее социальное устройство дает особые преимущества. Эта тенденция сопротивляться инновациям, даже если это улучшение, наблюдается в каждой специальной организации — в религии, в юриспруденции, в медицине, в науке, в торговых гильдиях; и она становится интенсивной по мере того, как организация становится тесной. Закрытая корпорация всегда испытывает инстинктивную неприязнь к инновациям и новаторам, что является всего лишь выражением инстинктивного страха, что перемены могут привести к разрушению барьеров, отделяющих ее от общего стада, и таким образом лишить ее значимости и власти; и она всегда склонна тщательно оберегать свои особые знания или навыки.

Именно таким образом окаменение следует за прогрессом. Рост неравенства неизбежно приводит к остановке улучшения, а поскольку оно все еще сохраняется или провоцирует бесполезные реакции, то затрачиваются даже умственные силы, необходимые для поддержания, и начинается регресс.

Эти принципы делают понятной историю цивилизации.

В местностях, где климат, почва и физическое строение имели наименьшую тенденцию разделять людей по мере их роста, и где, соответственно, возникали первые цивилизации, внутреннее сопротивление прогрессу, естественно, развивалось более регулярным и основательным образом, чем там, где небольшие сообщества, которые в процессе своего разделения развили разнообразие, впоследствии были объединены в более тесную ассоциацию. Именно это, как мне кажется, объясняет общие характеристики ранних цивилизаций по сравнению с более поздними цивилизациями Европы. Такие однородные сообщества, развивающиеся с самого начала без конфликта между различными обычаями, законами, религиями и т.д., демонстрировали бы гораздо большее единообразие. Концентрирующие и консервативные силы все, так сказать, объединились бы. Соперничающие вожди не уравнивали бы друг друга, а различия в верованиях не сдерживали бы рост влияния жрецов. Таким образом, политическая и религиозная власть, богатство и знания будут иметь тенденцию концентрироваться в одних и тех же центрах. Те же причины, которые привели к появлению наследственного короля и наследственного священника, приведут к появлению наследственного ремесленника и чернорабочего и разделят общество на касты. Таким образом, сила, которую ассоциация высвобождает для прогресса, будет растратчена впустую, и постепенно будут воздвигнуты барьеры на пути дальнейшего прогресса. Избыточная энергия масс была бы направлена на строительство храмов, дворцов и пирамид; на потакание гордости и роскоши своих правителей; и если бы среди праздных слоев населения возникло какое-либо стремление к совершенствованию, оно сразу же было бы пресечено страхом перед инновациями. Общество, развивающееся таким образом, должно в конце концов остановиться в консерватизме, который не допускает дальнейшего прогресса.

Как долго будет продолжаться такое состояние полного окаменения, когда оно будет однажды достигнуто, по-видимому, зависит от внешних причин, поскольку железные узы растущей социальной среды подавляют разрушающие силы так же, как и улучшающие. Такое сообщество легче всего завоевать, поскольку массы людей приучены к пассивному согласию в жизни, полной безнадежного труда. Если завоеватели просто займут место правящего класса, как это сделали гиксосы в Египте и татары в Китае, все пойдет по-прежнему. Если они опустошают и разрушают, слава дворцов и храмов остается, но в руинах, население сокращается, а знания и искусство утрачиваются.

Европейская цивилизация отличается по характеру от цивилизаций египетского типа, потому что она возникает не из объединения однородного народа, развивающегося с самого начала или, по крайней мере, в течение длительного времени в одних и тех же условиях, а из объединения народов, которые при разделении приобрели отличительные социальные характеристики и чьи более мелкие организации дольше препятствовали концентрации власти и богатства в одном центре. Физическое строение Греческого полуострова таково, что поначалу люди разделены на несколько небольших сообществ. По мере того как эти мелкие республики и номинальные королевства переставали растрачивать свою энергию на войны и расширялось мирное сотрудничество в сфере торговли, разгорался свет цивилизации. Но принцип объединения никогда не был достаточно силен, чтобы спасти Грецию от межплеменной войны, и когда этому был положен конец путем завоевания, тенденция к неравенству, с которой греческие мудрецы и государственные деятели боролись различными способами, возымела свое действие, и греческая доблесть, искусство и литература ушли в прошлое. Итак, в подъеме и расширении, упадке и низвержении римской цивилизации можно видеть действие этих двух принципов ассоциации и равенства, из сочетания которых проистекает прогресс.

Возникнув в результате объединения независимых земледельцев и свободных граждан Италии и набравшись новых сил благодаря завоеваниям, которые привели враждебные народы в общие отношения, римская держава установила мир во всем мире. Но тенденция к неравенству, с самого начала сдерживавшая реальный прогресс, усиливалась по мере расширения римской цивилизации. Римская цивилизация не окаменела, как однородные цивилизации, где прочные узы обычаев и суеверий, которые держали людей в подчинении, вероятно, также защищали их или, во всяком случае, поддерживали мир между правителями и управляемыми; она загнила, пришла в упадок. Задолго до того, как готы или вандалы прорвали кордон легионов, даже когда ее границы продвигались вперед, сердце Рима было мертво. Большие поместья разорили Италию. Неравенство иссушило силы и разрушило жизнерадостность римского мира. Правительство превратилось в деспотизм, который не могло умерить даже убийство; патриотизм превратился в раболепие; самые отвратительные пороки публично попирали себя; литература скатилась до ребячества; ученость была забыта; плодородные районы превратились в пустыню без разрушительных последствий войны — повсюду неравенство приводило к упадку, политическому, умственному, моральному и материальному. Варварство, охватившее Рим, пришло не извне, а изнутри. Это был необходимый продукт системы, которая заменила независимых земледельцев Италии рабами и колониями и разделила провинции на поместья сенаторских семей.

Современная цивилизация обязана своим превосходством росту равенства вместе с ростом ассоциации. Этому способствовали две великие причины — разделение сосредоточенной власти на бесчисленные маленькие центры в результате притока северных народов и влияние христианства. Без первого произошло бы окаменение и медленный упадок Восточной империи, где церковь и государство были тесно связаны, а потеря внешней окончательной власти не принесла облегчения внутренней тирании. И если бы не другой, это было бы варварством без принципа ассоциации или улучшения. Мелкие вожди и аллодиальные лорды, которые повсюду захватывали местный суверенитет, держали друг друга в узде. Итальянские города восстановили свою древнюю свободу, были основаны вольные города, деревенские общины пустили корни, а крепостные приобрели права на землю, которую они обрабатывали. Закваска тевтонских идей равенства проникла в неорганизованную и разрозненную структуру общества. И хотя общество было расколото на бесчисленное количество разрозненных фрагментов, все же идея более тесного объединения присутствовала всегда — она существовала в воспоминаниях о вселенской империи; она существовала в притязаниях вселенской церкви.

Хотя христианство исказилось и смешалось, просачиваясь сквозь загнивающую цивилизацию; хотя языческие боги были приняты в ее пантеон, языческие формы - в ее ритуалы, а языческие идеи - в ее вероучение; все же ее основная идея равенства людей никогда не была полностью разрушена. И произошли две важнейшие вещи для зарождающейся цивилизации — установление папства и безбрачия духовенства. Первое препятствовало концентрации духовной власти в тех же направлениях, что и власть светская; а последнее препятствовало созданию касты жрецов в то время, когда вся власть имела тенденцию передаваться по наследству.

В ее усилиях по отмене рабства; в ее Божьем перемирии; в ее монашеских орденах; в ее советах, объединявших нации, и в ее эдиктах, не считавшихся с политическими границами; в руках

низкого происхождения, в которые она вкладывала знак, перед которым преклоняли колени самые гордые; в ее епископах, которые через посвящение становились пэрами величайшей знати; в ее “Слуге слуг”, ибо так гласил его официальный титул, который, благодаря кольцу простого рыбака, претендовал на право быть арбитром между нациями, и стремя которого держали короли; в ее Церковь, несмотря ни на что, все еще была сторонницей объединения, свидетелем естественного равенства людей; и сама Церковь воспитывала дух, который, когда ее ранняя работа по объединению и эмансипации была почти завершена - когда узы, которые она связала, стали прочными, а знания, которые она сохранила, были переданы миру, - разорвал цепи, которыми она сковала человеческий разум, и в значительной части Европы разорвал ее организацию.

Расцвет европейской цивилизации - слишком обширная и сложная тема, чтобы ее можно было рассмотреть в надлежащей перспективе и взаимосвязи в нескольких абзацах; но во всех своих деталях, как и в основных чертах, она иллюстрирует истину о том, что прогресс продолжается по мере того, как общество стремится к более тесной ассоциации и большему равенству. Цивилизация - это сотрудничество. Ее факторами являются союз и свобода. Широкое распространение ассоциаций — не только в виде роста более крупных и густонаселенных сообществ, но и в виде расширения торговли и разнообразных обменов, которые объединяют каждое сообщество и связывают их с другими, хотя и широко разделенными сообществами; рост международного и муниципального права; успехи в обеспечении безопасности собственности и личности, в обеспечении свободы личности и в продвижении к демократическому правлению — короче говоря, успехи в направлении признания равных прав на жизнь, свободу и стремление к счастью — именно это делает нашу современную цивилизацию намного величественнее, намного выше любой из предшествующих. Именно они высвободили ментальную силу, которая откинула завесу невежества, скрывавшую от человеческих знаний всю землю, кроме небольшой части; которая измерила орбиты вращающихся сфер и позволяет нам увидеть движущуюся, пульсирующую жизнь в капле воды; которая открыла нам преддверие тайн природы и разгадала секреты давно похороненного прошлого; которая поставила на службу нам физические силы, по сравнению с которыми усилия человека ничтожны; и увеличила производительную мощь за счет тысячи великих изобретений.

В том духе фатализма, о котором я упоминал как о пронизывающем современную литературу, стало модным говорить даже о войне и рабстве как о средствах человеческого прогресса. Но война, противоположная объединению, может способствовать прогрессу только тогда, когда она предотвращает дальнейшую войну или разрушает антисоциальные барьеры, которые сами по себе являются пассивной войной.

Что касается рабства, я не вижу, как оно могло когда-либо способствовать установлению свободы, а свобода, синоним равенства, с самого примитивного состояния, в котором только можно представить человека, является стимулом и условием прогресса. Идея Огюста Конта о том, что институт рабства уничтожил каннибализм, столь же причудлива, как и юмористическое представление Элии о том, как человечество пристрастилось к жареному поросенку. Она предполагает, что склонность, которая никогда не развивалась в человеке, кроме как в результате самых неестественных условий — величайшей нужды или самых жестоких

суеверий⁶³ — является изначальным импульсом, и что он, даже в своем низшем состоянии, высшее из всех животных, обладает естественными аппетитами, которых не проявляют более благородные животные. Итак, об идее, что рабство положило начало цивилизации, предоставив рабовладельцам досуг для совершенствования.

Рабство никогда не способствовало и не могло способствовать улучшению положения. Независимо от того, состоит ли сообщество из одного хозяина и одного раба или из тысяч хозяев и миллионов рабов, рабство неизбежно влечет за собой пустую трату человеческих сил; ибо не только рабский труд менее производителен, чем свободный труд, но и сила хозяев также растрачивается впустую на содержание своих рабов и наблюдение за ними, и отвлекается от направлений, в которых заключается реальное улучшение. От начала и до конца рабство, как и любое другое отрицание естественного равенства людей, препятствовало прогрессу. Точно по мере того, как рабство играет важную роль в социальной организации, совершенствование прекращается. То, что в классическом мире рабство было настолько повсеместным, несомненно, является причиной того, что умственная деятельность, которая так отшлифовала литературу и утонченное искусство, никогда не приводила ни к одному из великих открытий и изобретений, отличающих современную цивилизацию. Ни один рабовладельческий народ никогда не был изобретательным народом. В рабовладельческом сообществе высшие классы могут стать роскошными и лощеными, но никогда изобретательными. Все, что унижает работника и отнимает у него плоды его труда, подавляет дух изобретательства и запрещает использовать изобретения и открытия, даже если они сделаны. Только свободе дано заклинание силы, призывающее гениев, в чьем ведении находятся сокровища земли и невидимые силы воздуха.

Закон человеческого прогресса - что это, как не нравственный закон? Точно так же, как социальные приспособления способствуют справедливости, точно так же, как они признают равенство прав между людьми, точно так же, как они обеспечивают каждому совершенную свободу, ограниченную только равной свободой каждого другого, цивилизация должна развиваться. Точно так же, как они терпят неудачу в этом, развивающаяся цивилизация должна остановиться и отступить. Политическая экономия и социальные науки не могут преподать никаких уроков, которые не содержались бы в простых истинах, которым учил бедных рыбаков и еврейских крестьян Тот, кто был распят восемнадцать столетий назад, — простых истинах, которые, несмотря на искажения эгоизма и суеверия, по-видимому, лежат в основе каждой религии, которая когда-либо пыталась сформулировать духовные устремления человека.

ГЛАВА IV. КАК СОВРЕМЕННАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ МОЖЕТ ПРИЙТИ В УПАДОК.

Вывод, к которому мы таким образом пришли, полностью согласуется с нашими предыдущими выводами.

Это рассмотрение закона человеческого прогресса не только помещает политико-экономические законы, которые мы разработали в этом исследовании, в рамки высшего закона

— возможно, самого высокого закона, который только может постичь наш разум, — но и доказывает, что передача земли в общую собственность предложенным мной способом дала бы огромный импульс цивилизации, в то время как отказ от этого должен повлечь за собой регресс. Цивилизация, подобная нашей, должна либо продвигаться вперед, либо возвращаться назад; она не может стоять на месте. Она не похожа на те однородные цивилизации, такие как цивилизация долины Нила, которые формировали людей для их места и укладывали их в него, как кирпичи в пирамиду. Это гораздо больше напоминает ту цивилизацию, взлет и падение которой приходится на исторические времена и из которой она возникла.

Как раз сейчас есть склонность высмеивать любые намеки на то, что мы не во всех отношениях прогрессируем, и дух нашего времени соответствует указу, который лстивый премьер предложил китайскому императору, сожгшему древние книги, — “чтобы все, кто осмелится говорить вместе о ”Она" и "Шу", были преданы смерти; чтобы те, кто упоминает прошлое, чтобы обвинить настоящее, были преданы смерти вместе со своими родственниками".

Однако очевидно, что были времена упадка, точно так же как были времена подъема; и еще более очевидно, что эти эпохи упадка поначалу не могли быть общепризнанными.

Он был бы опрометчивым человеком, который, когда Август менял Рим из кирпича на Рим из мрамора, когда богатство увеличивалось, а великолепие возрастало, когда победоносные легионы расширяли границы, когда манеры становились более утонченными, язык — более отточенным, а литература — более великолепной, — он был бы опрометчивым человеком, который тогда сказал бы, что Рим приходит в упадок. И все же так оно и было.

И тот, кто присмотрится, может увидеть, что, хотя наша цивилизация, по-видимому, развивается с большей скоростью, чем когда-либо, та же причина, которая превратила римский прогресс в регресс, действует и сейчас.

Что разрушило все предыдущие цивилизации, так это тенденция к неравномерному распределению богатства и власти. Та же тенденция, действующая со все возрастающей силой, наблюдается в нашей цивилизации сегодня, проявляясь в каждом прогрессивном сообществе, и тем интенсивнее, чем прогрессивнее само сообщество. Заработная плата и проценты имеют тенденцию постоянно падать, арендная плата расти, богатые становятся намного богаче, бедные становятся более беспомощными и безнадежными, а средний класс вымирает.

Я проследил эту тенденцию до ее причины. Я показал, какими простыми средствами эту причину можно устранить. Теперь я хочу указать на то, как, если этого не сделать, прогресс должен обернуться упадком, а современная цивилизация скатиться к варварству, как и все предыдущие цивилизации. Стоит указать на то, как это может произойти, поскольку многие люди, будучи неспособными видеть, как прогресс может перейти в регресс, считают такое невозможным. Гиббон, например, считал, что современная цивилизация никогда не может быть уничтожена, потому что не осталось варваров, которые могли бы захватить ее, и это распространенная идея, что изобретение книгопечатания благодаря такому множеству книг предотвратило возможность того, что знания когда-либо снова будут утрачены.

Условиями социального прогресса, как мы проследили закон, являются ассоциация и равенство. Общая тенденция современного развития с тех пор, как мы впервые смогли различить проблески цивилизации во тьме, последовавшей за падением Западной империи, была направлена к политическому и правовому равенству — к отмене рабства; к отмене статуса; к отмене наследственных привилегий; к замене парламентского правления произвольным; к праву частного суждения в вопросах религии; к более равной личной безопасности и собственности высших и низших, слабых и сильных; к большей свободе передвижения и занятий, слова и прессы. История современной цивилизации — это история достижений в этом направлении, борьбы и триумфа за личную, политическую и религиозную свободу. И общий закон проявляется в том факте, что как только эта тенденция утвердилась, цивилизация продвинулась вперед, в то время как как только она была подавлена или отброшена назад, цивилизация была остановлена.

Эта тенденция достигла своего полного выражения в Американской Республике, где политические и юридические права абсолютно равны, и, благодаря системе ротации на должностях, предотвращается даже рост бюрократии; где каждая религиозная вера или неверие имеют одинаковое значение; где каждый мальчик может надеяться стать президентом, каждый мужчина имеет равный голос в государственных делах, и каждый чиновник опосредованно или непосредственно зависит в краткосрочной аренде своего места от народного голосования. Этой тенденции еще предстоит одержать некоторые победы в Англии, расширив избирательное право и уничтожив остатки монархии, аристократии и прелатства; в то время как в таких странах, как Германия и Россия, где божественное право все еще является гораздо большим, чем юридическая фикция, ей предстоит пройти значительный путь. Но это преобладающая тенденция, и то, как скоро Европа станет полностью республиканской, зависит только от времени или, скорее, от случайности. Таким образом, Соединенные Штаты в этом отношении являются наиболее продвинутой из всех великих наций в направлении, в котором продвигаются все, и в Соединенных Штатах мы видим, как многого может достичь эта тенденция к личной и политической свободе сама по себе.

Итак, первым следствием тенденции к политическому равенству стало более равномерное распределение богатства и власти; ибо, хотя население сравнительно невелико, неравенство в распределении богатства в основном обусловлено неравенством личных прав, и только по мере продвижения материального прогресса тенденция к неравенству, связанная с переходом земли в частную собственность, проявляется отчетливо. Но теперь очевидно, что абсолютное политическое равенство само по себе не предотвращает тенденцию к неравенству, связанную с частной собственностью на землю, и еще более очевидно, что политическое равенство, сосуществующее с растущей тенденцией к неравному распределению богатства, в конечном счете должно породить либо деспотизм организованной тирании, либо худший деспотизм анархии.

Чтобы превратить республиканское правительство в самый низменный и жестокий деспотизм, нет необходимости формально изменять его конституцию или отказываться от всенародных выборов. Прошли столетия после Цезаря, прежде чем абсолютный властелин римского мира притворился, что правит иначе, чем авторитетом Сената, который трепетал перед ним.

Но формы - ничто, когда исчезла субстанция, а формы народного правления - это те, из которых легче всего может исчезнуть субстанция свободы. Крайности сходятся, и правительство,

основанное на всеобщем избирательном праве и теоретическом равенстве, при условиях, которые побуждают к переменам, с наибольшей готовностью может превратиться в деспотизм. Ибо там деспотизм продвигается во имя и с помощью могущества народа. Когда единственный источник власти обеспечен, все обеспечено. Нет бесправного класса, к которому можно было бы апеллировать, нет привилегированных сословий, которые защищая свои собственные права, могли бы защищать права всех. Не осталось ни оплота, чтобы остановить наводнение, ни возвышения, чтобы возвышаться над ним. Это были подпоясанные бароны во главе с архиепископом в митре, который обуздал Плантагенетов Великой хартией вольностей; именно средние классы сломили гордыню Стюартов; но простая богатая аристократия никогда не будет бороться, пока может надеяться подкупить тирана.

И когда неравенство условий возрастает, всеобщее избирательное право облегчает захват источника власти, ибо тем больше доля власти в руках тех, кто не испытывает прямого интереса к поведению правительства; кто, измученный нуждой и охваченный нищетой, готов продать свои голоса тому, кто больше заплатит, или последовать примеру самого откровенного демагога; или кто, ожесточенный лишениями, может даже смотреть на расточительное и тираническое правительство с удовлетворением, которое, как мы можем себе представить, испытывали пролетарии и рабы Рима, когда они видели Калигулу или Нерона, бушевавших среди богатых патрициев. Учитывая общество с республиканскими институтами, в котором один класс слишком богат, чтобы лишиться своей роскоши, независимо от того, как управляются государственные дела, а другой настолько беден, что несколько долларов в день выборов покажутся дороже любого абстрактного соображения; в котором немногие купаются в богатстве, а многие кипят от недовольства положением вещей, которое они не знают, как исправить, и власть должна перейти в руки спекулянтов, которые будут покупать и продавать ее, как преторианцы продавали римский пурпур, или в руки демагогов, которые захватят ее и будут владеть ею некоторое время, только для того, чтобы быть смещенным худшими демагогами.

Там, где есть что—то похожее на равное распределение богатства, то есть там, где есть всеобщий патриотизм, добродетель и интеллект, чем демократичнее правительство, тем лучше ему будет; но там, где существует вопиющее неравенство в распределении богатства, чем демократичнее правительство, тем хуже ему будет; ибо, хотя прогнившая демократия сама по себе, возможно, и не хуже прогнившей автократии, ее влияние на национальный характер будет хуже. Давать избирательное право бродягам, нищим, людям, для которых возможность трудиться является благом, людям, которые вынуждены просить милостыню, воровать или голодать, - значит призывать к разрушению. Отдать политическую власть в руки людей, озлобленных и униженных нищетой, - все равно что привязать головы к лисицам и выпустить их на волю среди стоящей кукурузы; это значит выколоть глаза Самсону и обвить его руками столпы национальной жизни.

Даже случайности наследственного наследования или отбора по жребию, по плану некоторых древних республик, иногда могли привести к власти мудрых и справедливых; но в коррумпированной демократии тенденция всегда отдавать власть худшим. Честность и патриотизм имеют вес, а беспринципность ведет к успеху. Лучшие опускаются на дно, худшие всплывают наверх, а подлые будут вытеснены только подлыми. В то время как национальный характер должен постепенно усваиваться качествами, которые завоевывают власть и, следовательно, уважение, продолжается та деморализация общественного мнения, которую на

долгой панораме истории мы можем видеть снова и снова, превращая расы свободных людей в расы рабов.

Как и в Англии прошлого века, когда парламент был всего лишь закрытой корпорацией аристократии, коррумпированная олигархия, четко отгороженная от масс, может существовать без особого влияния на национальный характер, потому что в этом случае власть ассоциируется в массовом сознании не с коррупцией, а с чем-то другим. Но там, где нет наследственных различий, и люди обычно поднимаются с помощью порочных качеств с самых низов к богатству и власти, терпимость к этим качествам в конце концов превращается в восхищение. Коррумпированное демократическое правительство должно в конце концов развратить народ, а когда народ становится коррумпированным, воскресения не бывает. Жизнь ушла, остался только труп; и его оставляют только для того, чтобы лемехи судьбы похоронили его с глаз долой.

Теперь это превращение народного правления в деспотизм самого низкого и унижающего достоинство вида, которое неизбежно должно возникнуть в результате неравномерного распределения богатства, не является делом далекого будущего. Это уже началось в Соединенных Штатах и быстро продолжается на наших глазах. Что уровень жизни наших законодательных органов неуклонно падает; что люди с высочайшими способностями и характером вынуждены сторониться политики, а искусство биржевика ценится больше, чем репутация государственного деятеля; что голосование проводится все более опрометчиво, а власть денег возрастает; что все труднее убедить людей в необходимости реформ и труднее их проводить; что политические разногласия перестают быть принципиальными, а абстрактные идеи теряют свою силу; что партии переходят под контроль того, что при общем правительстве было бы олигархией и диктатурой; являются ли они все это свидетельствует о политическом упадке.

Тип современного роста - это большой город. Здесь можно найти величайшее богатство и глубочайшую бедность. И именно здесь народное правительство потерпело наиболее явное крушение. Во всех крупных американских городах сегодня существует столь же четко очерченный правящий класс, как и в самых аристократических странах мира. Его члены носят подопечные в карманах, составляют списки кандидатов на съезды, распределяют должности, договариваясь между собой, и — хотя они не трудятся, но и не прядут — носят лучшую одежду и щедро тратят деньги. Это люди власти, чьего расположения честолобец должен добиваться и чьей мести он должен избегать. Кто эти люди? Мудрые, добрые, образованные люди, которые заслужили доверие своих сограждан чистотой своей жизни, великолепием своих талантов, честностью в общественных делах, глубоким изучением проблем управления? Нет; это игроки, содержатели салунов, боксеры или что похуже, которые промышляли контролем голосов, покупкой и продажей должностей и официальных актов. Они относятся к правительству этих городов так же, как преторианская гвардия относилась к правительству приходящего в упадок Рима. Тот, кто наденет пурпур, займет курульное кресло или распорядится, чтобы перед ним несли фасции, должен уйти или послать своих гонцов в их лагеря, раздать им пожертвования и дать им обещания. Именно через этих людей богатые корпорации и влиятельные финансовые круги могут заполучить Сенат и судейскую коллегию своими приспешниками. Именно эти люди становятся директорами школ, Контролерами, Оценщиками, членами Законодательного органа, конгрессменами. Да ведь в Соединенных Штатах есть много избирательных округов, в

которых Джордж Вашингтон, Бенджамин Франклин или Томас Джефферсон не могли пройти в нижнюю палату законодательного собрания штата, как при Старом Режиме крестьянин низкого происхождения не мог стать маршалом Франции. Сам их характер был бы непреодолимой дисквалификацией.

Теоретически мы убежденные демократы. Предложение принести в жертву свинью в храме вряд ли вызвало бы в древнем Иерусалиме больший ужас и негодование, чем среди нас предложение о присвоении высокого звания нашему самому выдающемуся гражданину. Но разве среди нас не растет класс, обладающий всей властью без каких-либо аристократических добродетелей? У нас есть простые граждане, которые контролируют тысячи миль железных дорог, миллионы акров земли, средства к существованию огромного количества людей; которые назначают губернаторов суверенных штатов так же, как они назначают своих клерков, выбирают сенаторов так же, как они выбирают адвокатов, и чья воля в Законодательных органах столь же верховна, как воля французского короля, вершащего правосудие. Подводные течения времени, кажется, снова отбрасывают нас назад, к старым условиям, из которых, как мы мечтали, мы вырвались. Развитие ремесленных и коммерческих классов постепенно разрушило феодализм после того, как он стал настолько законченным, что люди думали о небесах как о организованных на феодальной основе, и считали первое и второе лица Троицы сюзеренами и главными арендаторами. Но теперь развитие производства и обмена, действующее в рамках социальной организации, в которой земля находится в частной собственности, угрожает вынудить каждого работника искать хозяина, подобно тому как ненадежность, последовавшая за окончательным распадом Римской империи, вынудила каждого свободного человека искать господина. Кажется, ничто не исключено из этой тенденции. Промышленность повсюду стремится принять форму, в которой один является хозяином, а многие служат. И когда один является хозяином, а остальные служат, один будет контролировать других, даже в таких вопросах, как голосование. Точно так же, как английский домовладелец голосует за своих арендаторов, владелец фабрики в Новой Англии голосует за своих работников.

Ошибки быть не может — сами основы общества подрываются на наших глазах, в то время как мы спрашиваем, как возможно, что такая цивилизация, как эта, с ее железными дорогами, ежедневными газетами и электрическим телеграфом, когда-либо будет уничтожена? В то время как литература дышит лишь верой в то, что мы были, остаемся и в будущем должны оставаться такими, оставляя дикое состояние все дальше и дальше позади, есть признаки того, что на самом деле мы снова возвращаемся к варварству. Позвольте мне проиллюстрировать: одной из характерных черт варварства является низкое уважение к правам личности и собственности. То, что законы наших англосаксонских предков налагали в качестве наказания за убийство штраф, пропорциональный рангу жертвы, в то время как наш закон не знает различия рангов и защищает низших от высших, беднейших от богатых, единообразным наказанием в виде смертной казни, рассматривается как свидетельство их варварства и нашей цивилизации. Итак, то, что пиратство, разбой, работоторговля и шантаж когда-то считались законными занятиями, является убедительным доказательством того грубого уровня развития, от которого мы так далеко продвинулись.

Но это факт, что, несмотря на наши законы, любой человек, у которого достаточно денег, и который хочет убить другого, может отправиться в любой из наших крупных центров населения и бизнеса и удовлетворить свое желание, а затем сдать правосудию, с вероятностью сто к одному, что он не понесет большего наказания, чем временное тюремное заключение и потеря

суммы, пропорциональной частично его собственному богатству, а частично богатству и положению человека, которого он убивает. Его деньги будут выплачены не семье убитого, потерявшей своего защитника; не государству, потерявшему гражданина; а адвокатам, которые понимают, как добиться отсрочки, найти свидетелей и разогнать присяжных.

Итак, если человек украл достаточно, он может быть уверен, что его наказание практически сводится лишь к потере части доходов от кражи; а если он украл достаточно, чтобы отделаться состоянием, его знакомые встретят его так, как могли бы приветствовать викинга после успешного плавания. Даже если он ограбил тех, кто ему доверял; даже если он ограбил вдову и сироту; ему нужно только получить достаточно, и он может смело выставлять напоказ свое богатство в глазах окружающих.

Тенденция в этом направлении усиливается. С наибольшей силой она проявляется там, где неравенство в распределении богатства наибольшее, и проявляется по мере его увеличения. Если это не возврат к варварству, то что же это? Судебные сбои, на которые я ссылался, являются лишь иллюстрацией растущей слабости нашего юридического механизма во всех департаментах. Все чаще можно услышать, как люди говорят, что было бы лучше вернуться к первым принципам и отменить закон, ибо тогда в целях самообороны люди сформировали бы Комитеты бдительности и взяли правосудие в свои руки. Свидетельствует ли это о прогрессе или регрессе?

Все это является предметом обычных наблюдений. Хотя мы не можем говорить об этом открыто, общая вера в республиканские институты там, где они достигли своего полного развития, сужается и ослабевает. Это уже не та уверенная вера в республиканизм как источник национальных благ, какой она была когда-то. Вдумчивые люди начинают видеть его опасности, не представляя, как их избежать; начинают принимать точку зрения Маколея и не доверять точке зрения Джефферсона.⁶⁴ И люди в целом начинают привыкать к растущей коррупции. Самым зловещим политическим признаком в Соединенных Штатах сегодня является рост настроений, которые либо сомневаются в существовании честного человека на государственной должности, либо считают его дураком за то, что он не воспользовался открывшимися возможностями. То есть сами люди становятся коррумпированными. Таким образом, сегодня в Соединенных Штатах республиканское правительство проводит курс, которому оно неизбежно должно следовать в условиях, вызывающих неравномерное распределение богатства.

К чему ведет этот курс, ясно любому, кто вдумается. По мере того, как коррупция становится хронической; по мере утраты общественного духа; по мере ослабления традиций чести, добродетели и патриотизма; по мере презрения к закону и безнадежности реформ; тогда в гноящейся массе будут генерироваться вулканические силы, которые разрушаются, когда кажущаяся случайность дает им выход. Сильные, беспринципные люди, поднимающиеся при случае, станут выразителями слепых народных желаний или неистовых народных страстей и отбросят формы, утратившие свою жизнеспособность. Меч снова будет сильнее пера, и на карнавалах разрушения грубая сила и дикое безумие будут чередоваться с летаргией угасающей цивилизации.

Я говорю о Соединенных Штатах только потому, что Соединенные Штаты - самая передовая из всех великих наций. Что мы скажем о Европе, где плотины древнего закона и обычаев сдерживают вздымающиеся воды, а постоянные армии перекрывают предохранительные

клапаны, хотя год от года пламя под ними разгорается все жарче? Европа склоняется к республиканизму в условиях, которые не допускают истинного республиканизма — в условиях, которые заменяют спокойную и величественную фигуру Свободы нефтепереработкой и гильотиной!

Откуда придут новые варвары? Пройдитесь по убогим кварталам больших городов, и вы можете увидеть, даже сейчас, их собирающиеся орды! Как погибнет ученость? Люди перестанут читать, а книги разожгут костры и превратятся в патроны!

Поразительно подумать, насколько незначительные следы остались бы от нашей цивилизации, если бы она прошла через муки, сопровождавшие упадок всех предыдущих цивилизаций. Бумага не долговечна, как пергамент, и наши самые массивные здания и монументы не сравнятся по прочности с высеченными в скале храмами и титаническими сооружениями древних цивилизаций.⁶⁵ И изобретения дали нам не только паровую машину и печатный станок, но и нефть, нитроглицерин и динамит.

Однако сегодня даже намекать на то, что наша цивилизация, возможно, клонится к упадку, кажется диким пессимизмом. Особые тенденции, на которые я ссылался, очевидны для мыслящих людей, но у большинства мыслящих людей, как и у широких масс, вера в существенный прогресс все еще глубока и сильна — фундаментальная вера, не допускающая и тени сомнения.

Но любой, кто задумается над этим вопросом, увидит, что это обязательно должно быть в том случае, когда прогресс постепенно переходит в регресс. Ибо в социальном развитии, как и во всем остальном, движение имеет тенденцию сохраняться по прямым линиям, и поэтому там, где ранее наблюдался прогресс, чрезвычайно трудно распознать упадок, даже когда он полностью начался; существует почти непреодолимая тенденция полагать, что поступательное движение, которое было прогрессом и все еще продолжается, все еще является прогрессом. Сеть верований, обычаев, законов, институтов и привычек мышления, которую постоянно плетет каждое сообщество и которая порождает в окружающем его индивиде все различия национального характера, никогда не распутывается. Иными словами, на закате цивилизации сообщества идут вниз не теми путями, по которым они пришли. Например, упадок цивилизации, проявляющийся в управлении государством, не вернул бы нас от республиканства к конституционной монархии, а оттуда к феодальной системе; он привел бы нас к императорству и анархии. Как это проявляется в религии, это вернет нас не к вере наших предков, в протестантизм или католицизм, а к новым формам суеверий, о которых, возможно, мормонизм и другие еще более грубые “измы” могут дать некоторое смутное представление. В том виде, в каком это проявляется в знании, это привело бы нас не к Бэкону, а к китайским литераторам.

И то, что регресс цивилизации, следующий за периодом прогресса, может быть настолько постепенным, что в данный момент не привлекает внимания; более того, то, что этот упадок неизбежно должен быть принят подавляющим большинством людей за прогресс, легко увидеть. Например, существует огромная разница между греческим искусством классического периода и искусством нижней империи; однако перемена сопровождалась или, скорее, была вызвана изменением вкуса. Художники, которые быстрее всех последовали за этим изменением вкуса, в свое время считались выдающимися художниками. То же самое и в литературе. По мере того как он становился все более пресным, ребяческим и высокопарным, он подчинялся изменившемуся вкусу, который расценивал его растущую слабость как

возрастающую силу и красоту. По-настоящему хороший писатель не нашел бы читателей; его считали бы грубым, сухим или скучным. Точно так же пришла бы в упадок драматургия; не потому, что не хватало хороших пьес, а потому, что преобладающий вкус все больше и больше принадлежал менее культурному классу, который, конечно, считает то, что им больше всего нравится, лучшим в своем роде. То же самое относится и к религии; суеверия, которые суеверные люди добавляют к ней, будут рассматриваться ими как улучшения. Хотя, по мере продолжения упадка, возвращение к варварству, где оно само по себе не рассматривается как прогресс, будет казаться необходимым для удовлетворения требований времени.

Например, порка в качестве наказания за определенные правонарушения была недавно восстановлена в уголовном кодексе Англии и активно пропагандируется по эту сторону Атлантики. Я не высказываю никакого мнения относительно того, является ли это лучшим наказанием за преступление, чем тюремное заключение. Я лишь указываю на этот факт как на иллюстрацию того, как растущее количество преступлений и растущие трудности с содержанием заключенных, обе очевидные тенденции в настоящее время, могут привести к более полному возвращению к физической жестокости варварских кодексов. Таким образом, легко видеть, что применение пыток в судебных расследованиях, которое неуклонно росло с упадком римской цивилизации, могло, по мере ужесточения нравов и роста преступности, быть востребовано в качестве необходимого усовершенствования уголовного законодательства.

Нет необходимости выяснять, есть ли в нынешних колебаниях мнений и вкусов какие-либо признаки регресса; но есть много вещей, по поводу которых не может быть никаких споров, которые показывают, что наша цивилизация достигла критического периода и что, если не будет предпринято новое движение в направлении социального равенства, девятнадцатое столетие в будущем может ознаменоваться своей кульминацией. Эти промышленные депрессии, которые приводят к таким же потерям и страданиям, как голод или войны, подобны приступам боли и потрясениям, предшествующим параличу. Повсюду очевидно, что тенденция к неравенству, которая является необходимым результатом материального прогресса там, где земля монополизирована, не может идти намного дальше, не увлекая нашу цивилизацию на тот путь падения, на который так легко вступить и так трудно сойти. Повсюду растущая интенсивность борьбы за жизнь, растущая необходимость напрягать все нервы, чтобы не быть поверженным и растоптанным в борьбе за богатство, истощает силы, которые добиваются и поддерживают улучшения. В каждой цивилизованной стране растут пауперизм, преступность, безумие и самоубийства. В каждой цивилизованной стране растет число болезней, которые происходят от перенапряжения нервов, от недостаточного питания, от убогих жилищ, от нездоровых и монотонных занятий, от преждевременных родов, от обязанностей и преступлений, которые бедность возлагает на женщин. В каждой высокоцивилизованной стране ожидания от жизни, которые постепенно возрастали на протяжении нескольких столетий и которые, по-видимому, достигли кульминации примерно в первой четверти нынешнего столетия, теперь, по-видимому, уменьшаются.⁶⁶

Эти цифры свидетельствуют не о прогрессирующей цивилизации. Это цивилизация, которая в своих подводных течениях уже начала отступать. Когда прилив в заливе или реке переходит от половодья к отливу, это происходит не сразу; но здесь он все еще продолжается, хотя там и начал отступать. Когда солнце проходит меридиан, об этом можно судить только по тому, как падают короткие тени, потому что дневная жара еще усиливается. Но так же верно, как то, что переломный прилив вскоре должен закончиться полным отливом; так же верно, как то,

чтозаходящее солнце должно принести темноту, так же верно, что, хотя знания все еще растут, и изобретения продвигаются вперед, и создаются новые государства, и города все еще расширяются, все же цивилизация начала убывать, когда пропорционально численности населения мы должны строить все больше и больше тюрем, все больше и больше богаделен, все больше и больше приютов для умалишенных. Общества умирают не сверху донизу, а снизу доверху.

Но есть свидетельства, гораздо более ощутимые, чем те, которые могут быть предоставлены статистикой, о тенденциях к закату цивилизации. Существует смутное, но общее чувство разочарования; растущая горечь среди рабочих классов; широко распространенное ощущение беспорядков и надвигающейся революции. Если бы это сопровождалось определенным представлением о том, как можно получить облегчение, это было бы обнадеживающим знаком; но это не так. Хотя школьный учитель некоторое время пробыл за границей, общая способность отыскивать причину от следствия, похоже, ни на йоту не улучшилась. Реакция на протекционизм, как и реакция на другие взорванные заблуждения правительства, показывает это.⁶⁷ И даже свободомыслящий философ не может смотреть на те огромные изменения в религиозных идеях, которые сейчас захлестывают цивилизованный мир, без ощущения, что этот потрясающий факт может иметь важнейшие последствия, которые может развить только будущее. Ибо то, что происходит, - это не изменение формы религии, а отрицание и разрушение идей, из которых проистекает религия. Христианство не просто очищается от суеверий, но в массовом сознании оно умирает в корне, как умирали старые язычества, когда христианство вошло в мир. И ничего не возникает, чтобы занять его место. Фундаментальные идеи о разумном Творце и будущей жизни в общественном сознании быстро ослабевают. Теперь, независимо от того, может это быть прогрессом само по себе или нет, важность роли, которую религия сыграла в мировой истории, показывает важность происходящих сейчас перемен. Если природа человека внезапно не изменилась в том, что, как показывает всеобщая история расы, является ее глубочайшими характеристиками, то таким образом готовятся самые могущественные действия и реакции. Такие стадии мышления до сих пор всегда отмечались переходными периодами. В меньшем масштабе и на меньшую глубину (ибо я думаю, что любой, кто заметит направление нашей литературы и поговорит на подобные темы с людьми, которых он встречает, увидит, что материалистические идеи сейчас занимают подпочвой, а не поверхностной вспашкой), такое состояние мысли предшествовало Французской революции. Но ближайшую параллель происходящему сейчас крушению религиозных идей можно найти в тот период, когда древняя цивилизация начала переходить от великолепия к упадку. Какие перемены могут произойти, ни один смертный не может сказать, но то, что какие-то великие перемены *должны* произойти, начинают чувствовать вдумчивые люди. Цивилизованный мир дрожит на пороге великого движения. Либо это должен быть скачок вверх, который откроет путь к достижениям, о которых еще и не мечтали, либо это должно быть падение вниз, которое вернет нас к варварству.

ГЛАВА V.

ГЛАВНАЯ ИСТИНА.

В том коротком пространстве, которым по необходимости ограничена эта последняя часть нашего исследования, я был вынужден опустить многое из того, что я хотел бы сказать, и кратко коснуться тех мест, где исчерпывающее рассмотрение было бы уместно.

Тем не менее, очевидно, по крайней мере, то, что истина, к которой мы пришли в политико-экономической области нашего исследования, столь же ясно проявляется в возвышении и падении наций, росте и упадке цивилизаций, и что она согласуется с теми глубоко укоренившимися представлениями о взаимосвязи и последовательности, которые мы называем моральными представлениями. Таким образом, нашим выводам была придана величайшая достоверность и высочайшая санкция.

Эта истина заключает в себе как угрозу, так и обещание. Это показывает, что зло, возникающее из-за несправедливого и неравномерного распределения богатства, которое становится все более и более очевидным по мере развития современной цивилизации, - это не проявления прогресса, а тенденции, которые должны остановить прогресс; что они не излечат себя сами, а, напротив, должны, если не будет устранена их причина, становиться все больше и больше, пока не отбросят нас назад в варварство по пути, пройденному каждой предыдущей цивилизацией. Но это также показывает, что это зло не вызвано законами природы; что оно возникает исключительно из-за социальных нарушений, которые игнорируют законы природы, и что, устранив их причину, мы придадим огромный импульс прогрессу.

Бедность, которая среди изобилия ущемляет и лишает мужества людей, и все многообразное зло, проистекающее из нее, проистекают из отказа в справедливости. Допуская монополизацию возможностей, которые природа свободно предоставляет всем, мы игнорируем фундаментальный закон справедливости — ибо, насколько мы можем видеть, когда мы рассматриваем вещи в широком масштабе, справедливость кажется высшим законом вселенной. Но, отмечая эту несправедливость и утверждая права всех людей на естественные возможности, мы подчинимся закону — мы устраним великую причину неестественного неравенства в распределении богатства и власти; мы уничтожим бедность; укротим безжалостные страсти алчности; иссушим источники порока и нищеты; зажжем в темных местах светильник знания; придадим новую силу изобретательству и свежий импульс открытиям; заменим политическую слабость политической силой; и сделаем невозможными тиранию и анархию.

Реформа, которую я предложил, соответствует всем политическим, социальным или моральным желаниям. Она обладает качествами настоящей реформы, поскольку облегчит проведение всех других реформ. Что это, как не претворение в жизнь по букве и духу истины, провозглашенной в Декларации независимости — “самоочевидной” истины, которая является сердцем и душой Декларации - *“Что все люди созданы равными; что они наделены своим Создателем определенными неотъемлемыми правами; что среди них жизнь, свобода и стремление к счастью!”*”

Эти права отрицаются, когда отрицается равное право на землю, на которой и за счет которой могут жить только люди. Равенство политических прав не компенсирует отрицания равного права на дары природы. Политическая свобода, когда отрицается равное право на землю,

становится, по мере роста населения и развития изобретений, просто свободой бороться за работу за мизерную зарплату. Это истина, которую мы игнорировали. И вот на наших улицах появляются нищие и бродяги на наших дорогах; и бедность порабощает людей, которые, как мы хвастаемся, являются политическими властителями; и нужда порождает невежество, которое наши школы не могут просветить; и граждане голосуют так, как диктуют их хозяева; и демагог узурпирует роль государственного деятеля; и золото взвешивается на весах правосудия; и на высоких постах сидят те, кто не воздаст гражданской добродетели даже комплимента в виде лицемерия; и столпы республики, которые мы считали такими сильными, уже гнутся под растущим давлением.

Мы чтим Свободу по названию и форме. Мы устанавливаем ей статуи и восхваляем ее. Но мы не доверяем ей полностью. И с нашим ростом растут и ее требования. У нее не будет половины обслуживания!

Свобода! это слово, которым можно восхищаться, а не раздражать слух пустым хвастовством. Ибо Свобода означает Справедливость, а Справедливость — это естественный закон - закон здоровья, симметрии и силы, братства и сотрудничества.

Те, кто считает Свободу выполнившей свою миссию, когда она отменила наследственные привилегии и предоставила мужчинам право голоса, кто думает, что она больше не имеет отношения к повседневным делам жизни, не видели ее подлинного величия — им поэты, воспевавшие ее, должны казаться рапсодами, а ее мученики глупцами! Как солнце является владыкой жизни, а также света; как его лучи не просто пробиваются сквозь облака, но поддерживают всякий рост, обеспечивают всякое движение и вызывают из того, что в противном случае было бы холодной и инертной массой, все бесконечное разнообразие бытия и красоты, так и свобода для человечества. Люди трудились и умирали не ради абстракции; в каждую эпоху выступали свидетели Свободы и страдали мученики Свободы.

Мы говорим о Свободе как об одном, а о добродетели, богатстве, знаниях, изобретательстве, национальной силе и национальной независимости - как о других вещах. Но из всего этого Свобода является источником, матерью, необходимым условием. Она для добродетели то же, что свет для цвета; для богатства - то же, что солнечный блеск для зерна; для знания - то же, что глаза для зрения. Она - гений изобретательства, олицетворение национальной мощи, дух национальной независимости. Где возвышается Свобода, там растет добродетель, увеличивается богатство, расширяются знания, изобретательность умножает человеческие силы, и по силе и духу более свободная нация возвышается среди своих соседей, как Саул среди своих братьев — выше и прекраснее. Где гибнет Свобода, там угасает добродетель, уменьшается богатство, знания забываются, изобретения прекращаются, и империи, некогда могущественные в военном деле и искусстве, становятся беспомощной добычей более свободных варваров!

Лишь прерывистыми отблесками и частичным светом солнце Свободы еще сияло среди людей, но она призвала весь прогресс вперед.

Свобода пришла к расе рабов, скорчившихся под египетскими кнутами, и вывела их из Дома Рабства. Она закаляла их в пустыне и сделала из них расу завоевателей. Свободный дух Моисеева закона вознес их мыслителей на высоты, где они созерцали единство Бога, и вдохновил их поэтов на напевы, которые в то же время выражают высочайшую экзальтацию

мысли. На финикийском побережье забрезжил рассвет Свободы, и корабли миновали Геркулесовы столпы, чтобы бороздить неведомое море. Она пролила частичный свет на Грецию, и мрамор обрел формы идеальной красоты, слова стали орудиями тончайшей мысли, и против немногочисленного ополчения вольных городов бесчисленное воинство Великого Царя разбилось, как волна о скалу. Она направила свои лучи на фермы итальянских земледельцев площадью в четыре акра, и благодаря ее силе возникла сила, покорившая весь мир. Они сверкали на щитах германских воинов, и Август оплакивал свои легионы. Из ночи, последовавшей за ее затмением, ее косые лучи снова упали на свободные города, и возродились утраченные знания, зародилась современная цивилизация, открылся новый мир; и по мере роста Свободы росли искусство, богатство, власть, знания и утонченность. В его истории каждой нации мы можем прочесть одну и ту же истину. Именно сила, порожденная Великой хартией вольностей, победила в Креси и Азенкуре. Именно возрождение Свободы от деспотизма Тюдоров прославило елизаветинскую эпоху. Это был дух, который привел коронованного тирана на плаху, который посадил здесь семя могучего дерева. Именно энергия древней свободы в тот момент, когда она обрела единство, сделала Испанию самой могущественной державой мира, но только для того, чтобы впасть в глубочайшую слабость, когда на смену свободе пришла тирания. Посмотрите, во Франции вся интеллектуальная энергия угасает под тиранией Семнадцатого века, чтобы возродиться в великолепии, когда Свобода пробудилась в Восемнадцатом, и на предоставлении избирательных прав французским крестьянам в ходе Великой революции основана удивительная сила, которая в наше время бросила вызов поражению.

Неужели мы не должны ей доверять?

В наше время, как и в прежние времена, подкрадываются коварные силы, которые, порождая неравенство, уничтожают Свободу. На горизонте начинают сгущаться тучи. Свобода снова зовет нас. Мы должны следовать за ней дальше; мы должны полностью доверять ей. Либо мы должны полностью принять ее, либо она не останется. Недостаточно того, что мужчины должны голосовать; недостаточно того, что они должны быть теоретически равны перед законом. У них должна быть свобода пользоваться возможностями и средствами жизни; они должны находиться в равных условиях по отношению к щедрости природы. Либо это, либо Свобода лишает их своего света! Либо это, либо наступает тьма, и те самые силы, которые развили прогресс, превращаются в силы, приводящие к разрушению. Это универсальный закон. Это урок веков. Социальная структура не может устоять, пока ее основы не будут заложены в справедливости.

Наша основная социальная адаптация - это отказ в справедливости. Позволив одному человеку владеть землей, на которой должны жить другие люди, мы сделали их его рабами в степени, которая возрастает по мере продвижения материального прогресса. Это тонкая алхимия, которая способами, которых они не осознают, извлекает из масс в каждой цивилизованной стране плоды их тяжелого труда; это установление более тяжелого и безнадежного рабства взамен того, которое было уничтожено; это вытесняет политический деспотизм из политической свободы и вскоре должно превратить демократические институты в анархию.

Именно это превращает благословения материального прогресса в проклятие. Именно это загоняет людей в зловонные подвалы и убогие многоквартирные дома; это наполняет тюрьмы и публичные дома; это провоцирует мужчин на нужду и пожирает их жадностью; это лишает

женщин грации и красоты совершенной женственности; это отнимает у маленьких детей радость и невинность утра жизни.

Цивилизация, основанная таким образом, не может продолжаться. Вечные законы Вселенной запрещают это. Руины мертвых империй свидетельствуют, и свидетель, который есть в каждой душе, отвечает, что этого не может быть. Это нечто большее, чем Благожелательность, нечто более величественное, чем Милосердие, — это сама Справедливость, которая требует от нас исправить это зло. Правосудие, которому нельзя отказать; которое нельзя отложить — Правосудие, которое вместе с весами несет меч. Должны ли мы отразить удар литургиями и молитвами? Должны ли мы предотвращать постановления непреложного закона, воздвигая церкви, когда стонут голодные младенцы и рыдают усталые матери?

Хотя это может быть выражено языком молитвы, это богохульство, которое приписывает непостижимым указам Провидения страдания и жестокость, проистекающие из бедности; которое обращается со сложенными руками к Всеотцу и возлагает на Него ответственность за нужду и преступления наших великих городов. Мы унижаем Вечное. Мы клеветаем на Праведного. Милосердный человек лучше бы устроил мир; справедливый человек раздавил бы ногой такой язвенный муравейник! Не Всемогущий, а мы несем ответственность за порок и нищету, которые царят в нашей цивилизации. Творец изливает на нас свои дары — их более чем достаточно для всех. Но, как свиньи, рвущиеся за едой, мы топчем их в трясине — топчем их в трясине, в то время как сами рвем и растерзаем друг друга!

В самых центрах нашей цивилизации сегодня столько нужды и страданий, что у того, кто не закрывает глаза и не закаляет нервы, начинает болеть сердце. Осмелимся ли мы обратиться к Творцу и попросить Его облегчить это? Предположим, что молитва была услышана, и по велению, с которым вселенная возникла, солнце засияло бы с большей силой; воздух наполнился бы новыми добродетелями; почва наполнилась бы свежей энергией; что на каждую травинку, которая сейчас растет, взошли бы две, и семя, которое сейчас увеличивается в пятьдесят раз, увеличилось бы в сто раз! Уменьшится ли бедность или исчезнет нужда? Явно нет! Какая бы выгода ни возникла, она была бы лишь временной. Новые силы, текущие через материальную вселенную, можно было бы использовать только через землю. А земля, являясь частной собственностью, классы, которые сейчас монополизируют щедрость Творца, монополизировали бы все новые щедроты. Выиграли бы только землевладельцы. Арендная плата выросла бы, но заработная плата по-прежнему стремилась бы к нулевой отметке!

Это не просто вывод политической экономии; это факт опыта. Мы знаем это, потому что видели это. В наше время, на наших глазах, та Сила, которая выше всего, и во всем, и через все; та Сила, проявлением которой является вся вселенная; та Сила, которая создает все вещи и без которой не может быть создано ничего из того, что было создано, увеличила щедрость, которой могут наслаждаться люди, так же верно, как если бы возросло плодородие природы. В голову одному пришла мысль, которая использовала пар на благо человечества. Внутреннему уху другого был нашептан секрет, который заставляет молнию разносить весть по всему земному шару. Во всех областях были открыты законы материи; в каждой отрасли промышленности возникли железные руки и пальцы из стали, влияние которых на производство богатства было точно таким же, как увеличение плодородия природы. Каков результат? Просто землевладельцы получают всю выгоду. Замечательные открытия и изобретения нашего века не

повысили заработную плату и не облегчили тяжелый труд. Результатом стало то, что немногие стали богаче, а многие - еще более беспомощными!

Может ли быть так, что дары Творца могут быть таким образом безнаказанно незаконно присвоены? Легко ли, что у труда отнимают его заработки, в то время как жадность приводит к богатству, — что многие должны хотеть, в то время как немногие пресыщены? Обратимся к истории, и на каждой странице можно прочесть урок о том, что такое зло никогда не остается безнаказанным; что Возмездие, следующее за несправедливостью, никогда не дрогнет и не дремлет! Оглянитесь вокруг сегодня. Может ли такое положение вещей продолжаться? Можем ли мы даже сказать: “После нас всемирный потоп!” Более того, столпы государства дрожат даже сейчас, и сами основы общества начинают сотрясаться от сдерживаемых сил, которые тлеют под ними. Борьба, которая должна либо возродиться, либо сотрясаться в конвульсиях гибели, близка, если уже не начата.

"Фиат" вышел в свет! С появлением пара и электричества, а также новых сил, рожденных прогрессом, в мир пришли силы, которые либо вынудят нас подняться на более высокий уровень, либо сокрушат нас, как раньше сокрушали нацию за нацией, цивилизацию за цивилизацией. Это заблуждение, предшествующее разрушению, которое видит в народных волнениях, лихорадочно пульсирующих в цивилизованном мире, лишь преходящее следствие эфемерных причин. Между демократическими идеями и аристократическим устройством общества существует непримиримый конфликт. Здесь, в Соединенных Штатах, как и в Европе, можно наблюдать его возникновение. Мы не можем продолжать позволять мужчинам голосовать и заставлять их бродяжничать. Мы не можем продолжать давать образование мальчикам и девочкам в наших государственных школах, а затем отказывать им в праве честно зарабатывать на жизнь. Мы не можем продолжать разглагольствовать о неотъемлемых правах человека, а затем отрицать неотъемлемое право на щедроты Творца. Даже сейчас в старых бутылках начинает бродить молодое вино, и стихийные силы собираются для борьбы!

Но если, пока еще есть время, мы обратимся к Справедливости и повинемся ей, если мы доверимся Свободе и последуем за ней, опасности, которые сейчас угрожают, должны исчезнуть, силы, которые сейчас угрожают, обратятся к средствам возвышения. Подумайте о тех силах, которые сейчас растрачиваются впустую; о бесконечных областях знаний, которые еще предстоит исследовать; о возможностях, на которые чудесные изобретения этого столетия дают нам лишь намек. С уничтоженной нуждой; с алчностью, сменившейся благородными страстями; с братством, рожденным равенством, занявшим место ревности и страха, которые теперь настраивают людей друг против друга; с умственной силой, высвобождаемой условиями, дающими самый скромный комфорт и досуг; и кто измерит высоты, до которых может взлететь наша цивилизация? Слова не передают мысли! Это Золотой век, о котором пели поэты и метафорически рассказывали высокопоставленные провидцы! Это великолепное видение, которое всегда преследовало человека вспышками прерывистого великопия. Это то, что увидел тот, чьи глаза на Патмосе были закрыты в трансе. Это кульминация христианства — Град Божий на земле, со стенами из яшмы и воротами из жемчуга! Это правление Князя Мира!

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. ПРОБЛЕМА ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ЖИЗНИ.

От дней народов не осталось и следа
Из всех предсказанных до сих пор солнечных лучей;
Вместо учителя говорит пушка—
Век утомлен работой и золотом,
И большие надежды увядают, и воспоминания увядают;
В очагах и алтарях погас огонь;
Но эта отважная вера прожила не напрасно —
И это все, что сказал наш наблюдатель.
—*Фрэнсис Браун.*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. ПРОБЛЕМА ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ЖИЗНИ.

Моя задача выполнена.

Тем не менее, мысль все еще нарастает. Проблемы, которые мы рассматривали, ведут к проблеме еще более высокой и глубокой. За проблемами социальной жизни стоит проблема индивидуальной жизни. Я обнаружил, что невозможно думать об одном, не думая о другом, и так, я полагаю, будет с теми, кто, читая эту книгу, мысленно идет со мной. Ибо, как говорит Гизо, “когда история цивилизации завершается, когда больше нечего сказать о нашем нынешнем существовании, человек неизбежно спрашивает себя, все ли исчерпано, достиг ли он конца всего сущего?”

Эту проблему я не могу сейчас обсуждать. Я говорю об этом только потому, что мысль, которая пришла мне в голову при написании этой книги с невыразимым воодушевлением, может также обрадовать тех, кто ее прочтет; ибо, какова бы ни была ее судьба, ее прочтут те, кто в глубине души принял крест нового крестового похода. Эта мысль придет к ним и без моего внушения; но мы более уверены в том, что видим звезду, когда знаем, что другие тоже видят ее.

Истина, которую я пытался донести, не найдет легкого признания. Если бы это было возможно, это было бы принято давным-давно. Если бы это было возможно, это никогда бы не было затемнено. Но это найдет друзей — тех, кто будет трудиться ради этого; страдать за это; если понадобится, умереть за это. В этом сила Истины.

Восторжествует ли это в конце концов? В конечном счете, да. Но в наши собственные времена или во времена, о которых сохранилась хоть какая-то память о нас, кто скажет?

Человека, который, видя нужду и несчастье, невежество и жестокость, вызванные несправедливыми социальными институтами, пытается, насколько у него есть силы, исправить их, ожидают разочарование и горечь. Так было в старые времена. Так происходит и сейчас. Но самая горькая мысль — и она иногда приходит к лучшим и храбрейшим — это мысль о безнадежности усилий, тщетности жертвы. Как немногим из тех, кто сеет семя, дано видеть, как оно растет, или даже с уверенностью знать, что оно прорастет.

Давайте не будем скрывать этого. Снова и снова в этом мире поднимался стандарт Истины и Справедливости. Снова и снова это попиралось — часто в крови. Если это слабые силы, противостоящие Истине, как могло Заблуждение так долго преобладать? Если Справедливости достаточно поднять голову, чтобы Несправедливость бежала от нее, то как же должен раздаваться столь долго стон угнетенных?

Но для тех, кто видит Истину и последует за ней; для тех, кто признает Справедливость и будет отстаивать ее, успех — это не единственное. Успех! Ведь Ложь часто может это дать, а Несправедливость часто может это дать. Разве Истина и Справедливость не должны давать что-то, что принадлежит им по праву — им по сути, а не случайно?

Что у них есть, и что здесь и сейчас знает каждый, кто почувствовал их возвышение. Но иногда облака сгущаются. Грустно, очень грустно читать о жизнях людей, которые сделали бы что-то для своих братьев. Сократу они дали цикуту; Гракха они убили палками и камнями; а Одного, величайшего и чистейшего из всех, они распяли. Это всего лишь прообразы. Сегодня российские тюрьмы переполнены, и длинными процессиями мужчины и женщины, которые, если бы не возвышенный патриотизм, могли бы жить в легкости и роскоши, движутся в цепях навстречу пожизненной смерти в Сибири. И в нужде, в пренебрежении и презрении, лишенные даже сочувствия, которое было бы так приятно, сколько людей в каждой стране закрыли на это глаза? Это мы видим.

Но видим ли мы все это?

Готовясь к написанию, я взял в руки газету. В нем приводится краткий отчет, очевидно переведенный с полуофициального отчета, о казни трех нигилистов в Киеве — прусского подданного Брандтнера, неизвестного человека, называющего себя Антоновым, и дворянина Осинского. У подножия виселицы им разрешили поцеловать друг друга. “Затем палач перерезал веревку, хирурги констатировали смерть жертв, тела были похоронены у подножия эшафота, а нигилисты были преданы вечному забвению”. Так гласит рассказ. Я в это не верю. Нет, не до забвения!

В этом исследовании я следовал ходу своих собственных мыслей. Когда я приступал к нему, у меня не было теории, которую нужно было бы подкрепить, и выводов, которые нужно было бы доказать. Только когда я впервые осознал убогость большого города, это ужаснуло и мучило меня, и не давало мне покоя думать о том, что вызвало это и как это можно вылечить.

Но в результате этого исследования ко мне пришло то, чего я не думал найти, и вера, которая была мертва, оживает.

Стремление к дальнейшей жизни естественно и глубоко. Оно растет вместе с интеллектуальным ростом, и, возможно, никто на самом деле не чувствует этого больше, чем те, кто начал понимать, насколько велика вселенная и насколько бесконечны перспективы, которые открывает перед нами каждый прогресс в знании, — перспективы, для исследования которых потребовалась бы не что иное, как вечность. Но в ментальной атмосфере нашего времени подавляющему большинству людей, для которых простые верования утратили свою власть, кажется невозможным смотреть на это стремление иначе, как на тщетную и детскую надежду, проистекающую из человеческого эгоизма, и для которой нет ни малейшего основания или воинственных разглагольствований, но которая, напротив, кажется несовместимой с положительным знанием.

Теперь, когда мы приступим к анализу и отслеживанию идей, которые таким образом разрушают надежду на будущую жизнь, мы обнаружим, что они, я думаю, имеют свой источник не в каких-либо открытиях физической науки, а в определенных учениях политической и социальной науки, которые глубоко проникли в мысль во всех направлениях. Они уходят своими корнями в доктрины о том, что существует тенденция к производству большего количества людей, чем может быть обеспечено; что порок и нищета являются результатом законов природы и средств, с помощью которых происходит прогресс; и что человеческий прогресс обусловлен медленным развитием расы. Эти доктрины, которые были общеприняты как утвержденная истина, делают то, чего, за исключением окрашенных ими научных интерпретаций, не делают расширения физической науки — они низводят человека до ничтожества; они разрушают идею о том, что в устройстве вселенной может быть какое-либо отношение к его существованию или какое-либо признание того, что мы называем моральными качествами.

Трудно примирить идею человеческого бессмертия с идеей о том, что природа расточает людей, постоянно создавая их там, где для них нет места. Невозможно примирить идею разумного и милосердного Творца с верой в то, что несчастье и деградация, которые являются уделом столь значительной части человечества, являются результатом его действий; в то время как идея о том, что человек умственно и физически является результатом медленных модификаций, увековеченных наследственностью, неотразимо наводит на мысль, что целью человеческого существования является жизнь расы, а не отдельного человека. Так исчезла у многих из нас и продолжает исчезать у еще большего числа из нас та вера, которая в битвах и жизненных невзгодах дает самую сильную поддержку и глубочайшее утешение.

Теперь, в ходе исследования, через которое мы прошли, мы встретились с этими доктринами и убедились в их ошибочности. Мы видели, что численность населения не стремится превысить средства к существованию; мы видели, что напрасная трата человеческих сил и

расточительность человеческих страданий проистекают не из законов природы, а из невежества и эгоизма людей, отказывающихся подчиняться законам природы. Мы видели, что человеческий прогресс заключается не в изменении природы людей; напротив, природа людей, вообще говоря, кажется всегда одной и той же.

Таким образом, кошмар, который изгоняет из современного мира веру в будущую жизнь, разрушен. Не то чтобы устранены все трудности — ибо, каким бы путем мы ни шли, мы приходим к тому, чего не можем постичь; но устранены трудности, которые кажутся окончательными и непреодолимыми. И, таким образом, появляется надежда.

Но это еще не все.

Политическую экономию называли мрачной наукой, и в том виде, в каком она преподается в настоящее время, она *является* безнадежной. Но это, как мы видели, происходит исключительно потому, что она была унижена и скована; ее истины искажены; ее гармонии проигнорированы; слово, которое она произнесла бы, застряло у нее во рту, а ее протест против несправедливости превратился в одобрение несправедливости. Освобожденная, как я пытался освободить ее — в присущей ей симметрии, Политическая экономия излучает надежду.

При правильном понимании законы, управляющие производством и распределением богатства, показывают, что нужда и несправедливость нынешнего социального состояния не являются необходимыми; но что, напротив, возможно социальное государство, в котором бедность была бы неизвестна, а все лучшие качества и высшие силы человеческой природы имели бы возможность для полного развития.

И более того, когда мы видим, что общественное развитие управляется не Особым Провидением и не безжалостной судьбой, а законом, одновременно неизменным и благотворным; когда мы видим, что человеческая воля является великим фактором и что, если брать людей в совокупности, их состояние таково, каким они его создают; когда мы видим, что экономический закон и моральный закон по существу едины и что истина, которую интеллект постигает после упорных усилий, есть всего лишь то, чего моральное чувство достигает быстрой интуицией, на проблему индивидуальной жизни проливается поток света. Эти бесчисленные миллионы таких, как мы, которые на нашей земле прошли и продолжают проходить, со своими радостями и печалью, своим тяжелым трудом и устремлениями, своими стремлениями и страхами, своим сильным восприятием вещей, более глубоких, чем разум, своими общими чувствами, которые составляют основу даже самых разных вероучений, — их маленькие жизни не кажутся настолько бессмысленной тратой времени.

Великий факт, который показывает Наука во всех ее отраслях, - это универсальность закона. Везде, где он может это проследить, будь то в падении яблока или в вращении двойных солнц, астроном видит действие того же закона, который действует как в мельчайших частях пространства, в которых мы можем различать, так и в неизмеримых расстояниях, с которыми имеет дело его наука. Из того, что находится за пределами его телескопа, появляется движущееся тело и снова исчезает. Насколько он может проследить его курс, закон игнорируется. Он говорит, что это исключение? Напротив, он говорит, что это всего лишь часть

его орбиты, которую он видел; что за пределами досягаемости его телескопа закон остается в силе. Он делает свои расчеты, и спустя столетия они подтверждаются.

Теперь, если мы проследим законы, управляющие жизнью человека в обществе, мы обнаружим, что как в самом большом, так и в самом маленьком сообществе они одинаковы. Мы обнаруживаем, что то, что на первый взгляд кажется расхождениями и исключениями, является всего лишь проявлениями одних и тех же принципов. И мы обнаруживаем, что везде, где мы можем это проследить, социальный закон пересекается с моральным законом и согласуется с ним; что в жизни сообщества справедливость безошибочно приносит свою награду, а в правосудии - свое наказание. Но этого мы не можем увидеть в индивидуальной жизни. Если мы смотрим только на индивидуальную жизнь, мы не можем увидеть, что законы Вселенной имеют ни малейшее отношение к хорошему или плохому, к правильному или неправильному, к справедливому или несправедливому.⁶⁸ Должны ли мы тогда сказать, что закон, проявляющийся в социальной жизни, не справедлив в отношении индивидуальной жизни? Утверждать это ненаучно. Мы бы не стали говорить так по отношению к чему-либо другому. Не лучше ли сказать, что это просто доказывает, что мы не видим всей индивидуальной жизни?

Законы, которые открывает политическая экономия, подобно фактам и отношениям физической природы, согласуются с тем, что кажется законом умственного развития — не необходимым и произвольным прогрессом, а прогрессом, в котором человеческая воля является иницирующей силой. Но в жизни, как мы знаем, умственное развитие может идти лишь незначительно. Едва разум начинает пробуждаться, как силы тела приходят в упадок — он лишь смутно осознает открывающиеся перед ним обширные поля, но начинает учиться и использовать свою силу, распознавать отношения и расширять свои симпатии, когда со смертью тела оно уходит. Если нет чего-то большего, то здесь, по-видимому, наступил перерыв, неудача. Будь то Гумбольдт или Гершель, Моисей, взирающий с Фасги, Иисус Навин, ведущий воинство, или одна из тех милых и терпеливых душ, которые в узких кругах живут лучезарной жизнью, кажется, что если разум и характер, развитые здесь, не могут идти дальше, бесцельность несовместима с тем, что мы можем видеть о взаимосвязанной последовательности вселенной.

В силу фундаментального закона нашего разума — закона, на который Политическая экономия опирается во всех своих выводах, — мы не можем представить себе средство без цели, изобретение без цели. Итак, для всей природы, насколько мы соприкасаемся с ней в этом мире, поддержка и применение разума, который есть в человеке, является такой целью. Но до тех пор, пока сам человек не сможет подняться к чему-то высшему или породить его, его существование непонятно. Эта метафизическая необходимость настолько сильна, что те, кто отрицает для индивида что-либо большее, чем эта жизнь, вынуждены перенести идею совершенствования на расу. Но, как мы видели, и аргумент можно было бы привести гораздо полнее, нет ничего, что свидетельствовало бы о каком-либо существенном улучшении расы. Прогресс человечества - это не улучшение человеческой природы. Достижения, в которых заключается цивилизация, закреплены не в строении человека, а в строении общества. Таким образом, они не являются фиксированными и постоянными, но могут в любой момент быть утрачены — более того, постоянно имеют тенденцию к утрате. И более того, если человеческая жизнь не продолжается дальше того, что мы видим здесь, то в отношении расы мы сталкиваемся с теми же трудностями,

что и в отношении отдельного человека! Ибо то, что раса должна умереть, столь же несомненно, как и то, что должен умереть индивидуум. Мы знаем, что существовали геологические условия, при которых человеческая жизнь на этой земле была невозможна. Мы знаем, что они должны вернуться снова. Даже сейчас, когда земля вращается по назначенной ей орбите, северная ледяная шапка медленно утолщается, и постепенно приближается время, когда ее ледники снова потекут, а восточные моря, устремляясь на север, погребут очаги нынешней цивилизации под океанскими просторами, как, возможно, они сейчас погребают то, что когда—то было такой же высокой цивилизацией, как наша, И за этими периодами наука видит мертвую землю, истощенное солнце - время, когда, сталкиваясь друг с другом, солнечная система превратится в газообразную форму, чтобы снова начать неизмеримые мутации.

В чем же тогда смысл жизни — жизни, абсолютно и неизбежно ограниченной смертью? Мне это кажется понятным только как путь и вестибюль к другой жизни. И его факты кажутся объяснимыми только на основе теории, которая может быть выражена только в мифах и символах, и которую везде и во все времена в той или иной форме выражают мифы и символы, в которых люди пытались изобразить свои глубочайшие восприятия.

Священные Писания людей, которые были и ушли — Библии, Зенд—авесты, Веды, Дхаммапады и Кораны; эзотерические доктрины древних философий, внутренний смысл гротескных религий, догматические конституции Вселенских соборов, проповеди Фоксов, Уэсли и Савонаролы, традиции краснокожих индейцев и верования черных дикарей, имеют сердце и сердцевину, в которой они согласны - нечто, что кажется различными искаженными представлениями. о первичной истине. И из цепочки мыслей, за которыми мы следили, кажется, смутно проступает проблеск того, что они смутно видели, — призрачный отблеск конечных отношений, попытка выразить которые неизбежно сводится к типу и аллегории. Сад, в котором растут деревья добра и зла. Виноградник, в котором предстоит выполнять работу Мастера. Переход — из прошлой жизни в жизнь запредельную. Испытание и борьба, конца которым мы не видим.

Оглянитесь вокруг сегодня.

Lo! здесь, сейчас, в нашем цивилизованном обществе, старые аллегории все еще имеют значение, старые мифы все еще верны. В долину Смертной Тени, но все же часто ведет путь долга, по улицам Ярмарки Тщеславия идут христиане и Верующие, и по доспехам Великого Сердца звенят удары. Ормузд все еще сражается с Ариманом - Князем Света с Силами Тьмы. Того, кто услышит, к нему вызывают боевые кличи.

Как они призывают, и призывают, и призывают, пока не наполнится сердце, которое их слышит! Сильные душой и высокими устремлениями, они сейчас нужны миру. Красота по-прежнему заключена в тюрьму, и железные колеса колесуют по добру, правде и прекрасному, которые могут проистекать из человеческих жизней.

И те, кто сражается с Ормуздом, хотя они могут и не знать друг друга — где-нибудь, когда-нибудь, будет объявлен сбор.

Хотя Истина и Правильное часто кажутся превзойденными, мы можем не видеть всего этого. Как мы можем видеть все это? Все, что проходит, даже здесь, мы не можем сказать. Вибрации материи, дающие ощущения света и цвета, становятся для нас неразличимыми, когда они проходят определенную точку. Только в подобном диапазоне мы можем различать звуки. Даже у животных есть органы чувств, которых нет у нас. А здесь? По сравнению с солнечной системой наша земля - всего лишь неразличимое пятнышко; а сама солнечная система превращается в ничто, если сравнивать ее со звездными глубинами. Должны ли мы сказать, что то, что исчезает из *нашего* поля зрения, уходит в небытие? Нет; не в забвение. Далеко, далеко за пределами нашего понимания вечные законы должны сохранять свою власть.

Растущая надежда - это сердце всех религий! Поэты воспели это, провидцы рассказали об этом, и в его глубочайших импульсах сердце человека трепещет, отзываясь на его истину. Вот что, по словам Плутарха, во все времена и на всех языках говорилось чистосердечными и дальноркими людьми, которые, стоя как бы на горных вершинах мысли и глядя поверх покрытого тенями океана, видели очертания суши:

“Души людей, заключенные здесь в тела и страсти, не имеют никакого общения с Богом, кроме того, чего они могут достичь только в понятии, посредством философии, как некоего неясного сна. Но когда они освобождаются от тела и удаляются в невидимую, незримую, непроходимую и чистую область, этот Бог становится тогда их лидером и царем; они там как бы всецело полагаются на него и без усталости созерцают и страстно восхищаются той красотой, которая не может быть выражена или произнесена людьми.”

СНОСКИ:

1 Верно, что беднейшие могут сейчас определенным образом наслаждаться тем, чего не могли получить самые богатые столетие назад, но это не свидетельствует об улучшении положения до тех пор, пока не увеличивается способность получать предметы первой необходимости. Нищий в большом городе может наслаждаться многими вещами, которых лишен фермер из захолустья, но это не доказывает, что положение городского нищего лучше, чем у независимого фермера.

2 Мне кажется, это справедливо в отношении возражений м-ра Торнтона, поскольку, хотя он отрицает существование заранее установленного фонда заработной платы, состоящего из части капитала, выделяемой для покупки рабочей силы, он все же придерживается мнения (что существенно), что заработная плата извлекается из капитала, и что увеличение или уменьшение капитала является увеличением или уменьшением фонда, доступного для выплаты заработной платы. Самая решительная атака на доктрину фонда заработной платы, о которой я знаю, — это атака профессора Фрэнсиса А. Уокера ("Вопрос о заработной плате", Нью-Йорк, 1876), однако он признает, что заработная плата в значительной степени авансируется из капитала - что, насколько это возможно, является всем, на что может претендовать самый

стойкий сторонник теории фонда заработной платы, - в то время как он полностью принимает мальтузианскую теорию. Таким образом, его практические выводы ни в коей мере не отличаются от тех, к которым приходят сторонники современной теории.

3 Некоторые недавно изложенные ведущие принципы политической экономии, глава 1, часть 2.

4 Периоды коммерческой паники отмечены высокими ставками дисконтирования, но это, очевидно, не так называемая высокая процентная ставка, а высокий уровень страхования от риска.

5 Например, Маккалох (Примечание VI к "Богатству наций") говорит: "Та часть капитала или богатства страны, которую работодатели рабочей силы намереваются или готовы выплатить при покупке рабочей силы, может быть намного больше в одно время, чем в другое. Но какова бы ни была ее абсолютная величина, очевидно, что она является единственным источником, из которого может быть получена какая-либо часть заработной платы за труд. Не существует другого фонда, из которого рабочий как таковой мог бы получить хоть один шиллинг. И отсюда следует, что средний уровень заработной платы, или доля национального капитала, предназначенная для использования рабочей силы, приходящаяся в среднем на каждого рабочего, должна полностью зависеть от ее величины по сравнению с числом тех, между кем она должна быть разделена". Аналогичные цитаты можно было бы привести из всех известных экономистов.

6 Мы говорим о труде, затраченном на производство, которым для простоты лучше всего ограничить исследование. Поэтому любой вопрос, который может возникнуть в уме читателя относительно заработной платы за непроизводительные услуги, лучше отложить.

7 Это было признано в разговорной речи Калифорнии, где добытчики россыпей называли свой заработок "заработной платой" и говорили о высокой или низкой заработной плате в зависимости от количества добытого золота.

8 Можно сказать, что деньги находятся в руках потребителя, когда они направлены на получение удовлетворения, поскольку, хотя сами по себе они не предназначены для потребления, они представляют собой богатство, которое таковым является; и, таким образом, то, что в предыдущем параграфе я дал в качестве общей классификации, подпадало бы под это различие и было бы по существу правильным. Говоря о деньгах в этой связи, я, конечно, имею в виду монету, поскольку, хотя бумажные деньги могут выполнять все функции монеты, они не являются богатством и, следовательно, не могут быть капиталом.

9 Промышленность ограничена капиталом.... Не может быть промышленности больше, чем обеспечено материалами для обработки и пищей для употребления. Каким бы самоочевидным это ни было, часто забывают, что население страны содержится и удовлетворяет свои потребности не за счет продуктов нынешнего труда, а за счет прошлого. Они потребляют то, что было произведено, а не то, что вот-вот будет произведено. Теперь из того, что было произведено, только часть выделяется на поддержку производительного труда, и этого труда не будет и не может быть больше, чем выделенная таким образом часть (которая является капиталом страны) может прокормить и обеспечить материалами и орудиями производства. *Джон Стюарт Милль, "Принципы политической экономии", книга I, глава V, раздел I.*

10 Я говорю о труде, производящем капитал, для большей ясности. То, что всегда добывается трудом, - это либо богатство, которое может быть капиталом, а может и не быть им, либо услуги, причем случаи, когда ничего не получается, являются просто исключительными случаями несчастного случая. Там, где целью труда является просто удовлетворение потребностей работодателя, например, там, где я нанимаю человека чистить мне ботинки, я выплачиваю заработную плату не из капитала, а из богатства, которое я потратил не на репродуктивное использование, а на потребление для собственного удовлетворения. Даже если выплачиваемую таким образом заработную плату рассматривать как получаемую из капитала, то благодаря этому действию она переходит из категории капитала в категорию богатства, предназначенного для удовлетворения владельца, как это происходит, когда торговец сигарами берет дюжину сигар из имеющихся у него на продажу запасов и кладет их в карман для собственного использования.

11 Политическая экономия для начинающих, автор Миллисент Гаррет Фосетт, глава I. III, стр. 25.

12 Приведенные слова принадлежат Рикардо (глава II); но идея распространена в стандартных работах.

13 Новая Зеландия и ее жители. преподобный Ричард тейлор. Лондон, 1855. Глава XXI.

14 Принципы политической экономии, книга II, глава II. IX., раздел VI. — И все же, несмотря на то, что говорит Милль, ясно, что сам Мальтус придает большое значение своим геометрическим и арифметическим соотношениям, и также вероятно, что именно этим соотношениям Мальтус в значительной степени обязан своей славой, поскольку они дали одну из тех высокопарных формул, которые для многих людей имеют гораздо больший вес, чем самые ясные рассуждения.

15 Влияние мальтузианской доктрины на определения капитала, я думаю, можно увидеть, сравнив (см. стр. 32, 33, 34) определение Смита, написанное до Мальтуса, с определениями Рикардо, Мак-Каллоха и Милля, написанными впоследствии.

16 Выступление перед Советом по сельскому хозяйству штата Массачусетс, 1872 год. Отчет Министерства сельского хозяйства США, 1873 год.

17 Происхождение видов, глава. III.

18 Примечание IV. за богатство наций.

19 Другие работы Мальтуса, хотя и были написаны после того, как он стал знаменитым, не произвели никакого впечатления, и к ним относятся с презрением даже те, кто считает это Эссе великим открытием. Британская энциклопедия, например, хотя и полностью принимает мальтузианскую теорию, говорит о Политической экономии Мальтуса: “Она очень плохо организована и ни в каком отношении не является ни практическим, ни научным изложением предмета. Она в значительной степени занята рассмотрением отдельных частей своеобразных доктрин м-ра Рикардо и исследованием природы и причин ценности. Однако ничто не может быть более неудовлетворительным, чем эти дискуссии. По правде говоря, у мистера Мальтуса никогда не было сколько-нибудь ясного представления о теориях мистера Рикардо или о принципах, которые определяют ценность обмена различных предметов”.

20 Я говорю "значительная страна", потому что там могут быть небольшие острова, такие как остров Питкэрн, отрезанные от связи с остальным миром и, следовательно, от обменов, необходимых для применения улучшенных способов производства по мере увеличения плотности населения, что, по-видимому, может служить наглядным примером. Однако минутное размышление покажет, что эти исключительные случаи неуместны.

21 Как видно из карты в книге Х. Х. Бэнкрофта "Коренные народы", штат Вера-Крус не относится к тем частям Мексики, которые примечательны своими древностями. И все же Хьюго Финк из Кордовы в письме в Смитсоновский институт (Отчеты за 1870 г.) говорит, что во всем штате едва ли найдется хоть шаг, где при раскопках не был бы найден сломанный обсидиановый нож или осколок керамики; что вся страна пересечена параллельными рядами камней, предназначенных для предотвращения размыва земли в сезон дождей, что показывает, что даже самые бедные земли были реквизированы, и что невозможно удержаться от вывода, что древнее население было по крайней мере таким же плотным, как в настоящее время в самых густонаселенных районах Европы.

22 Я беру эти цифры из отчета Смитсоновского института за 1873 год, исключая десятичные дроби. М. Бем и Вагнер оценивают население Китая в 446 500 000 человек, хотя есть некоторые, кто утверждает, что оно не превышает 150 000 000 человек. Они подсчитали, что население Ближней Индии составляет 206 225 580 человек, что дает 132,39 на квадратную милю; Цейлона - 2 405 287 человек, или 97,36 на квадратную милю; Дальней Индии - 21 018 062 человека, или 27,94 на квадратную милю. Они оценивают население мира в 1 377 000 000 человек, что в среднем составляет 26,64 человека на квадратную милю.

23 История цивилизации. Том I., глава I. 2. В этой главе Бакл собрал множество свидетельств угнетения и деградации народа Индии с самых отдаленных времен, состояние, которое, ослепленный мальтузианской доктриной, он принял и сделал краеугольным камнем своей теории развития цивилизации, приписывая легкости, с которой там можно производить пищу.

24 Индийские развлечения. Преподобный У. М. Теннант. Лондон, 1804. Том I., раздел XXXIX.

25 Мисс Найтингейл ("Народ Индии", в "Девятнадцатом веке" за август 1878 г.) приводит примеры, которые, по ее словам, представляют миллионы случаев, о том, до какого состояния были доведены земледельцы Южной Индии благодаря льготам, предоставленным гражданскими судами мошенничествам и притеснениям ростовщиков и мелких местных чиновников. "Наши гражданские суды считаются учреждениями, позволяющими богатым набивать морду бедным, и многие стремятся укрыться от их юрисдикции на родной территории", - говорит сэр Дэвид Уэддерберн в статье о покровительствуемых принцах в Индии, опубликованной в предыдущем (июльском) номере того же журнала, в котором он также приводит родной штат, где налогообложение сравнительно невелико, в качестве примера наиболее процветающего населения Индии.

26 См. Статьи в "Девятнадцатом веке" за октябрь 1878 г. и март 1879 г.

27 Проф. Фосетт в недавней статье о предлагаемых займах Индии обращает внимание на такие пункты, как 1200 фунтов стерлингов на экипировку и прохождение службы члена Совета генерал-губернатора; 2450 фунтов стерлингов на экипировку и прохождение службы епископов Калькутты и Бомбея.

28 Флоренс Найтингейл утверждает, что 100%. это обычное дело, и даже тогда земледельца грабят способами, которые она иллюстрирует. Вряд ли нужно говорить, что эти ставки, как и ставки ростовщика, не являются процентами в экономическом смысле этого термина.

29 очагом недавнего массового голода в Китае были не самые густонаселенные районы.

30 "Принципы политической экономии", книга I., глава XIII, раздел 2.

31 До 1860 года этот показатель составлял 35%. каждое десятилетие.

32 Говоря о ценности земли, я использую и буду использовать эти слова для обозначения ценности голой земли. Когда я захочу поговорить о ценности земли и улучшений, я буду использовать эти слова.

33 Я не хочу сказать, что общепризнанный закон об арендной плате никогда не оспаривался. Во всей чепухе, которую в нынешнем разрозненном состоянии науки печатают как политическую экономию, было бы трудно найти что-либо, что не оспаривалось бы. Но я хочу сказать, что это одобрено всеми авторами-экономистами, которых действительно следует считать авторитетом. Как говорит Джон Стюарт Милль (книга II, глава XVI), "мало найдется людей, которые отказались бы согласиться с этим, за исключением тех, кто не до конца понял это. Расплывчатый и неточный способ, которым это часто воспринимается теми, кто претендует на то, чтобы опровергнуть это, очень примечателен". Наблюдение, получившее множество более поздних подтверждений.

34 Согласно Маккалоху, закон арендной платы был впервые сформулирован в брошюре доктора Джеймса Андерсона из Эдинбурга в 1777 году и одновременно в начале этого столетия сэром Эдвардом Уэстом, мистером Мальтусом и мистером Рикардо.

35 Бакл (глава II, "История цивилизации") признает необходимую связь между рентой, процентом и заработной платой, но, очевидно, никогда ее не разрабатывал.

36 На самом деле это сказано о прибыли, но с очевидным значением отдачи на капитал.

37 Это выравнивание будет осуществляться с помощью уравниения цен.

38 Это последнее, аналогичное элементу риска в прибыли, объясняет высокую заработную плату успешных юристов, врачей, подрядчиков, актеров и т.д.

39 По этому поводу, возможно, стоит сказать: (1) Общий факт, о котором свидетельствует прогресс сельского хозяйства в новых штатах Союза и характер земель, оставшихся без обработки в старых, заключается в том, что процесс обработки *идет* от улучшения к ухудшению качества земли. (2) Что, независимо от того, идет ли процесс производства от абсолютно лучших земель к абсолютно худшим или наоборот (и многое указывает на то, что лучшее или худшее в этой связи просто относится к нашим знаниям, и что будущие достижения могут обнаружить компенсирующие качества в частях земли, которые в настоящее время считаются наиболее бесплодными), всегда, и исходя из природы человеческого разума, *должно* всегда иметь тенденцию к переходу от земли, которая в существующих условиях считается лучшей, к земле, которая в существующих условиях считается худшей. (3) Закон ренты Рикардо зависит не от направления расширения возделывания, а от утверждения, что если земля определенного качества дает что-то, то земля лучшего качества дает больше.

40 Вопрос о субсидиях и Демократическая партия, 1871 год.

41 Удивительно, как в новой стране больших ожиданий будут поддерживаться спекулятивные цены на землю. Часто можно услышать выражение “Рынка недвижимости нет; вы не можете продать ее ни за какую цену”, и все же, в то же время, если вы идете покупать ее, если только вы не найдете кого-то, кто абсолютно вынужден продать, вы должны заплатить цены, которые преобладали, когда спекуляция была высокой. Владельцы, верящие, что стоимость земли в конечном счете должна расти, держатся так долго, как только могут.

42 Это было написано год назад. Сейчас (июль 1879 г.) очевидно, что начался новый период активности, как и предсказывалось выше, и в Нью-Йорке и Чикаго цены на недвижимость уже начали восстанавливаться.

43 Системы землевладения, опубликованные Кобденским клубом.

44 Не говоря уже о чрезмерном отсутствии совести, которая часто является определяющим качеством, делающим миллионером того, кто в противном случае мог бы быть бедняком.

45 Франклин в своей неподражаемой манере рассказывает, как Кеймер в конце концов нарушил свое решение и, заказав жареного поросенка, пригласил двух друзей поужинать с ним, но поскольку свинью принесли до того, как прибыла компания, Кеймер не смог устоять перед искушением и съел все сам.

46 Говоря, что частная собственность на землю может, в конечном счете, быть оправдана только теорией о том, что некоторые люди имеют большее право на существование, чем другие, я утверждаю только то, что поняли сами защитники существующей системы. Что принесло Мальтусу его популярность среди правящих классов, что заставило его нелогичную книгу быть принятой как новое откровение, побудило монархов присылать ему награды, а самого скупого богача Англии предложить обеспечить ему средства к существованию, так это тот факт, что он привел правдоподобную причину для предположения, что у одних больше прав на существование, чем у других, — предположение, которое необходимо для оправдания частной собственности на землю, и которое Мальтус ясно заявляет в декларации, что тенденция народонаселения состоит в постоянном появлении на свет людей, которых природа отказывается обеспечивать, и которые, следовательно, “не имеют ни малейшего права на какую—либо долю в имеющемся запасе предметов первой необходимости;” которым она велит убраться прочь как незванным гостям “и, не колеблясь, силой добивается подчинения своим приказам”, используя для этой цели “голод и мор, войны и преступления, смертность и пренебрежение к детской жизни, проституцию и сифилис”. И сегодня эта мальтузианская доктрина является последней защитой, к которой прибегают те, кто оправдывает частную собственность на землю. Никаким другим способом ее логически защитить невозможно.

47 Это естественное и неотъемлемое право на равное использование земли настолько очевидно, что оно было признано людьми везде, где сила или привычка не притупили первое восприятие. Приведу лишь один пример: белые поселенцы Новой Зеландии оказались неспособными получить от маори то, что последние считали полным правом собственности на землю, потому что, хотя целое племя могло согласиться на продажу, они все равно требовали бы с каждого нового ребенка, родившегося у них, дополнительную плату на том основании, что они расстались только со своими собственными правами и не могли продать права

нерожденного. Правительство было вынуждено вмешаться и решить этот вопрос, купив землю за племенную ренту, в рамках которой каждый рожденный ребенок получает долю.

48 Один из агитаторов против рабства (полковник Дж. А. Коллинз) во время визита в Англию выступил перед большой аудиторией в шотландском промышленном городке и закончил так, как он привык в Соединенных Штатах, выдав рацион, который в кодексах о рабах некоторых штатов устанавливает минимум содержания для раба. Он быстро обнаружил, что для многих его слушателей это было антиклимаксом.

49 Принципы политической экономии, книга I, глава 3, раздел 6.

50 Социальная статика, стр. 142. [Возможно, будет уместно сказать в новом переиздании этой книги (1897 г.), что эта и все другие ссылки на “Социальную статистику” Герберта Спенсера взяты из издания этой книги, опубликованного издательством D. Appleton & Co., Нью-Йорк, с его согласия, с 1864 по 1892 год. В то время “Социальная статика” была отвергнута, и ее место заняло новое издание под названием “Социальная статика, сокращенная и пересмотренная”. Из этого следует, что все, что “Первая социальная статика” говорила об отрицании собственности на землю, было исключено, и это, конечно, не содержит ничего, о чем здесь говорится. Постоянные упреки английских сторонников единого налога, которые настаивали на том, чтобы задавать ему вопросы, предложенные в “Первой социальной статике”, побудили мистера Спенсера выпустить небольшую книгу, озаглавленную “Мистер Спенсер. Герберт Спенсер о земельном вопросе”, в котором параллельными столбцами перепечатана глава IX “Социальной статистики” с тем, что он считает правильными ответами самому себе, данными в “Справедливости”, 1891. Это также было перепечатано издательством D. Appleton & Co. и представляет собой, я думаю, самый забавный ответ самому себе, когда-либо сделанный человеком, называвшим себя философом.]

51 Влияние юристов было очень заметно в Европе, как на континенте, так и в Великобритании, в уничтожении всех остатков древнего землевладения и замене идеи римского права исключительной собственностью.

52 *Latifundia perdidere Italiam.*—Плиний.

53 Эндрю Биссет в книге “Сила наций”, Лондон, 1859 г., наводящей на размышления работе, в которой он обращает внимание английского народа на эту меру, с помощью которой землевладельцы уклонялись от уплаты своей арендной платы нации, оспаривает утверждение Блэкстоуна о том, что рыцарская служба длилась всего 40 дней, и говорит, что это было по необходимости.

54 Фиксированная арендная плата по договору аренды с Alaska Fur Company составляет 55 000 долларов в год с оплатой 2,62-1/2 доллара за каждую шкурку, что на 100 000 шкурок, добыча которых ограничена, составляет 262 500 долларов — общая арендная плата в размере 317 500 долларов.

55 Следуя привычке смешивать исключительное право, предоставляемое патентом, и право, предоставляемое авторским правом, как признание права труда на его нематериальную продукцию, я допустил ошибку, которую впоследствии признал и исправил в *стандарте* от 23 июня 1888 г. Эти две вещи не похожи друг на друга, но существенно различаются. Авторское право - это не право на исключительное использование факта, идеи или комбинации, которыми

по естественному закону собственности все могут свободно пользоваться; но только на труд, затраченный на саму вещь. Это не мешает никому использовать для себя факты, знания, законы или комбинации для аналогичного производства, но только использовать идентичную форму конкретной книги или другого производства — фактический труд, который, короче говоря, был затрачен на его производство. Следовательно, оно основывается на естественном моральном праве каждого человека наслаждаться результатами своих собственных усилий и не предполагает вмешательства в аналогичное право любого другого человека поступать аналогичным образом.

Патент, с другой стороны, запрещает кому-либо заниматься подобными вещами и предполагает, обычно на определенный срок, вмешательство в равную свободу, на которой зиждется право собственности. Таким образом, авторское право соответствует моральному закону — оно дает человеку, затратившему нематериальный труд, необходимый для написания определенной книги или создания картины, гарантию от копирования этой идентичной вещи. Патент противоречит этому естественному праву. Он запрещает другим делать то, что уже было предпринято. Каждый имеет моральное право думать то, что думаю я, или воспринимать то, что воспринимаю я, или делать то, что я делаю, — независимо от того, получает ли он намек от меня или независимо от меня. Открытие не может давать права собственности, ибо все, что было обнаружено, должно было уже быть здесь, чтобы быть обнаруженным. Если человек делает тачку, или книгу, или картину, он имеет моральное право на эту конкретную тачку, или книгу, или картину, но не имеет права требовать, чтобы другим мешали делать подобные вещи. Такой запрет, хотя и дан с целью стимулирования открытий и изобретений, на самом деле в долгосрочной перспективе действует как сдерживающий фактор для них.

56 Помимо огромного увеличения производительной силы труда, которое произошло бы в результате лучшего распределения населения, была бы также аналогичная экономия производительной силы земли. Концентрация населения в городах, подпитываемая изнурительной обработкой больших, малонаселенных территорий, приводит к буквальному сливу в море элементов плодородия. Насколько огромны эти отходы, можно увидеть из расчетов, которые были сделаны относительно сточных вод наших городов, и их практический результат можно увидеть в снижении продуктивности сельского хозяйства на больших территориях. На большей части территории Соединенных Штатов мы неуклонно истощаем наши земли.

57 В полунаучной или популяризированной форме это, возможно, лучше всего, поскольку наиболее откровенно, выражено в “Мученичестве человека” Уинвуда Рида, писателя исключительной яркости и силы. Эта книга на самом деле является историей прогресса или, скорее, монографией о его причинах и методах, и ее прочтение будет вознаграждено за яркие картины, что бы ни думали о способности автора к философским обобщениям. Связь между темой и названием можно увидеть из заключения: “Я даю всеобщей истории странное, но верное название — *Мученичество человека*. В каждом поколении человечество подвергалось пыткам, чтобы их дети могли извлечь выгоду из их бед. Наше собственное процветание основано на страданиях прошлого. Неужели поэтому несправедливо, что мы также должны страдать ради блага тех, кто должен прийти?”

58 “Изучение социологии” — Заключение.

59 Уинвуд Рид, “Мученичество человека”.

60 Определение эволюции Гербертом Спенсером, “Первые принципы”, стр. 396.

61 Вордсворт в своей “Песне на празднике в замке Брозм” в весьма поэтической форме намекнул на это влияние:

Доспехи ржавеют в его чертогах

На крови Клиффорда призывы:

“Усмирите шотландца!” - восклицает копье.

“Перенеси меня в сердце Франции”,

- Это стремление к щиту.

62 В том, как легко невежество переходит в презрение и неприязнь; насколько естественно для нас рассматривать любое различие в манерах, обычаях, религии и т.д. Как доказательство неполноценности тех, кто отличается от нас, может убедиться любой, кто в какой-либо степени освободился от предрассудков и кто общается с разными классами, в цивилизованном обществе. В религии, например, дух гимна —

“Я бы предпочел быть баптистом и носить сияющее лицо,

Лучше быть методистом и всегда впадать в немилость”,

наблюдается во всех деноминациях. Как сказал английский епископ, “Православие - моя распутница, а неортодоксальность - любая другая распутница”, в то время как универсальная тенденция состоит в том, чтобы классифицировать всех, кто не относится к ортодоксии и неортодоксальности преобладающей религии, как язычников или атеистов. Аналогичная тенденция наблюдается и в отношении всех других различий.

63 Жители сандвичевых островов оказали честь своим добрым вождям, съев их тела. Своих плохих и деспотичных вождей они не тронули. У новозеландцев было представление, что, поедая своих врагов, они приобретали силу и доблесть. И это, по-видимому, общее происхождение употребления в пищу военнопленных.

64 См. Письмо Маколея Рэндаллу, биографу Джефферсона.

65 Мне также кажется поучительным отметить, насколько неадекватным и совершенно вводящим в заблуждение было бы представление о нашей цивилизации, которое можно было бы почерпнуть из религиозных и погребальных памятников нашего времени, а это все, что у нас есть, чтобы почерпнуть наши представления о погребенных цивилизациях.

66 Статистические данные, свидетельствующие об этих вещах, собраны в удобной форме в книге Сэмюэля Ройса, озаглавленной “Деградация и расовое воспитание”, которая широко распространялась достопочтенным Питером Купером из Нью-Йорка. Как ни странно, единственное средство, предложенное мистером Ройсом, - это создание детских садов.

67 С точки зрения конструктивной государственной мудрости — признания фундаментальных принципов и приведения средств в соответствие с целями, Конституция Соединенных Штатов, принятая столетие назад, значительно превосходит новейшие конституции штатов, самой последней из которых является конституция Калифорнии — произведение абсолютной халтуры.

68 Давайте не будем вводить в заблуждение наших детей. Хотя бы по той причине, которую приводит Платон, что когда они придут к тому, чтобы отбросить то, что мы сказали им, как благочестивую басню, они также отбросят то, что мы сказали им, как истину. Добродетели, относящиеся к самому себе, как правило, приносят свою награду. Торговец или вор добьются большего успеха, если будут трезвы, благоразумны и верны своим обещаниям; но что касается добродетелей, которые не связаны с личностью...

- Похоже, это история из мира духов,

Когда кто-либо получает то, чего он заслуживает,

Или какие-либо достоинства того, что он получает”.

Примечания переписчика

Очевидные опечатки были исправлены автоматически. Варианты расстановки переносов стандартизированы, но вся остальная орфография и пунктуация остаются неизменными.